

СМЕНА

сентябрь
2002

■ Эдмон Бали
Игра вслепую

■ Любовь Русева
Смертельная схватка

Признание и доверие сделали масло ЛУКОЙЛ
народной маркой

ЛУКОЙЛ Стандарт ЛУКОЙЛ Супер ЛУКОЙЛ Плюс ЛУКОЙЛ Синтетик ЛУКОЙЛ Авангард

По вопросам приобретения фасованных масел "ЛУКОЙЛ" обращаться
по многоканальному телефону: (095) 973-7063 www.lukoil-masla.ru

ЛУКОЙЛ
ВСЕГДА В ДВИЖЕНИИ

Литературно-
Художественный
Иллюстрированный
Журнал

Основан
в январе
1924 года.

Главный редактор

Михаил Кизилов

Редколлегия:

зам.главного редактора

Борис Данишевский

Николай Левинев

зам.главного редактора

Сергей Попов

главный художник

Виталий Федоров

редактор отдела

литературы и искусства

Шамара Чинина

9 **2002**
сентябрь (1655)

Сдано в набор 22.07.2002.
Подписано к печати 16.08.2002.
Печать офсетная.
Заказ № 2388
Тираж 50 000 экз.
Цена свободная

Адрес редакции:

Бумажный проезд, 14,
Москва, А-15, ГСП-4, 127994.

212-15-07 — для справок.

257-31-37 — отдел реализации.

Факс (095) 250-59-28.

E-mail: smena@garnet.ru

www.smena-id.ru

Проект разработан и поддерживается

студией веб-дизайна "Крон"

www.cron.ru (<http://studio.cron.ru>)

Журнал зарегистрирован

в Комитете Российской

Федерации по печати.

Per.№ 014832

Учредитель —

**ООО "Издательский дом
журнала "Смена".**

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.

Набор, верстка и цветоделение
ЗАО "НИИ НИТ"

Отпечатано в типографии

ООО ОИД "Медиа-Пресса"

по адресу: ул. Правды, 24,

Москва, А-40, ГСП-3, 129993.

**Журнал выходит
12 раз в год.**

© "Смена", 2002.

36 *Евгений Шнуркин*
**ОСТРОВ ЛЮБВИ
 И СВОБОДЫ**
 Рассказ

4 *Борис Данюшевский*
**МИНИСТЕРСТВУ
 ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
 РОССИИ — 200 ЛЕТ**

126 *Эдмон Бали*
ИГРА ВСЛЕПУЮ
 Остросюжетный роман

20 *Леонид Шаров*
СОЛДАТ И СУДЬЯ

52 *Николай Черкашин*
**КОСМОС
 ЦЕННЫХ БУМАГ**

105 *Игорь Гаматов*
НОЧНЫЕ ПРИЗРАКИ

114 *Галина Брынцева*
**ВОЛОНТЕРЫ
 НАДЕЖДЫ**

257 *Галина Калинина*
ВСЕ ДЕЛО В ГЕНАХ?

сентябрь 2002

В НОМЕРЕ:

стр. 82 ▲

стр. 60 ▼

30 *Леонид Мозлюков:*
**"В ТЕАТРЕ
 ЗАКУЛИСЬЕ
 СЪЕДАЕТ
 ТВОРЧЕСТВО"**

60 *Ирина Олимпиа*
МАРК ШАГАЛ

82 *Лолита:*
**"ОБВОРОЖИ-
 Тельная
 И СЕКСУАЛЬНАЯ —
 ЭТО Я!"**

88 *Любовь Русева*
**СМЕРТЕЛЬНАЯ
 СХВАТКА**

244 *Иван Зюзюкин*
**С МЕЧТОЙ
 О ЛУЧЕЗАРНОМ
 ГОРОДЕ**

264 *Маргарита Белая*
**ЧИСТЫЙ ЗВУК
 ЗАБЫТЫХ СТРУН**

58 *Анатолий
 Шепляшин*

104 *Светлана
 Потемкина*

*Александр
 Джштейн*

ОКО ВСЕЛЕННОЙ

В третьей книге трилогии "Люди Полной Луны" вновь возникает тема подготовки к полету на Юпитер. Этим заняты ученые и России, и США. Кто будет первым, и так ли важен приоритет одной из стран в изучении таинственной планеты? В процессе работы ход событий нарушается вмешательством неизвестного хакера, что приводит в ужас все задействованные в космической программе службы мира...

Шолмидж Пауэлл **ЦВЕТЫ НА МОГИЛЕ**

...После тревожного звонка Стивен Гриффин мчится домой, но застаёт его опустевшим — Морин Гриффин исчезла. Он вынужден обратиться за помощью в полицию, которая начинает поиски пропавшей... С этой интриги и завязывается сюжет детективной повести современного английского писателя.

На 1-ой обложке:
 фотозюд EAST NEWS.

МИНИСТЕРСТВУ ДЕЛ 200 лет

Государственный человек

Этот сентябрь любопытен славным юбилеем — органам внутренних дел России исполнилось ровно 200 лет. Чего только не было в истории нашего МВД за эти годы. Министров не перечесать. Реформ и прочих пертурбаций не упомнить. Одно оставалось неизменным — министерство критиковали и при царях, и при советской власти, и в перестройку. О нынешнем времени и говорить нечего. Ну, а ведомство держалось и держится. И ухитряется работать. Потому как всегда находились в нем люди, способные взвалить на себя и ответственность, и все то, что принято называть борьбой с преступностью. Не слишком заметные профессионалы, прошедшие систему с самой, как принято говорить в милиции, “земли” до верхних министерских эшелонов, на всех своих постах, на всех должностях тянущие воз, не дающие ему скатиться на обочину.

К числу этих людей вне всякого сомнения относится и **генерал-лейтенант милиции Сергей ЩАДРИН**. Недавно

ВНУТРЕННИХ РОССИИ –

он возглавил Главное управление МВД России по Центральному федеральному округу — совершенно новую структуру в системе внутренних органов. В канун 200-летнего юбилея российского МВД Сергей Щадрин дал интервью **первому заместителю главного редактора журнала Борису ДАНЮШЕВСКОМУ**.

— Сергей Федорович, раньше в этом здании на Шаболовке, где мы с вами беседуем, располагалось Управление по борьбе с организованной преступностью. В прошлом году его, так сказать, “задвинули” внутрь МВД. Но москвичи, которым нет дела до милицетских перetasовок, по-прежнему ассоциируют Шаболовку с РУБОПом. С другой стороны, я вас заочно знал как главного милиционера Ростовской области. И вот вы в Москве...

— Потому что в прошлом году Указом президента России о реформировании органов МВД были созданы управления милиции по федеральным округам. И меня назначили начальником управления по Центральному федеральному округу. Это восемнадцать субъектов федерации... Так что сдал я в Ростове дела, собрал вещи в охапку и приехал в столицу. Но уж коли речь в президентском Указе идет о самостоятельном подразделении, то решил я, что надо самостоятельным быть во всем. Вот и попросил, чтобы дали мне возможность угнездиться чуть в стороне от главного офиса МВД. А здание изменившего свой статус РУБОПа как раз и находилось чуть в стороне — по другую сторону Калужской площади.

— И вот вы пришли... И что увидели?

— То, что и ожидал. Наполовину опустевшее здание, по коридорам которого бродили еще не переехавшие рубоповцы. Надо было определять задачи новой структуры и набирать команду. Это кажется нелогичным, даже неправильным. Но у нас в милиции ведь как... Были бы люди — задачи ждуть себя не заставят. И был период, когда я только отбивался от чиновников, которые то и дело подсовывали мне “объективки” на “своих” людей.

— Как же вы поступили?

— Просто. Никого из тех, кого прочили в коллеги, не взял. Предложил перейти ко мне только тем людям, которых знал по работе давно. Да не так уж трудно было это сделать. Милицкий мир узок. Все варимся в одном котле. Ну, а мои заместители уже сами формировали свои подразделения. Им виднее, сподручнее набирать тех людей, с которыми им же и работать. Так появилось у нас три основных подразделения, которые и работают теперь по записанным в Указе президента направлениям. Это координация и аналитика, взаимодействие с органами власти и борьба с организованной преступностью, носящей межрегиональный характер. Последнее важно тем, что мы снимаем проблемы, которые неизбежно возникают при распутивании преступлений, совершенных на территории разных областей — все эти

нестыковки, пробуксовывания, неразбериха, отсутствие полноценной информации. Этим занимается самое крупное наше подразделение — оперативно-розыскное бюро. Но было бы ошибкой думать, что мы тянем одеяло на себя и подменяем региональные органы внутренних дел. Мы, и это следует подчеркнуть, координируем их работу. У нас нет, например, уголовного розыска, отдела по борьбе с распространением наркотиков... Да и следствие мы не ведем.

— *А как вы нашли состояние криминальной и криминогенной обстановки в Центральном округе России?*

— Если исключить Москву и Московскую область, то по сравнению с Ростовской губернией здесь тишь да благодать. Что неудивительно. Юг России — пороховая бочка. И чуть ли не каждый день в нее вставляют зажженный фитиль. И дело не только в близости Чечни. На территории Ростовской области, например, в Орловском районе компактно проживают 7 тысяч турок-месхитинцев, в Дубовском районе — 12 тысяч тех же чеченцев, только в одном Ростове — 89 тысяч армян...

Москва же — особый разговор. Здесь половина всех преступлений совершается приезжими. Прочие регионы и до 20 процентов иногородней преступности не дотягивают. А главным криминогенным фактором Центрального федерального округа я считаю нищету. Она-то и порождает большинство преступлений. Юг живет по-другому. Куда богаче. В том числе и милиция. Такого плачевного состояния, в котором обретаются, скажем, райотделы липецкой или ивановской милиции, на юге не увидишь даже в самых глухих местах. Как вы думаете, сколько получает рядовой милиционер в нашем округе?

— *Слышал, что три тысячи рублей.*

— Какое там! Это офицерская зарплата. Рядовой получает 1600 рублей. Правда, в Москве Лужков малость доплачивает, получается на круг две с половиной тысячи. Прожить на такие деньги невозможно. Ни в Москве, ни в провинции. Потому в российской глубинке народ из милиции уходит. И уходит с ключевых позиций, тех, на которых все, собственно говоря, и держится. Это участковые, это патрульно-постовая служба, это дознаватели. А в столице другая проблема: народ в милицию не идет. Беда не только в зарплате. Даже если завтра повысить ее в десять раз, лучше милиционер служить не будет. Техники нет, условий нет, ресурсного обеспечения нет. Я имею в виду элементарные условия — нормальное помещение, в котором бы не протекала крыша, не гнили полы, не продувало сквозь стены, я имею в виду сухой, теплый кабинет, добротный стол, стул не на трех ножках. Чтобы у оперативника имелись все нужные для работы процессуальные бланки.

— *Тут уж никуда не деться от вопроса: а может ли такая нищая милиция бороться с преступностью?*

— Эффективно — нет.

Есть в милицейской среде такая застольная шутка... Сидит компания, выпивают, закусывают, ведут разговоры. И вдруг ни с того ни с сего наступает внезапная тишина. Все озадаченно смотрят друг на друга. И в этот момент кто-то говорит: "Ну вот, еще один милиционер где-то родился". Именно в эту неожиданную, безмолвную паузу. Шутка — она шутка и есть. Но пути, которыми люди приходят в милицию, и впрямь порой неисповедимы.

Уж кто-кто, а он, Сергей Щадрин, никак не должен был стать милиционером... Тогда, в 1975 году, он только что закончил Ивановский госуниверситет. И ладно бы юридический факультет. Нет! Он получил диплом математика, специалиста в области информатики и программирования. В те годы это была одна из самых дефицитных профессий. Заводы с огромным скрипом переходили на автоматизированные системы управления. Программисты им нужны были позарез. Рвали их с руками и ногами. Не скупились на квартиры, должности и зарплаты. Так что перед Сергеем, который к этому времени уже успел отслужить срочную в армии, закончить университет, обзавестись семьей, открывались перспективы не только манящие, но и реальные.

Но имели место два обстоятельства. Объективное и субъективное. Первое состояло в том, что при изруганном впоследствии министре внутренних дел Щелокове кадровая работа в милиции велась активно и, можно сказать, наступательно. Милицейские кадровики всех уровней, но особенно районные — "земельные" — не ленились собирать информацию о подходящих парнях. Требования к ним были, с одной стороны, просты: чтобы отслужил армию, чтобы мог предъявить положительные характеристики... С другой стороны, Щелоков страстно желал повысить интеллектуальный уровень своих подчиненных. Ему нужны были не держиморды, а современные молодые люди, образованные, умеющие и любящие думать. Не случайно при Николае Анисимовиче начальником всесоюзного уголовного розыска немало лет проработал Игорь Иванович Карпец — доктор наук, профессор, наверняка лучший наш аналитик-криминалист ушедшего века. Поэтому в ту пору милицейские "менеджеры" искали людей не только от сохи...

Субъективное же обстоятельство оказалось вполне конкретным. Соседом по дому, где жила семья Щадриных, был замполит РОВД "Комсомольский" Венедикт Николаевич Брюханов. В доме все, конечно, знали друг друга. Вечерами сидели на лавочке, вели неспешные беседы "за жизнь"... Как-то зашла речь о милиции. И Брюханов сказал, что Сергею самое оно работать в органах. И не только потому, что армию прошел и потом баклуши не бил, а потому, что голова у него варит. А математическая специальность, которой Сергей в то время овладевал в университете, очень даже хороша: умение четко разложить ситуацию по полочкам и выдать потом прогноз — в сыщицком деле дорогого стоит...

Сергей задумался. Посоветовался с женой Наташей. Та не возражала... Но было что-то и еще... Словами не высказать. Речь идет о том неуловимом чувстве, даже ощущении, которое знакомо всякому настоящему сыщику, с которого этот самый сыщик и начинается. Азарт? Охотничий инстинкт? Еще не испарившееся, но уже редкое в нынешних мужчинах рыцарское побуждение победить зло? Предвкушение удовлетворения от правильно рассчитанного хода в шахматной партии? Вот когда все это смешается, тогда и получится то самое чувство, которое предопределило судьбу Сергея Щадрина. И когда оно, это самое чувство, окончательно окрепло в Сергее, Брюханов привел его к своему начальнику. Начальника звали Борисом Кондратьевичем Безручко. И времени на тары-бары он терять не стал. Решил сразу: математик, говоришь? считать, стало быть, умеешь? пойдешь инспектором в ОБХСС. Сергею присвоили звание старшины, до которого он дослужился еще в армии.

А родители были в шоке...

— *Вы только что сказали, что ваше управление призвано бороться с межрегиональной организованной преступностью... А вообще — может ли наше общество и государство победить этот вид криминала?*

— Вы задаете риторические вопросы. Организованная преступность — издержки нашей цивилизации. В рассуждениях на эту тему можно уйти в философские дебри. Не будем отнимать хлеб у криминологов. Как сугубый практик скажу, что сегодня в стране число преступлений, совершаемых организованной группой, превысило криминал, творимый, так сказать, в одиночку.

— *Позвольте, но по статистике... По крайней мере, в опубликованной статистике организованная преступность занимает более чем скромное место.*

— Ох, уж эта наша статистика. Генерал Гуров Александр Иванович, который теперь в Думе заседает, хорошо сказал: «Статистика это как купальник на женщине: все подчеркивает, но ничего не показывает». Вот, скажем, фиксируют наши статистики случаи разбоя. А это не просто разбой, а в составе группы. И группа эта прекрасно была организована. Один спланировал и добыл оружие. Другой выследил. Двое напали. Еще один, простите за выражение, на шухере стоял. А еще один прятал добычу. Что это как не организованная преступность?! Нет же... Мы пишем «разбой». У нас почему-то об организованной преступности заходит речь только тогда, когда злодеям вменяется статья о бандитизме или 210-я статья, которая, собственно, и определяет организованную преступность как — без тавтологии тут не обойтись — состав преступления. Ну, а если взять экономический криминал, если взять торговлю наркотиками... Это же самая настоящая организованная преступность. Изначально организованная! Беда в том, что мы не можем вменить всей этой публике в вину органи-

зацию преступных сообществ. А ежели и сподобимся на такое, то не в состоянии доказать эту вину.

Когда я служил в Ростове, то встречался с тамошними “ворами в законе”. Их в городе было девять. В том числе и легендарные, можно сказать, личности — дед Хасан, Кирпич, Глобус... С каждым из них в отдельности я беседовал. На предмет психологического анализа и демонстрации уверенности в собственных силах, чтобы, значит, знали свое место... И больше ничего я себе позволить не мог. Сажать вора за то, что его короновали? Нет такого закона. А доказать, что он что-то такое натворил, было невозможно... То, что какое-то преступление совершено с его подачи, под его, так сказать, эгидой, тоже состава уголовного деяния не имело.

В 2000 году дела об организованной преступности — по упомянутой 210-й статье УК — рассматривались только в одном суде страны — в Московском городском. Да и дел тех было раз, два и обчелся. Во всей остальной России прокуроры и следователи такие материалы в суд просто не направляли, зная, что их все равно вернут на доследование — из-за слабой доказательной базы. Так зачем лезть на рожон, когда проще разбить дело на эпизоды и обвинить преступников по другим, привычным статьям? В том же разбое или убийстве.

Премудрости милицейской службы Сергей Щадрин постигал под присмотром “дядьки” — наставника. А стал для него этим “дядькой” капитан Тамбиев. Диапазон премудростей оказался широк. Сергеем пришлось и помощником дежурного поработать, и постовым. Вот тут-то дипломированный математик и инженер-программист и хлебнул вдоволь превратностей милицейской службы. Видно, запаса философского мировоззрения Сергеем тогда хватило, потому как его вскоре назначили инспектором ОБХСС и присвоили лейтенантское звание. После этого и началась та работа, ради которой Щадрин не побоялся огорчить родителей.

Через шесть лет Сергей Щадрин уехал в командировку — в Афганистан. А по возвращении был назначен начальником районного отдела внутренних дел.

— *Между тем, Сергей Федорович, закон о борьбе с организованной преступностью, который бы позволил милиции назвать вещи своими именами, так и лежит в Госдуме мертвым грузом. Как вы думаете — почему?*

— Рассказу вам что-то вроде притчи. Мы как-то решили разобрататься с безобразиями, которые творятся на рынках Москвы. Речь идет об оптовых рынках. Интересовала нас прежде всего проходящая через тамошних торговцев контрафактная и контрабандная продукция. И знаете, кто поднял шум по поводу якобы неправильных действий милиции? Именно депутаты Государст-

венной Думы... А случилось так, что один из рынков мы в условленное время проверить не успели. Решили перенести выезд дня на два. Но уже на следующий день меня вызвали в министерство. Говорят, пришла на ваше управление жалоба от одного из госдумовских депутатов, возмущается избранник — неправильно вели себя ваши подчиненные на этом рынке. Да как же так?! — говорю. Мы же там еще не были! Комментировать эту “притчу” я предоставляю вам и читателям журнала. Зато Уголовно-процессуальный кодекс депутаты принять уже ухитрились...

— *Что-то не слышно в этой вашей фразе должного энтузиазма.*

— А вы представьте себе ситуацию... Некто совершает преступление и убегает за границу. Что делал следователь в рамках старого УПК? Он писал постановление, в котором приводил доказательства вины пустившегося в бега гражданина и определял ему меру пресечения... То есть он юридически закреплял возможную причастность беглеца к совершенному криминалу. И эта бумага была главной в решении проблемы выдачи кандидата в преступники нашему государству. На такого рода документах держится вся мировая практика, касающаяся экстрадиции преступников. Новый УПК запрещает заочное избрание меры пресечения. Однако где, спрашивается, добыть подозреваемого, ежели он изначально отсутствует? А без ссылки на избранную меру пресечения никто нам никого не выдаст... Но что такое сбегать нынче за границу? Порой — всего лишь перейти дорогу. И ты уже в Украине.

Пойдем дальше. Следователем я никогда не был, но сейчас мне за их брата обидно. Новый кодекс напрочь лишил следователя процессуальной самостоятельности. Он теперь без согласия прокурора и суда ничего сделать и решить не имеет права. Прокуратура же говорит, что теперь мы можем поставить барьер незаконному возбуждению уголовных дел. Простите, но старый наш УПК позволял прокурору вмешаться в расследование на любой его стадии. Вмешаться, и в случае чего дело производством прекратить, а допустившего произвол следователя привлечь к ответственности. Кстати, мы тут провели анализ и выяснили, что сегодня большинство незаконно возбужденных дел приходится... на саму прокуратуру. Это тоже, знаете ли, информация к размышлению.

Мало того, теперь суд не может вернуть дело на дополнительное расследование. У него два варианта: или выноси обвинительный приговор, или прекращай уголовное преследование. Но ведь куда как часто бывает так, что вина подсудимого очевидна. Однако в ходе следствия допущены какие-то ошибки... Не ошибки даже — недоработки. Да и как их избежать? Сегодня на одного опера приходится 60-70 дел в месяц при норме в тридцать, хотя и от тридцати глаза на лоб могут вылезти. У нас иной раз эксперты такое пишут — не приведи Господь. Понимаю, что статья, запрещающая суду возвращать дела на доследование, перекочевала в наш

кодекс из законодательства поднаторевших в юриспруденции стран, хотя и у них не все так просто и однозначно. Понимаю, что в ряде случаев эта статья будет благом. Согласен, что сыщикам, следователям и прокурорам надо работать тщательно, грамотно, чтобы комар носа не подточил. Но я знаю реальность. И очень боюсь, что мы поотпускаем на свободу преступников, которые, сообразив, что могут и впредь оставаться безнаказанными, превратятся в окончательных монстров.

А где найти нам судей, которые одни только и могут сегодня принять решение об аресте подозреваемого? Вон недавно председатель Верховного Суда сообщил, что в России полторы сотни судов, в которых работает один судья. И ежели он примет решение взять приведенного к нему злоумышленника под стражу, то судить его он сам права уже не имеет. Везти преступника в другой район? Это ж морока жуткая! И рискованная... До парадоксов может дойти, до абсурда. Задержали убийцу ночью. Надо его запереть в изолятор. А без судьи это нынче невозможно... Так что же — идти ночью к судье? Будить? Устраивать заседание? А коли до судьи не достучишься?

Мы тут подсчитали... Чтобы нормально жить по новому УПК, в нашем округе надо увеличить конвойные подразделения на три тысячи человек. Провели эксперимент в двух районах. Трудозатратность у всех, кто должен исполнять кодекс, в том числе прокуроров и судей, возросла в два раза. Да вот вам еще "нюанс": для изготовления одних только процессуальных бланков, применение которых потребует новый УПК, нам необходимо 9 миллионов рублей. А такой бланк от руки не нарисуеться. Его форма, его вид установлены законом. И вот сейчас ломаем головы — где взять деньги.

Вы можете мне сказать, что надо идти к цивилизованной уголовной юриспруденции. Надо! Но не такими скачками. Ведь был и другой вариант УПК, который не ломал дров, который одновременно учитывал и требования международных правовых норм, и российскую специфику. Так нет! Приняли то, что приняли. Загнали милицию в тупик, а потом будут кричать, что милиция не работает. А как прикажете работать в условиях ступора? В общем — уже пишутся изменения и дополнения в только что принятый кодекс. Их очень много. Думе надо будет рассматривать их каждую неделю... Обсуждение в комитетах, процедура выноса на пленарное заседание, первое чтение, второе, третье... Наша законодательная машина неповоротлива.

Район свой Щадрин знал вдоль и поперек. Потом, когда вышел в большие милицейские начальники, говорил, что работа на районной "земле" и есть самая интересная, когда не только тебя все знают, но и ты знаешь всех. Еще бы: приходилось заниматься всем — от обыкновенного кухонного мордобоя до массовых беспорядков. Ночь за полночь, в выходные, в праздники — мо-

тался Щадрин по своей "земле". Во все вникал. За день принял десятки решений. И все четче понимал: слишком долго заживаться на одном месте нельзя — привыкаешь, делаешься неповоротлив, глаз "замыливается". Чувствовал, что возможности свои еще не исчерпал, что надо идти дальше. А дальше можно было идти только через академию МВД. Пошел к начальнику УВД области, поговорил. Полковник согласился. Мужик работает хорошо, отдел его — один из лучших. И поехал Сергей Щадрин в Москву — учиться.

— Сергей Федорович, согласитесь, в неповоротливости можно упрекнуть и милицию. Всякий новый министр внутренних дел при заступлении в должность обещает изменить систему криминалистического учета. Чтобы, значит, опера не скрывали преступлений... Но ничего не менялось. В отделениях упорно продолжали не принимать заявления граждан о преступлениях, при возможности прятали их под сукно и все такое прочее. Нынешний новый министр тоже начал с того, что ополчился на эту практику. Как хотите, но я сильно подозреваю, что и этот благой порыв уйдет в песок.

— А как вы думаете, с чего бы это за пять первых месяцев этого года преступность в Москве возросла на 64 процента? Да именно потому, что в городе наконец-то начала действовать новая система криминалистического учета. Мы ее проверили и во Владимирской области. Ввели специально разработанные новые формы. И теперь там фиксируется всякое преступление...

— Неужто лед тронулся? Но тогда я, откровенно говоря, не завидую недавно назначенному министром внутренних дел Борису Грызлову. Ведь с его приходом МВД выдаст "на гора" весьма ощутимый рост криминала в стране. А это, знаете ли, уже политика. Министра и все его ведомство немедленно обвинят во всех смертных грехах. И раньше всего в том, что МВД не борется с преступностью.

— А вам, журналистам, только это и подавай... Однако я не политик. И потому давно уже знаю, что считать милицию крайней в борьбе с преступностью — закоренелое общее заблуждение. Наиболее эффективный инструмент борьбы со всяким криминалом — экономика. Потом идет — нравственное воспитание людей. И много чего еще. Милиция всего лишь ловит преступников. Это, безусловно, важный фактор, определяющий состояние общества, но не главный. Главный — условия человеческого существования. Но у нас подавляющее большинство и граждан, и чиновников, и тех же политиков считает, что коли в стране растет преступность, то милиция работает плохо, а коли уменьшается, начинают милицию малость похваливать. Между тем органы внутренних дел могут прямо-таки виртуозно ловить многих и многих злодеев, но преступность в стране все равно будет расти, потому что людей давит безработица и нищета. Или наобо-

рот: ловить плохо и далеко не всех, а криминал может идти на убыль, потому что народ обеспечен работой, социальными благами и уверен в завтрашнем дне. На эту тему можно рассуждать долго... А пока скажу, что теперь мы будем фиксировать все преступления. И по степени тщательности ведения такой "канцелярии" станем судить о работе того или иного милицейского подразделения. Слишком быстрых положительных результатов от нововведения не жду. Потому как потребуется время, чтобы изменить психологию рядового оперативника. Он ведь сегодня как рассуждает... Ну там, наверху, опять затеяли что-то, опять какая-то кампания покатила. И как бы потом все не вернулось на круги своя. Так что, думает сыщик, погожу я с этой новой системой учета. Не буду-ка я принимать заявление от гражданки Пупкиной о краже с ее двора кухонного полотенца. Что ж, опера можно понять... Таким уж его сформировала система.

Два года учебы в Академии МВД Щадрин вспоминает с удовольствием. В академии тогда ходила прибаутка: "Спасибо партии родной за двухгодичный выходной". Насчет выходного — это для красного словца. Но вдосталь послужившие мужики получили ранее непредставимую для них возможность оторваться от повседневной рутины — изматывающей и засасывающей. Они могли осмотреться, оглянуться, увидеть свою работу и самих себя со стороны. Не торопясь, прикинуть что к чему. Одновременно они поднабирались теории. Следовательно, получали предпосылки к куда более глубокому осмыслению всего того, с чем им приходилось сталкиваться в суровой практике.

Выпускные экзамены Щадрин сдал на отлично. Диплом защитил блестяще.

— 200 лет истории органов внутренних дел России наверняка сформировали и наш отечественный тип сыщика. Вы много раз встречались со своими зарубежными коллегами, видели их работу... Скажите, какие сыщики лучше — заграничные или наши?

— Разумеется, наши. Посади, скажем, немецкого сыщика в наши условия — пиши пропало: он ни одного преступления не раскроет. Однако, что у них там хорошо, так это система идентификационного учета. Они очень внимательны, скрупулезны в деталях, в той формалистике, без которой в сыщичьем деле тоже не обойтись. Все единообразно, четко... А то недавно прислали нам из Дагестана фотографию преступника с перечнем совершенных им злодеяний в Москве. Набор обычный — грабежи, разбои... Глянул я на эту фотографию и... узнал себя. И вы бы тоже себя узнали. Настолько отвратительно было качество снимка. Иностранцы не позволят себе что-то опустить при описании и опознании трупа. Наши опера часто такие документы заполняют, что называется, от фонаря. Помните наши милицейские перлы:

“труп лежит ногами на северо-восток, а головой к двери”. Так что криминалистическая культура на Западе несравненно выше нашей. И сыщиков там этой культуре учат и учат основательно... Но в главном, в оперативном мастерстве, в смекалке, в проведении всяческих оперативных комбинаций, наши сыщики тамошним дадут сто очков вперед.

— *Продолжим сравнение... Какие сыщики лучше — те, с кем вы начинали свою жизнь в милиции, или те, которые пришли им на смену?*

— Помельчал народ, помельчал... Раньше я, идя по коридору управления, мог точно сказать, в каком отделе работает повстречавшийся мне человек. Вот, скажем, ребята из II-го, стало быть, убойного отдела уголовного розыска... Мы их звали “колунами”. Они могли неделями сидеть через стол с преступником, смотреть ему в глаза и выжимать из него все детали, все подробности. Ребята эти имели дело с трупами, с кровью, им приходилось подолгу беседовать с родственниками погибших людей, с перепуганными свидетелями. На месте преступления “колуны” работали тщательно, не отходили от прокурора или следователя, пока тот все чин-чинарем не запишет в протокол. Могли экспертов довести до белого каления своими вопросами. Ну, и вид “колуны” имели соответствующий... Основательно выглядели, серьезно, походка у них была неторопливой и вместе с тем какой-то напряженной. Зато парни, которые занимались малолетней преступностью, не шли, а этак подпрыгивали, общались с коллегами непринужденно, весело. Характер работы накладывал на оперативников отпечаток, потому что они этой своей работой жили. И жили не год, не два, не пять лет... Нынче почти все сыщики выглядят одинаково. И если серьезно, то это беда... В милиции сейчас служат и те, кто только что пришел, и те, кто тихо дорабатывает до пенсии. Среднего звена нет. А оно-то, по идее, должно быть самым работоспособным. Сегодня очень трудно найти начальника уголовного розыска в райотдел. Между тем большая часть всей оперативной работы проходит именно через начальников районных угроз.

Отсутствие полноценного среднего возрастного звена серьезно подкосило агентурную работу. А это, скажу я вам, штучная, творческая работа. Это такая тонкая психологическая игра, которой научиться сразу невозможно. А некоторым она не дана вовсе. Сегодня она во многом сделалась формальной. Ну, скажите, почему сыщик обязательно должен завербовать и иметь на связи десять агентов? И ни одним агентом меньше. А если у него всего два агента, но таких, которые стоят нескольких десятков? И с какой стати сыщик обязан каждый день получать агентурные донесения? Да ни один агент в мире не способен на такую интенсивность. Вот и пошло-поехало... В ином подразделении по отчетам агентурная работа прямо-таки кипит, а начнешь разбираться — чуть ли не полный ноль. И потом... Нынче старые методы работы

с агентами уже не годятся, а новых мы предложить не можем. Хотя в нашем управлении кое-что в этом отношении сделано, кое-что свое, особенное, мы придумали. Красиво получилось. По-сыщицки красиво. Полагаю, вы не станете требовать от меня более подробного рассказа...

Но только как сегодня упрекнешь милицейскую молодежь... И кичиться перед ней, что вот, дескать, когда я был опером, так я то, я се... Это и бессмысленно, и несправедливо. Нынешние ребята служат в совершенно других условиях. Попробовал бы в мое время какой-нибудь встреченный мною на улице блатной не пойдти по одному только моему взгляду! А теперь та же блатная, извините, сявка норовит разрядить в милиционера автомат. Мы работаем в условиях жесточайшего сопротивления уголовного мира.

К тому же рухнула система профилактики, позволявшая милиции оказывать давление на преступную среду. Взять, к примеру, изруганный вдоль и поперек ЛТП. Иные боялись его пуще тюрьмы. Но скольких людей спасли наши лечебно-трудовые профилактории. Туда ведь направляли злостных алкоголиков, которые в любую минуту могли убить жену, детей, матерей, соседей. Или спровоцировать собственное убийство отчаявшимися родными и тем самым погубить их судьбы. Не стало ЛТП, и смотрите, как за десять лет возросло число бытовых преступлений. Ведь почти вся бытовуха круто замешана на разнузданном пьянстве.

— *Вот вы сказали о жестоком сопротивлении уголовного мира милиции. Но ведь не секрет, что многие обвиняют милицию чуть ли не в сращивании с криминалитетом. Увы, примеров тому действительно много. Какова же все-таки природа предательства в милиции? Что и как можно ему противопоставить?*

— Насчет природы предательства это вы не ко мне... Вспомните Шекспира, Достоевского. Они о страстях человеческих знали куда как больше. А мы должны помнить, что в милиции служат обычные люди — не ангелы, не святые, не железобетонные герои. Нам других взять неоткуда. Современная российская жизнь с ее чудовищным расслоением народа на очень богатых и очень бедных окружает их тысячами самых разных соблазнов. К тому же в стране сформировалась чрезвычайно крепкая криминальная идеология. И уберечься молодым людям, лоб в лоб сталкивающимся с ней каждый день, очень не просто.

Меня зло берет, когда я слышу, как какой-нибудь ведомственный энтузиаст вещает с трибуны: в этом году мы разоблачили на двадцать милиционеров больше по сравнению с прошлым периодом. Дескать, вот какие мы молодцы, вот до каких высот добрались, вон скольких оперов и инспекторов под суд отдали. Когда я работал в управлении собственной безопасности, когда немного разобрался в этой работе, поездил по стране, понял одно и, на мой взгляд, самое главное. Служба безопасности должна в первую

очередь беречь людей. На кой черт брать на работу в милицию человека с явной червоточинкой, с лицом, на котором написано: вы мне только дайте пистолет, удостоверение и фуражку, дальше уж я сам буду крутиться! Для того, чтобы потом его посадить? Зачем ждать, когда имярек окончательно перейдет грань и переметнется на сторону криминала? Не проще ли, не гуманнее ли заранее выгнать его, не доводя до греха?

Зло меня берет и от дикой методы определять уровень коррупции в МВД количеством поборов инспекторов дорожно-постовой службы. Тоже мне нашли коррупционера — гаишника. Так нет, все всерьез: по оперативной разработке там-то и там-то изобличен сержант ГИБДД, который вымогал у водителя пятьдесят рублей. Ну прямо-таки грандиозная победа над коррупцией. А гаишник этот — всего лишь хам и жлоб. Нечего ему в тюрьме делать. Выгнать без выходного пособия — и вся недолга. На его оперативную разработку, на один только бензин, который сожгли, пока за ним ездили, денег ушло больше, чем он нащипал на трассе.

И еще. С этой темой надо быть предельно аккуратным. Что толку от того, что милиция периодически вывешивает на общее обозрение свое грязное белье? Коррупция и прочие безобразия в системе от такого, с позволения сказать, мазохизма не уменьшаются, а авторитет милиции в народе еще больше падает. Да что авторитет... Преступники во всю пользуются ситуацией. То и дело приходится сталкиваться с самыми наглыми оговорами. Сами знаете, кто громче всех кричит "Держи вора!".

После учебы в Академии Щадрин вернулся в Иваново. Пока учился, сменился начальник областного УВД. Так что "академика" встретили не слишком приветливо. Предложили ехать в райцентр Тейково. Отдел, на который пришел Щадрин, обслуживал и город, и все, что только было в районе, — то есть деревни. А Сергей Федорович в академии писал курсовую на эту тему — "Система организации работы ОВД, одновременно обслуживающих городскую и сельскую местность". Спасибо академии — научила теории. Осталось применить ее на практике.

Тейково в ту пору было не самым спокойным местом в Ивановской губернии. И отдел тоже лучшим не считался. Скорее, наоборот. Но уже в скором времени в кабинете у нового начальника Тейковского ГРОВД стояло переходящее знамя "передовика милицейского производства".

Через три года Щадрин вызвали из тейковской "ссылки" в Иваново — на должность начальника областного уголовного розыска. Позже, на самом переломе эпох, в 1991 году, Щадрин стал начальником криминальной милиции Ивановской области. Тогда эта служба только зарождалась. И Щадрин был в числе первых такого рода руководителей.

В 1993 году началось путешествие Сергея Щадрин по России. Пять лет он был главным милиционером Псковской губер-

нии. Эти годы, как он считает, не были самыми напряженными в его жизни, но работы хватало. И немалую специфику ей придавало географическое положение Пскова. После развала Союза он неожиданно-негаданно стал приграничным городом. Понятно, что саму эту границу Щадрин со своими подчиненными не охранял. Он пытался оберечь другую границу — экономическую. А времена тогда стояли лихие. Страну рвали все кому не лень. Рынок хорош, когда он рынок, а не базар, где всякий норовит обвесить, обмануть, украсть, объегорить... Вот с базаром-то Щадрин и боролся — в силу отпущенных ему прав и возможностей. И тем самым очень не понравился псковскому губернатору. Впрочем, губернатор не понравился Щадрину еще больше.

В 1998 году Щадрину перевели в Москву — на должность первого заместителя начальника Управления собственной безопасности МВД. Дело это было новое. Многое в нем и по сию пору остается непонятым. Впрочем, долго на этом месте ему поработать не дали.

В сентябре 1999 года вызывают вдруг Сергея Федоровича к министру. Тогда им был Владимир Рушайло. И велел министр срочно ехать в Ростов — начальником ГУВД.

Ростов в криминальном мире России всегда занимал особое место. Недаром он не просто Ростов, а Ростов-папа. Тут тебе и история, в которой были и братья Толстопятовы — самая страшная банда времен брежневского тихого правления, и народные волнения в Новочеркасске времен неугомонного Хрущева, и всемирно известный Чикатило. Тут тебе и современность — заказные убийства, похищения людей, межнациональная рознь, чудовищная коррупция, разгулявшийся бандитизм.

Щадрин понял — в первую очередь ему надо навести порядок в своей — милицейской — епархии. По городу и области ползли слухи о похищении офицерами милиции сына тамошнего банкира. Пришлось теперь уже генерал-лейтенанту Щадрину чистить эти авгиевы конюшни... За полтора года было возбуждено двенадцать крупных уголовных дел, по которым проходили оборотни в милицейских мундирах, полсотни ростовских “мусоров” попали под суд.

Рассказ о профессиональной и личной жизни генерал-лейтенанта милиции Сергея Федоровича Щадрина будет неполным, если не поведать читателю, какая история получилась у него с дочерью. Сам он очень хотел, чтобы она стала фармацевтом. А дочь пошла учиться в химико-технологический. И учеба у нее там заладилась. Да так, что уже на втором курсе она написала первую свою научную работу. Ее ждала аспирантура и полноценная жизнь в науке. Но тут грянула перестройка. И кафедру, на которой проводила свои исследования Лариса, упразднили.

Что-то сломалось у нее в душе. Столько было затрачено труда, столько надежд сопровождало этот труд... И все попусту. Не обиду испытала Лариса — куда хуже — опустошение. Отец втайне от дочери отнес ее научную работу своему знакомому — директору закрытого НИИ. Тот прочел. И сказал, что готов взять Ларису на работу. Обрадованный Щадрин немедленно передал эту новость дочери. “Нет, — отрезала она. — Никакой химии, никакой науки больше не будет. К твоему сведению, я поступила на юридический”.

Вот так и получилось, что дочь пошла... Ну, если и не по стопам отца, то все одно — многое из его жизни повторила. Из науки пришла в милицию. Живет вместе с мужем в Иванове. Дослужилась уже до капитана милиции. И муж у нее — офицер СОБРа. Ну, а чтобы “компенсировать” несбывшиеся отцовские чаяния, родила Щадрину двух внуков.

— *Сергей Федорович, а детективы вы любите читать?*

— Терпеть не могу! Мне на моем веку хватило непридуманных историй. А читаю я Чехова и Шолохова... Когда служил в Ростове, наслышался баек про Михаила Александровича. Без его согласия, между прочим, начальника милиции в его Вешенскую назначить не могли. А вот к фильмам про ментов отношусь хорошо. Конечно, в фильмах этих много несуразиц. Но меня они не коробят. Если нашу милицейскую жизнь показать впрямую, то никакого художественного произведения, интересного многим людям, ни за что не получится. Так что у киношников свои законы, а у нас свои. И слава Богу.

— *Итак, органам внутренних дел России исполняется 200 лет... Вы-то сами, Сергей Федорович, как относитесь к этому юбилею?*

— Даже не знаю, что вам сказать... Дата, конечно, впечатляющая. У меня в Ростове, перед входом в ГУВД, висела картина, изображающая сцену, в которой император Александр I вручал верительные грамоты первому министру внутренних дел России князю Виктору Павловичу Кочубею. Так что я этот исторический момент видел каждый день. Однако мой воронежский коллега как-то рассказал, что у него есть документы, и вот по этим документам праздновать надо уже 300-летие МВД. Но если честно, то к событию этому я отношусь спокойно. Трепета и ведомственного зуда оно у меня не вызывает. Я, видите ли, всю жизнь праздновал День милиции 10 ноября. И не ощущаю в себе потребности что-либо менять. Все-таки я милиционер, а милиция-то появилась у нас на третий день после революции. Вот такая вот история. И 200 лет МВД — история. И 85 лет милиции, из которых семьдесят с лишним лет она звалась советской, — тоже. ■

Беседу записал Леонид ШАРОВ.

Леонид ШАРОВ

СОЛДАТ И СУДЬЯ

Борис Федорович Кретов был начальником Центральной Уральской лаборатории судебных экспертиз Минюста России. И я всегда с радостью встречался с ним. А уж когда доводилось бывать в его лаборатории, то считал это за праздник. Мастера там работали знатные. А сам Борис Федорович был человеком интереснейшим, чего только ни повидавшим на своем криминалистическом веку. Лаборатория его была знаменита своими экспертами-баллистами и весьма приличной коллекцией оружия (там я впервые увидел настоящий самурайский меч и даже помахал им). Дело прошлое — оказалось, что у Кретова в обширном, царских времен сейфе имеется собственная коллекция. Он мне ее как-то показал, предварительно заперев двери кабинета. Стволь было немного, но все хороши и для России редки. Среди этого будоражающего мужскую кровь богатства углядел я совсем крохотный пистолетик. Он запросто помещался на ладони. На затворе разобрал: "Чезетта". Стало быть, чешский и явно довоенный. Несерьезный, конечно, ствол, но смотрелся здорово. "Да, — сказал Борис Федорович, — красивая игрушка. Попал он ко мне от комитетчиков. И связана с ним история... Хоть сейчас роман пиши". В истории этой три героя. Они прожили разные жизни. И умерли разными смертями. Один обычной старческой смертью. Другой от накатившего сердечного приступа. Третий был расстрелян.

Кузьмин (назовем его этой фамилией) служил в отделе кадров весьма секретного уральского предприятия. И однажды не вышел на работу. На предприятии сразу забеспокоились. Потому как режим был строг, и всякого рода отлучки здесь сопровождались выполнением немалого числа формальностей. К тому же все, кто работал с Кузьминым, знали про его болезненное сердце. Знали и о том, что незадолго до этого он отправил жену к дочери в Москву — провести да погостить. Тут же предположили худшее. И поставили в известность тех, кому об этом по инструкции полагалось знать. Тем более, что Кузьмин на кадровую свою должность и был поставлен по линии "конторы глубокого бурения". Контора послала домой к Кузьмину своего человека, кликнули участкового, тот разыскал слесаря на предмет вскрытия квартиры. Но вскрывать не пришлось — дверь оказалась незапертой. И это обстоятельство стало первым из тех, что насторожило чекистов. Кузьмин, как всякий кадровик старой закваски, был педантом и анкурратно запирает все, что только могло заператься.

Вошли в квартиру. И нашли мертвого хозяина. Он полусполз с кресла. Лицо искажало неприятная гримаса. Должно, перед смертью сильно испугался — у сердечников такое случается. А умер он, как сказал врач, почти сутки назад.

Но кто-то при этом в квартире находился. На столе имели место пузырьки и коробочки с лекарствами, а рядом с креслом стоял стакан с остатками воды. По всему выходило, что некто пытался

дать лекарство умирающему. Потому как в стоящем поодаль буфете были распахнуты створки — там, на одной из полок, обычно и хранились всякого рода сердечные средства. Сам Кузьмин, знавший где что у него лежит, не стал бы рыскать по всему буфету. Опять же на кухне из крана текла вода. Значит, некто бегал на кухню со стананом. И наконец, на покрытом толстой скатертью столе, под газетой нашли пистолет... Его можно было принять за зажигалку. Это был настоящий пистолет: в обойме три пули, четвертая — в патроннике. Предохранитель был снят. Но, слава Богу, нашедший его человек не стал жать на спусковой крючок. Вот тут чекисты забеспокоились окончательно...

Сам Кузьмин никаких военных секретов не знал. Зато он знал людей, к этим секретам имеющим самое непосредственное отношение. Причем знал досконально — это входило в его обязанности. Был вхож к начальству. Многое знал о системе охраны завода. Короче: находка для шпиона. Хотя как-то не верилось, что агент иностранных спецслужб вот так среди бела дня явился к нему домой, страдал и уговаривал, размахивая несерьезным пистолетиком, да еще этот пистолетик оставил на столе. А на пистолетике — отпечатки пальцев. И на станане, кстати, тоже. И на буфетных створках. Но пути злобного ЦРУ и коварной Интеллидженс сервис неисповедимы. Надо было прояснить. В те времена к государственной тайне и шпионам относились трепетно. К тому же мерещилась возможность раскрыть очередной заговор им-

периализма — а это ордена, звания и должности.

Первым делом установили, что отпечатки пальцев на пистолете, на станане и на буфете не принадлежат ни Кузьмину, ни его жене и вообще никому из его окружения. Не было их и в уголовной картотеке. Отработали его связи. Ничего подозрительного. Службист он был отменный. Из дома на работу, с работы домой. Все по минутам. В делах идеальный порядок. Не пил, не курил. Женщин — нины. Друзей нет. Врагов нет. Жил строго по средствам. За границей не был, родственников за границей нет, в оккупации, в плену не обрелся. Родители мелкие служащие, репрессиям не подвергались. Образование юридическое. В войну и после войны служил судьей в трибунале. После демобилизации сразу устроился в отдел кадров режимного предприятия. Словом, проверенный товарищ. И пистолетик найденный никак не мог ему принадлежать. Как говорится, по определению. А если и принадлежал, то никак не мог вот так запросто валяться на столе под позавчерашней газетой.

Собственно, Борис Федорович Кретов к этой истории через пистолетик и прикоснулся. Именно ему принесли чекисты ствол на экспертизу. В общем-то это было сугубой формальностью. И без экспертизы ясно, что из пистолетика давно уже не стреляли, что он чешского производства, а к нам попал, скорее, как военный трофей. Но был пистолетик исправен, ухожен и убить из него человека можно было запросто.

И тогда расследование (уголовного дела не возбуждали, че-

кисты отрабатывали версии в рамках оперативных мероприятий) уперлось в необходимость реконструкции последних дней жизни идеального кадровика. С кем встречался, кто к нему и когда приходил, что он говорил, как себя вел. Работали комитетчики тщательно. Обращали внимание на всякую мелочь.

А мелочито как раз были. В заводууправлении затеяли ремонт. Своих мастеров на предприятии не было, поэтому позвали рабочих со стороны... Но опять же не случайных людей — с другого оборонного завода. У всех имелись соответствующие формы допуска. Работяги с кристальной биографией, никто из них на агентов западных спецслужб претендовать не мог. Отделы принялись уплотнять, и ремонт медленно полз с верхнего этажа вниз.

В обеденный перерыв Кузьмин, если позволяло время, играл в шахматы: блиц-партии, по три минуты каждому игроку, естественно с часами. Пожалуй, это было его единственным развлечением. Только не всегда ему находились партнеры. А тут как раз принялся вместе с ним играть один из ремонтников — плотник. И вроде как не ровня был этот плотник суровому кадровику, но шахматы для Кузьмина были чем-то вроде единственной страсти. Лицо у плотника было безнадежно изуродовано огнем — горькая помета войны, которую он прошел от Москвы до Кенигсберга.

Милиция бы поленилась негласно собрать отпечатки пальцев окружавших умершего людей. Да и закон такого не допускал. Но КГБ закон этот писан не был. Вот

так и установили, что в квартире Кузьмина побывал именно плотник с обезображенным лицом. О том, чтобы его арестовать, и речи быть не могло. По крайней мере пона. Не было установлено самое главное — событие преступления. Кадровик-то умер сам. Никто в него не стрелял, никто не бил, не травил. Да и кого в тюрьму-то вольют? Фронтовика, инвалида, у него Красная Звезда, медаль "За Отвагу"... Однако проверили — где могли пересечься эти два человека. Выходило, что только на фронте. И только в 41-м году, глубокой осенью, на подступах к Москве. Плотник там воевал в пехоте — рядовым стрелковой роты. А Кузьмин в той же дивизии судил... Тут могла быть зацепка. Но ведь судил не плотника же — это было бы известно. Да если бы судил, то и плотника никакого не было бы давным-давно. Тогда, в самые отчаянные дни обороны Москвы, приговор звучал один, обжалованию не подлежал, в исполнение приводился мгновенно. Решили: в кошки-мышки больше не играть и пригласили плотника... Нет, не на допрос — на собеседование.

Плотник приглашению в контору не удивился и не испугался. Его остановили на улице, попросили сесть в машину, он коротко кивнул. И точно так же коротко кивнул, когда ему рассказали об отпечатках, оставленных в квартире умершего и на пистолетине.

Я позволю себе реконструировать его рассказ. Вообще-то в тот день он пришел к Кузьмину, чтобы убить его. И начался этот поход действительно страшной осенью 1941-го...

В армию этот человек ушел в первые дни войны. Откатился со своей ротой под самую Москву. Тут-то и был получен приказ взять штурмом малоприметную высоту с небольшой деревенькой Митяево, вышибить из нее немцев и ждать дальнейших указаний. В деревеньке сидел немецкий взвод. Немцы немного постреляли и откатились. Высота им была в сущности не нужна. Их армия мощно накатывала на столицу, выдвинувшаяся чуть вперед стрелковая рота помешать им ничем не могла. Рота заняла деревню, окопалась. И все... О ней забыли. Потом принялись было выяснять — приказало командование отступать, не приказало. Да так и не выяснили. А положение создалось аховое. Справа и слева роту стремительно обходили немецкие танки и пехота. Через считанные часы кольцо должно было замкнуться. И что тогда? Бои в окружении? Да какие там бои — пошлют фрицы танк со взводом автоматчиков. Танк несколько раз бабахнет по наспех отрытым окопам, потом проутюжит их гусеницами, автоматчики подчистят. И нет роты. Оставшихся в живых возьмут в плен.

И тогда капитан, командир роты, приказал отступить. Он хотел воевать дальше, а для этого надо было сохранить людей. Сохранил. Хотя и не всех. К своим рота прорывалась два дня, полк да и вся дивизия к этому времени сами откатились на несколько верст. Капитан действовал толково. На рожон не лез. Прощупывал обстановку разведной. Обходил врага, стараясь не вступать в бой. А когда избежать этого было нельзя, выставлял прикрытие и уводил,

уводил солдатиков — живыми. Тем и спас многих.

По возвращении его отдали под трибунал. Дескать, самовольно не выполнил приказа. Считай, изменил Родине. Его расстреляли перед строем. Говорили, просил перед смертью написать письмо домой — жене и детям. Не дали.

А судил его Нузьмин.

И так получилось, что на заседании трибунала присутствовал молодой солдат — еще не раненый, еще с необожженным лицом. В принципе его там не должно было быть. Но в обычной армейской неразберихе солдата вместе с еще несколькими ребятами отправили в штаб дивизии — отступление продолжалось, надо было грузить штабное имущество. Среди этой суеты, в одном из классов школы, занятой под штаб, заседал трибунал. Солдат видел и слышал немного, но и этого хватило ему, чтобы понять — творится несправедливость. Он, да и все в роте понимали: ротный спас их, не дал бессмысленно погибнуть. Вместо того, чтобы гнить в окопной слякоти, они живут, ходят, дышат, радуются нехитрым солдатским радостям, ждут писем из дома, надеются... И эту жизнь — кому несколько дней, кому месяцев, кому лет... — нет, не подарил, а оторвал у войны их командир. И теперь его за это должны убить. Безжалостно и позорно.

Еще солдат видел невзрачного человека, который скрипучим, скучным голосом задавал их командиру какие-то вопросы. И не слушал ответов. И все время повторял:

— Это к делу не относится, говорите по существу. Получили вы приказ об отступлении?

Потом он услышал, как невзрачный человек читал приговор. В этом приговоре не было ни одного человеческого слова и не было правды. Солдат запомнил фамилию этого человека, имя, отчество. Судья сам назвал их, соблюдая извечный судебный ритуал. Почему запомнил — солдат тогда не знал. А еще через полчаса он увидел своего командира, которого вели два пожилых солдата в мятых шинелях. Приговоренного должны были отвезти в полк, чтобы казнить там, в назидание, в устрашение его товарищам. Конвоиры замешкались, остановились. И капитан увидел своего солдата. Узнал. Поначал головой. Сказал:

— Тание, брат, дела. Хочу, чтобы был ты живой.

Ответить солдат не успел. Конвоиры подтолкнули ротного к дряхлому грузовичку.

Здесь необходимо сделать отступление...

В начале 90-х годов по журналистской надобности пришел я в военный суд Московского военного округа. Судом это учреждение стали называть недавно. Раньше он был трибуналом. И познакомился я там с Валентином Сергеевичем Бурнаевым — военным юристом. Он готовил к рассмотрению реабилитационные дела. Лежали на его столе тоненькие папки. В них — желтые, ломкие листы, аккуратно исписанные фиолетовыми чернилами. Заглянул я в эти папочки... И повернулась ко мне война своей подлой изнанкой.

Я читал приговоры военных трибуналов. Были они коротки. Предваряли их скупые следственные материалы — несколько справок, несколько протоколов допросов. В конце каждого дела — невзрачная записка: приговор приведен в исполнение. Дата. И чья-то подпись. Тут-то я и вспомнил о том, что рассказал мне Борис Федорович Кретов. Вспомнив, поведал эту историю Бурнаеву.

— Да, таких историй через меня прошло — сотнями надо считать, — сказал он. — Да вот хотя бы... Смотри. Тут почти все совпадает с тем, что ты только что рассказал. — Он порылся в папках. Добыл две. Протянул мне. И я прочитал...

Два комбата. Капитан и майор. Обоим было по 37 лет — вот уж поистине роковой, смертельный, пушкинский возраст. У каждого по трое детей. Оба — кадровые офицеры. В той войне они сделали все, что могли. Даже больше. И есть люди, которые остались живы только благодаря комбатам. И воевали дальше. И дожили до Победы. И вернулись домой. Комбатов же расстреляли.

Командира батальона 15 танкового полка капитана Захара Пулянова расстреляли 22 октября 1941 года. Под Нарофоминском. Командира 369 отдельного батальона морской пехоты Азовской флотилии майора Николая Сударинова казнили перед строем офицеров 6 февраля 1944 года. Около поселка Глийки под Керчью.

Статья для них была одна — 193 с приписанным к ней числом 21. Из Уголовного Кодекса, изложенного в людоедской редакции 1926 года: "самовольное от-

ступление начальника от данных ему для боя распоряжений". Смертный приговор Пулянову вынес военный трибунал 33-й армии. Сударинов был отправлен на расстрел военным трибуналом Азовской флотилии Черноморского флота.

Я, пожалуй, начну с майора Сударинова — капитана Пулянова припасу. Вы поймете — почему... Реабилитационное дело Николая Владимировича Сударинова началось с письма его сослуживцев. Они писали: за то, что сделал их комбат, его надо было представить к Красной Звезде, а то и к Герою. Читая дальше, понял, что реабилитация майора стала результатом поистине виртуозной работы консультанта военного суда Бурнаева. Ему ведь в начале его работы было известно немного да еще с чужих слов: Сударинов Николай... то ли Васильевич, то ли Григорьевич, 1913 года рождения, уроженец Волги (именно так), пять человек детей. И все в этой информации не так — кроме имени и фамилии. Потому что не Васильевич и не Григорьевич, а Владимирович. Родился на шесть лет раньше. В Москве. Детей — трое. В конце концов, после многочисленных отписок: "не числится", "не известно", Валентин Сергеевич собрал материал и представил его суду.

Был комбату 22 января 1944 года дан приказ овладеть станцией Керчь-1, превратить ее в плацдарм и ждать высадки 1133 стрелкового полка. Полк этот должен был подойти через три часа. Дальше комбату предписывалось воевать вместе с пехотинцами. И Сударинов плацдарм захватил. Батальону это стоило немало. В на-

тер, где находилось батальонное минометное обеспечение, еще в начале боя угодил снаряд. И батальон лишился значительной части огневой мощи. Да и людей полегло при атаке...

Ладно, захватили. Стали ждать полк. А того все нет и нет... Потом выяснилось, что вся эта операция оказалась непродуманной: для полка, например, не заготовили плавсредств. И ворвавшийся в Керчь батальон был по существу обречен. Особенно если учесть, что и боеприпасов-то у него оставалось с гулькин нос. Радиосвязь не работала. Но было дано Сударинову устное распоряжение командира дивизии: если что не заладится, оставляй плацдарм, выходи по тылам противника на правый фланг дивизии.

И Сударинов спас батальон. Недосчитались многих — ведь действительно шли по тылам, пробиваясь где гранатой, где штыком. К десяти вечера следующего дня из ада вернулся 251 человек.

Ну, а теперь о капитане Пульянове... Только мне о нем рассказывать не надо. Вы все уже о нем прочли выше. Разнятся только детали... Но времени описанных событий пульяновский батальон только числился таковым в штабе полка. На самом деле было в нем две роты — из трех положенных, да и те неполные. Капитану Пульянову приказали взять деревню Митяево. Захар был офицером грамотным. Горячку пороть не стал. Выслал разведку. Та донесла: немцы в Митяево сидят прочно, двумя ротами их оттуда не сковырнуть. Гораздо хуже было другое: немцы уже засекли батальон и убедились, что перед ними лег-

кая добыча. Они двинулись вперед и готовы были через час взять его в кольцо.

Капитан Пульянов все взвесил и решил отступить. Совесть у него была чиста. Он спасал людей. Да к тому же имел на руках письменное распоряжение своего начальства, вполне допускавшего, что в Митяево немцы могут оказаться слишком сильны, и разрешавшего в этом случае комбату отойти на исходные позиции. 20 октября с минимальными потерями батальон отступил...

— Как же так? — спросил я Валентина Сергеевича. — Ведь у него даже приказ об отступлении был. Кто же его сдал? Кто предал?

— Об этом в его деле — ни строчки, — ответил Бурнаев. — Можно только предполагать.

Предположения военного юриста свелись к следующему: попал капитан в смертельную струю. В ту самую, которой кремлевские стратеги вымывали из армии военачальников, дабы на них, уже мертвых, уже лежащих в подвалах Лубянки, возложить вину за собственную бездарность и преступную наивность. Вот и возник в полку, где служил Пульянов, какой-нибудь комиссаришко из ведомства крикливого садиста Мехлиса. Возник, прикинул нос к ветру и подмял под себя командиров Пульянова.

— Обрати внимание, — добавил Валентин Сергеевич, — следствие по делу Пульянова длилось всего два дня. С Судариновым же разбирались целую неделю. Смертный приговор Пульянову никто не утверждал. Объявили, вывели, расстреляли. Через некоторое время опомни-

лись. Коли всякого обвиняемого так вот запросто ставить к стенке — воевать некому будет. Решили беречь "человеческий материал". Так что смертный приговор майору должен был утвердить военный совет фронта... Утвердил.

И еще... Их жен звали Верами. Вот они и верили, что погибшие их мужья — не предатели и не трусы, а простые русские мужики. Из тех, кто в свое время половцев воевал, на Куликово поле ходил... Ну да: вот точный образ — капитан Тушин из "Войны и мира". Вот на таких, как Тушин, да на Пулянове с Судариновым война-то и отсыпается. Они воюют, они солдатиков своих спасают... И держат. До сих пор держат Россию. Ну, а государство наше их, основу нашу, в распыл, чтобы другим страшно было. Героев к стенке — вот оно как...

Жены расстрелянных остались без средств к существованию посреди разрухи. И все-таки выжили. И детей вырастили. А ведь могло государство раздавить эти осиротевшие семьи. Чудо, что не раздавило. Попробуй, попроси Веры о справедливости — разобрались бы с ними быстро и безжалостно. Жили они молча. Снав зубы. Не знали, где могилы. Не знали даже, когда были загублены души их мужей.

Это уже потом Валентин Сергеевич на свой лад, достойно и строго, исполнил похоронный ритуал: писал справки, в них сообщал точную дату и место гибели, направлял эти справки в ЗАГСы, а те выдавали родным свидетельства о смерти комбатов. Да еще напоминал Валентин Сергеевич, что Пулянов и Сударинов счита-

ются погибшими на войне — праведно погибшими.

Пораженный только что состоявшимися совпадениями, я пригляделся к фамилиям судей, отправивших комбатов на позорную смерть. Особенно к фамилии судьи, перед которым стоял Захар Емельянович Пулянов. Неужто это и есть тот самый кадровик? Ну да, некоторое расхождение между историями командира, о котором рассказал Кретов, и комбата Пулянова имелось. Но криминалист мог и запомнить детали. Или малость интерпретировать их.

Минуту спустя охолонул... То дело о командире роты никак не могло находиться среди папок, сложенных на столе у Валентина Сергеевича. Оно было давно закончено. И закончил его тот самый солдат, которому уводимый на расстрел командир велел жить.

Навоевался солдат по самое некуда. Роту его, как водится, расформировали. В декабрьском наступлении солдата первый раз ранило. После госпиталя его перевели в танкисты. Господь берег его. Берег даже тогда, когда горел в танке — один из всего экипажа остался жив. За это и дали ему Красную Звездочку. Как врач не бились над обгоревшим его лицом, ничего толкового у них не вышло. Потому и семьей после войны не обзавелся. Устроился работать на режимный завод — по плотницкой части. Металла после танка терпеть не мог. Иной раз заезжали к нему однополчане. Тогда он с ними крепко гулял — не без того. Он вообще мужской компании не чурался.

И вот отправился он ремонтировать чужое заводууправление. Там и встретил того самого невзрачного человека, который вынес его командиру смертный приговор. Узнал сразу. Нузьмин был из тех, кто как в возраст войдет, так до самой старости почти и не меняется. Уточнил фамилию. Точно — он. Тот самый судья из трибунала. И ведь ничего с ним не сделалось. Сидит себе, бумажки перебирает, справочки в папку подшивает.

— И что, — спросили солдата, — тогда-то у вас и возник умысел на убийство этого человека?

А он и сам не знал этого. Ощутил изматывающую обиду от того, что самая большая несправедливость, с которой довелось ему столкнуться в жизни, так и осталась несправедливостью. И даже приумножилась. Потому что спасший солдата (и не его одного) командир лежит неизвестно где. Потому что командир воевал хорошо и смерти не боялся, а его сделали изменником за то, что сберег солдат. Потому что семья командира наверняка бедствовала всю войну да и сейчас, коли живы, хранит эту холодную тайну, боится ее: не дай Бог прознает кто — пальцем будут тыкать. Но, видно, не зря отбил, вырвал ротный солдатскую жизнь у войны. И видно, не зря сама судьба распорядилась так, что свела солдата с судьей. По всему выходило — справедливость надо восстановить. А иначе для чего тогда он, солдат, выжил?

Да тут еще совпало: оба оказались любителями шахмат. Слово за слово, вызнал солдат, что судья отправил жену и дочке в Москву. Договорились, что днем

зайдет он за судьей к нему домой, чтобы отправиться в парк — там как раз разыгрывался турнир по шахматному блицу. Прихватил солдат военный свой сувенир — изящный пистолет, почти игрушку. Сберег он трофей от всех досмотров. Патрон в патронник загнал заранее, чтобы уж все сразу случилось.

— О последствиях думали? — спросили солдата.

— Нет, — отвечал солдат. — Это он должен был думать о последствиях...

Судья ему дверь открыл, провел в комнату. Вот тут ему солдат и выложил. Что именно говорил судье, он повторить не мог. Но, надо полагать, слова нашел верные. И про тот серый осенний день, и про класс, в котором заседал трибунал, и про ротного своего, и про то, как брали ту сотку с деревенской, и про то, как мучительно ждали приказа и не дождались, и про то, как отступали... Судья, конечно, отправленного на казнь офицера не помнил — скольких таких вот отправил, виновных, безвинных — не разбирал. Да и не правосудие он тогда вершил. Да и не он приговаривал. Тут уж и война постаралась. И паскудная наша система. Был судья всего лишь винтиком в этой системе. Но винтиком нужным. И нужности этой отнюдь не страшился. Наоборот — считал себя при важном деле.

Впрочем, судье в ту минуту было не до рассуждений. Он понял одно — солдат пришел его убивать. Да тут еще и пистолетик увидел. Сердце не выдержало. Солдат такой развязки никак не ожидал. Растерялся. Бросился на кухню за водой, в буфет за лена-

ствами. Пистолетин впопыхах под газету сдвинул. Хотел солдат звонить в "Скорую помощь"... А судья уже и дышать перестал. Ушел солдат. О пистолете только через полчаса вспомнил. Но решил — будь что будет. Не вернулся. Хотел пойти повиниться. Только вины своей он не чувствовал.

Стали гадать — что делать с солдатом. Разыскали то дело — расстрельное, про командира роты, не выполнившего приказ. Прав был солдат. Хоть и обвиняли командира во всех смертных грехах, а по логике-то выходило, что спас он людей, сохранил боевое подразделение. Истинными-то преступниками были вышестоящие командиры, не отдавшие единственно верный в сложившихся условиях приказ. Они и предали ротного. И нельзя было этого не увидеть даже из тощенького трибунального дела. Судья не увидел — не захотел. И погубил кадрового, боевого, честного офицера.

Состав преступления вроде как углядеть у солдата было можно. Раньше бы изобразили из случившегося террористический акт. Но теперь речь могла идти о покушении на убийство или об угрозе убийством. Однако дело это с юридической точки зрения представлялось весьма неоднозначным. Ну хотя бы потому, что доказать четкую, конкретную причинно-следственную связь между разрывом сердца у судьи и словами солдата было практически невозможно. Да и любой адвокат мог озадачить обвинение вопросом: а с чего вы взяли, что судья умер после прихода солдата, а не до? Дверь открыл, чтобы позвать со-

седей. Не докричался. Вернулся в кресло... Ну а то, что солдат говорит иное, так ему все могло показаться, мог потом все придумать и оговорить себя.

И вообще наказывать солдата казалось бессмысленным. Приговора он не боялся. Какой-либо опасности для общества не представлял. Руководство об этих тонкостях вряд ли думало, но процесс, пусть даже и закрытый, мог оказаться политически провальным — этак, чего доброго, потянется ниточка, и народ узнает, что военные трибуналы в Отечественную наряду с предателями сгубили немало честных и даже героических людей. А сам солдат на этом процессе предстал бы не обвиняемым, а мучеником и даже обвинителем... Кончилось тем, что солдата для отчетности обвинили в незаконном хранении огнестрельного оружия, дело тут же прикрыли в связи с его незначительностью, а с солдата взяли подписку о неразглашении тайны следствия.

По какому-то недоразумению чекисты забыли забрать у Бориса Федоровича Кретова отданный ему на экспертизу трофейный пистолетик.

— Недавно я узнал, что тот солдат умер, — сказал мне Борис Федорович. Достал из сейфа бутылку водки, плеснул в стаканы. — Давай помянем его... Все-таки неисповедима наша жизнь. И все-таки есть какая-то высшая справедливость. Вот она-то и сделала простого русского солдата своим судьей. А командира его через некоторое время по-смертно реабилитировали. Правда, втихую, без огласки. Давай и его помянем. ■

Когда на открытии XI Международного Славянского кинофорума "Золотой Витязь" в Рязани на сцену пригласили Адольфа Ильича Чехова, зал сначала недоуменно замолчал, а потом взорвался аплодисментами при появлении артиста Леонида Мозгового, талантливо сыгравшего роли Чехова, Гитлера и Ленина у режиссера Александра Сокурова.

— Сокуров помог реализовать то, что не удавалось боль-

ко... Школа Зона в нашем городе ценится высоко. Вместе со мной в выпуске 1965 года учились Лев Додин, Наталья Тенякова, Ольга Антонова. И так случилось, что, будучи актером театра и кино, как записано в моем дипломе, большую часть жизни занимался совсем другим. Тридцать лет я работаю на эстраде, читаю литературные произведения. Но театр во мне все равно жил, и я начал делать моноспек-

ЛЕОНИД МОЗГОВОЙ:

**” в театре
закулисье
съедает
творчество**

шую часть моей жизни. И вообще перед вами очень счастливый человек. Хотя бы потому, что я в профессию пришел по призванию и совершенно случайно попал к ленинградскому педагогу Борису Вульфовичу Зону, известному тем, что он основал новый ТЮЗ в Ленинграде еще до войны. Его учениками были знаменитые впоследствии артисты — Павел Надочников, Николай Трофимов, Алиса Фрейндлих, Зинаида Шар-

танли. И не жалею, что так вышло, потому что в театре, как показывает опыт, закулисье съедает творчество. Знаете известную присказку "Против кого дружим"? Так вот, мне есть против кого дружить — только против самого себя. А Зон постоянно напоминал нам слова Александра Островского: "В театре либо священнодействуйте, либо убирайтесь вон". Это в меня запало, я так и жил. Прошло много-много

лет, и я встретился с Сокуровым. Уверен, он — классик современного кино. Сделал сорок фильмов к своим пятидесяти годам: 26 документальных и 14 игровых. Сокуров — трудоголик. Все его фильмы создаются невероятными трудами, особенно послед-

ний, который показали в Каннах, "Новый Ковчег".

— Вы сыграли Ленина и Гитлера. Сравнивали их в человеческом плане?

— Для меня играть Гитлера все равно, что играть Ричарда III, героя трагедии Шекспира. А Ле-

нина я определил для себя, как Гамлета. Да-да, не удивляйтесь, он ведь тоже решает вопрос, который я бы определил как "жить или не жить"? Были потрясающие сценарии Юрия Арабова, которые показывают их именно как людей. Единственно общее, что есть между ними — наверное, фанатизм, преданность идее. Кстати, современный терроризм тоже оттуда — из XX-го и даже XIX веков. Катехизис революционера Нечаева цитируется Лениным неоднократно. По сравнению с Лениным, честно говоря, я понял, что Гитлер довольно мелкая фигура.

— Изменила ли работа в картине "Телец" ваши представления о Ленине?

— Конечно, после работы в "Тельце" я многое вижу уже совсем по-другому. Для меня эта роль — покаяние. Хотя за что каяться? Я ничего не совершал против народа, как и мой отец. Но мой дед совершенно искренне хотел привести человечество к счастью. На Соловках я видел в музее плакат "Насильно загоним человечество в счастье!" Вот где ужасная ошибка. У народа не было слова Бог, а было — дедушка Ленин. Из нас всех делали общественных деятелей, независимо от профессии. Пересмотр нашей жизни начался в стране давно, еще в 60-е, идет и сейчас. Думаю, что мы еще многого не знаем.

Сонуров и Арабов задумали целую тетралогия "Диктаторы XX века в личной жизни": о Гитлере и Ленине, впереди Хирохито. Знаю, что уже есть сценарий. Причем везде сюжет построен на одном дне из их жизни. Эрих

Фромм, знаменитый психоаналитик, писал: "Пока мы не поймем Гитлера как человека, мы не поймем сути фашизма". В работе над фильмами Сонуров говорил, что счастливый человек к власти не рвется, к ней стремится несчастный. И чем больше у властолюбца таланта, чем больше несчастья он несет в себе, тем большее количество людей он заражает своим несчастьем. И Гитлер и Ленин были глубоко несчастными людьми. К тому же и неуравновешенными, психически нездоровыми, что также не делает их счастливыми. Все это не выдумка, есть в документах свидетельства; Арабов и Сонуров ничего не придумали, опирались на точно проверенный материал. Я, как и они, читал воспоминания о Ленине, как о человеке, а не памятнике, не легенде. Трудно, конечно, разочаровываться, но надо себя перебороть. Ведь сказано же "не сотвори себе кумира".

— Насколько трудно было входить в образ Гитлера?

— Ощущал мучительное счастье — так я определил для себя работу над этим образом. Приходилось все время себя перебарывать. Прежде всего я отшел от сторону свое отношение к нему,

Кадр из фильма "Тоска"

отказался от того, как должен советский человек моего поколения относиться к врагу своей страны, исчадию ада. Много читал воспоминаний о нем. Вот, например, замечательные заметки актрисы Ольги Чеховой, родственницы Антона Павловича. Как известно, она была в 30-е годы в Германии кинозвездой и хорошо знала фюрера. Она пишет, что в Гитлере жило два человека. Один — таной гуру, всевидящий, понимающий, благородный отец народа. Второй — актер. (Сохранились снимки, где показано, как он отрабатывает до мелочей различные позы. Есть еще документальный фильм, где в зависимости от ситуации он предстает в разных образах. И все доводилось до автоматизма.) Ольга Чехова вспоминает Гитлера так: провинциальный, закомплексо-

ванный, очень любезный, женщину всегда пропускал вперед. В основу сценария "Молох" положены записи застольных бесед Гитлера, где он много чего говорил: и про Украину, которую надо засеять крапивой, про уничтожение неарийцев и славян... По ним я входил в образ.

— Еще вы сыграли Чехова. Н сожалению, об этом фильме мы мало знаем.

— Да, очень жаль, фильм в России почти никто не видел. Сокуров показал его только в Японии. Я сыграл дух Чехова, который приходит в наши дни в свой дом в Ялте. Интереснейшая роль, работал с необыкновенным удовольствием.

Это была моя первая встреча с Сокуровым. Я к тому времени знал несколько его работ, от "Одинокого голоса человека" был

в восторге, но никогда даже не думал о работе в кино. И вдруг мне позвонила знакомая, работавшая в группе Сокурова, и пригласила на пробы. Я пришел на Ленфильм, ни на что не рассчитывая, просто из любопытства. Шел 91-й год, киностудия уже не напоминала "фабрику грез". Все было запущено, впрочем, сейчас там то же самое, денег-то нет. Так вот, подходит ко мне человек, слегка прихрамывающий, похожий на тренера по боксу. Проговорили часа два о жизни, театре, кино. Но уже через пять минут, по его взгляду, я понял, что он меня берет. Сокуров очень тонкий человек, чрезвычайно деликатный. За десять с лишним лет знакомства ни разу не слышал не только оскорблений в чей-либо адрес, но даже повышенного голоса. Он располагает к себе, об этом говорят все, кто с ним общался. Вот, например, в последней картине "Новчег" снимались 900 актеров, и все вспоминают с большим удовольствием о работе с Сокуровым, отмечают его внимательность к каждому.

— *Вы с ним дружите?*

— Нет, я сам человек занятый, стеснительный, не люблю навязываться. Он тоже не очень любит раскрываться. Чай вместе не пьем, друг к другу в гости не ходим. Но есть что-то связывающее нас, я так надеюсь, чувствую. Думаю, мой приход к Сокурову совершенно не случаен еще и потому, что он тоже любит русскую литературу XIX века, считает ее главной в культуре России. Иногда мне кажется, что я моложе его, хотя на самом деле старше на десять лет. Он хороший

философ, поэтому дает большой заряд. Он и кино меряет по тому времени, говорит: "Кино — не массовое искусство, а индивидуальное. Каждый берет только то, что лично ему нужно".

— *Расскажите, пожалуйста, о своих программах.*

— Я люблю классику. Первый настоящий спектакль сделал по повести немецкого писателя Ульриха Пленцдорфа "Новые страдания юного Вертера". С него веду отсчет своим моноспектаклям. До этого просто выступал с чтением хороших стихов. Читаю Блока — спектакль о его судьбе "Я — Гамлет", Есенина, Пушкина, Гоголя — всех и не перечислить. У меня обширный репертуар, в голове разных текстов на 26 часов. Очень люблю монолог о Булате Окуджаве. Однажды показал его автору, и с благословения Окуджавы с тех пор выступил с ним более 1400 раз. У людей теплеют глаза. Все подпевают. Вот где наша духовность.

— *Наня из ролей вам больше всего нравится?*

— Все роли любимые. Я же никогда не делаю того, что не нравится. А на сцене среди моноспектаклей есть самый идеальный, который я играю в настоящей мансарде, мест на 20, больше не помещается. Это "Сон смешного человека" Достоевского.

— *А много ли зрителей к вам приходит? Сейчас публика увлекается развлекательной литературой, детektивами, в основном.*

— Детектив — коммерческое дело. Американцы раньше всех это почувствовали: снял и быстро получил прибыль. А вот то, что потрясает — на нем деньги

Надр из фильма "Молох".

не сделаешь. Должно быть еще расположение души. Сокуров хорошо сказал: "Я снимаю не для населения, а для народа". А народ — тот, кто читает толстые книжки, кто ходит в филармонию. К сожалению, в Питере есть люди, ни разу не бывавшие в Эрмитаже, даже не вывозившие своих детей в центр города. Ну, что же делать? Такое время. Но у меня есть свои зрители, для которых работаю. Надеюсь, от них ниточка пойдет дальше. Во всяком случае, хотелось бы. Кстати, Сокуров, зная, что зрители не ходят в кино еще и по

причине дорогих билетов, устраивал бесплатные сеансы для интеллигенции Питера. Люди приводили детей. Есть, значит, надежда.

— Леонид Павлович, а у вас есть желание сыграть некоего героя независимо от предложенных режиссеров? Другие актеры обычно говорят об этом.

— Нет у меня такого. Главное в кино — режиссер. От его желания все идет. Я же делал то, что мне предлагал Сокуров, и это оказалось — мое. ■

Беседовала **Алла ЛЮДЕН.**

ОCTPOB

Евгений ШИШКИН

ЛЮБВИ И СВОБОДЫ

Сегодня утром Вавилов видел ее. За все прошедшие с того времени девять лет он не искал с ней встречи, не вынашивал проектов ускорить, подхлестнуть эту встречу, — он терпеливо, истово ждал сегодняшней фатальной случайности, которая не могла не произойти, которая обязана была свести, столкнуть, соединить их хоть на миг, хоть на мимолетный взгляд, хоть на полслова. Вавилов не просто видел ее сегодня — не впрямую из окна машины в уличной толпе или из окна офиса, когда можно было ошибиться, — он смотрел на нее достаточно долго и был совсем близко, — так близко, что можно было разглядеть светленькие штрихи морщинок у ее глаз на загоревшем первым майским загаром лице, — лице немного постаревшем и похудевшем и как бы обострившимся, с теми неизменными, всегда чем-то взволнованными малахитовыми глазами, с дежурным тонким полусъеденным слоем помады на чуть обветрившихся губах. Он даже разговаривал с ней, он вобрал в себя каждое слово, каждый вздох, он даже ощутил в себе ее неловкость: он перед ней в светлом итальянском костюме, в галстук от итальянского кутюрье, она — в простой темной юбке, в футболке, уже застиранной, выбелевшей, босоножки разбитые, в руках — потертая, облинялая матерчатая авоська, чем-то набитая, наверное, продуктами (поблизости был какой-то дешевый рынок). Свернувшиеся в жгут лямки старой авоськи резали ей руку, Ва-

рисунок **Виталия Федорова**

вилов видел белые, надавленные следы на ее ладони, когда она переключала авоську из одной руки в другую.

— Давай я тебе помогу. — Вавилов потянулся к ней, он уже дотронулся до этих жгутиков-лямок и заодно, нечаянно, коснулся ее руки, — руки такой знакомой, освоенной, такой незабываемой и теперь такой недоступной...

— Нет-нет. Не надо. Я сама справлюсь. Нет... Вас вон люди ждут. До свидания. — Она сказала это быстро, испуганно и как-то вся замкнулась, залезла в себя, словно в ракушку, словно в панцирь, и чуть ссутулясь, пошла. И в каждом ее движении, в каждом ее шаге чувствовалось, что она хочет поскорее скрыться от него, от Вавилова, от его взгляда и от взглядов тех двоих, которые стояли за его спиной. Вавилов чувствовал, как ей поскорее хочется скрыться за прохожими, затеряться и исчезнуть, покончив с этой неловкостью своего какого-то бедного и будто бы униженного положения, с неожиданностью этой встречи. Покончить с ним...

Он смотрел ей вслед. Долго и неотрывно. И даже тогда, когда она окончательно скрылась, исчезла, растворилась в потоке прохожих, в деревьях, в зданиях, в безнадежности, в той безмерности координат времени и пространства, из которого появилась, Вавилов все еще стоял неподвижно и не хотел верить в то, что *это* уже произошло, уже состоялось и повторить, переиграть *это* уже невозможно.

Он не хотел оборачиваться к тем людям — референту Сергееву и охраннику Котову, — которые стояли за ним, ему не хотелось видеть нарядный фасад трехэтажного особняка с зеркально-затемненными окнами и дубовой дверью, и все больше в нем нарастало чувство провала. На какой-то миг в глазах у него все помутнело, и ему стало так же нестерпимо больно и дурно, как было тогда, — девять лет назад. Вавилов почувствовал, что может сейчас упасть, и ни один из тех двоих, которые стояли за его спиной и которые бросятся поднимать его и зырять по чердачным окнам соседних домов и искать наемного убийцу-снайпера, не поймут, не догадаются, им даже на ум не придет, от какой силы их шеф, крепкий молодой мужчина вдруг повалился и чуть не сдох под окнами своего офиса, — офиса, в котором он своим умом, волей, деловой хваткой, изворотливостью контролирует весь бензиновый бизнес города.

Вавилову всегда хотелось отомстить ей своим богатством и успехом, а еще больше хотелось своим богатством и успехом вернуть ее из прошлого девятилетней давности. Но теперь оказалось: она даже не хочет знаться с ним и хоть как-то оценить и преклониться перед его силой, властью, деньгами, и теперь ему уже нечего и некому доказывать — все впустую, все зря, все напрасно, и в душе у него было погано, скверно, как на замусоренном пустыре, где ветер гоняет обрывки бумаг, фанти-

ки, истлевшие окурки папирос — дешевого “Беломорканала”, который приходилось курить в армии.

Вавилов повернулся к своим подчиненным, хотя ему не хотелось видеть и вспоминать о них, ему даже не хотелось вспомнить о себе самом: кто он, что за люди у него за спиной, кому принадлежит роскошный особняк с зеркальными стеклами. Но он, наконец, повернулся, исподлобья взглянул на них. Они — и референт Сергеев, этот чистюля и пройдоха, и крепыш-охранник Котов, с короткой стрижкой и волковатыми глазами, человек тупой и преданный, — смотрели на него, на Вавилова, как-то виновато, переминались перед ним, будто чего-то не учли, прошляпили, пролопушили. Вавилов равнодушно окинул их взглядом и обернулся назад — туда, в город, в безмерность, из которой она появилась на минуту и опять скрылась, — оглянулся так, как будто надеялся остановить, растянуть эту минуту. Потом стал подниматься по ступенькам к дубовым дверям.

— Может быть, вернуть... — заговорил негромко и учтиво чуткий Сергеев и тут же поправил себя: — Попытаться вернуть эту женщину?

— Что? — словно его тронули за живое, вскрикнул Вавилов. — Нет! Ни в коем случае! Этого делать не надо! Поздно! Все! — отрубил он и пошел по ступеням к дубовой двери. Пошел, ненавидя себя за то, что не позволил Сергееву вернуть ее; Сергеев смог бы; Вавилов потому и держит этого ушлого референта Сергеева, что тот может все устроить: сауны и проститутки для клиентов, мелкие взятки чиновникам и подкупы депутатов и еще многое из того, что может человек, который пролезет в игольное ушко — только дай ему денег... Сергеев, конечно бы, вернул ее, но Вавилов понимал, что поздно и уже сказал: “Нет!”

Почти так же он осек мать, — тогда, все те же девять лет назад, когда мать приезжала к нему в армейский госпиталь. Мать спросила его осторожно и уступчиво, — уступчиво, потому что мать всегда была против нее:

— Сынок, ну хочешь, я сама поговорю с ней? Может быть, она... — мать однако, замаялась, да и Вавилов выпалил ей:

— Нет! Не надо, мама! Не напоминай мне больше о ней. Все!

Возможно, именно тогда он упустил шанс, ниточку: ведь могло что-то измениться, если бы он позволил матери встретиться с ней. Но он, ненавидя себя за свое упрямство, за свою неразумную взвинченность, уже произнес: “Нет!” И ему хотелось плакать, зарыться лицом в подушку, укутаться одеялом, утонуть в темноте беспробудного тупика отчаяния и слез: ведь ничего уже не исправить! — и хотелось, чтобы мать поскорее ушла, уехала, оставила его; ему даже хотелось прогнать мать, потому что она всегда отталкивала ее. Но Вавилов не мог этого сделать: в палате были и другие солдаты — боль-

ные и раненые (раненые были из Афганистана), и Вавилов молчал, прятал глаза, и здоровой рукой стискивал железный уголок кровати — до боли в суставах, чтобы отвлечь себя, чтобы не раскиснуть, не опозориться слезами, окончательно возненавидев в своем одиночестве себя и весь мир, и каждого в нем человека, в том числе — мать... Он не сдержался и еще раз, будто заклинание, прошептал матери:

— Я больше ничего не хочу о ней слышать. Я больше никогда не хочу ее видеть. Все!

Он обманывал себя. Он ждал ее, он мечтал ее видеть, он сгорал от ожидания, он вздрагивал почти всякий раз, когда палату извещали о посетителе, он был почему-то уверен, что она все уже знает и может приехать в любой день, ведь поезд приходил сюда из города почти ежедневно. Он просыпался с одной мыслью, что она приедет сегодня и все смотрел на дверь палаты. Но из посетителей к нему был еще только один человек: заехал проведать замполит части подполковник Еркач.

У подполковника Еркача были добрые рыжие глаза, мохнатые брови, мятые брюки и совсем невоенная тяжеловатая стать; он говорил со стариковской мягкой умудренностью:

— Ну-ка, оставьте-ка нас, ребяташки, наедине с Вавиловым. Покурите-ка пока. Вот, — подполковник Еркач достал пачку "Аэрофлота"; все солдаты из госпитальной палаты вышли.

Вавилов лежал перед подполковником, шуря от стыда глаза, увертывался от его понятливого взгляда, не давал залезть себе в душу, в мысли, в самое больное — в сердце, которое было сейчас закрыто бинтами, которые опоясывали грудь, потому что нельзя было перебинтовать простреленное плечо, не охватив бинтами грудь.

— Не надо меня успокаивать. Я все понимаю, товарищ подполковник. И, пожалуйста, не надо меня комиссовать. Я не хочу домой. Отправьте меня в Афганистан. Я подам рапорт...

— Ну-ну, понятненько. — Подполковник Еркач покивал головой. — Ты уж больше с оружием-то не балуйся. Ладно? Да и в бега не надумай податься. Не дело это...

Вавилова не комиссовали; рана была не такой серьезной; Вавилова не отправили и в Афганистан, хотя он написал рапорт; с Вавиловым побеседовал военный психолог, и его отправили служить в другую часть в той же дивизии. Он служил примерно. Он твердо решил для себя, что будет ждать, — ждать, когда сама судьба распорядится их новой встречей; и только чаще, чем раньше, вспоминал, прокручивал, старался осмыслить последние минуты их расставания — там, на вокзале, перед отправкой в армию, когда она, прощаясь с ним, обняла его и со слезами в глазах прошептала: "Береги себя". Она не сказала: "Буду ждать". Она ни разу не произнесла этих слов "Буду ждать". Ни разу! Да он тогда и не обеспокоился этим, он просто и не подумал об этом, да он тогда и не мог слушать толь-

ко ее: рядом стояли родные, друзья, мать, которая не признавала ее, — не признавала, быть может, потому что она была старше его на два года (всего-то каких-то несчастных два года, но когда человеку двадцать, два года кажутся огромной дистанцией), а быть может, потому, что мать все еще не могла простить ей ту ночь, ночь, которую они провели на острове, под скалой. А когда Вавилов был уже в вагоне электрички и высунулся в приоткрытое окно, он увидел ее на платформе внизу: сверху она казалась какой-то маленькой, незнакомой, и у нее был умоляющий взгляд: малахит ее глаз был сер, тускл, водянист, и умоляющ, впервые так умоляющ. О чем она просила? Только ли о том, или столько ли о том, чтобы он не забывал ее? А может, уже тогда, на вокзале, она умоляла о прощении? ...Прости меня. Я не смогу, не выдержу, не осилю ждать тебя два года, целых два года, я сама над собой не властна, я не верю, что ты вернешься ко мне, я старше тебя, я не хочу и не могу конфликтовать с твоей матерью, она никогда меня не примет... ну прочти, прочти это в моих глазах, прочти и пойми, чтобы потом не мучиться, не страдать, не проклинать меня... пойми, что эти два года мы не будем вместе и за нами не будет той скалы на острове, которая защищала и заслоняла нас от всего; пойми, что и ты не застрахован от... Но он чего-то так и не понял, не дочитал в ее глазах, не разобрал ее прощального крика: в динамики грянул марш "Прощание славянки", заглушил ее крик, электричка тут же тронулась, и толпа на перроне размыла ее умоляющие глаза. Вавилов так и уехал слишком влюбленный, слишком слабодушный от этой влюбленности, и если бы он хоть чуть-чуть не был таким, тогда бы и не было нелепого выстрела, тогда бы вообще не было выстрела...

Но ведь и сейчас, спустя девять лет, он, Вавилов, немного остался таким. Если бы это было не так, он бы уже ни на что не надеялся, не уповал на встречу с ней, он бы давно прервал свое холостячество и его женой была бы Вика. Конечно, Вика! Вика — его личный помощник, его личный секретарь, его личный переводчик, его единственная любовница, — вся его. Она молода, красива, даже очень красива, у нее большие умные карие глаза, мягкие яркие губы, стройная броская фигура, Вика современна, аккуратна и ему очень преданна.

Вавилов в сопровождении Сергеева вошел в приемную, кивнул головой Вике и, глядя куда-то мимо Вики, спросил резко и начальственно:

— Сколько уйдет времени, чтобы подготовить катер?

Вика была в некотором замешательстве, нижняя губка чуть приопустилась от растерянности а, может, и от обиды за такой тон; потом ее пальцы стали торопливо выстукивать по телефону, вызванивая приказание Вавилова:

— Я сейчас узнаю. Сейчас...

Эти торопливые слова Вавилов слышал уже за спиной, он уже входил в свой кабинет.

— Через час. Катер будет готов через час, — доложила Вика, войдя к нему в кабинет вместе с Сергеевым.

— Через час я должен быть на причале, — негромко сказал Вавилов, но сказал так, что если бы последовали какие-то возражения, а они могли последовать: через час его ждали на важном совещании в мэрии и об этом знал и Сергеев, и конечно, — Вика, то он, Вавилов, прогнал бы их обоих к чертям собачьим — и Сергеева, и даже Вику, даже ее, любящую, преданную ему, — любящую его той особенной любовью, которая возможна лишь при деньгах.

О! эта новая генерация женщин, в которых любовь может проснуться только при присутствии у мужчины денег и власти. Вика была именно из этой породы современных... Это была не покупная любовь, не проституция, не голый расчет, не продажность, просто любовь могла возникнуть при неминуемом условии — обеспеченности. Нет, Вика не была захватчицей, лживой, расчетливой, хитро-обворожительной — она могла полюбить, почувствовать нежность только к тому человеку, у которого власть, положение, деньги. Иначе все — она даже бы не заметила человека. И в этой Викиной любви была своя искренняя страсть, свое обаяние, своя преданность, эту любовь нельзя было считать какой-то приниженной, хотя она была совсем не та безоглядная, без условий, омутная — как в омут. А девять лет назад, когда деньги не были еще так боготворимы, между ними, Вавиловым и ей, только и могла завязаться безденежная, безрасчетная, омутная любовь. Вавилов знал, что и замуж она — когда он был в армии — вышла не за деньги, не за положение, — тот, с кем она уже на четвертый месяц службы Вавилова делила брачное ложе, не был ни богат, ни известен — что-то средненькое, серенькое, что-то такое, что теперь он, богач Вавилов, который способен покупать голоса депутатов, платить охраняющим его бандитам, содержать нескольких продажных газетчиков и дорогих вертких адвокатов, мог раздавить как клопа. Но тот *что-то* оказался именно тем, к кому она ушла почти сразу, как только он надел солдатскую форму.

...Переписка у них была вялая, настораживающая Вавилова, предвещающая, что вскоре придет и последнее письмо. И оно пришло: «Я выхожу замуж. Он ни в чем не виноват. Он не знал меня, когда мы были с тобой вместе. Сама так решила. Прости, если сможешь. Я не смогу тебя ждать. Я не хочу неприятностей с твоей матерью. Я старше тебя. Прости. Забудь меня. Теперь я чужая жена». Вот тогда-то он впервые испытал чувство провала. Это было в день, когда Вавилов с новым рядом караула выходил на развод на плац под лютый морозный февральский ветер, и дежурный по части офицер, капи-

тан Цыж, ретивый службист, с безупречной выправкой, стоял перед строем и отрывисто выкрикивал (обыкновенная процедура перед караулом):

— Товарищи солдаты, сержанты! У кого есть жалобы на здоровье? Кто себя чувствует неуверенно, болен или... (ветер, морозный свирепый ветер заглушил тугим порывом его голос).

Вавилов, тогда он был рядовой Вавилов, не вышел из строя, хотя он был вне строя, вне службы, он был вообще вне, он только знал и помнил одно: "чужая жена". Ему нельзя было в караул, ему можно было напиться, подраться, попасть на "губу", но ему нельзя было с ее словами "чужая жена", со своим одиночеством и с автоматом заступать на пост. И когда караул строевым шагом уходил с плаца, держа равнение "направо", на капитана Цыжа, когда ветер прохватывал шинель и рукавицы — трехпалые солдатские рукавицы (трехпалые — чтобы можно указательным пальцем давить на курок), Вавилов уже знал, что будет делать на посту.

Он заступил на пост третьей сменой, в ночь, когда холод и ветер казались еще злое и крепче, чем вечером на разводе; но у Вавилова не было права мерзнуть. Заступив на пост, он не только скинул рукавицы, но и сбросил со своих плеч тулуп, который выдавался часовым, и оказавшись раздетым, он острее почувствовал и холод, и ветер, и ненасытную боль, и хотелось поскорее все это кончить, разделаться с собой, с ее предательством, с этим лютым ветром. Вавилов ушел за скалы, на край поста; пока он шел, он уже успел замерзнуть, у него дрожали руки, губы, он весь дрожал... Он прислонился к стене склада, куда падал отсвет прожектора, здесь можно было еще раз прочитать письмо, где "чужая жена". Он знал письмо почти наизусть, оно сразу врезалось ему в память, но прежде чем кончить с собой, он хотел еще раз, назло себе и в отместку ей прочитать вслух два слова "чужая жена"; ему хотелось прочитать их и разбередить себя, разодрать в лохмотья душу, чтобы ничего живого и цельного в нем не осталось, а потом безбоязненно и безболезненно покончить с собой, — и пусть она знает, что она оказалась такой жалкой, пустой, пусть ее мучают угрызения совести, ведь никто и никогда не будет любить ее так, как он, ведь ни с кем она больше не окажется на острове, на безымянном острове у скалы, где они... Глаза слезились, ресницы слипались на ветру, все тело колотило ознобом, Вавилов рвал иззябшими пальцами ее письмо, и лепестки, подхваченные морозным ветром, летели по сугробам в безвестность, в никуда, приглашая и его, Вавилова, вслед за собой.

...Сергеев был достаточно опытен, он мягко, будто мимоходом спросил:

— Кто вместо вас поедет на совещание?

— Что? — откуда-то издали, из прошлого девятилетней давности откликнулся Вавилов и поднял глаза на Сергеева.

— Кто сможет вас заменить в мэрии? — еще мягче, будто голос крался на цыпочках, спросил Сергеев.

— Реши сам! — отмахнулся от него Вавилов.

— Мне поехать на пристань с вами? — робко спросила Вика, она держала в руках блокнот и ручку наготове, словно хотела стенографировать каждое брошенное им слово.

— Нет. Вам незачем со мной ехать! — быстро сказал Вавилов. Этим “вам” он отсек Вику от себя, дал понять, что ей нечего совать нос... И вообще нечего кому-то совать нос! И что они здесь делают? Зачем они здесь? Вавилов вспомнил, кто он и почему сидит в кресле в огромном кабинете, и крикнул: — Ну что вы здесь торчите? Я уже все сказал. Все!

Он отвернулся к окну, к жалюзи, сквозь которую просачивался приплюснутый свет, отвернулся, чтобы не видеть обиженной походки Вики, не видеть Сергеева, бесшумно идущего по ковру кабинета. Когда они ушли, Вавилов снова забыл нынешний день.

...У Вавилова сильно замерзли руки, он их почти не чувствовал, он складывал их в пригоршни и дул на них, чтобы отогреть и управлять ими. Ах, зачем он поторопился выкинуть рукавицы! Но о рукавицах вспоминать было нелепо и уж тем более разыскивать их. Вавилов снял с плеча автомат и неуклюже, неловко, злясь и пыхтя, стал снимать застывшими непослушными пальцами штык-нож. Штык-нож не снимался, руки леденила мерзлая сталь ствола, и Вавилова охватила дикая обида от своей беспомощности — весь этот жестокий мир издевался над ним, и Вавилов заплакал; теплые слезы выкатились на щеки; он из последних сил рванул рукоятку штык-ножа и, срывая кожу на пальцах, отцепил штык-нож. Вавилов прижал приклад к животу, снял автомат с предохранителя и дернул ледяную скобку затвора, вгоняя патрон в патронник. Пружина магазина стремительно вытолкнула патрон, и он с коротким клацаньем лег на исходную — против ствола, подставив капсюль под боек по центру. Вавилов все это очень зримо представил, и ему стало еще холоднее, он словно бы почувствовал вместе с холодом ветра холод пули; ему захотелось поскорее все кончить — прекратить боль, отчаяние, этот лютый холод, от которого сводило даже лопатки. “Зря скинул тулуп и рукавицы”, — подумал он, но эта мысль казалась несуральной: разве нужен уют, чтобы застрелиться? Он поставил автомат прикладом на землю, на твердую мерзлую корку снега и заглянул под мушку: черное отверстие под срезом пламегасителя смотрело на него черным зрачком, в глубине которого — невидимое острие пули. И опять стало до жути холодно.

Вавилов почти машинально, почти неосознанно наклонился к стволу, приставил его к груди и потянулся большим пальцем правой руки до курка. Он уже коснулся ледяной глади курка и даже немного надавил на него, он уже покончил силой

своего нажатия со свободным ходом курка, с некоторым конструкторским люфтом спускового механизма; оставалось еще одно, одно маленькое, крохотное усилие, но Вавилов вдруг почему-то вспомнил, вспомнил как-то не вовремя, что, снимая автомат с предохранителя, поставил скобу в положение "очередь", а зачем ему очередь? Ему достаточно и одного, одиночного выстрела. Вавилов потянулся к предохранителю, чтобы изменить его положение одиночных выстрелов; он нащупал замерзшими пальцами предохранитель, передвинул его, услышав глухой "щелк", и опять стал налегать грудью на черный зрачок. Новый порыв ветра ударил в него, и Вавилов онемел, весь оокоченел от холода и даже перестал дрожать. И уже совсем не оставалось сил переносить этот лютый холод. Нужно было выстрелить. Или бросить все и идти разыскивать свой тулуп и свои трехпалые рукавицы. Вавилов потянулся к курку — ему было стыдно, что он замерз, что холод мешает ему толком, по-настоящему решительно выполнить то, что он задумал. Но выстрел был уже неизбежен. Вавилов неловко перекошил плечи, дотягиваясь до курка, и наконец-то спустил курок. Вавилов тут же почувствовал мощную волну нового горячего ветра, который ударил ему в грудь; что-то жгучее просквозило мякоть мышцы пониже ключицы; какая-то сила вырвала из рук автомат, и его, Вавилова, отбросила, повалила с ног; и вместе со жгучестью боли в плече пришло чувство освобождения и покоя, и все тело разомлело от обволакивающего тепла...

Это тепло было чем-то схоже с теплом пляжа под солнцем — там, у подножья скалы, на острове. На том острове, куда он, теперешний Вавилов, устремился после встречи с ней, ломая столь неожиданным шагом нормированность и расписанность дня делового человека, устремился, обижая и оскорбляя подчиненных, не считаясь даже с выгодами своего бизнеса; забывая даже о самом себе.

Это забытье преследовало его сегодня, и он вздрагивал, когда просыпался от воспоминаний под воздействием каких-то неминуемых впечатлений сегодняшней обстановки. В первые секунды этого пробуждения ему становилось невдомек, кто он, где он, куда и зачем он едет и почему с такой скоростью ведет шофер его "мерседес", ведет быстро и будто не по шоссе — по дороге, а по прямым железнодорожным путям, и все остальные машинешки отскакивают в стороны от "мерседеса", очищая дорогу. В машине было тихо: ни шофер, ни охранник не смели открывать рта, пока их не попросят; тихо, как мышка, сидел рядом и Сергеев, который все же напросился в сопровождающие: он всегда готов услужить, для того и служит, для того и нанят, за это ему и платит Вавилов.

Впереди, слева от шоссе мелькнуло море, над ним в чистом небе сияло солнце, — сияло и гляделось в море. Впрочем, мо-

ре вовсе и не было морем, — это было огромное озеро, которое просто звалось морем из-за величины и отсутствия поблизости настоящего моря. Маленькое судно, которое Вавилов называл катером, белое с красными спасательными кругами, дожидалось у нужного причала.

— Мне потребуется автомат, — негромко сказал Вавилов охраннику Котову и, не дожидаясь ответа, зная, что на катере есть автомат, прошел на нос судна. — Поехали! — махнул он рукой рулевому, который ждал его приказаний в рубке.

В глубине судна глухо заурчал мотор, и судно отшвартовалось; развернулось в маленькой акватории маленького порта и вышло на открытую ширь. Ветер бил в лицо Вавилову, галстук вырвался у него из-под пиджака и трепыхался на плече.

— Куда держать курс? — нерешительно спросил Сергеев, подойдя к Вавилову. Сергеев был первым, кто отважился спросить его об этом.

— Что? — встрепенулся Вавилов. — Вы что, оглохли? Я же сказал: на остров! Все!

Сергеев отошел. Кстати, Вавилов только сейчас сказал, что они направляются на остров, он просто постоянно думал о том, что ему надо на остров, и ему казалось, что и все остальные уже знают, что надо ехать на остров. После сегодняшней утренней встречи с ней, когда казалось, что что-то безнадежно проваливается в его судьбе, он сразу подумал об острове, о скале на острове. За все ушедшие годы с того посещения острова, когда был там с ней, он ни разу туда не ездил; он суеверно побаивался ездить туда; он мечтал опять вместе с ней приехать на остров; но теперь он ехал один, желая в чем-то убедиться или разубедиться; и остров, и скала на острове оставались еще каким-то соблазном и последней надеждой, а может быть, уже кладбищем этого соблазна и последней надежды. Впрочем, остров тоже не был островом, как море не было морем; это был полуостров, а еще точнее — длинная каменистая коса, уходившая в глубь водополя и заканчивающаяся скалой, вокруг которой был небольшой пляж с белым искристым песком — некая экзотика и оторванность от города.

...“Последнего рейса может и не быть”, — предупредил матрос, когда Вавилов и она решили остаться на острове, а все остальные поднялись на рейсовый катер, собираясь в город. “Ничего, доберемся”, — ответил матросу Вавилов. Матрос равнодушно пожал плечами, втащил трап на катер, стал укладывать восьмерками толстый канат, которым цеплял катер к крохотной бревенчатой пристани. “Поехали, не ночевать же здесь будете!” — выкрикнул им кто-то с катера, но Вавилов и она сделали вид, что не услышали этого. А потом катер ушел. Волны, поднятые катером, набегали на берег, тихо плескались и таяли на песке. “Уехали”, — сказала она. “Ну и пусть”, — сказал Вавилов и сильнее сжал пальцы ее руки в своей ладо-

ни. “Теперь мы здесь одни?” — спросила она. “Да”, — ответил Вавилов. Они действительно остались одни на этом побережье у подножья скалы под лучами клонившегося к горизонту солнца. Когда катер с сопровождающими чайками за кормой исчез из виду, остался лишь нечетким пятном на синем пространстве, Вавилов и она стали безумно целоваться — жадно, неистово, словно два вихря столкнулись, сшиблись, слились, а потом их повязало неразрывное общее объятие, и между ними произошло то, что должно было произойти между двумя влюбленными людьми, — произошло то, чего они и хотели, то, о чем они оба, не сговариваясь, думали, когда оставались здесь, на острове, под надзором высокой скалы. А потом они сидели на песке обнявшись, сидели в какой-то оглушающей тишине полного штиля. Заходило солнце, на море лежала зыбкая золотая дорожка — и никого вокруг. Никого. Будто они одни на всем свете. Тишина была особенной, в ней будто бы воплотилась вечность и бесконечность мира; в ней, в этой тишине, казалось, остановилось время, остановилась их жизнь, их счастье — и тоже превратилось в вечность и бесконечность, — под покровительством вечной неразрушимой скалы. Высокая отвесная многовековая скала, белая, с морщинами проточин — она стояла, как заслон, как щит, охраняла их тишину, их уединение, она была похожа на парус, под которым они устремились в вечную молодость, к вечному счастью... В этом было что-то невыразимо страшное, зыбкое, фантазмагорическое: не верилось, что все это происходит с ними, а не с кем-то, что все это не сон... И она прижималась к Вавилову, как ребенок, который чем-то изумлен и даже напуган, но абсолютно доверчив и счастлив, что у него есть защита. И Вавилов обнимал ее и не выпускал из своих рук ее руки. В Вавилове появлялось новое, трогательное, всепоглощающее и блаженное чувство, когда она становилась будто бы частью его самого; у Вавилова тогда даже запершило в горле от слез, слез радости, и он сказал себе, открывая в себе какой-то новый непознанный мир: “Так вот что такое любовь...”

“Последний” рейсовый катер так и не пришел. Солнце спустилось за горизонт, все обволокло сумрак, стало прохладно, и они сильнее прижимались друг к другу. Ночью под скалой они разожгли костер и до рассвета смотрели, как колышется пламя, и им не было одиноко с этим костром, под защитой скалы. Ближе к рассвету костер заметили рыбаки на моторной лодке и сняли их с острова. Домой они вернулись уже утром, когда люди шли на работу. Им встретила мать Вавилова; мать переживала всю ночь, и вдруг она встретила его с ней; с этого времени она ее невзлюбила, не простила, а узнав, что она старше сына и, стало быть, опытнее, по-женски глубоко взревновала его к ней и сказала ему однажды: “Я тебя ей не отдам!” Вавилов только усмехнулся матери, даже не представляя всей

глубины женской неприязни в этих словах; он и не перечил и не защищал ее от матери.

Познав счастливое иго острова, он вспоминал о нем, как о святом месте и все девять лет оберегал его, не ездил туда, ждал встречи с ним, как ждал встречи с ней. Теперь встреча с ней уже состоялась, и теперь он ехал на остров, к скале, к тому самому месту, где однажды сказал себе: "Так вот что такое любовь". До сегодняшнего дня он надеялся, что ступит на остров опять с ней, она сегодня опять растворилась в бесконечности времени, и он ехал на остров один, чтобы в чем-то убедиться, увериться, чтобы на что-то ответить самому себе. Еще тогда, когда она сегодняшним утром не успела раствориться в толпе, в городе, в безмерности, он решил, что должен поехать сюда, — к святыне, которую оберегал все эти годы, к символу юности и любви, и здесь проверить себя, испытать себя, понять, в конце концов, самого себя и попробовать распутать, разрубить тот клубок, который наматывался все эти девять лет — с того самого дня, когда он, Вавилов, тогда еще рядовой Вавилов, неверным выстрелом бросил себя на стылый снег на посту.

...Катер приближался к острову, все ближе становилась скала, все четче на ней трещины, все так же бело, нарядно сверкал песок пустыющего пляжа (купальный сезон не наступил, и остров был пуст). Катер мягко, с шуршанием вошел носом в береговой песок (крохотной пристани уже не было), пошатнулся и замер. С носа на берег скинули трап, и все, кто был на судне, остановились у этого трапа, пропуская вперед Вавилова. Вавилов подошел к трапу, остановился, словно бы раздумывая: стоит ему сходить на берег. Потом оглянулся назад на охранника Котова.

— Автомат! — твердо и приказующе произнес Вавилов.

Котов помялся, виновато заговорил:

— Извините, но я сам должен...

— Автомат! — еще тверже произнес Вавилов.

Котов принес автомат. Это был не тот автомат, не автомат Калашникова: коротенький, без приклада, импортный, совсем не тот, с которым когда-то Вавилов уходил на пост. Котов, трезво и четко относившийся к своим обязанностям, медлил: он явно не хотел передавать Вавилову оружие и вопросительно поглядывал на Сергеева. Сергеев молчал, делал вид, будто его это не касается, но Вавилов заметил взгляд Сергеева, которым тот подсказывал охраннику: отдай, не связывайся, он все равно автомат получит, а тебя за непослушание выгонит с работы.

— Ну! — вскричал наконец Вавилов, выхватил автомат из рук Котова и пошел по трапу вниз.

Он спустился на берег, оглянулся назад и резко бросил:

— Теперь уезжайте! Все!

Вавилов зашагал по береговому песку к скале. Катер не уходил. Вавилов стал нервничать: он ждал, чтобы катер отчалил. Вавилов уже так нервничал, что готов был заорать на них: проваливайте прочь! Но в этот момент услышал голос предупредительного Сергеева:

— Вот сотовый телефон. Вызовите нас, когда нужно!

Вавилов не оглянулся, но услышал, как на песок что-то упало, а потом услышал турканье мотора, катер сдавал задним ходом — уходил. Вавилову стало спокойнее, ему нужно было одиночество, люди ему мешали, раздражали его, он задышался без одиночества, как тогда, перед караулом, когда хотелось остаться одному: один на один с собой.

Вавилов прошел все узкое побережье, весь этот маленький пляж, весь этот маленький пустынный мир, к которому все эти годы, все девять лет относился благоговейно, так же, как к мечте о встрече с ней, — о встрече, которая уже состоялась... Он поглядывал на море, которое рябилось волнами от ушедшего катера, на солнце, вокруг которого лежали неподвижные белые облака, на скалу, которая, казалось, постарела и нажила новых трещин. И во всем, что он сейчас видел: бумажный мусор, стеклянные бутылки, разбросанные по берегу банки из-под пива и колы, — скрывалась какая-то полная невозмутимость и равнодушие. И сколько бы он ни старался растревожить в себе трепет возвращения, радость или сожаление от новой встречи с островом и скалой, ничего не получалось: то, что он здесь искал, было утрачено, да и он здесь был каким-то чужим и навсегда опоздавшим. Вавилов сел на песок, поставил автомат между коленей, отстегнул магазин, взглянул на патроны, пристегнул магазин обратно и снял автомат с предохранителя; зачем-то опять поставил рычажок на "очередь". Зачем? Зачем все эти годы он на что-то рассчитывал? Старался кому-то что-то доказать, о чем-то простодушно грезил, впадал во влюбленное детство? Он вспомнил утреннюю встречу с ней; оглянулся на остров, на скалу, и уставился вдаль, в море.

Катер не ушел обратно к городской пристани, катер деликатно, чтобы не злить шефа, сместился подальше от острова в море, не лез на глаза, но все же оставался начеку. Это явное проявление повадок Сергеева. Вавилов даже представил, как Сергеев разглядывает его, Вавилова, в бинокль и между делом говорит охраннику Котову: "Да не бойся ты, не застрелится. Он слишком богат, чтобы стреляться из-за бабешек. Таких людей убивают киллеры, с ними расправляются конкуренты, а из-за баб... Такой глупости они себе не позволяют. Подурит, побесится немножко и успокоится. Не все же время думать про деньги..." (Нечто подобное Вавилов уже слышал от Сергеева, но тогда Сергеев рассуждал не про него, не про Вавилова, а про другого бизнесмена, который, захватив личное оружие, куда-то исчез на сутки — как многим казалось, "по семейным

обстоятельствам...”) “Идиот!” — обозвал Вавилов циничного референта и подернул плечами, чтобы больше не слышать в себе самом пошловато-циничный голос Сергеева, — этого удобного, пронырливого, незаменимого помощника, несносно тупого и ничтожного, если дело не касалось денег. Да знал бы он, этот идиот Сергеев, что никакое — никакое! — самое унижительное банкротство, что самое безысходное разорение, что никакие угрозы конкурентов не стоят и одной строчки в прощальном письме, которое получает солдат от той, которая его провожала! Вавилов передернул затвор, привычно вогнал патрон в патронник, навалился грудью на ствол; осталось бы просто нажать на курок — дострелить себя. И все. Все! И всего-то — короткий глухой щелчок, треск сломавшейся ветки, оборвавшейся надежды... Вавилов отвел ствол от груди. Нет, все не то, все складывалось и выходило как-то не так! Даже автомат какой-то дурацкий, совсем не тот. И сколько бы Вавилов ни распял в себе чувства, как бы ни пытался найти что-то жаркое, испепеляющее, что позволило бы нажать на курок, — все потуги кончались пустотой. Пустынен был остров, равнодушна была старая скала.

Вавилов понимал, что за всем этим скрывается что-то такое, в чем он не хотел признаваться самому себе. Но и откладывать это признание было бессмысленно, — бессмысленно после встречи с ней, после острова... Вся его борьба за самоутверждение, вся его спесь крутого бизнесмена, его властолюбие и жестокость, жестокость даже по отношению к Вике, которая любила его, пусть любила не той любовью, но по-своему искренней и честной, это есть оплата старого долга. Он не смог противостоять матери, он не смог воспротивиться по-настоящему, по-мужски словам матери: “Я тебя ей не отдам!” Он не смог застрелиться на посту, потому что было слишком холодно и неудобно, и он выстрелил мимо. Он не смог ответить сержанту на оскорбление...

Когда его, рядового Вавилова, приготовили везти из санчасти в армейский госпиталь — перевязанного вынесли на носилках из санчасти и уложили в медицинский УАЗик, — в кабину к усатенькому шоферу-ефрейтору, который дожидался сопровождающего офицера медслужбы, на время, по-дружески, забрался сержант-сослуживец. Вавилов лежал, прикрывшись шинелью, он от всех прятал глаза, но обостренно слушал все то, о чем говорилось. Человеку, который в чем-то проштрафился, всегда кажется, что окружающие говорят именно про него. На этот раз Вавилов не ошибся. Они — и сержант, и ефрейтор — заговорили про него.

— Кого везешь?.. Чего с ним?.. На посту, говоришь?.. И умудрился промахнуться? — спрашивал сержант беспечным компанейским голосом. — Письмо, что ль, получил?.. Разлюбила?..

— Ага... Говорят так... Знакомое дело, — отвечал шофер-ефрейтор, чиркая спичкой и закуривая.

— Да плюнул бы на нее! На эту ШЛЮХУ!

— Ага...

— А этот, видно, незакаленный попался. Слабачок... — И сержант усмехнулся.

— Ага, — агакнул согласительно ефрейтор и зевнул. — Дай мне пару сигарет на дорожку, пока везу этого...

Вавилов лежал весь в огне, — не от боли в раненом плече, а от стыда: в нем не нашлось смелости ответить на это оскорбление “шлюха”, которым наградил ее сержант с компанейским голосом; у Вавилова не хватило духу крикнуть: “Нет! Она не такая! Заткнитесь вы! Слышите!” Он уткнулся в ворот шинели и промолчал.

И все эти годы, делая себе карьеру, Вавилов хотел отомстить им всем, доказать им всем, что он не слабачок. Но все эти годы Вавилов еще и надеялся на то, что продолжает любить ее, и что она продолжает любить его. Однако утром она назвала его на “вы”, а остров, на котором под скалой он сказал себе однажды: “Так вот что такое любовь”, пуст и даже равнодушен к нему. Мсть для любви — не попутчица.

Было тихо; на берег неслышно набегали маленькие волны; в небе стояло солнце, освещало древнюю спящую скалу на острове; патрон в патроннике уютно и безотказно лежал наизготовке, на своем верном месте, и ждал посылочного удара бойка.

“Нет, больше я не промахнусь!” — сказал Вавилов.

Он взял сотовый телефон, оставленный ему предусмотрительным Сергеевым, потыкал кнопки, зло и брезгливо, вызывая того же Сергеева, а когда поймал его, зло прокричал, — прокричал, повинувшись чему-то приобретенному и наработанному за последние годы, за годы своего преуспевания:

— Слышишь меня, Сергеев! Поезжай в город! Привези мне сюда Вику, вина и чего-нибудь пожрать! Все!

Он отшвырнул телефон, резко развернулся к скале и, до боли в пальцах сжимая автомат, надавил курок.

Рассекая, распарывая, прожигая воздух, пули, как неистовые осы, летели и жалили скалу. Эти пули нарушили покой скалы, и она неохотно пробудилась. Она увидела перед собой, у подножья на берегу, человека. Она даже вспомнила, узнала этого человека. Когда-то он здесь был со своей девушкой, а теперь он был здесь один и палил из автомата и, быть может, салютовал своей полной свободой. ■

Если у вас есть хоть одна ценная бумага, то есть акция, облигация, вексель, лотерейный билет, на худой конец, то вас, наверное, заинтересует наш визит в неприметный особнячок на Большой Полянке. Но если вы только собираетесь стать акционером или владельцем недвижимости, короче говоря, хотите заработать денег — тем более присоединяйтесь к нашей беседе с генеральным директором "Управляющей компании МЕНЕДЖМЕНТ-ЦЕНТР" доктором экономических наук, профессором Сергеем Анатольевичем Михайловым. Ведь именно эта Компания лидирует сегодня на рынке ценных бумаг России. Ее доходность вне всяких рейтингов...

Помните сказку? Отслужил солдат царю-батюшке 25 лет и отправился со службы домой. По пути попал он в пещеру, полную медных денег. Набил ранец, карманы... А в смежной пещере — серебро. Выбросил слунживый медь, набрал серебряных монет. Но и от них пришлось отказать, потому что в последней пещере стояли сундуки с золотыми червонцами...

Судьба нашего собеседника чем-то схожа с этой военно-финансовой авантурой. Жил-был ракетчик Михайлов, честно служил Родине, занимался запусками космических ракет, в том числе и на всемирно известном космодроме Байконур. Но однажды перестали взлетать космические чудо-корабли, иссякла вдруг государственная казна. И отпустили молодого полковника Михайлова на все четыре стороны. Однако не пропал офицер в новой для себя и довольно жестокой жизни. С той же пылкостью, с какой осваивал космическое пространство, стал размышлять да просчитывать. Не каждый отважится в 40 лет начать жизнь заново, кардинально сменить одну сложнейшую профессию на другую, не менее сложную. Михайлов отважился: отменный ракетчик стал удачливым финансистом. При всей разнородности этих профессий было в них и нечто такое, что требо-

КОСМОС ЦЕННЫХ

бумага

вало весьма схожих качеств: аналитического склада ума, хорошо поставленного математического "аппарата", владения теорией вероятности, готовности к риску, наконец. Помогла и армейская закалка — умение стойко переносить не только физические, но и интеллектуальные перегрузки, самодисциплина, воля к победе... После переобучения и "обнатни" в Фонде федерального имущества Сергей Михайлов ушел в "свободное плавание". Вместе с группой единомышленников он взялся за создание компании по управлению ценными бумагами и иными финансовыми активами.

Рынок ценных бумаг зародился в России с начала 90-х годов. Это было совершенно новое и малознакомое дело. В СССР с его плановой и централизованной экономикой ничего подобного не было. И Сергею Михайлову пришлось прокладывать путь в неведомое. Это если выражаться высоким стилем. На деле ему надо было начинать с нуля, чтобы постичь механизм современной экономики. Классическая формула "деньги-товар-деньги" преобразовывалась в "деньги-акция" ("вексель", "облигация"...)-деньги", точнее, "деньги-штрих", то есть в доход.

Нелегкое да и опасное это было дело — создавать абсолютно новый финансовый механизм среди "динорастущих" финансовых пирамид, заполонивших российский рынок ценных бумаг, как баобабы планету Маленького Принца. Михайлов не стал на путь Мавроди и иных махинаторов. Удержала от подобного соблазна и офицерская честь, и врожденная человеческая порядочность, и страх суда Божьего. Не вдруг и не сразу заработал "Менеджмент-Центр". Были ошибки и сбои, но была великая вера, что однажды и в России стихия почти диного рынка

войдет в норму, обретет цивилизованные формы. С 28 марта 1996 года управляющая Компания "Менеджмент-Центр" шаг за шагом, год за годом уверенно движется вперед, а если говорить языком диаграмм и графиков — вверх.

Как "Менеджмент-Центр" делает свои "деньги-штрих"? Сергей Анатольевич поясняет это на бытовом примере.

— Предположим, вы купили несколько акций нефтяной компании "ЛУКОЙЛ". Теперь вы должны следить за котировкой этих ценных бумаг и продать их на пике стоимости, чтобы тут же купить по минимальной цене акции той компании, которая по вашим прогнозам круто пойдет в гору. На своевременных продажах и покупках ценных бумаг строится стратегия доходов. Но вы не специалист, не аналитик, не умеете играть на бирже, не обладаете всей экономической информацией, без которой немислимо прогнозирование. Вам просто некогда всем этим заниматься, потому что ваша главная профессия поглощает все свободное время. Что делать? Можно нанять маклера и он будет оперировать вашими бумагами, а значит, и доходами. Маклер — хорошо, но компания по управлению ценными бумагами — лучше, надежнее, эффективнее. Я говорю это не потому, что возглавляю одну из таких фирм — "Менеджмент-Центр", а потому, что это одна из ансиом современного рынка бизнеса. То, что сможет маклер, сделает и Компания, но то, что может сделать компания, не под силу никому маклеру.

— Почему?

— Потому что мы не просто отслеживаем процесс колебания стоимости ценных бумаг, мы в определенной степени и управляем им. Для

этого у нас есть целый набор финансовых инструментов. Мы даже можем сами создавать такие инструменты. Например, по нашей инициативе "подшефное" предприятие может выпустить долгосрочные облигации под залог своих, желательнее высоколиквидных, товаров. Мы можем создавать инвестиционные фонды... Короче говоря, наши клиенты всегда осведомлены — куда, по какой схеме, с какой доходностью мы разместили их деньги и акции или их недвижимость.

Наша Компания работает в основном в нефтегазовом секторе российской экономики. Но жизнь заставляет расширять свою деятельность, поэтому мы изучаем возможности работы в металлургии, в лесной промышленности, на предприятиях розничной торговли.

Если говорить об основных направлениях наших стратегических инвестиций, то это, во-первых, "бизнес традиционный", то есть финансы, страхование, негосударственное пенсионное обеспечение... Во-вторых, "бизнес нетрадиционный" — операции с недвижимостью, компьютерные технологии, телекоммуникации... И, наконец, в-третьих, медиабизнес: радио, телевидение, печатные издания. Обратите внимание, я перечислил компоненты медиабизнеса в порядке их наибольшей доходности.

Одно из наших новых направлений — работа с инвестиционными паевыми фондами. Что это такое? Паевой инвестиционный фонд (ПИФ) — это имущественный комплекс без образования юридического лица, форма коллективного инвестирования, при которой средства многих вкладчиков объединяются и инвестируются нашими профессионалами так, чтобы получить наибольший доход. Разумеется, наши клиен-

ты не доверяются нам слепо: мы предоставляем каждому участнику ПИФа инвестиционную декларацию, которая содержит перечень объектов инвестирования, а также требования к составу и структуре активов Фонда. Более детальную информацию наши клиенты могут получить в любую минуту, зайдя на сайт Компании в Интернете.

— А в чем отличие пая от акции как ценной бумаги?

— Дело в том, что инвестиционный пай — это именная бездокументарная ценная бумага. Проценты и дивиденды по паю не начисляются и не выплачиваются. Владельцы паев получают доход в виде разницы между ценой приобретения и выкупа паев. Есть одно существенное преимущество нового типа ценных бумаг перед теми же акциями. ПИФ имеет налоговые льготы — прирост стоимости имущества ПИФа, в том числе в виде банковских процентов, дивидендов и процентов по ценным бумагам, доходов от реализации ценных бумаг налогом не облагается.

— А если я выкупаю свой пай?

— Тогда налог придется платить только за доход, полученный пайщиком при выкупе паев.

— И в какие инвестиционные фонды можно вступить сегодня?

— Если у вас, неважно — физического ли, юридического лица, есть свободные средства, вы можете разместить их в паевых инвестиционных фондах "Промышленный", "Энергетический", в "Нефтяном фонде промышленной реконструкции и развития", в "Высоких технологиях" или в "Инвест-проекте". Повторюсь еще раз, правила всех этих фондов, зарегистрированные Федеральной комиссией по рынку ценных бумаг (ФКЦБ) РФ, гарантируют инвесторам полную прозрачность движения их средств.

— Если подытожить, в чем же основные преимущества паевых инвестиционных фондов?

— Их по меньшей мере семь. Это — простота оформления процедуры покупки и выкупа паев; гарантия погашения паев по требованию пайщика; жесткое регулирование деятельности ФНЦБ; открытость деятельности управляющей компании; минимальные суммы инвестиций; снижение риска путем диверсификации активов; разделение функций управления, учета и контроля.

Скажу проще: наша профессия — доверительное управление вашими активами. Инвестируйте с нами!

— Но ведь держатели свободных средств — люди большей частью осторожные и не особо доверчивые...

— Вы правы. Но, во-первых, "Менеджмент-Центр" завоевал себе добрую славу на рынке ценных бумаг. Нас уже прекрасно знают, и потому совокупность активов, находящихся под нашим управлением к маю нынешнего года, составила более двух миллиардов рублей. Рост собственных средств Компании за 2002 год составил более 200 процентов. И это не слова, это цифры, подтвержденные всеми видами аудита! Во-вторых, мы с оптимизмом смотрим в будущее потому, что налицо заметный подъем российской экономики, обеспеченный помимо всего прочего и стабилизацией политической обстановки, и проводимой налоговой реформой. В-третьих, не надо быть специалистом, чтобы заметить, — за годы реформ на товарном и фондовом рынках России произошли колоссальные перемены. И, несмотря на все издержки переходного периода, предприниматели уверовали в свое право заниматься бизнесом и в то, что доходы не отнимут.

— Вы работаете с негосударственными пенсионными фондами. Это особые деньги. В них — надежда людей на обеспеченную старость.

— Да, это очень деликатная форма нашей деятельности. Тут мало сказать "не навреди". Тут нужны твердые гарантии того, что сумма пенсионного резерва, передаваемая в доверительное управление, будет обязательно возвращена. Поэтому мы ведем тщательный учет прав на ценные бумаги, в которые размещены пенсионные резервы, в специализированном депозитариум.

За каких-то одиннадцать лет Сергей Анатольевич Михайлов сделал новую — блестящую — карьеру, которая составила бы честь любому дипломированному финансисту.

Он родом из Курска. Куряне, как известно, с конца копыя вскормлены, потому, ничтоже сумняшеся, Сергей начал свой жизненный путь с военного училища, да не с простого, а элитного: сегодня оно называется Академией ракетных войск имени Петра Великого. Она расположена в самом центре Москвы, в двух шагах от Кремля.

Много горьких слов было сказано о судьбе солдата в России. Судьба офицеров не исключение. Карьера уволенного в запас полковника Михайлова — разительный пример иного свойства. Оказывается, если голова на плечах, а в ней железная воля и полноценные знания, можно преуспеть и в России.

Всего лишь один раз мне захотелось стать финансистом — после того, как прочитал одноименный роман Теодора Драйзера. И, пожалуй, еще и теперь, после беседы с Сергеем Михайловым. Уж очень увлеченно, если не сказать вдохновенно, рассказывал он о своем деле, в котором нашлось место всему — и

трезвому расчету, и тонкой интуиции, и азарту...

Было бы несправедливо не сказать, что "Менеджмент-Центр" возник не на пустом месте. Пренде чем обрести свой "суверенитет", компания была внушительным предприятием ОАО НК "ЛУКОЙЛ". Главным вдохновителем и стратегом прорыва на рынок ценных бумаг был вице-президент ЛУКОЙЛа Леонид Арнольдович Федун.

— Исключительно творческий, блестяще образованный человек, — отзывается о нем генеральный директор "Менеджмент-Центра". — Философ-прагматик с совершенно особым видением перспективы. Понимает людей и потому умеет доверять. Историю, редкое качество в руководителе. Сегодня уже с полным основанием можно говорить о "школе Федуна". Многих известных в России бизнесменов и финансистов он, что называется, "вывел в люди".

В углу современной "евро-кабинета" — православная икона. По моде или по вере? Задаю этот вопрос.

— Это подарок. В 1997 году у нас появилась возможность помочь восстановлению Свято-Анненского храма села Чубовичи Брянской области. Что мы и сделали, не афишируя свое пожертвование. Через какое-то время к нам приехал настоятель храма отец Игорь, поблагодарил и благословил нас этой иконой. Так что икона висит вовсе не по моде. Если есть Бог в твоём сердце, значит ты — верующий... А храм в Чубовичах, — тот самый, в котором на сороковой день после гибели моряков атомной подводной лодки "Курск" было знамение: воск свечей спелся в красное сердце.

— Сергей Анатольевич, несколько лет назад один очень серьезный

бизнесмен, положив руку на сердце, признался, что чтение художественной литературы "ему нынче не по нервам". Делать деньги быстро и верно превращает людей в роботов. В то же время букинисты говорят, что сегодня все больше и больше людей бизнеса стараются приобрести старые книги, ищут редкие издания, раритеты. Как с этим у вас?

— Слава Богу, всегда было нормально. Любил и люблю побродить по книжным магазинам, порадоваться интересной книге. Раз в неделю уж точно. Чтение — это не просто пополнение знаний, это удовольствие и лекарство для нервов. Хорошая библиотека в доме способствует успокоению души и созданию нормальной атмосферы в семье. Поэтому я не удивляюсь тому, что во многих кабинетах появляются фолианты. Ведь это настоящее удовольствие — снять книгу с полки, открыть, порадоваться красоте фразы или удивиться глубине мысли автора. Простите, я кажется, увлекся...

Эмблема "Менеджмент-Центра" — четыре литеры "М", сложенные на манер креста мальтийских рыцарей. Если когда-нибудь учредят государственную награду специально для финансистов, то одним из первых кавалеров ордена "Рыцарей российского рубля" несомненно станет Сергей Михайлов.

...Интерьеры офиса украшены побегами бамбука. Это замечательный символ — быстрого роста, устойчивости, гибкости нового в России дела, которое весьма успешно ведет компания "Менеджмент-Центр" под руководством Сергея Михайлова. ■

Беседу записал
Николай ЧЕРКАШИН.

Анатолий ТЕПЛЯШИН

* * *

*Только озеро сковывал лед,
мы — к нему и храбримся несмело,
кто от берега дальше уйдет:
риск — всегда благородное дело.*

*Лед хрустел и пружинил под нами,
и чернела внизу пустота.
Мы и сами в то время не знали,
где и чья пролегает черта.*

*Я не мог улыбаться беспечно,
потому у других на виду
Все скользил и скользил бесконечно
по осеннему тонкому льду.*

*Я тогда уже понял отчасти:
где-то жизнь подменила игру,
и, пожалуй, испытывал счастье,
оступаясь в холодную мглу.*

*В пустоту упираясь ногами
и царапая руки об лед,
видел я, как друзья убегали:
кто до берега первый дойдет?*

*Гулким стоном вода отвечала,
обступала меня польнья...
Здравствуй, жизнь! Это только начало,
только первая правда твоя.*

* * *

*Ты проснешься однажды в предутренней мгле,
черным стержнем погоду отметишь...
Сколько лет, сколько зим на земле —
только осень пройдет — не заметишь.*

*Сразу станет и тихо, и пусто вокруг,
солнце встанет, как будто из дыма.
Подступает декабрь...
Ты готова, мой друг,
зимовать бесконечную зиму?*

ВОЗРАСТ ОСЕНИ

*Ах, возраст осени! Какая благодать
разлита в воздухе и в душу входит новую,
и каждый день наполнен светлой любовью,
и юность возвращается опять.*

*Но эта юность первой не сродни,
когда душа, как бабочка, порхала,
когда она еще себя не понимала
и торопила, торопила дни.*

*Когда она, как бурная река,
забыв исток, стремилась на стремнину
и, расплескав себя наполовину,
в привычные входила берега.*

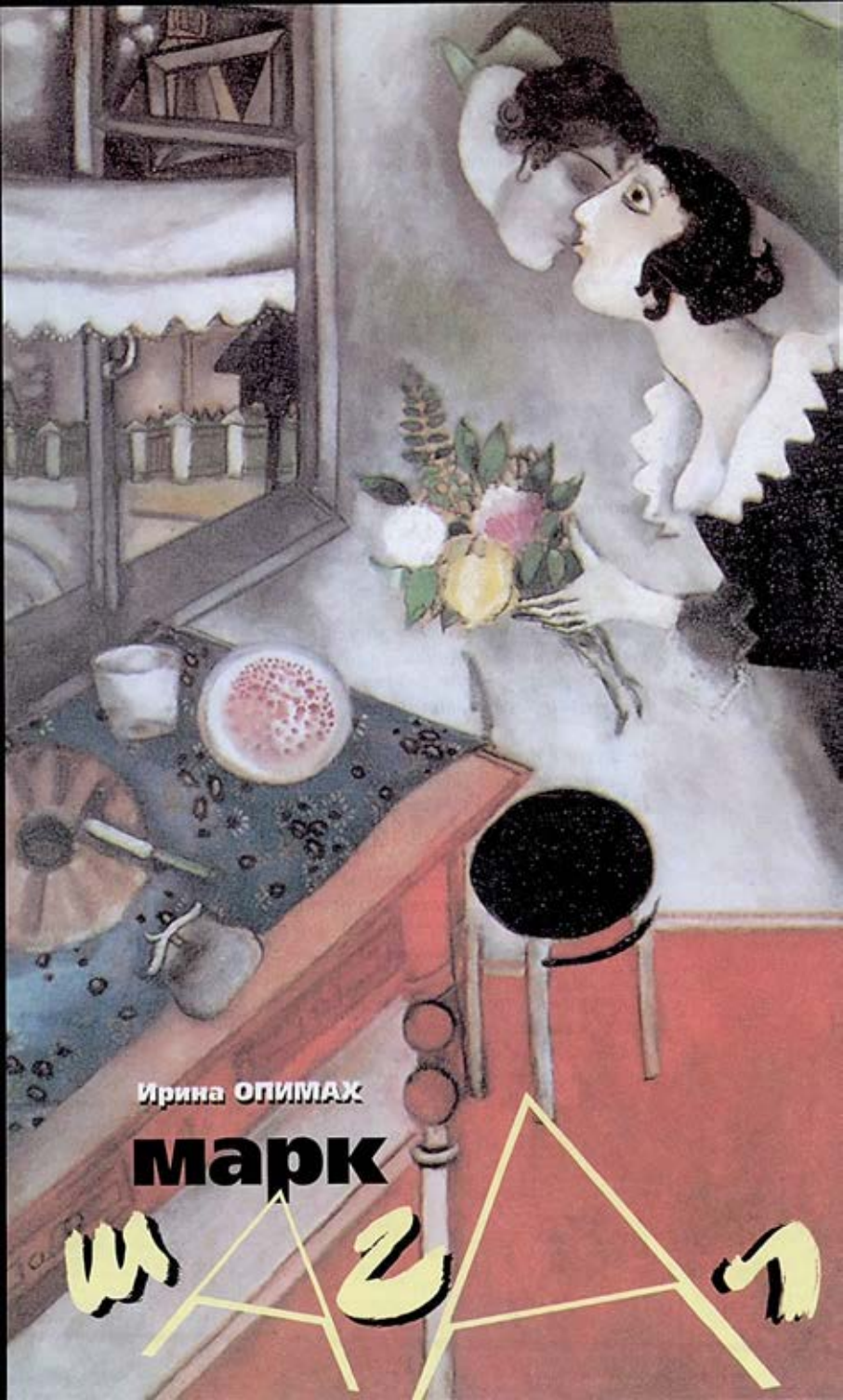
*Но вот пришла желанная пора,
когда так просто, ясно понимаешь,
что все, о чем ты в юности мечтаешь —
все это блеск, и шум, и мишура.*

*А главное — оно всегда с тобой:
твои мечты, сомненья и удачи,
и все неразрешимые задачи,
и к жизни нераскрытая любовь.*

*Нет, эти дни не надо торопить!
Они текут, как Волга, величаво.
Пусть невозможно все начать сначала,
зато вполне возможно — просто жить!*

*Дышать морозным воздухом степей
и принимать рассветы, как подарки,
и, в мир входя под триумфальной аркой,
ловить мгновенья счастья — здесь, теперь.*

*И пусть мечта останется мечтой,
она исчезнет, если воплотится.
В прозрачном небе первый лист кружится,
но этот лист, как солнце, золотой.*

Ирина ОПИМАХ

марк

День рождения. 1915.

В искусстве XX века, пожалуй, нет другого столь поэтичного, романтического и вместе с тем парадоксального и дерзкого художника, как Марк Шагал. Подобно Творцу, он создает свой мир, в котором сам определяет пространство и время. В его мире царит гармония всего живого, здесь соседствует чудесное и обыденное, и, конечно, добро всегда одерживает победу в вечной битве со злом. Произведения Шагала поразительно эмоциональны. В его искусстве все, как он сам гово-

рил, определяется “движением крови, всем нашим существом”.

Марк Захарович Шагал родился 6 июля 1887 года в Витебске. Семейство Шагалов жило на окраине города, в районе Песковатики, заселенном в основном еврейской беднотой.

Отец Шагала всю жизнь проработал грузчиком при продуктовом складе. Мы видим его на рисунке сына — длинная седая борода, лицо в морщинках, сильные руки. Старший Шагал был добрым, мягким и глубоко религиозным человеком.

Всем в доме заправляла мать — решительная и энергичная, она руководила мужем и девятью детьми. Эта женщина была способна на поступки — однажды она взяла кредит и открыла бакалейную лавку (на многих картинах Шагала живет та лавка, на вывеске которой написано “Лафка”). “И у нее был дар слова, большая редкость в нашем предместье, мы знали и ценили это”. У Шагалов много родственников — тетки, дядя, бабушки и дедушки, и каждый — со своим обликом и характером. Один из них как-то вздумал прогуляться по городу только в сорочке, без штанов, а второй забрался на крышу, уселся на трубу и стал грызть морковку, наслаждаясь ласковыми лучами солнца. А дед уговаривал корову лечь, чтобы ее удобнее было резать, — ведь им всем так нужно ее мясо! Девушки на выданье, которым ищут подходящих женихов. Мужчины, сосредоточенно молящиеся в синагоге, под сложный мелодичный напев... Все они потом попадут на картины Шагала, преобразенные фантазией и согретыми теплом его души.

Когда Марку исполнилось тринадцать лет, мать отвела его в городскую гимназию. Евреев туда не принимали, но и тогда взятка многое решала, а пятьдесят рублей — не такие уж большие деньги, лишь бы сынок мог учиться. Но у Марка при виде строгих учителей начинаются страшные проблемы. Даже если он блестяще знает урок, все равно не может выговорить ни слова, начинает заикаться. Только стройная наука геометрия дает-

ся ему необыкновенно легко.

Однажды на уроке рисования “зубрила с первой парты, который все время щипался”, показал Марку свой рисунок — он перерисовал картинку из журнала “Нива”. Почему это сделал не я? — пронзила юного Шагала странная мысль. Он ринулся в библиотеку, нашел толстенную “Ниву” и принялся копировать портрет композитора Рубинштейна — как же хороши морщины на его лице! Потом изобразил некую гречанку, а затем пошли все картинки подряд, а кое-какие даже придумал сам. Вскоре все они висели на стенах его комнаты. Как-то в гости к Марку зашел приятель. Увидев картины, украшавшие стены в комнате друга, он воскликнул: “Марк, да ты настоящий художник!” И тут Марк понял, что, похоже, мечты матери сделать из него приказчика, бухгалтера или, в крайнем случае, фотографа не сбудутся никогда. Он станет художником, а для начала пойдет учиться в “Школу живописи и

Белла. 1917.

рисунка художника Пэна” — помнится, ему недавно попадалась на улицах Витебска эта синяя жестяная вывеска.

Рисование в семье Шагалов считалось, в соответствии с догматами иудаизма, делом малодостойным, а то и вовсе греховным. Ну, на худой конец, можно заниматься фотографией. И Шагал некоторое время действительно проработал ретушером в фотоателье. После долгого трудного разговора отец выделил ему пять рублей — плату за месяц, и мать повела Марка в школу живописи. Бегло просмотрев рисунки, мэтр признал в юноше некоторые способности и взял его на обучение. Но акаде-

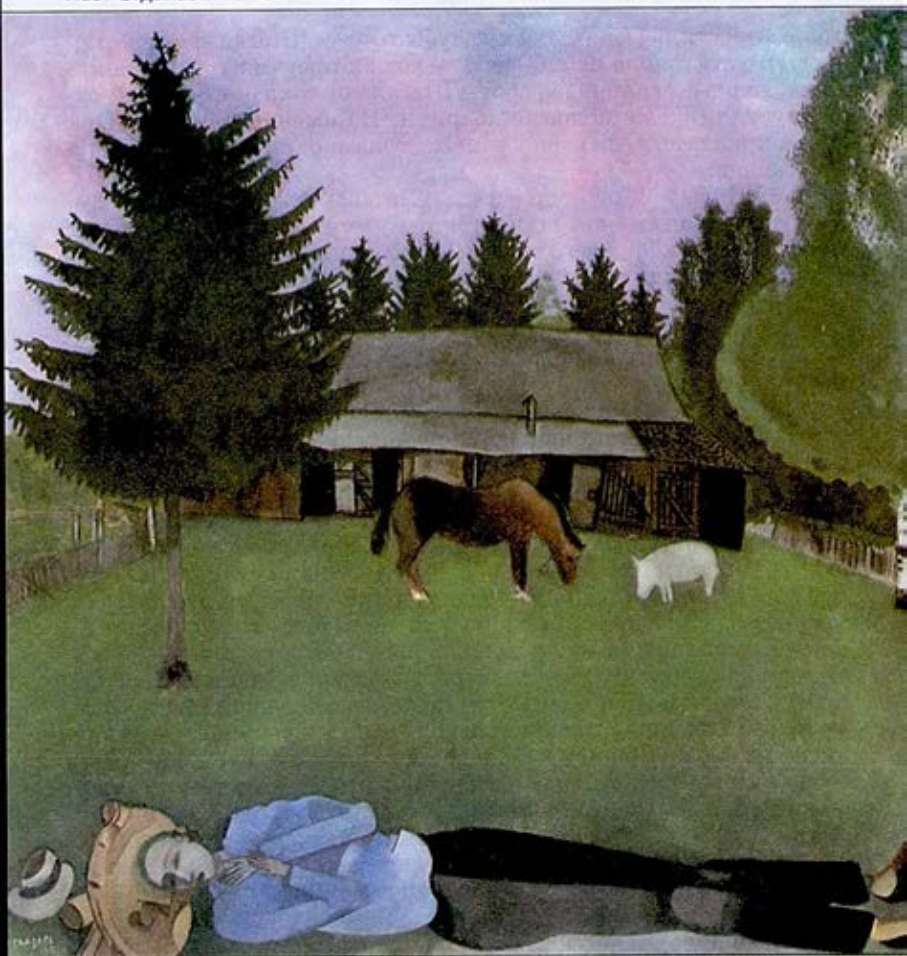
мический стиль Пэна был ему глубоко чужд. Шагал сразу же понял, что эта школа не для него — хотя и проучился там два месяца. Первые серьезные работы Шагала не сохранились — сестры пустили их на половые коврики. Но именно в школе Пэна Марк пристрастился к фиолетовым тонам, оставшимся с ним на всю жизнь.

В 1907 году Марк отправился в Петербург — только там, думал юноша, он сможет по-настоящему учиться живописи. Отец швырнул ему 27 рублей, заявив, что больше не даст ни копейки, и выправил сыну разрешение на въезд в столицу: тогда, во времена черты оседлости, чтобы жить в Петербурге, необходим был вид на жительство.

Приехав в Петербург, Марк снял комнату на пару с начинающим скульптором и отправился поступать в Училище технического рисования барона Штиглица, но экзамен не выдержал. Тогда он пошел в школу Общества поощрения художников, и его приняли сразу на третий курс без всяких экзаменов. Преподаватели его часто хвалили, но так же часто и ругали — уж слишком его манера писать отличалась от академических требований. Однажды по совету однокурсников Марк собрал свои работы и подал на конкурс, победителям которого обещали стипендию в 10 рублей. Марк, оказавшись среди четырех победителей, десять месяцев получал эту стипендию и очень радовался — с нищетой на некоторое время было покончено! А потом его спасителем стал скульптор Гинцбург, хорошо знакомый с Толстым и Репиным, Стасовым и Горьким. Гинцбург, разглядевший в работах молодого художника явный талант, дал ему рекомендательное письмо к барону Давиду Гинцбургу, а тот предоставил Марку пособие в десять рублей. Барон мало понимал в искусстве, но хорошо знал жизнь и давал юному Шагалу весьма ценные советы: «Вот, например, у Антокольского была жадная жена. Говорят, она прогоняла с порога нищих. Будьте же осторожны. Учтите, женщина многое определяет в жизни художника».

Имея время и деньги, Марк часто наезжал в Витебск. Там у него была подруга — Тея. И вот однажды, когда Марк валялся на диване в кабинете ее отца, раздался звонок. Зашла знакомая Теи, Белла Розенфельд. Когда Марк увидел ее, он сразу понял — это с ней, а не с Теей, он должен быть, и навсегда! Именно эта женщина впоследствии во многом определит его мироощущение, станет его Музой, Возлюбленной, героиней его картин и самым преданным другом.

Вскоре барон перестал давать Марку деньги. Вопрос заработка и вида на жительство встал остро, как никогда. После долгих мучений и унижений наконец удалось устроиться в лакеи к адвокату Гольдбергу. По закону, Марк должен был жить и столоваться в семействе Гольдбергов. К счастью, они оказались славными людьми, и он навсегда сохранил к ним чувство признательности за их доброту и понимание.

В школе Общества поощрения художников Шагал научился немногому. Два года прошли почти даром. В те времена в Петербурге славилась школа Бакста, и Марк решил попробовать поучиться там. Но обучение стоило тридцать рублей в месяц. Где взять такие деньги? И вот Марк, собрав свои работы в папку, идет к Баксту, олицетворявшему для него Европу и большое искусство. Бакст, просмотрев рисунки, заявляет: “У вас есть талант, однако вы небрежны и на неверном пути”, но все-таки принимает Шагала в свою школу. Среди учеников Бакста — дочь Толстого, знаменитый танцовщик Нижинский...Очень скоро Шагал понимает, что путь, предлагаемый Бакстом, — не для него. Изысканная эстетика “Мира искусства” кажется Ша-

галу слишком утонченной и аристократичной. А кроме того, Бакст уезжает — он собирается в Париж, на открытие русских сезонов, и Марк возвращается в Витебск. Там пишет и пишет свои странные картины, которые, как это ни удивительно, очень понятны его родным и соседям. Но в Витебске ему уже тесно. “У меня было чувство, что если я еще останусь в Витебске, то обросту шерстью и мхом”. И приходит решение — надо ехать в Париж! Деньги на поездку ему выделил адвокат, издатель и депутат Государственной Думы М. Винавер. Получив от художника несколько картин, он назначил ему стипендию (125 франков в месяц), что давало возможность как-то жить в Париже. Позже Шагал говорил, что отец дал ему жизнь, а Винавер сделал его художником.

Поначалу в Париже Марку одиноко и неуютно — все вокруг такое чужое, хотелось домой, в теплый милый Витебск, и только Лувр смог заставить Марка на время забыть родину. Полотна великих мастеров итальянского Возрождения, картины Курбе и Милле, импрессионистов потрясают его до глубины души. Здесь, в Лувре и в залах Салона независимых, он всему учится заново.

В первое время Марк снимал комнату в тупике дю Мэнь, но вскоре перебрался на Монпарнас, в знаменитый “Улей” — двенадцатиугольный дом, где размещалось множество дешевых мастерских. В них жили и работали поэты и художники, французы и приезжие из разных стран, образовавшие так называемую “Парижскую школу”. Молодые, талантливые и дерзкие, они определили пути развития искусства XX века. Главой “Парижской школы” по праву стал испанец Пикассо, а ее полномочными представителями — итальянец Модильяни, русские евреи Шагал и Сутин, мексиканец Ривера и японец Фужита.

Шагал мало с кем общался — он работал. “В мастерской у русских рыдала обиженная натурщица, у итальянцев пели под гитару, у евреев жарко спорили, а я сидел один, перед керосиновой лампой. Кругом картины, холсты — собственно, не холсты, а мои скатерти, простыни и ночные сорочки, разрезанные на куски и натянутае на подрамники... На дощатом столе свалены репродукции Эль Греко и Сезанна, объедки селедки — я делил каждую рыбину на две половинки, голову на сегодня, хвост на завтра и — Бог милосерден — корки хлеба. Если повезет, придет Сандрар и накормит меня обедом”, — писал он в автобиографической книге “Моя жизнь”.

В 1912 году картины Марка впервые появляются в Осеннем Салоне. Его начинают замечать. А в 1914-м А. Вальден, известный немецкий галерейщик и продавец картин, с которым Марк познакомил Аполлинер, устраивает в Берлине персональную выставку Шагала. Марк приезжает в Берлин, где еще ничто не говорит о близости событий, которые перевернут историю. До

начала Первой мировой войны оставалось чуть меньше месяца...

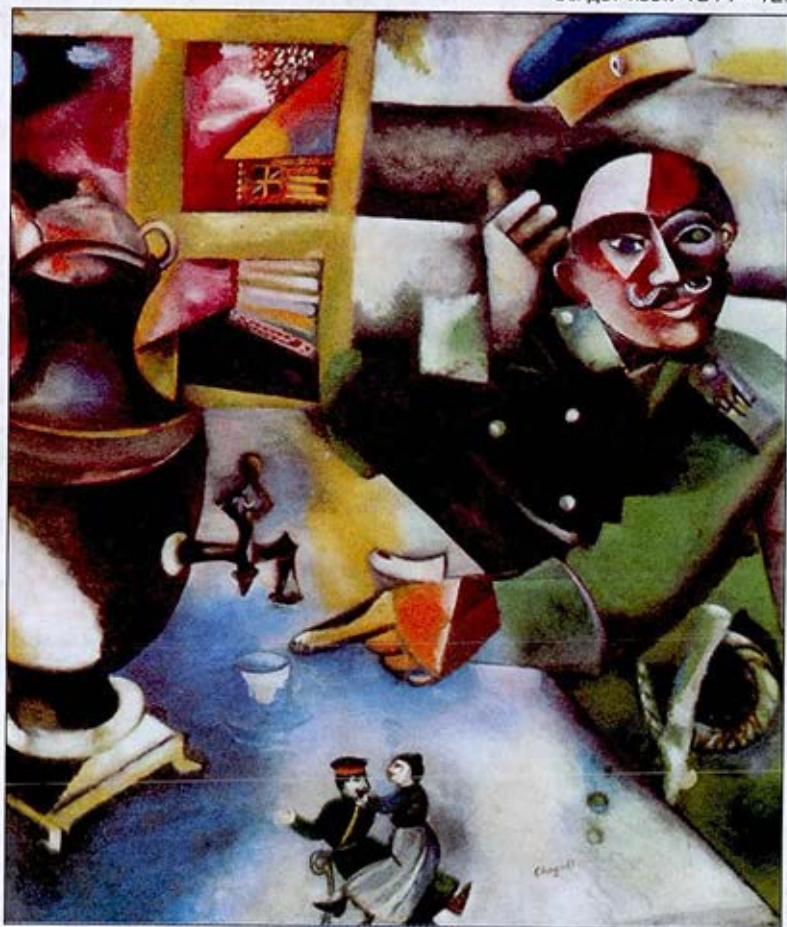
Уже четыре года Марк живет за границей. Пора ехать на родину — скоро у сестры свадьба, а, кроме того, как же хочется увидеть Беллу!

И вот снова Витебск, с его синагогами, мясными лавками, заборами, улочками и жалкими домишками. Именно в тот приезд он пишет свою знаменитую витебскую серию — старика в зеленом, молящегося старца, читающего мужчину, продавца коров, влюбленных, рабби, сценки праздников, поэта и его возлюбленную, свободно парящих в небе, — так велико их чувство, что они взлетают в облака! В мире идет война, и на картинах Марка появляются разносчики газет, вестники беды, бездомные странники, словно предвосхищающие всех беженцев XX века, еврейские кладбища с открытыми воротами, как бы приглашающие новых обитателей скорбного убежища...

Марк и Белла решили пожениться. Родителям невесты жених совсем не понравился — сын какого-то грузчика, простого рабочего, а они держат целых три ювелирных магазина! Ее отец лакомился виноградом, а старший Шагал — луком. Но самое страшное то, что жених Беллы — художник! Что скажут люди? Несмотря на ругань родителей, невеста по утрам таскала жениху домашние пироги, жареную рыбу, молоко, куски ткани для драпировки и даже дощечки, которые Марк использовал как палитру. Они все-таки поженились, и с тех пор Белла всегда в его жизни — одетая в белые или темные одежды, парит на его картинах и освещает ему путь в искусстве... Кстати, Белла получила совсем неплохое образование — она закончила лучшую гимназию в Витебске (Мариинскую) и посещала в Москве женские курсы Герье, где изучала философию, историю и литературу, а темой ее диплома были романы Достоевского. Перед самым началом войны она поступила в одну из студий Станиславского — мечтала стать актрисой, но тут в Россию вернулся Марк и спутал все ее планы. (В будущем ей все-таки удалось реализовать свою тягу к творчеству — в конце 20-х годов она перевела с русского на французский воспоминания Шагала "Моя жизнь", а в середине 30-х начала писать собственные мемуары — "Горящие огни", к которым Марк сделал замечательные рисунки.)

А тем временем идет война. Марк в нерешительности — путь в Париж отрезан, что же делать — оставаться в Витебске или ехать в Петербург? За мудрым словом он идет к рабби Шнейерсону. Совет многомудрого рабби таков: хочешь остаться в Витебске — оставайся, а если хочешь в столицу — поезжай, смелее, дружок. С тех пор Шагал ни с кем не советовался.

Белла мечтает жить в большом городе, и осенью 1915 года молодожены отправляются в Петербург. Там Марк работает в конторе, куда его устроил родственник Беллы. Конечно, служба

не приносит ему радости, но все не так уж важно, когда происходят такие события — февральская революция, а потом октябрьский переворот. Марк “слушает музыку революции”, и она ему, еврею из черты оседлости, сыну рабочего, нравится. Он знакомится с художниками и поэтами — Блоком, Есениным, Пастернаком, Маяковским; выставляется в Москве и в Петербурге. Шагала принимает нарком Луначарский, бывавший у него в “Улье”. И вот уже Марк, воодушевленный и свято верящий в новое революционное искусство, возвращается по заданию наркома в свой родной Витебск открывать Школу искусств. В августе 1918 года по инициативе Луначарского Шагала назначают комиссаром Губернского отдела народного образования. “Какое счастье!” — говорил я. “Какое безумие!” — говорила моя

Норова с зонтиком, 1946.

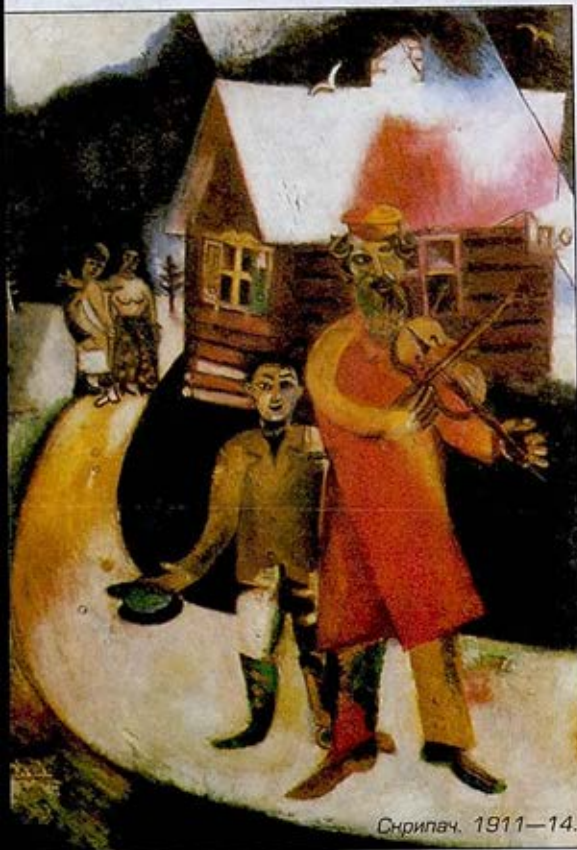
мудрая жена". В январе 1919 года Марк, с кожаным портфелем под мышкой, настоящий совслужащий, открывает Витебскую народную художественную школу и приглашает в ней учительствовать Добужинского, Пуни, Малевича, Лисицкого, Пэна, Фалька и Татлина. Витебск становится центром революционного искусства. Пост директора школы по просьбе Шагала занимает Добужинский, но вскоре его сменяет сам Шагал. Он выбивает деньги, ищет средства, краски, кисти и слышит от витебских комиссаров:

“Что, по-вашему, товарищ художник, важнее — ваши краски и холсты или ремонт моста?” Надо заметить, что дружба Марка с городскими властями не спасла его тещу от ареста, ее взяли лишь потому, что она “не была беднячкой”.

Большой проблемой стал выбор кадров для школы. Кто-то из преподавателей использовал школьные средства для своей семьи; одна из сотрудниц была не прочь пофлиртовать с комиссарами, а когда Марк говорил ей: “Как вы можете?”, она отвечала, что старается для пользы школы. Дело было нелегким — Марк хотел создать большой центр искусств, в котором соединились бы и школа, и

музей, и академия, и общественные студии. Ему не все удалось, но вскоре он стал известным человеком в городе, а из его учеников получились неплохие художники.

Но нет пророка в своем отечестве, и однажды преподаватели школы, те, кого он пригнул и кому дал работу (прежде всего, Казимир Малевич и Эль Лисицкий, проповедовавшие беспредметное искусство, супрематизм и отрицавшие фигуративную

Скрипач. 1911—14.

живопись Шагала), постановили выгнать Шагала из школы. И самолюбивый Марк, обиженный и преданный своими недавними сподвижниками, уезжает в Москву.

Жизнь идет. У молодых супругов появляется дочь Ида. А ведь ребенку нужно обеспечить приличные условия жизни и еду. Нашли какую-то клетушку — в ней сыро, даже одеяла в постели кажутся мокрыми. Денег нет — да они и ни к чему, все равно купить ничего нельзя.

В конце 1920 года Эфрос познакомил Марка с режиссером Еврейского камерного театра Алексеем Грановским. Театр, переехавший из Петрограда, открывался пьесой по рассказам Шолом-Алейхема, и Шагалу предложили сделать росписи зрительного зала и декорации первого спектакля. Некоторое время Шаггал пытается работать и с Вахтанговым, но приверженность реалистическому театру Станиславского — не для мятежного романтического Марка. Позже Шаггалу рассказывали, что Вахтангов долго рассматривал его панно в театре Грановского, стоял перед ним часами, а потом пригласил другого художника и велел писать декорации “в духе Шагала”.

Как-то его вызывают в Наркомпрос и предлагают преподавать в малаховской детской колонии имени III-го Интернационала. Он соглашается и некоторое время учит рисовать голодных, босоногих, слишком легко одетых сирот. “Я полюбил их. Как жадно они рисовали! Набрасывались на краски, как звери на мясо”, — вспоминал Марк. (Его бывшие ученики навсегда запомнили своего замечательного и непохожего ни на кого учителя. Спустя много лет, когда Шаггалу исполнилось 90 лет, он получил от бывших колонистов фотографии, на которых был снят вместе со своими учениками, и письмо со словами благодарности.)

Но денег по-прежнему не хватало. Панно, написанное для театра, так и не оплатили. Жена и дочь жили в нищете. И вот однажды Шаггалу приходит мысль: а не попросить ли Луначарского похлопотать — пусть его выпустят в Париж. Все его довоенные работы остались в Берлине, а в Париже Шаггала ждет мастерская. Из-за границы он получает письма, из которых узнает, что стал знаменитостью, что его работы продаются, и продаются за большие деньги. А в России он никому не нужен...

Летом 1922 года Шаггал с семейством — Беллой и маленькой Идой — уезжает в Берлин. А парижские друзья напоминают о его мастерской и незаконченных холстах, кроме того, пишут они, маршаны готовы платить хорошие деньги за его работы. Даже знаменитый Амбруаз Воллар, продавец картин и друг почти всех знаменитых художников того времени, интересуется им. И Шаггалы едут в Париж.

Если в первый свой приезд Шаггал был погружен в живопись, усиленно работал и мало интересовался окружающей его жизнью, то теперь он старается узнать Париж и его обитателей как

можно лучше. Город становится для него вторым Витебском, близким и любимым. Теперь он, наконец, близко сходится с бывшим соседом по “Улью” Пикассо, а также с другими художниками, критиками, писателями и издателями — Матиссом, Майолом, Вламинком, Мальро, Руо. Шагал оказывается в центре художественной жизни Парижа. В 1924 году здесь состоялась его первая персональная выставка, имевшая большой успех.

Теперь ему становится интересной графика, он с увлечением работает над иллюстрациями к гоголевским “Мертвым душам” и басням Лафонтена, которые заказывает ему галерейщик и издатель Воллар — он писал, что Шагал близок Лафонтену сплавом наивности и утонченности, реализма и фантазии.

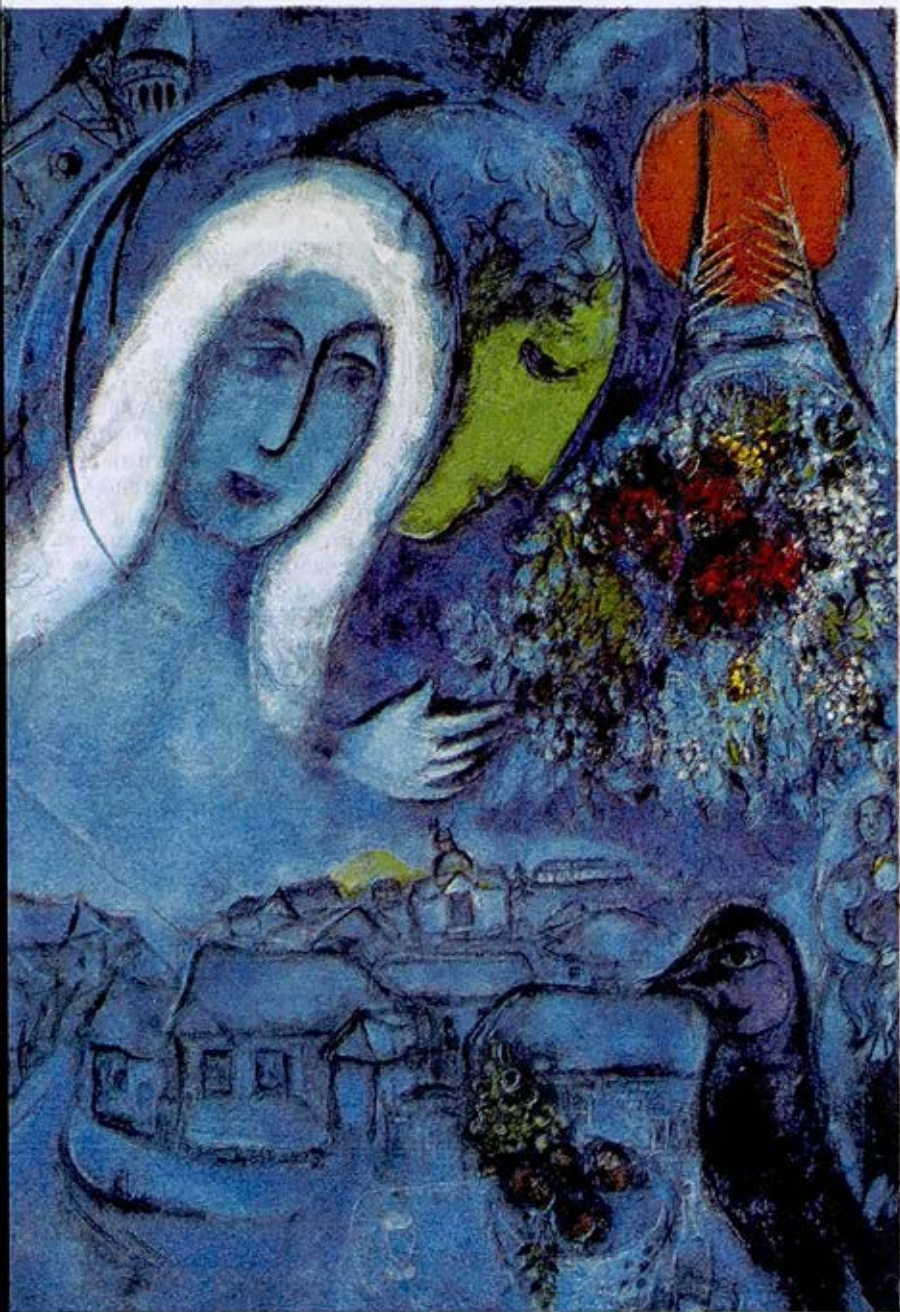
Шагал предельно откровенен в искусстве — рассказывая о своем времени и о близких ему людях, он прежде всего говорит о себе. Он всегда был лириком, но если раньше его картины напоминали небольшие стихотворения, в 1930-е годы полотна художника приобретают мощную звучность, символичность, глубокий философский смысл. Часто на картинах Шагала появляются его излюбленные символы. Так, красный петух проходит почти через все творчество мастера: он символизирует мужское начало, а иногда даже агрессию, но прежде всего петух — символ времени, и не случайно художник помещает его рядом с часами. А иногда петух становится олицетворением огня и света. Образ певца, поэта Орфея также не раз возникает на полотнах художника — это олицетворение творческого порыва, напоминание о том, как важно быть верным в любви и помнить о прошлом, уметь оглядываться назад. И, конечно, образ прекрасной женщины — это и любовь, соединяющая мужчину и женщину в единое целое, и муза, вдохновляющая поэта, и наконец, Божественное присутствие в мире.

В 1939-м Марк получает премию культурного фонда Карнеги и гражданство Франции. И только на Родине о нем молчат, Россия забыла Шагала.

А между тем фашизм набирал силу, и, конечно, полотна еврея Шагала не могли нравиться нацистским идеологам. В 1933 году Геббельс издает указ — публично сжечь картины Шагала, оставшиеся в Германии. Безумное аутодафе состоялось в Мангейме. Это была одна из первых акций по уничтожению произведений так называемого дегенеративного искусства, проведенных в фашистском Рейхе.

В 1938 году по Германии прокатилась волна страшных еврейских погромов. Шагал потрясен, и появляется картина “Белое распятие” — на фоне горящих домов, гибнущих и бегущих от смерти людей — распятый Христос, символ распятого человечества, и горящий светильник, символ неугасимости человеческого духа.

Марсово поле. 1954—55.

23 июня 1941 года Шагалы по приглашению нью-йоркского Музея современного искусства приезжают в США. В то время Нью-Йорк стал убежищем для европейской интеллигенции, в ужасе бежавшей от кошмаров нацизма и концлагерей. Здесь Шагалы встречают Леже и Бретона, братьев Маннов, Фейхтвангера. Шагал с волнением и болью следит за ходом боев на его Родине. Он глубоко страдает, узнавая о взятых немцами русских городах, о проигранных сражениях, радуется при известии о выигранных у немцев битвах. В 1943 году в Нью-Йорк приехали члены Антифашистского комитета, давний друг художника С. Михоэлс и писатель И. Фефер. Шагал подарил им несколько своих картин и передал "Письмо моему родному Витебску". "Я не жил с тобой, но не было ни одной моей картины, которая не отражала бы твою радость и печаль, — писал он. — ...Когда услышал, что беда стоит у твоих ворот, я словно сам воспламенился и представил такую страшную картину: враг лезет в мой двор на Покровской улице, и по моим окнам бьет он каленым железом... Я смотрю, мой город, на тебя издалека, как моя мать смотрела на меня из дверей, когда я выходил на дорогу. Враг теперь у тебя. Мало ему было города на моих картинах, которые он искромсал, как мог, — теперь он пришел жечь мой дом и мой город... В твоём сердце бьется и обливается кровью мое сердце..."

В сентябре 1944 года тяжело заболела Белла. Ее помещают в госпиталь, но уже ничто не может помочь. Умирает женщина, сумевшая стать Марку Шагалу и обожаемой любимой, и верной женой, и самым близким, самым преданным другом. Страшный удар.

Целый год он не работал, просто был не в состоянии прикоснуться к краскам. И только весной 1945 года, той незабываемой победной весной, снова берет в руку кисть.

После войны, в 1948 году, Шагал возвращается во Францию. Ему 61 год. Он уже много пережил — любовь, радость творческих свершений, горечь утрат, одиночество. Ему мало что нужно в жизни. Только тишина и возможность спокойно работать. Он живет в красивых и удаленных от суеты деревушках на Средиземноморском побережье, а на вилле "Холмы" обитает вплоть до 1966 года, когда в поисках еще более укромного местечка переселяется в Сен-Поль де Ванс. Яркая синева моря, голубое небо, нежное солнце, пышное цветение Средиземноморья — все это наполнило его послевоенную живопись и графику особым светом и насыщенностью красок. Букеты цветов, фрукты теперь часто появляются на его полотнах, словно становясь источником живительного света.

В 1952 году в жизнь Шагала входит Валентина Григорьевна Бродская, ставшая его женой, нянькой, любимой и другом. Вот она, его красавица Вава, на чудесном портрете, написанном влюбленным Шагалом в 1953 году. Восхитительный букет цветов освещает все пространство картины и чистое, одухотворен-

ное лицо женщины. Вместе они совершают упоительное путешествие в Грецию и Италию. Шагал открывает для себя античность, воплощая ее образы в чудесных иллюстрациях к “Дафнису и Хлое” Лонга и “Одиссее” Гомера. Новая любовь и прекрасное античное искусство пробуждают в нем силы и желания.

Шагал на подъеме. Он много работает — книжная графика, офорты, большие панно, витражи. Ему все интересно. В 1961 году во дворе Лувра сооружается специальный павильон для витражей Шагала, в 1963-м ему заказывают роспись плафона Гранд Опера, а в 1969 в Ницце начинается строительство грандиозного музея “Библейское послание”. Франция приглашает витебского еврея Шагала создавать витражи для своих самых главных соборов! Он получал приглашения и в других странах — его работы украшают соборы и синагоги в Германии, Японии, в США и Израиле. В 1960-70 годах Шагал делает напольные и настенные мозаики для общественных зданий в Иерусалиме. Одна за другой открываются его выставки в странах Европы и Америке. Его удостаивают почетных званий и наград, а в 1977 году, в год его девяностолетия, он получает высшую награду Франции — Большой крест Почетного Легиона. Шагал признан во всем мире, но в своем искусстве он по-прежнему тот же — открытый, мудрый, переживший многое и удивительно искренний человек.

Летом 1973 года по приглашению Министерства культуры Шагал приезжает в Россию. Он не был на Родине больше пятидесяти лет. Его сопровождают Вава и Надя Леже, жена знаменитого Ф. Леже. Шагала встречают с восторгом. Он гуляет по Ленинграду, заглядывает в дом на Мойке, где находилась Школа общества поощрения художников, ходит по залам Эрмитажа и Русского музея. Приезжает в Москву, где в Третьяковской галерее открывается большая выставка его работ, передает в дар Музею изобразительных искусств 75 своих литографий. Только вот в Витебск не поехал — город, разрушенный войной, после восстановления окончательно потерявший свой дореволюционный облик, теперь существовал только на картинах Шагала...

Последние десятилетия жизни художника наполнены творчеством грандиозного размаха и философской насыщенности. С невероятной активностью он работает в графике и керамике, создает скульптуры, мозаики, делает гобелены, пишет фрески и огромные панно. В эти годы главной для Шагала становится библейская тема, занимавшая его еще с 20-х годов. В предисловии к каталогу музея “Библейское послание” в Ницце он писал: “С ранней юности я был очарован Библией. Мне всегда казалось и кажется сейчас, что она — самый большой источник поэзии всех времен. С давних пор я ищу ее отражения в жизни и в искусстве. Библия подобна природе, и эту тайну я и пытаюсь передать”. Библейские работы Шагала — офорты, рисунки, гравюры, росписи и витражи — отличаются удивительным

сочетанием высокой духовности и приземленности, интимности и эпического величия, наивности, юмора и лиризма, иронии, тонкого психологизма и мистики, это поэтическое завещание художника, его откровение. Народ, устремленный к свободе, одушевленный Пророком и Поэтом — у Моисея в руках скрижали, а у Давида арфа, народ, живущий в любви и согласии, по законам нравственности и гармонии, — вот тот иде-

ал, к которому, как считал великий художник, должны стремиться народы мира.

Марк Шагал скончался, не дожив всего двух лет до своего столетия, 28 марта 1985 года в своем доме в Сен-Поль де Ванс. Он умер, сидя в кресле-качалке, когда его подымали на лифте на второй этаж, а на его губах играла легкая улыбка — ведь он летел в небо, к своим героям, поэтам, музыкантам и влюбленным...

ЛОЛИТА: ” обворо и сексу ЭТО Я!”

Без малого десять лет веселая парочка развлекала зрителей. При этом их дуэт назывался неожиданно строго и по-научному — “Академия”. Забавные и смешные песенки, которые они исполняли, напоминали скорее мини-спектакли, да и воспринимались как театрализованные представления. Они пели, танцевали, создавали оригинальные образы. И вдруг — бац! “Академия” ушла в “академический отпуск”, и, судя по всему, навсегда. Теперь два талантливых актера работают поодиночке. А на эстраде заблестала “просто” Lolita.

ЖИТЕЛЬНАЯ АЛЬНАЯ —

— Лолита, после разрыва с мужем все прочили занат вашей карьеры. Однако на сегодняшний день вы одна из самых востребованных певиц. Что помогло выстоять?

— Конечно, я попала в очень сложное положение. Ведь наш семейный дуэт "Академия" был довольно громко растиражирован. И зрители воспринимали меня только в паре с Александром Цекало. Но ведь в жизни всякое случается. Распадается семья, рушится творческий союз. Это, к сожалению, со мной и произошло. Я впала в депрессию, сама в себя не верила. Но помогли друзья, коллеги, да просто знакомые. Даже операторы на телевидении пытались подбодрить меня: "Лола, классно выглядишь". Телевизионные продюсеры доверили мне проекты, в успехе которых сомневалась даже я сама. Они предоставили возможность выживать, но при этом не давали никаких авансов, и совершенно справедливо. Сытость и состоявшаяся карьера успокаивают, а мятущаяся душа требует роста. А еще существуют амбиции, кото-

рые нужно уметь сдерживать... Меня проверяли на прочность, а я сама себя на — вшивость. Такой вот сиротной меня встретил родной шоу-бизнес с его, в общем-то, волчьими законами. Но мне все же удалось уцелеть.

— Такое ощущение, что вы словно соревнуетесь с бывшим супругом — кто из вас более популярен...

— Внутренним порывом любого человека после развода, особенно у тех, кто делит бизнес, как в моей ситуации, всегда есть примитивное желание опередить соперника. Сначала, естественно, как женщине, мне хотелось насолить состоявшейся карьерой бывшему партнеру, доказать, что прекрасно обойдусь без него. Но только первое время. Это был своего рода стимул... Когда же у меня все начало получаться, я перестала соревноваться с кем-то, а стала спорить с самой собой, доказывать. Потом и это ушло. Сейчас просто живу и работаю по намеченному плану. Моя жизнь на сегодняшний день стабильна.

— Над чем сейчас работаете?

— Как известно, Филипп Киркоров ставит мюзикл "Чикаго", проект осуществляется совместно с американскими продюсерами. Мне предложили роль надзирательницы в тюрьме. Претендентов было огромное количество, пробовались довольно известные певицы. Но отобрали меня. Филипп сказал, что сыграть такую злобную тюремную дамочку мне вполне по силам. Что ж — стараюсь. На отборе волновалась страшно. Перед выходом на сцену, а в зале сидела комиссия, хлопнула рюмку коньяку, как понимаете, для храбрости. Пела на английском, была чертовски раскованна, и так вошла в роль, что вlepила поцелуй накому-то американскому продюсеру. Обалдение, восторг, занавес!

Еще готовлю новый альбом. В него войдут песни на украинском и русском языках, блюзовые композиции, кстати, они удаются мне гораздо лучше, чем поп-музыка, да и больше нравятся. Недавно провела гастроль в Израиле, это первое зарубежное выступление после распада "Академии". И усиленно ищу для себя нового партнера в телевизионную программу "Доброе утро, страна".

— Лолита, ваши родители имеют отношение к музыке?

— В Киеве мои родители — известная актерская семья. Мама — певица, отец конферансье. Вначале мама пела в джаз-бэнде "Мари". Они были универсальными артистами, мама не только пела, но и танцевала, отец дирижировал джазовым оркестром, импровизировал без знания нот на рояле. Он — абсолютный "слушач". Я выросла за кулисами, поэтому у меня иной судьбы и быть не могло. Конечно, не всегда

произвожу впечатление девочки из хорошей семьи, но оправдываться не собираюсь...

— Вы создали центр психологической реабилитации одиноких людей. Таким образом пытались найти себя в новой работе, или помочь женщинам, попавшим в сходную с вашей ситуацией, и вернуть их к нормальной жизни?

— Потрясения в личной жизни испытывают 50-60 процентов населения всех стран. Психологи считают стресс опасной болезнью. Если трудового года заболеть профессиональными заболеваниями, связанными с переутомлением, то развод — своего рода тоже стрессовая ситуация, способная влиять абсолютно на все сферы жизнедеятельности человека. От счастья женщины

зависит очень многое, в том числе и психологическое здоровье мужчин. Я подумала, что хорошо бы открыть такой центр, где бы люди могли корректировать себя. Он не столько для тех, кто пережил развод и не смог справиться с личной трагедией, сколько для тех, кто не хочет переживать подобную ситуацию и борется за свое семейное благополучие и счастье.

— Как вы им помогаете — лично беседуете?

— Иногда консультирую сама, правда, не часто — времени не

хватает. Я брала уроки у известных психологов, чьи знания использую в своей работе. Но главное — во многих городах России, теперь уже и на Украине созданы центры, подобные моим.

— А какой в вашем центре главный "успокаивающий рецепт"?

— Не стоит тратить нервы и силы из-за сбежавшего мужа. Лучше попытаться поскорее найти нового. И вообще развод — не та тема, из-за которой надо впадать в депрессию. Если вас судьба с кем-то разводит, пребывайте в полной уверенности, что это всего лишь не ваша половина, вот и все.

— Коллеги к вам обращаются за психологической помощью?

— Нет. В шоу-бизнесе особая порода людей. Их выживаемости можно только позавидовать. Все проблемы личного характера мы обсуждаем за кулисами или в гримерной, и нам этого вполне хватает.

— *А кто легче всего выживает в условиях нашего шоу-бизнеса?*

— Легче тому, у кого есть связи, деньги, мощная поддержка. Впрочем, так было всегда. Но по большому счету, как мне кажется, на сегодняшний день это не так актуально. Какие бы огромные деньги ни "вбухивали" в безголосого певца спонсоры, он может продержаться на сцене очень недолго. Примеров тому множество. А вот если певец талантлив, то очень хорошо, что ему помогают и связи, и деньги. Они дают возможность работать еще быстрее и качественней, что во многом облегчает жизнь. Можно купить диссертацию или диплом, пост чиновника, а вот зритель не продается и не покупается. Талантливый человек пробьется в любом случае. Но когда говорят, что, дескать, талант "съели" — это значит, что он был всего лишь "подающий надежды", ибо талантливый человек обладает неимоверной пробивной силой. Талант — это энергетика.

— *Наверное, у вас есть приоритеты в выборе друзей, и вообще, возможна искренняя дружба в шоу-бизнесе?*

— На эстраде в основном преобладает зависть, а порой и подлость. Но мне повезло, у меня есть преданные друзья, проверенные многолетней дружбой.

— *Вы могли бы пожертвовать сценой и карьерой певицы ради прихоти любимого мужчины?*

— Мне кажется, для самодостаточного человека такой вопрос неприемлем. Нормальный человек никогда не будет настаивать на жертвоприношении. Дома женщина быстрее увядает.

— *Вам знакомо чувство одиночества?*

— Обычно говорят: стремись к общению, побеждаешь одиночество. Но это состояние для человека, занятого в сфере искусства, — явление необходимое. То, что тебя с одной стороны разрушает, с другой — созидает, и наоборот. Во время одиночества аккумуляешь энергию, чтобы потом выплеснуть на зрителя. Это внутреннее состояние, оно не зависит от количества окружающих тебя родственников или живущих в квартире людей. Я часто замыкаюсь в себе. Если активно провела день перед концертом, то очень тяжело дается само выступление. Иссаяю эмоционально. Поэтому за полчаса до концерта я запрещаю кому бы то ни было входить в гримерную, никакого общения, только с костюмером.

— *Вы на сцене такая, как в жизни?*

— У меня много масок на сцене. А так я вполне уравновешенный человек, дома не устраиваю фейерверки. Мне нужны в моей норке тишина и покой, чтобы ничто не раздражало. Я за семейный покой и уют. Наверное, поэтому у меня и конфликты, и непонимание с мужчинами, которые за мной ухаживают. Они почему-то считают, что в жизни их должен ожидать такой же фейерверк, какой они привыкли видеть на сцене. Я всегда у них вызывала изумление, когда по утрам готовила завтрак в обычном домашнем халате, а не на шпильках и в шикарном наряде. Это воспринималось как нечто из ряда вон выходящее. Работа у меня такая — быть на каблуках и в полуобнаженном принуде. А в жизни я обычный человек.

— *Вам нравится то, как вас пародируют другие артисты?*

— Как женщине, мне нравится любое внимание и своей персоне. Раньше я видела пародии на Пугачеву и Леонтьева и понимала, почему их копируют — в них есть зерно. Когда стали пародировать меня, я успокоилась, значит, и во мне есть то, что вызывает интерес. Я считаю честью, что Александр Песков “упомянул меня в своих молитвах”.

— *Лола, эстрадной певице редко удается оставаться на сцене до заслуженной пенсии. На всякий случай себе не приготовили “запасной аэродром”?*

— Об этом еще рано думать. Но... если пофантазировать... Я могу быть хорошей женой. Согласитесь, это — работа, причем не из легких. Или хорошей матерью — тоже искусство. А еще владею абсолютно мужской специальностью, я — режиссер. В нашей стране режиссеров эстрады практически нет и нет людей, занимающихся постановкой номеров. Я могла бы преподавать, учить людей конферировать, на сегодняшний день я одна, кто работает в жанре конференса, или стать дизайнером по квартирам.

— *Я слышал, что вы отзывчивы ко всем, кто приходит к вам за помощью. Говорят, что ваш дом “окучивают” бомжи всех близлежащих районов... Это так?*

— Подъезд мой хоть и запирается, но все эти персонажи каким-то образом проникают внутрь. Они пишут письма с разными просьбами, в основном материального характера, которые опускают в почтовый ящик, оставляют записки в дверях. Честно скажу, помогаю не всем, просто

не располагаю такими средствами, чтобы выправить финансовое положение всех желающих. Есть среди завсегдатаев люди, которые приезжают из других городов с целью только посмотреть на меня. Очень забавная публика. Недавно приезжала группа поклонников и поселилась в соседнем со мной доме. Все высматривали и ждали, когда выйду из подъезда. Отловив меня, сказали, что приехали убедиться, такая ли я красивая, как на экране. Один поклонник однажды вымыл мою машину в 30-градусный мороз, а на лобовом стекле была маленькая трещина. После его мойки трещина разошлась по всему стеклу. Другой из поклонников украсил всю машину цветами, а затем позвонил мне в половине пятого утра и сообщил об этом.

— *После распада дуэта “Анадемия” вы сменили имидж. Из, в общем-то, разбитной особы перевоплотились в кроткую, нежную и женственную.*

— Да нет, я всегда была такой. Просто гадный утенок превратился в прекрасного лебедя. Есть категория женщин, которые с возрастом становятся красивее, обворожительнее и сексуальнее. Это про меня.

— *Что бы вы пожелали самой себе?*

— Чтобы я еще долго оставалась такой, как сейчас — молодой, красивой, вызывающей желания, удачливой женщиной. Но самое главное, женщиной, которая совершенно спокойно будет заниматься ребенком, мужем и петь песни. ■

Беседовал
Рамазан РАМАЗАНОВ.

СМЕРТЕЛЬНАЯ СХВАТКА

ЛЮБОВЬ РУСЕВА

** Этот очерк посвящается подвигу основоположников отечественной эпидемиологии Афанасию Шафонскому, Касьяну Ягельскому, Петру Погорецкому, Густаву Орреусу, Даниле Самойлову и другим отважным врачам, не испугавшимся чумы. Им приходилось сражаться на два фронта: с эпидемией и медицинской коллегией. Из-за преступной деятельности немецких врачей черная смерть унесла 200 тысяч москвичей и распространилась в другие губернии. В ожидании беды Петербург оцетинился штыками.*

рисунок Геннадия Новожилова

Ночь 17 декабря 1770 года в Первопрестольной выдалась морозной. Несмотря на поздний час, в окошке маленького домика главного врача военного госпиталя горел свет. 30-летний хозяин Афанасий Филимонович Шафонский вернулся чрезвычайно уставшим, но тревожные мысли не давали уснуть. Не выдержав, в четверть четвертого пополуночи, молодой человек оседлал лошадь и помчался в свой госпиталь. Шафонский нетерпеливо постучал в запертые ворота.

— Афанасий Филимонович? Никак случилось что? — сонный солдат с недоумением смотрел на главного врача госпиталя.

Не отвечая на вопрос караульного, тот быстрым шагом прошел к деревянному зданию. Сбросив тулуп, Афанасий Филимонович отправился по палатам. Осмотрев больных, он вернулся в свой кабинет и обессиленно опустился в кресло. Подозрения мучили его, и интуиция не подвела: жар у 27 человек был следствием сильной простуды или воспаления легких.

— Неужто все-таки пробралась в Первопрестольную?! — вслух задал он себе вопрос. — А, может, усталость со мною злую шутку шутит? Может, почудилось мне? — И Шафонский, точно ненормальный, снова бросился в палаты. Переходя от одного подозрительно больного к другому, он срывал с них одеяла. К ужасу своему он убеждался, что у них все признаки моровой язвы. Не желая верить своим глазам, Афанасий в третий раз совершил обход. Сомнений не было — чума. Доктор вернулся к себе и стал нервно ходить по кабинету. Ему стало жарко и, несмотря на зимнюю стужу, он распахнул окно. Вызвав помощника, приказал:

— Усилить караул, никого в госпиталь не впускать и не выпускать под страхом смерти. Все служители остаются здесь, покуда я не позволю выйти. — Видя состояние подчиненного, стоявшего истуканом, Шафонский устало добавил: — Моровая у нас, братец, моровая. Вот какая, вишь, история. Пока не вернусь, за все головой отвечаешь ты, голубчик. А я мигом к доктору Ягельскому — и назад.

Афанасий Филимонович Шафонский (1740-1811), выдающийся русский медик, один из основоположников отечественной эпидемиологии, с 1756 по 1763 г. учился за границей, где окончил три университета (в Галле, Лейдене и Страсбурге) и получил дипломы доктора правовередения, философии и медицины. В России его назначили старшим доктором московского Генерального госпиталя. Верно определив характер появившейся в городе болезни, Шафонский отстаивал свое мнение, вопреки утверждению многих иностранных врачей, и стал главным организатором борьбы с эпидемией, обращая основное внимание на меры общественно-санитарного харак-

тера (изоляция больных, карантин, очистка города и др.). После окончания эпидемии он напишет фундаментальный труд "Описание моровой язвы, бывшей в столичном городе Москве с 1770 по 1772 гг.", содержащий в теоретической части немало прогрессивных и интересных мыслей о природе болезни, ее происхождении и путях распространения. В 1781 г. Афанасий Филимонович станет советником, а затем председателем суда в Чернигове. Через 5 лет он составит интересное топографическое описание Черниговского наместничества, которое опубликуют только в 1851 году.

Было всего пять часов утра. Шафонский застал друга одетым и сидящим за рабочим столом в кабинете.

— Касьян Осипович, беда! — заявил с порога Афанасий Филимонович, — в госпитале моровая язва.

— Сколько?

— Двадцать семь.

Ягельский обреченно махнул рукой.

— Несколько моих пациентов, коих я пользую, скончались от хвори со всеми признаками сей заразы.

Наступило тягостное молчание, для обоих врачей стало очевидно — в Москве началась эпидемия...

Талантливый русский врач Касьян Осипович Ягельский (1736-1774) окончил Петербургскую Госпитальную академию и был направлен за границу для получения степени доктора медицины. В 1765 г. защитил диссертацию по психиатрии в Лейденском университете, после чего учился еще в ряде учебных заведений Франции и Германии. В 1767 г. Касьян Осипович вернулся в Петербург, где в госпитале преподавал "материю медицины", физиологию и патологию. Через полгода его перевели в Московский госпиталь для преподавания. Ягельский первый подтвердил правильность диагноза Шафонского и вместе с ним стал одним из самых деятельных членов "Комиссии для врачевания и предохранения от моровой язвы". Именно Касьян Осипович изобрел курительный порошок для дезинфекции помещений и вещей больных. Кроме окуривательных порошков он являлся автором нескольких инструкций, изданных Комиссией.

Шла русско-турецкая война. В 1769 году фельдмаршал Румянцев приказывает отряду генерала Штофеля завладеть крепостью Журжа. Ее взяли приступом и разграбили. А грабить было что — в то время проходила ярмарка, на которую купцы со всей Турции свезли товары. Вместе с многочисленными гостями попала в крепость и черная смерть — чума. Она дала о себе знать, когда русские войска вступили в Бухарест. Желая пресечь распространение морового поветрия, фельд-

маршал приказал Штофелю отправиться в Яссы и выдержать строгий карантин, но было слишком поздно. Несмотря на предосторожности, "турецкая зараза" в отряде распространялась молниеносно. Сам храбрый генерал умер от нее в марте 1770 года.

Войска решено было убрать из зачумленных Ясс, но моровая пришла вместе с ними в Хотин, оттуда — в Польшу. В августе 1770 года она косила Киев, а уже в сентябре собирала урожай в Черниговской и Орловской губерниях. В декабре страшная гостья объявилась в Белокаменной. Зараза шла не только с войском, но и с обозом. С возвращением раненых и больных солдат домой зловещим эхом покатились моровая по России-матушке, благо привольно ей здесь пришлось из-за тупости и бесшабашности власть имущих...

— Господа, мы попросили вас собраться по экстренному случаю: в Москве — чума, — сообщил доктор Ягельский медицинскому совету.

Первые минуты стояла мертвая тишина. Врачи-немцы, которые представляли подавляющее большинство в совете, были настолько ошарашены известием, что, казалось, до них никак не доходит смысл услышанного. Но постепенно на их лицах проявились недоумение и опаска — да в своем ли уме говоривший? Во главе большого овального стола сидел главный врач города Андрей Андреевич Риндер, авторитет которого был очень высок в правящих кругах, среди аристократов и иностранцев.

— Так вы говорите, что в Москве чума? — поинтересовался физикус тоном, каким спрашивают детей, далеко зашедших в своей фантазии.

— Да, чума! Причем бубонная! — выкрикнул доктор Погорецкий.

— Позвольте полюбопытствовать, а откуда у вас эти сведения и почему нам сие не известно?

— Откуда же может знать практикующий врач, как не из своей личной практики? — не выдержал Шафонский.

— Смею вам заметить, господин Шафонский, что моя практика более обширна, нежели господина Ягельского и господина Погорецкого вместе. Но ни одного случая чумы я не наблюдал.

— Смею вам заметить, господин Риндер, что это не так, разве что пять душ бедных людей у вас равняются одной душе вельможи. Зараза, да будет вам известно, сперва поражает чернь, а уж потом господ.

— Откуда же турецкая зараза могла взяться в Москве? — язвительно спросил Морган.

— С турецкой войны, — резко ответил Погорецкий.

— Фантазии вам не занимать! — влез в разговор Фохт. — Десятки тысяч верст, по-вашему, не препятствие?

— Господа, не будем тратить время на пустые разговоры, — прервал перепалку Риндер, — уж коль нас сюда пригласили по столь фантастическому предположению, то мы должны все выяснить. Господин Ягельский, каким образом могла появиться моровая в Москве?

— Все мои пациенты, скончавшиеся от оной, незадолго пред тем вернулись либо из Польши, либо из Малороссии, где, как вы знаете, эпидемия зело распространилась.

— В Москве каждый день умирают десятки человек, так что же это — чума? — спросил Фохт.

— В Москве сотнями умирают от старости, переедания и голода, от пьянки, смертоубийства и различных хворей, — вышел из себя Шафонский. — Но хворь хвори рознь. Инфилтраты и пятна, кои не спутаешь с другими, великий жар, бред и — непременно смерть — не каждую хворь сопровождают.

— Доктор Шафонский действительно зело знающий, — съязвил Морган, — но, многоуважаемый коллега, смею вас заверить, что любой инфилтрат сопровождается жаром, и если его неверно лечить, то заканчивается смертью.

— Вы, господин Морган, — вставая, жестко проговорил Ягельский, — можете иметь свое мнение о мастерстве доктора Шафонского, но не токмо такой врач, как он, но и любой студент, обучающийся медицине, не перепутает карбункул с чумным инфилтратом. — Выйдя из-за стола, Ягельский вплотную подошел к Риндеру. — Повторяю, в Москве чума, господа! В Москве моровая язва, господа! В Москве турецкая зараза, господа! Проснитесь! В Москве мо-ро-ва-я!

— Господин Ягельский, — главный врач города отстранился от русского коллеги, — вы столь настойчивы, что просто диву даешься. Поддаваться панике из-за нескольких случаев, кои не доказывают, что это моровая, непристойно, а вы требуете, чтобы мы, как барышни, поддались вашей панике и раструбили на весь город о заразе, которой нет.

— Как это нет! Как это нет! — чуть не задохнулся Ягельский. — У меня девять человек умерло и у всех одни признаки.

— Это ничего не доказывает.

— А у меня в госпитале наемни трое Богу душу отдали, — вскочил Шафонский, — это тоже ничего не доказывает?

— Что же удивительного в том, что в войну солдаты мрут в госпиталях?

— Так ведь не от ран же мрут, а от чумы.

— Опять вы упорствуете, да с чего же вы взяли, что это турецкая зараза?

— А вы поезжайте ко мне да сами воочию убедитесь. Все зараженные из отряда Штофеля, в котором свирепствует чума...

— Ну, это просто смешно! — самодовольно хихикнул доктор Фохт. — Кого можно удивить смертностью в военном госпитале?

— А вот прошу вас ко мне, да проявите свое врачебное милосердие, да поухаживайте за ними, да вместе посмеемся, — взорвался Шафонский.

— Господа, эта болезнь не может свирепствовать в холодном климате, — подал весомый голос еще один немец-врач.

— Однако ж она здесь, в Москве! Напомню вам, сударь, что моровая известна не только в Турции, Индии, Персии да других жарких странах. Ее ох как помнят и в Англии, и во Франции, — встрял Погорецкий.

— Как вы можете рассуждать, когда сами никогда ее не видели, по книгам болезнь узнать трудно.

— Я с моровой знаком! — Ягельский стукнул кулаком по столу. — И Афанасий Филимонович не по книжкам, а на турецком фронте ее изучил!

— А как вы можете отрицать ее, коли сами никогда с ней не имели дела? — спросил Шафонский.

— Так коллегия отказывается признать в Москве моровую и принять необходимые меры к ее пресечению? — поставил вопрос ребром Погорецкий.

— Мы не будем принимать решения на сомнительных заявлениях.

— Это преступление! Вы не имеете права рисковать жизнью подданных империи.

— Мы не имеем права поддаваться панике из-за пустых заявлений.

— Прошу коллегия посетить мой военный госпиталь, дабы убедиться в наличии моровой.

— Господин Шафонский, у нас достаточно дел, чтобы мы по-пустому теряли время.

— Мы вынуждены будем сообщить генерал-губернатору о том, что сообщили вам и о вашей преступной халатности. — Ягельский встал.

— Как будет вам угодно-с, — хмыкнул Риндер.

Раздраженные и злые Погорецкий, Ягельский и Шафонский вышли на улицу. Некоторое время они стояли молча.

— Да, стену лбом не прошибешь. Надеяться можно только на себя. Ну, что делать будем? — спросил Погорецкий коллег. — Эти нам не подмога, только мешать будут.

— Я сегодня же отпишу письмо Орреусу и Самойловичу, и хоть людей у меня мало, но пошлю усердного солдата в армию Румянцева, — сказал Шафонский. — Попрошу их немедленно прибыть сюда.

— Думаю, фельдмаршал войдет в наше положение и отпустит их, — выразил надежду Ягельский. — Я же сегодня же отпишу в Петербург графу Брюсу, пусть он поставит в извест-

ность императрицу. Без вмешательства государыни, боюсь, не обойтись.

— У меня друг в полиции, — сказал Погорецкий, — попрошу его организовать наблюдение за городом и доносить нам о подозрительных случаях.

— Коли такие обнаружатся — везите ко мне в гошпиталь.

— Да, лихое время наступает — теперь не до сна и не до отдыха. Да поможет нам Бог, — вздохнул Ягельский. — Будем обмениваться записками ежедневно, ежели что — собираемся у меня в доме.

Друзья простились, и каждый отправился к себе нести страшную вахту.

Андрей Андреевич Риндер учился в Альтдорфе, защитив диссертацию, приехал в Россию и был принят на русскую службу 12 февраля 1733 года. Сначала являлся доктором в Оренбургской Комиссии. Прослужив более 25 лет, просил перевести его в Москву или Петербург на покойное место. 21 марта 1765 года Риндер стал московским штатт-физиоком. Он не признавал эпидемии чумы, чем способствовал ее чрезмерному и быстрому развитию и распространению.

Петр Иванович Погорецкий (1740-1780), закончив Киевскую духовную академию, с 1757 г. обучался в медицинской школе Санкт-Петербургского адмиралтейского госпиталя. В числе 10 лучших учеников был отправлен в Лейден, где в 1765 г. защитил диссертацию и вернулся в Россию. Петр Иванович преподавал в московской госпитальной школе. Ему принадлежат несколько переводов медицинских книг и статей Энциклопедии. Однако его плодотворная научная и педагогическая деятельность была прервана. Горячий патриот, прямолинейный и смелый человек, Погорецкий резко критиковал недостатки в постановке преподавания в госпитальной школе, клеймил недобросовестное отношение к своим обязанностям многих преподавателей немцев. Это привело к конфликту с госпитальным начальством и Медицинской коллегией. Кроме того, он дерзнул без согласия Медицинской коллегии перевести и опубликовать за свой счет учебник диагностики и лечения болезней И.Ф. Шрейбера. За подобную "самодеятельность" его арестовали и отдали под суд. Погорецкого отстранили от должности и назначили доктором Сибирского корпуса. Петр Иванович отказался подчиниться и отправился в Петербург, но по дороге его схватили и под конвоем отправили в Сибирь. Узнав суть дела, Екатерина II приказала срочно доставить строптивного врача в Петербург. Здесь он проработал год, а затем по его прошению был уволен и уехал в Москву. Находясь в отставке, Погорецкий добровольно включился в борьбу с чумой, когда большин-

ство врачей немцев отклонялись под любым предлогом от лечения чумных. Петра Ивановича направили в госпиталь, расположенный в Лефортовом дворце.

Не дожидаясь решения чиновников, Шафонский принял за дело. Госпиталь был окружен усиленным караулом, общение с городом совершенно прекратилось. Главврач заперся со всем персоналом, круглосуточно лечил и наблюдал за больными. Он приказал всем служившим соблюдать максимум предосторожности. Мусор сжигали, во дворе развели костры, чумных отделили от других больных и раненых, палаты постоянно проветривали, посыпали пол и двор негашеной известью.

Действенным средством оказался уксус, которым умывались, пили, разбавляя водой, вдыхали его пары. Рекомендовалось курение табака, ношение камфары на теле, жевание пряностей — имбиря, колчана, окуривание вещей и помещений можжевельником, ладаном, порохом.

Особенно ценился уксус “четырёх разбойников”, одно вдыхание которого могло предохранить от заражения. Это обеззараживающее средство получило распространение после эпидемии чумы в Марселе в 1720 г., унесшей более 40 тысяч человек. Оно состояло из смеси уксуса, камфары и мелко изрубленных частей многих растений: шалфея, мяты, руты, чеснока, корицы, гвоздики и др. По преданию, 4 разбойника грабили во время эпидемии в Марселе зачумленные дома. По окончании эпидемии они были схвачены, и на суде им было обещано прощение, если они откроют секрет, спасший их от заражения. Они, якобы, сообщили о средстве, которое употребляли. В дальнейшем рецепт уксуса “четырёх разбойников” неоднократно изменялся, но название сохранилось вплоть до XIX века.

Шафонскому удалось спасти 5 человек из 27. Благодаря его неусыпной деятельности никто больше не заболел. По истечении 40 дней карантина он выпустил всех из госпиталя, а само деревянное здание и вещи больных велел сжечь.

А чума тем не менее гуляла по городу и набирала силу. Однако врачи-немцы с завидным упорством продолжали ее отрицать. Риндер настоял на отмене всех противоэпидемических мероприятий, которыми, по его словам, “жители более в страх моровой язвы приведены быть могут” и которые тем самым не предохраняют от заболевания, а наоборот, предрасполагают к нему. Мнение штатд-физика одержало верх, и предупредительные меры были прекращены.

Обращения русских врачей к властям не дали никаких результатов, так как врачи-немцы считались специалистами высокого класса и упорно убеждали всех, что повальная смертность никакого отношения к чуме не имеет.

Предпочтение иноземных специалистов и недоверие к отечественным медикам было в то время традиционным. А напрасно. Обучение в госпитальных школах (особенно петербургских) находилось на достаточно высоком уровне. Во главе адмиралтейского госпиталя, например, стоял образованный врач, искусный хирург Мартын Ильич Шеин, много сделавший для развития отечественной медицинской науки.

В отличие от большинства западноевропейских университетов того времени, наши ученики не были ограничены изучением наставлений ученых врачей древности и средневековья. В отечественных школах большое внимание уделялось практике. Здесь не только изучали анатомию, хирургию, внутренние болезни и фармакологию, но наблюдали за состоянием больных, вели истории болезни. Ученики присутствовали при вскрытии умерших в госпиталях, причем изучению патологических изменений на трупах уделялось большое внимание.

9 марта 1771 г. полиция случайно узнала о необычайной смертности на суконном дворе в Замоскворечье. Генерал-губернатор командировал туда доктора Ягельского. Касьян Осипович сразу определил — чума. Он установил, что среди рабочих заболевания начались еще в январе, и за это время умерло 130 человек. Ягельский обо всем сообщил генерал-губернатору Москвы графу Салтыкову. Салтыков послал 5 врачей-немцев, которые вновь не признали чуму, хотя заявили, что болезнь "есть гниющая, прилипчивая, заразительная... и очень близко подходит к язве". Сенат принял решение вывести всех из суконного двора в Угрешский монастырь, а саму фабрику оцепить. Но было поздно: около 2 тысяч фабричных разбежались по всему городу.

Только когда эпидемия приняла угрожающий характер, был создан медицинский совет, в который вошли лучшие врачи и профессора Московского университета: Шафонский, Ягельский, Погорецкий, Вениаминов, Забелин и другие. Чума уже ежедневно уносила около тысячи людей в день, а врачинеццы во главе с Риндером продолжали упорно твердить — это не моровая язва. В донесениях сенату они отстаивали свое мнение, вводя в заблуждение российское правительство.

Разногласия среди медиков тормозили борьбу с эпидемией и вызвали недоверие москвичей к русским врачам и их советам. Более того, некоторые медики подверглись насилию. Был зверски избит и Афанасий Филимонович Шафонский. Население игнорировало необходимые меры предосторожности, чем способствовало распространению морового поветрия.

Но русские врачи продолжали самоотверженно бороться с эпидемией. Они поделили между собой город и платили мальчишкам деньги за то, чтобы те доносили им о случаях заболе-

вания. Бедняков привозили в госпиталь к Шафонскому, зажиточных горожан, купцов и дворян пытались лечить на дому. Они собирались несколько раз в неделю, делились информацией, вели записи и учет заболеваний, выработывали средства борьбы со смертельной опасностью.

Только после трагического известия из Пушкина (один из рабочих суконного двора, будучи уже зараженным, вернулся в свой родной город — в результате все до одного жителя его вымерли), медицинская коллегия, наконец-то, согласилась признать, что в Москве свирепствует эпидемия чумы, о чем в тот же день поставила в известность генерал-губернатора графа Салтыкова и сенат. Власти приняли меры, предложенные русскими врачами: были устроены при заставах карантины и открыта общественная чумная больница в Угрешском монастыре. Но город, к сожалению, не закрыли, поскольку Салтыков считал, что изолировать Москву карантинами невозможно. На требования запретить въезд в Москву он только твердил:

— Это сделать никоим образом не можно. В таком великом городе столько людей, кои питаются привозным харчем, товары к портам везут чрез Москву.

Из-за беспрепятственного выезда из Первопрестольной чума перекинулась на другие губернии: Смоленскую, Нижегородскую, Казанскую, Воронежскую. Предписания императрицы Салтыков считал излишними, о чем ей и сообщал. Раздраженная упорством старого фельдмаршала, государыня поручает сенатору Еропкину возглавить борьбу с чумой.

Поняв, что в Белокаменной действительно чума, Екатерина II консультируется у лучших специалистов, интересуется способами борьбы с черной смертью. Императрица сама садится за учебники. Ежедневно она пишет Еропкину пространные письма, в которых дает множество советов и рекомендаций. Особое внимание государыня уделяла гигиене: "...Наконец, внутри города имеете вы публиковать, чтоб всякий хозяин наблюдал прилежно в доме своем, для собственной каждого безопасности, следующие три пункта: 1) чтоб в тех покоях, как хозяйских, так и людских, где огня нет, и не снутри комнаты огонь раскладывается, всякой день воздух был переменен открыванием не токмо одних продушин, но чтоб несколько времени окна были отворены, а наипаче те покои, в коих многое число людей спит. 2) чтоб колико возможно покои были вычищены от всякого сору и не чистоты; всякие же постели, одеялы, войлоки, ковры и тому подобные вещи были бы проветрены и выношены на воздух так часто в неделю, как только можно, а хотя бы и всякий день. 3) всем жителям советовать частое употребление холодной воды и со льдом как для питья, так и для обмыванья, тако ж и частое употребление и окуриванье уксу́сом будет полезно".

Только в апреле 1771 года в Москве началась регистрация умерших. В этот месяц их оказалось 778 человек. Но учет был далеко не точен. Люди, боясь карантина, зачастую тайно закапывали умерших во дворе, в подвалах и в доме под полом. Даже по неполным данным за сентябрь и октябрь этого года умерло около 40 тысяч человек.

В июне в смертельную схватку с чумой вступает еще один выдающийся русский эпидемиолог. В связи с тяжелой болезнью он был переведен из действующей армии в Оренбург. Но, попав в зачумленную Москву, остался здесь.

Данило Самойлович Самойлов (1744-1805) с 1761 по 1765 годы учился в школе при Петербургском адмиралтейском госпитале. В 1768 году получил назначение в Копорский пехотный полк, в составе которого и принимал участие в русско-турецкой войне. Здесь он впервые встретился с чумой и принялся рьяно ее изучать. Но вскоре заболел "жестокою горячкою с кровавым поносом". После 18 месяцев изнурительной болезни его перевели в Оренбург. По пути Данило посещал все госпитали, где наблюдал за течением болезни и беседовал с опытными врачами. Во время работы в московских госпиталях ярко проявился талант этого человека. Это был пример исключительной самоотверженности врача и жертвенного отношения к науке. Впоследствии он обобщит практический опыт борьбы с чумой и создаст стройную новаторскую, а для того времени прогрессивную, систему научных представлений о болезни, ее клиническом течении, путях распространения, о мерах борьбы с эпидемиями.

Сначала Самойлова направили в Угрешский монастырь, превращенный в противочумной госпиталь. Он неотлучно находился с больными, в результате заразился сам и трижды перенес приступы чумы. Данило Самойлов выжил, а вокруг него умирали медики: из 15 его помощников в живых осталось только трое. "Никто, — писал он, — не видел такой гибели, какую видел я, будучи в Москве при врачевании в трех госпиталях: Угрешском, Симоновском и Даниловском, где померло великое множество от язвы медицинских чинов и служителей...".

В то время, как отечественные медики не щадили себя, врачи-иностранцы всеми правдами и неправдами отлынивали от исполнения своих обязанностей. Австрийский врач Мертенс вспоминал, что, посещая зачумленных на дому, он и другие врачи обследовали их на расстоянии, не прикасались ни к больному, ни к его постели. Лекарь Бернице, приехав осмотреть больного дворового человека, велел вывести больного к нему за ворота, утверждая, что он сам болен и боится простудиться. На самом же деле Бернице был вполне здоров. И таких случаев было много.

Узнав об этом, Екатерина II послала на имя Еропкина царский рескрипт: "Доходят сюда из Москвы известия, что тамошние доктора и лекари, позабыв свою должность и самое человечество, не токмо не имеют старания о исцелении заражающихся опасною болезнью жителей, но и боятся порядочно осматривать их, то и даем вам власть наказывать таковых, есть ли найдутся в столь бесовственных поступках, смотря по важности преступления, сажанием в тюрьму". Самойлов, возмущенный поступком лекаря, добился на основании указа императрицы строгого наказания Бернице.

Как только доктор Ягельский изобрел курительный порошок и написал инструкцию его применения, было принято решение срочно провести опыты. И поручили это опасное и ответственное дело Даниле Самойлову. В XVIII в. в Европе широко применялась практика испытывать лечебные средства на приговоренных к смертной казни. В случае благоприятного исхода их отпускали на волю. Самойлову дали семь смертников. Дом, в котором все вымерли от чумы, находился рядом с Симоновым монастырем, из этого же госпиталя доставили и одежду, пропитанную потом и гноем чумных. Самойлов лично окуривал вещи и помещение порошком Ягельского. Прodelывал он это дважды в день в течение четырех дней. После чего дом и одежду проветривал в течение 6 дней. Прежде чем одеть в эти платья преступников, Данило Самойлов сам его носил. Колодников заперли на 16 дней. Ни один из них не заболел. После 15-дневного карантина их выпустили на свободу.

Удачное завершение эксперимента позволило изготовить большое количество порошка и снабдить им все аптеки города. Население сразу же оповестили о спасительном средстве. Правительство Москвы предупредило жителей, что некоторые с целью наживы изготавливают и распространяют сомнительные порошки.

Самойлов использовал преступников также для испытания изобретенной им противочумной прививки, предварительно испробовав на себе действие сыворотки. О результатах этого опыта он докладывал на заседании Комиссии для предохранения и врачевания от моровой язвы 23 ноября 1771 г.

Возмущенная бездействием большинства врачей и администрации Москвы, Екатерина II направила в зачумленный город своего фаворита графа Григория Григорьевича Орлова, наделив его большими полномочиями. 26 сентября он прибыл в Москву с четырьмя гвардейскими командами, целым штатом помощников и доктором Петербургской полиции Орреусом.

Густав Максимович Орреус (1738-1811) родился в Финляндии, получил образование в университете города Або. В

1755 году поступил в медицинскую школу Петербургского генерального сухопутного госпиталя и в том же году получил звание подлекаря. С 1757 года — лекарь 5-го мушкетерского полка, в составе которого участвовал в сражениях Семилетней войны. С 1763 года — оператор Петербургского адмиралтейского госпиталя, преподает в медицинской школе хирургию, анатомию и медицинскую ботанику.

В 1768 году Густав Максимович отправляется на театр военных действий к фельдмаршалу П.А. Румянцеву. Кампания 1770 года увенчалась историческими победами при Ларге и Кагуле, которые стали возможны благодаря именно Орлеусу. По его инициативе были спланированы противоэпидемические мероприятия во время движения армии. Густав Максимович провел тщательную санитарно-эпидемиологическую разведку намеченного маршрута движения главных сил, установил очаги эпидемии. По его совету Румянцев изменил маршрут и двинулся по левому берегу реки Прут. Все это помогло уберечь от повальной эпидемии армию и дало возможность фельдмаршалу одержать блестящие победы.

Едва вступив в Москву, Орлов запер город. Гвардейским командам дан был приказ стрелять на поражение в тех, кто попытался бы, несмотря на запрет и предупреждение, покинуть или въехать в столицу. Карантинные оцепления держались долго — последнее упразднили в 1774 году.

В первый же день по прибытии граф Орлов собрал всех русских врачей, чтобы выслушать их и решить первоочередные задачи, попросил каждого написать свои предложения по борьбе с чумой. Наконец-то медики получили поддержку и за эпидемию взялись всерьез.

Исходя из рекомендаций врачей, царский посланник осуществил целый ряд санитарных и чисто полицейских мероприятий. Особое внимание Орлов уделил укоренившемуся за время эпидемии пагубному злу — грабежам. Вещи, вынесенные из выморочных домов, продавали — тем самым распространялась зараза. Граф издал указ — расстреливать на месте грабителей выморочных домов.

Началась генеральная чистка города от грязи и всякой рухляди, таившей в себе заразу. Уничтожались бездомные животные, полиция и санитары обходили опустошенные дома и жгли в них все, за исключением металла, писем и икон, последние отдавались на хранение в выморочные церкви. Мелкие и ветхие дома — сжигались. Артели курильщиков, избранные из вольных людей и колодников, окуривали зараженные обывательские дворы, присутственные места и ряды. Операция эта затянулась до весны. Всего было сожжено более 3 тысяч выморочных домов и более 6 тысяч, в которых находились больные, — очищены и окурены.

В марте полиция произвела специальный обход дворов для розыска тайно зарытых или просто спрятанных трупов. В результате рейда в домах, садах, огородах и пустырях обнаружено было 1000 трупов.

Действовавшие “чумные” госпитали не могли вместить всех больных, и Орлов открывает еще три “опасные” больницы (в Лефортове, Покровском монастыре и в каменном доме близ Донского монастыря — последняя для “неимущих благородных и чиновников”). Граф отдал свой родовой дом на Никитской под госпиталь, для воспитания многочисленных сирот учредил на казенный счет дом на Таганке. Кроме того, царский посланник открыл 5 карантинных домов, и строго следил, чтобы изоляционные помещения действительно выполняли свое назначение. Тех, кто укрывал больных, в наказание назначали служителями в карантинных домах и больницах.

Врачи жаловались Орлову на несознательность горожан, которые предпочитали умирать дома, но не ложиться в госпиталь, а те, кто были в контакте с больными, напрочь отказывались идти в “карантины”. Григорий Григорьевич прибегнул к хитрости: разрешил москвичам лечиться и соблюдать карантин на дому, но в то же время выдерживавшим срок в карантинах выдавалась награда: женатым — по 10 рублей, холостым — по 5 (сумма для того времени огромная). Кроме того, выздоровевших при выходе из больницы снабжали бесплатным питанием и одеждой. Эта мера оказалась настолько действенной, что изоляции стали добиваться даже совершенно здоровые люди.

Сам граф постоянно обходил больницы, строго наблюдал за пищей и лекарствами, заставлял в своем присутствии сжигать все вещи и постель умерших от чумы. Тем самым он освободил от чиновничьих обязанностей медиков, которые все силы стали отдавать исключительно лечению больных.

Не жалея средств для борьбы с заразой, Орлов прежде всего позаботился о самоотверженных медиках: докторам сверх двойного жалованья дал ежемесячное содержание, а в случае смерти — значительные пенсии их семьям. За работу в больницах крепостные отпускались на свободу.

Принятые меры сразу же дали результат, о чем красноречиво говорят цифры: в сентябре умерло 21.401 человек, в октябре — 17.561, в ноябре — 5.235, а в декабре — 805 человек.

“Доброжелатели” пытались и пытаются свести на нет заслугу врачей и Орлова в борьбе с чумой, приписывая результаты трескучим морозам, которые якобы и уничтожили заразу. Но факты говорят о другом. Во-первых, сохранившиеся ежедневные записи погоды зимы 1771-1772 года свидетельствуют о невероятных оттепелях в декабре, январе и феврале. В Москве растаял весь снег. Во-вторых, перед приездом царско-

го посланника в Первопрестольной разразился чумной бунт*, во время которого бунтовщики разгромили госпитали, поубивали многих медиков и разогнали всех чумных, тем самым вызвали новую, еще более страшную, вспышку эпидемии.

Еще задолго до восстания по Москве пустили слух, что врачи дают больным "порошки с мышьяком и тем самым морт тех людей, а от них заражаются оных слобод жители". Жертвой бунтовщиков стал и Самойлов, который чудом остался живым. Много лет спустя он напишет, что "бит был смертельно бунтовщиками во время московского бунту".

Да, бывало, что у русских врачей в разгар эпидемии, когда власти бездействовали, врачи-немцы противодействовали, а народ, по темноте своей, восставал, иногда руки опускались. Но это была минутная слабость. Несмотря ни на что они боролись, боролись до конца. Хоронили и оплакивали своих соратников и снова шли в палаты. Они разрабатывали новые средства борьбы с чумой, испытывая их на себе. Их труды стали достоянием мировой науки и сделали нашу эпидемиологию самой передовой и авторитетной.

Не морозы и время победили черную смерть, а русские врачи, всегда остававшиеся верными клятве Гиппократы. ■

* Об этом подробно рассказывается в очерке "Амвросий" — "Смена" № 4 за 1999 год.

Светлана ПОТЕМКИНА

* * *

С деревьев сдернула зима
Потухших листьев покрывала,
Затейливые терема
В моем окне нарисовала,
Чтоб мне стоять перед тобой
И, согреваясь теплым пледом,
Осознавать себя счастливой,
До бесконечности живой.
И, взглядом задержав твой взгляд,
Я медленно сомкну ресницы...
Мой стольный град, ты будешь взят
И не сумеешь не влюбиться.
Уже пожатье рук негрубо,
И поцелуй как символ братства
Со щек перебежал на губы
И постепенно стал продляться...
Мой старый репетитор опыт
Не учит, а разучивает жить.
Но медленно, переходя на шепот,
Я говорю: "Хочу тебя любить".

* * *

Ни страсти, ни любви, но лишь тоска по телу...
Бесцветные слова, как снег, уходят.
Все начинается и кончится на белом —
Листе бумаги, ситце, пароходе.
Путь краток, но не так
Уж наг союз наш и бесстыден,
Когда все покрывает мрак,
И грех — не грех, когда и нам не виден.

* * *

Всепожирающий,
О Хронос,
Оставь мне эти полчаса,
когда рассвета полоса
на шторах выжигает конус.
И луч, пока еще дрожащий,
как лапкой кошка по столу,
тихонько шарит по стеклу.
И кровь по венам бьется чаще...

* * *

От души до души — пустота,
От любви до любви — маета.
Изо дня в набегающий день
Привыкаю отбрасывать тень.

Игорь ГАМАЮНОВ

призраки

Самые непредсказуемые сюрпризы готовит нам подвальная жизнь подростков, предпочитающих уличную жизнь домашней.

Дачный детектив

В старинном, ветхом уже, подмосковном дачном поселке, состоящем из одноэтажных типо-

вых деревянных домиков с террасами, произошло то, что должно было произойти. Его ограбили. Случилось это короткой летней ночью, под утро, в четыре примерно часа — так установило коллективное следствие.

Жилец 5-й дачи сидел в ту ночь с приехавшим к нему на "Жигулях" племянником у крыльца, за столом; угомонились они часам к трем, причем перед тем, как пойти на боковую, прогулялись по извилистой аллее, вьющейся под старыми елями, меж не огороженных домов, у которых под окнами стояли автомобили разных марок. И — ничего подозрительного не заметили.

Жильцы 3-й дачи, недавние переселенцы с юга России, тоже принимали гостей по случаю дня рождения трехлетнего сына; их шашлычница дымилась до часу ночи, а танцевальная музыка из распахнутых дверей "Ауди" звучала до двух. И примерно до трех гости сновали к дощатому строению, освещенному тусклой лампочкой, облепленной роем ночных мотыльков. И эти граждане, окликавшие друг друга гортанными голосами, ничего особенного в сумерках тоже не разглядели.

А в даче N 2 маялся от бессонницы судебный очеркист, корпевший над рукописью концептуальной, как ему казалось, статьи, в которой не давался последний абзац. Часам к трем статья была завершена, и очеркист вышел взглянуть на звезды, мерцавшие меж еловых веток. Еще он увидел идущий на посадку ТУ-154, сиявший включенными прожекторами, услышал глухой рончущий гул, от которого обычно включалась разноголосая авто-

мобильная сигнализация, подымавшая с постелей сердитых автовладельцев. Но на этот раз обошлось — все предусмотрительно ее выключили. Самолетный же гул был привычен, как шум морского прибоя — международный аэропорт располагался рядом, за кромкой ближнего леса. Очеркист вернулся в дом, тоже не заметив ничего криминального.

В начале же пятого в домике коменданта проснулась от птичьего гомона дежурная Анна Ивановна; привычно взглянула в окно, заперты ли металлические ворота; накинув на плечи куртку, прошлась по аллее. Поселок из двух десятков домов мирно спал, не подозревая, что уже ограблен.

Первым следы ограбления заметил гостивший у своего дяди племянник. С непривычки проснувшись от гула шедшего на посадку самолета, он вышел в седьмом часу на скрипучее крыльцо. И увидел: левые дверцы его "пятерки" и дядино "Москвича" слегка оттопырились. Нинулся к ним. Убедился — автомобили вскрыты. На панелях вместо магнитол зияют дыры. А еще через полчаса жильцы других дач тоже обнаружили свои автомобили распотрошенными. В комендантской, у телефона, образовалась толпа невыспавшихся людей. Звонили в милицию. Кричали в трубку о дерзком ограблении. Требовали немедленных мер. Всего было вскрыто семь автомобилей. Злоумышленники рассчитали все: и то, что охранная сигнализация отключена, и время крепкого сна — между тремя и пятью часами.

Через час прикатил милицейский уазик. К этому моменту дежурная вспомнила, что в пятом часу, выходя на аллею, заметила за ее поворотом, меж стволами сосен, чьи-то мелькнувшие фигуры. Сколько их было? Как выглядели? Затруднялась ответить: "Спросонья не разглядела".

Следственные узы

На несколько дней пострадавших автовладельцев связали особые узы — следственные. Главная версия, овладевшая их умами, — вскрывали машины люди опытные. И — отчаянные, которым терять нечего. Стали вспоминать. Припомнили: к одной из дежурных, Елизавете Васильевне, приходил в комендантскую ее технически грамотный муж чинить сломавшийся телевизор. О нем в поселке — стараниями самой Лизы, делившейся семейной бедой, — знали: хоть и на все руки мастер, но жуткий выпивоха, по полгода без работы, по утрам у жены на опохмелку выклянчивает. Да не он ли погрошитель?

"Он", — решил жилец 5-й дачи, больше всех уязвленный происшедшим. И немедля отправился в соседний поселок, в панельную пятиэтажку, к Лизе. Но следов награбленного в их скромной однокомнатной квартире не заметил, как, впрочем, и предполагаемого алкогольного изобилия: муж Лизы явно маялся из-за отсутствия выпивки, а на вопрос о том, где был вчерашней ночью, лишь зло выругался.

Эпизод этот оскорбленная подозрениями Лиза широко обнародовала. Обсуждали его все, склоняясь к мнению — зря оби-

дели человека. Судебный очеркист вспомнил о презумпции невиновности. Его соседка Лидия Семеновна, пожилая басистая женщина, живущая с внуком Мишей на той же даче, сурово заметила: "Ходят здесь всякие — из леса. Коменданту надо сказать, чтоб налитку забил".

С ней спорили, объясняя: тогда на прогулки в лес придется переть в обход. Но та стояла на своем: забить. Она была женщина принципиальная: однажды убедившись в технических способностях внука, Лидия Семеновна освободила его ради компьютерных занятий от всех домашних дел — сама, напрягая костлявые руки, таскала в ведрах воду из колодца, хотя 13-летний внук вымахал на голову выше бабки. И гордо сообщала: "Миша-то наш в компьютерном центре на Савеловской консультантом стал. Деньги ему платят, небольшие, правда. В 13-то лет!"

"Такой вряд ли будет забор ломать," — думал судебный очеркист, видя долговязого Мишу чинно гуляющим по аллее с Петьюкой, вдвое младше и короче его. В то время, как остальное мальчишеское население дачного поселка носилось сломя голову на велосипедах и с дикарскими воплями гоняло на лесной поляне мяч. "Да не они ли вскрыли машины?" — спрашивал себя очеркист, глядя на футболистов, но тут же отгонял эту грубую, на его взгляд, мысль, нарушающую презумпцию невиновности.

До конца лета он пристально всматривался в лица мальчишек. Его внимание было обострено тем обстоятельством, что в числе ограбленных оказался сто-

явший в ту злополучную ночь в пяти шагах от кухонного окна автомобиля его зятя. Грабители не только уволокли из машины магнитола, но и прихватили новенький японский зонтик, забытый зятем на заднем сиденье. Но ни наблюдения за мальчишками, ни наводящие разговоры с ними результата не дали. И постепенная история с ограблением стала забываться.

Минуло лето, завершалась осень. Выпал первый снег. Поселок стал малолюдным — лишь по выходным заядлые лыжники оглашали окрестный лес звонкими голосами. И вдруг в один из последних ноябрьских дней очеркисту в Москву позвонили. Он услышал бодрый голос коменданта Алексея Дмитриевича:

— Странное дело, — кричал он возбужденно, — в вашу дачу залезли, разбив окно. Но ничего, похоже, не взяли. Приезжайте!

Приехав, очеркист убедился: старые свитера и куртки, которыми промышляли лазающие по дачам бомжи, на месте. Только смяты постели на кроватях. Две пары следов на снегу вели от забора к террасе, где разбито было окно, затем — в обратную сторону. Судя по всему, в доме лишь переночевали. Кто?

— Молодежь! — предположил улыбчивый комендант. — Нашли место, где любовью заняты.

А еще через неделю трудившийся на даче очеркист, задремавший было в восемь вечера, услышал вдруг на крыльце возню. Вышел в прихожую, включив внезапно свет. Увидел за дверным стеклом долговязого мальчишку с металлическим крюком

в руках — он им пытался открыть дверь.

— Миша? — удивился, узнав соседа. — Ты без ключей?

Мальчишка остолбенел, видимо, полагая: раз окна темны, то дача безлюдна.

— Чего молчишь?

— Мне дома ключей не дали, — забормотал он, — а я с другом хотел погреться...

За его спиной маячил щупленький паренек, который вдруг дернулся, когда очеркист стал открывать дверь, и кинулся наутек. Вслед за ним рванул и Миша.

Теперь стало ясно, кто грелся в даче N 2, разбив стекло на террасе: вот этот 13-летний компьютерный консультант с приятелем. Но почему они не разбили окно Мишиной террасы? Почему этому компьютерному гению понадобилось лезть к соседям?

И совсем уж невероятным показалось очеркисту продолжение этой странной истории: дня через два, днем, к нему поступался плечистый товарищ в казенном полушубке.

— Из милиции, — представился он.

Не раздеваясь, гость стал выспрашивать: с кем дружил мальчик Миша? Всегда ли летом ночевал дома? Про что любил говорить? И тут вдруг вспомнилось: был Миша молчун. Частенько ночевал в соседнем поселке у накого-то приятеля по имени Андрей, объясняя тем, что допоздна занимается с ним компьютером, а обратно ночью ему идти вроде как страшно.

— У Андрея Захарова? — уточнил гость. — Нет у них никакого компьютера. Мать на трех

работах внальвает, чтоб четверых прокормить. Без отца они.

— А что, собственно, произошло?

— Новая серия автомобильных грабежей. Пользуясь тем, что жители окрестных поселков не включают сигнализацию, грабители вскрывают двери или разбивают боковые стекла, а затем потрошат аудиотехнику.

— Но при чем здесь эти мальчишки?

— При том, что на снегу отпечатались следы их ботинок. Следы Андрея мы уже идентифицировали...

Компьютерный мальчик

Не буду томить читателя, признаюсь: очеркистом, не разглядевшим в соседском мальчишке криминальных наклонностей, был я.

Да и можно ли было их разглядеть? Всегда эмоционально сдержан — вежливо поздоровается, столкнувшись в коридоре или на кухне. И — быстрее на террасу. Взгляд ускользающий. Движения угловатые.

Его замкнутость я объяснял просто: компьютерный мальчик. Живет в виртуальном мире экранных игр, не сопрягающихся с реальной действительностью. К тому же, судя по рассказам его мамы Полины, работавшей в нашей редакции оператором компьютерного набора, очень способный: схватывает на лету. Общается, правда, со сверстниками с трудом, но это следствие его одаренности, утверждала мама.

Правда, однажды дачное бытие внесло коррективы в Мишин

имидж вежливого компьютерного отшельника. Как-то, проходя по аллее мимо детской площадки, я увидел пожилую пенсионерскую пару, возмущенно отчитывающую моего соседа. И тут же был вовлечен в воспитательный процесс. "Этот молодой человек, — торопливо объяснили мне, нивая на долговязого Мишу, — натравливает малышей друг на друга, доводя их до драки. При этом — грязно сквернословит!" Я не поверил. Спросил у него, что произошло. Он ответил не дрогнувшим голосом: "Им показалось". И, повернувшись, ушел. "Какой лгун!" — запричитали ему вслед старички.

Экспериментировал, предположил я. Попытался манипулировать малышкой, как персонажами компьютерных игр. Видимо, настолько погружен в свой искусственный мир, что способен общаться только с теми, кто намного младше его. Но — откуда сквернословие? Неуклюжая попытка кому-то подражать? Кому?.. Да мало ли кому!.. Сквернословие становится модой, вон даже популярные писатели в своих романах во всю пользуются ненормативной лексикой.

Разговор с Лидией Семеновичей ничего не дал. "Это неправда, — твердила она. — Наш мальчик на такое не способен!" У нее, судя по всему, сложился непоколебимый образ внука, и она не хотела (а может, не могла?) вносить в него поправки. Время от времени, я слышал, у нее возникала с Мишей какая-то полемика — за тонкими стенами звучало ее недоуменно-басистое ворчание. Затем хлопала дверь — она с внуком уходила в комендантскую.

Как потом объясняла — звонить Полине. Спор шел о том, отпустить ли Мишу к приятелю Андрею в соседний поселок ночевать? Мама обычно разрешала спор в пользу сына, и он уходил. "Они оба так увлечены компьютером!" — сокрушенно оправдывала его Лидия Семеновна.

В ту ночь, когда случилось ограбление, Миша тоже ночевал у Андрея.

И потом, осенью, в Москве, уходя в школу, он говорил: "После уроков поеду к Андрею". — "Но ведь это же далеко!" — ахала Лидия Семеновна. "Всего лишь сорок минут на электричке!" — ронял снисходительно Миша перед тем как захлопнуть дверь. Уезжал сразу, минуя школу. "Как же нашему мальчику повезло с другом!" — думала Лидия Семеновна после ухода внука. Вечером же раздавался звонок из Подмосквы — Михаил предупреждал, что остается там ночевать.

Ночевали они, как потом выяснилось, в подвале Андреевой пятиэтажки, возле труб отопления, на тюфяках. Перед сном выходили на охоту. Шли к станции от одного дачного поселка к другому, присматриваясь к автомобилям. Останавливались. Светили фонариком внутрь — есть ли магнитола. Дверцу вскрывал Михаил — специальной заточкой. Андрей стоял "на стреме". Если замок не поддавался, ждали самолета. Когда его гул накрывал поселок, Михаил разбивал железным крюком боковое стекло.

Брали не только магнитолы — все, что лежало на сиденьях или таилось в "бардачках". Магнитолы везли утром в школьных сумках на Митинский рынок, где и

сбивали их оптом, по бросовой цене шустрому парню в новенькой дубленке.

Подвела их неосмотрительность: однажды поздним вечером они вскрыли казенную "Волгу", на которой приехал к себе на дачу капитан милиции. Он-то и пошел утром по следам, оставленным грабителями.

Домой, в наручниках

Следы привели к засыпанному снегом огородам, примыкавшим к торцу пятиэтажки, обитатели которой не раз заставляли возле своих автомобилей внимательно изучавшего их Андрея. Они-то и подсказали капитану милиции номер его квартиры.

Андрей, увидев человека в милицмейской форме, ринулся было из дому, но, пойманный за воротник, тут же стал всхлипывать. И немедленно выложил все: как потрошили автомобили, как на Митинском рынке продавали магнитолы "крутому, в дубленке", как делили деньги, про которые Миша потом говорил дома, будто заработал их в компьютерном центре.

По настоянию человека в форме Андрей тут же позвонил в Москву Мише — по милицмейскому мобильнику.

— Слышь, Мишак! — возбужденно проорал он в трубку. — Нлассное дело есть, приезжай! Завтра же! Ну, к пяти, когда темнеть начнет.

Взяли его около шести вечера возле "форда", который он пытался вскрыть заточкой. Увидев внезапно возникших людей, не суетился, не скулил. Движения стали замедленными, голос ти-

хим. Сам протянул руки, когда застегивали наручники.

Нет, не собирался он грабить. Это был эксперимент — удастся открыть иномарку или нет. Он об этом с Андреем поспорил, когда нашел заточку в подвале. Никогда на Митинском рынке не был, не знает даже, где он. Когда его посадили в миллиейскую "Волгу", из которой в прошлую ночь они с Андреем изъяли магнитолау, и спросили: "Узнаешь?" — невозмутимо пожал плечами: "Машина как машина". И уточнил: "Вы меня сейчас куда? В Бутырку?" — "Увидишь!" — ответили ему.

Сломался он, когда его в наручниках привезли в Москву, к собственному дому. Увидев испуганные лица матери и бабушки, сник. "Это все Андрей придумал, — забормотал, оправдываясь, — когда мы в подвале ночевали". Рассказал подробности: как летом, отпросившись к Андрею, просидел с ним почти всю ночь за дачным забором, у лесной калитки, выжидая удобного момента.

Мама Полина слушала, обхватив голову руками, вздыхала: "О, Господи, я ведь чувствовала — что-то здесь не так!" А Лидия Семеновна потерянно бубнила: "Не в Мише дело, это все Андрей виноват!"

...Нет, ни в Бутырку, ни даже в колонию для несовершеннолетних Мишу и Андрея не отправили. Потому что, оказывается, "не доросли" — им до 14 лет не хватило нескольких месяцев. Правда, поставив обоих на учет, сделали родителям внушение.

Полина, встречаясь со мной в редакционном коридоре, жаловалась на наши законы:

— Почему только в 14-ть? Он вон какой здоровенный, ведь за эти месяцы еще что-то натворит.

— Вы хотели бы, чтобы его отправили в колонию?

— Ну, хотя бы в специнтернат какой-то. Ведь я с ним не справляюсь! Он опять дома не ночует.

— Да вы хотя бы разобрались в ситуации, почему он на грабеж пошел?

— Бабушка виновата. Избаловала. Я-то вся в работе, да и болею часто.

Вскоре выяснилось, что за болезнь посещает ее время от времени: пристрастие к выпивке. Она пыталась лечиться, но всякий раз, после некоторого воздержания, снова приходила на работу неверной походкой и задремывала у компьютера.

С Лидией Семеновной мы пересеклись на даче, где она спешно собирала вещи, решив съехать. Нет, она отнюдь не чувствовала себя причастной к происшедшему. У нее на этот счет было свое оправдание.

— Замучилась я с Полиной, — заявила она. — Хоть из дому беги!.. Такая безответственная... — И про внука: — Не виноват он! Вы посмотрите, что вокруг делается. Он попал под плохое влияние!

Подвальная жизнь

Да, конечно, я с ней согласен: попал под влияние. Но чье?

Представляю, что этот восприимчивый мальчишка копил в себе, наблюдая каждодневные насноки бабы Лиды на маму Полю, пришедшую с работы навеселе. Как томила его домашняя жизнь — своей бестолковщиной, нехваткой денег, визитами по-

трепанных маминых дружков, выставлявших на стол бутылки и пьяно подмигивающих ему.

То ли дело жизнь, мелькавшая на телевизионном экране: ослепительно красивые женщины, лихие их спутники, сорившие деньгами, ловкие аферисты, обманом добывающие целые состояния, обаятельные грабители, с математической точностью проныкавшие в банковские сейфы.

В школе его раздражали самоуверенные одноклассники, чьи родители приезжали за своими чадами на иномарках, и одного из таких — щуплого очкарика — он однажды на перемене за какое-то неосторожное слово жестоко исколотил. После чего весь класс объявил ему бойкот. На его жердеобразную фигуру стали смотреть как на столб, который надо обойти, чтоб не стукнуться. На его попытки заговорить — отворачивались. Еще и поэтому он перестал ходить в школу, о чем баба Лида и мама Поля узнали спустя лишь месяц.

Подвальная же его жизнь (а в подвалах он жил неделями) стала для него не просто отдушиной — способом существования. Там, на тюфяках, у труб отопления, он чувствовал себя тем, что называют сейчас — мачо-мэн. Щенячий взгляд Андрея, ассистента его операций, пачки денег, возможность придти домой и, кинув на стол купюры, сказать — "В компьютерном центре заработал!" — все это пропитывало его чувством превосходства, тайной радостью — вот я какой!

Отравленный этой радостью, он, как наркоман, искал повторения своих чувств, подпитки своего превосходства. И снова

выходил со своим ассистентом на очередную охоту за магнитолами. Однажды им не повезло: они петляли по округе, не вскрыв ни одного автомобиля, что-то мешало — то самолеты почему-то не летели, когда нужно было, то хозяйева машин толклись неподалеку. Промерзли. И Мишка, кивнув в сторону дачного поселка, сказал Андрею: "Сейчас согреемся". Терраса соседа оказалась ближе — медлить не стал: разбил стекло и, отворив раму, полез внутрь.

В его сознании отсутствовал категорический императив: "Это плохо, это нельзя". Да и мог ли возникнуть у него такой императив в общении с беспомощными бабой Лидой и мамой Полей? Им руководило желание немедленного самоутверждения. Любым способом. И малейшее колебание, как он считал, могло бы уронить его в глазах шмыгающего носом ассистента.

Помогут ли нам меценаты?

Сколько их, таких подрастающих мачо-мэнов, видим мы на улицах городов и сел? В прессе промелькнула цифра — в России сейчас 294 тысячи беспризорников. Большинство из них бегут из своих семей, куда их милиция и возвращает. Но они снова бегут. И, попав в милицию, дают о себе заведомо ложные сведения.

Заместитель министра внутренних дел, генерал Александр Чекалин в июне 2002 года в одном из интервью заявил следующее: "...Я бы хотел обратиться ко всем состоятельным людям — меценатам — с просьбой оказать

содействие детским домам и приютам!"

Наверное, такое содействие необходимо. Но если из этих "домов и приютов", как и из собственных семей, дети бегут в подвалы, следует подумать: как сделать их жизнь в тех "домах и приютах" интереснее подвальной?

Первое, что вспоминается: общественное движение (в 70-80-х) педагогов-новаторов, работавших с "трудными" подростками в пионерлагерях, в кружках по интересам, создаваемых по месту жительства. Пресса тех лет подробно освещала эту подвижническую деятельность — в статьях, очерках, документальных повестях. Проводились конференции. Снимались фильмы.

Неужели сейчас, когда такое движение стократ необходимее, нельзя его возродить? И не на это ли нужно не пожалеть государственных и меценатских денег?

Дело ведь в том, что подвальная жизнь имеет обыкновение

накапливать горючий материал, который однажды взрывается. И не только банальными ночными грабежами. Бритоголовые мальчишки, проводящие свой досуг в подвалах, выходя оттуда с кусками арматуры в руках, бьют до смерти тех, кто им не нравится.

И то, что случилось на Манежной площади 9 июня, когда пришедшие в ярость (от проигрыша наших футболистов!) мальчишки стали бить друг друга пивными бутылками и теми же кусками арматуры, а затем — опрокидывать и жечь автомобили возле Государственной Думы, это ведь тоже вышедшая из подполья подвальная жизнь.

Одними призывами к меценатам проблему, я думаю, не решить. Тут нужны государственные меры. Подкрепленные финансово и организационно. Нужна общественная поддержка всех тех, кто понимает, какую угрозу таит подвальная жизнь наших подростков. ■

Галина БРЫНЦЕВА

ВОЛОНТЕРЫ

**Как помочь
беспризорным детям?
Свой ответ
на этот вопрос
пытаются найти
организаторы
пермского
общественного приюта
"Шаг к дому".**

Очередная государственная кампания по борьбе с беспризорностью, начавшись еще зимой, похоже, не сбавляет оборотов. Ученые и психологи по заданию правительства выясняют "побудительные мотивы детей к бродяжничеству". Региональные администрации повсеместно создают штабы по принятию экстренных мер. Социальные работники и педагоги при поддержке милиции по всей России продолжают мужест-

НАДЕЖДЫ

венно спускаться в темные подвалы, забираются на пыльные чердаки, прочесывают привокзальные закоулки и прочие места тусовок малолетних бродяжек. Однако отловить этих асов экстремально выживания чрезвычайно сложно: они играют в прятки "на своем поле" и чаще всего переигрывают противника. Ну, а беспризорники, все же "изъятые" (по официальной терминологии) в ходе рейдов, помещаются в социальные при-

юты. Оттуда через день-другой привычно сбегают. Или оказываются отпущенными на волю в соответствии с законом: у 80 процентов этих детей есть дом, где они, соответственно, прописаны, и где живут их родители. Да, алкоголики, да, наркоманы. Допустим даже — домашние изверги. Но ведь родительских прав их никто не лишал? И все начинается сначала, по замкнутому кругу: дом — побег — улица...

Сан-Франциско подождет...

...Из комнаты девочек доносился знойный голос Ниркорова, а из маленького спортзала слышались звонкие щелчки теннисного мячика о стол и азартные вопли игроков. Все происходило, хотя и будний день, на совершенно законных основаниях. Наникулы! Какая еще атмосфера может быть в таком случае в доме, если в нем живут шестнадцать школяров от 10 до 16 лет? Каждые пять минут дверь распахивалась, и вся эта атмосфера "внатывалась" в крохотную комнатку, где разговаривали мы с Кристиной:

... — Кристина, можно я позвоню сестре — предупредить, что в гости приеду? — Девчонка, ловко сманеврировав в узеньком проходе между шкафом и столом, пробралась к телефону...

... — Кристина, у меня справка для бесплатного проезда закончилась, выпиши новую...

...В который раз я позавидовала спокойствию, с каким Кристина реагировала на каждое вторжение ребят. Прервав наш разгово-

вор на полуслове, она отвечала, спрашивала, как бы между прочим, договаривалась ли Наташа с сестрой о встрече заранее, распечатывала на принтере и заверяла бланк справки для предъявления автобусным контролерам. И — ни замечания, ни хотя бы досадливого взгляда.

Только так, наверное, и можно — с бесконечным терпением и вниманием — общаться с детьми, которые совсем недавно ночевали в подвалах и трубах теплоцентрали. Которые видели в каждом взрослом человеке угрозу и ощущали свою полную "никому ненужность". Только так — с любовью. Без любви такое терпение попросту невозможно. А хорошим манерам эти дети из общественного приюта "Шаг к дому" научатся позднее. Не все сразу. Главное, чтобы сейчас они не усомнились в своей вере в тебя и в твоей любви к ним.

В 96-м Кристине Гринберг было столько же, сколько сейчас Ивану, самому старшему на сегодняшний день из ее подопечных: 17 лет. Ей и сейчас-то больше двадцати не дашь, как же она выглядела шесть лет назад?.. Маленькая, хрупкая, почти ребенок. Но в один прекрасный день она заявила любящим родителям примерно следующее: "До свидания, спасибо за все, что вы мне дали и помогли в этой жизни понять, возвращайтесь домой, а я поеду в далекий город Пермь, где зимой очень холодно и где много беспри-

зорных детей, которым надо попытаться помочь". И — помахав самолету, уносящему родных домой, в Сан-Франциско, действительно отправилась в совершенно чужой город. В чужую жизнь.

Впрочем, на самом-то деле ничего неожиданного для родных в таком ее решении не было: Кристина — дочь своих родителей: они многие годы колесили по миру с миссией добра, помогали бедным, сиротам, инвалидам. Болгария, Индия, Югославия... И в Москву американский гражданин Марнофф, имеющий далекое русские корни, привез семью в 1995 году вовсе не с ознакомительной экскурсией. Тогда он придумал благотворительный проект "Мост любви". Помогал московским детским домам, находил для них богатых помощников и покровителей в сфере молодого российского бизнеса: тоненькой ниточкой заботы и гражданской ответственности связывал неопитов-предпринимателей с "государственными детьми".

Из Москвы в Пермь Кристина отправилась не одна, а с целой международной командой волонтеров: брат Джеред, полька Мария Каздеца, канадец Джесси Мара, норвежка Нина Хансен. Всем по 18-20 лет. Они так и назвали свою организацию: "Мост любви". Выбор именно Перми американка объясняет просто: город оказался "чистым листом" — в отличие от российской столицы, иностранных миссионеров здесь не было. Да и вообще: если ты молод и хочешь понять, кем пришел в этот мир и каков твой запас прочности, — нужно, считает Кристина, попробовать решить большую задачу с нуля.

Забегая в расказах вперед, на шесть лет, прошедших с их пермского старта, думаю, можно смело сказать: они это сделали! Решили свою "большую задачу" — жизнь десятков городских беспризорников стала меняться, как стало меняться и отношение к острой проблеме детской бездомности и местного сообщества, и местной власти.

Многое изменили эти шесть лет и в судьбах самих "американцев", как их называют в городе. Довольно скоро к Джесси приехали, устав завидовать его рассказам в письмах о "большом и настоящем деле", сестра из Канады и его друг. В Перми Джесси женился на русской девушке Ане, в Перми родилась их дочка, потом — сын. Голландец Майн Гринберг узнал о международном проекте "Мост любви" в России через Интернет от своих друзей-волонтеров. Связался с Кристиной. Они встретились в Москве. Думали, станут просто коллегами по проекту, получилось — еще и семьей.

Квартиры искали так, чтобы всем быть рядышком, в одном доме. Две, но всеобщей радости, удалось снять "дверь в дверь". Такая удача оказалась еще значимей, когда в волонтерских семьях появились дети: утром сводили всех малышей в одну квартиру и оставляли на "дежурного". Вечером чуть раньше других сюда же возвращался с работы второй "дежурный" — приготовить общий ужин, за которым проходит обсуждение дел, подводятся итоги дня, планируется завтрашний. Бюджет у них общий и более чем скромный: позволено только то, без чего нельзя обойтись. И хотя для дела машина была очень нужна,

долгое время обходились и без таковой. Лишь спустя несколько лет купили "Газель".

Один из принципов международного волонтерского движения: волонтер должен ехать туда, где он сейчас нужнее. Поэтому состав пермского десанта время от времени меняется. С год назад уехали в Уфу проводить идеи "Моста любви" канадско-русское семейство Мара, отправилась на помощь обездоленным детям Чечни полька Мария. Им на смену приехала другая супружеская пара волонтеров: Виктор Лебон — француз, Мэриям — из Англии. Приезжают молодые волонтеры из самых разных стран мира. А вот костяк "Моста любви" неизменен. И Кристина, и Майк, и Джерред знают, что они по-прежнему еще нужны здесь, в Перми.

— Работы, — говорит Кристина, — очень много, на всех хватает. И не только непосредственно с беспризорниками. Больше всего времени и сил отнимает необходимость обеспечивать проект финансово. Искать спонсоров, благотворительные средства. Писать письма благодарности с отчетом о том, на что потрачены деньги. Решать вопросы с чиновниками. Да просто — привлекать к детям улиц внимание общества...

— А в свободное время чем занимаетесь?

Она честно задумывается и, наверное, целую минуту пытается сообразить. Потом, словно извиняясь, произносит: "Знаешь, мы ведь с мужем еще и в наш американский университет поступили, по системе дистанционного обучения... Так что свободного времени и нет... Учеба 4-5 часов в день, плюс работа, плюс дочка,

которую надо забрать из садика и позаниматься с ней. Учиться начинаю после купаний-укладываний в 10 вечера, спать — в 3 ночи. С утра все сначала. Майк — то же самое. Мы с ним потому и одну специализацию выбрали: так легче. И так дешевле, можно сэкономить на учебниках, которые очень дороги".

— Кристина, — спрашиваю, — и на сколько вас так еще хватит?

— Иногда думаю: устала, старой себя чувствую, надо бы возвращаться домой, свой ребенок подрастает... Может, и уехали бы, если бы была уверенность, что все будет держаться и без нас. Я же отвечаю за детей, которые сейчас в приюте. И потом сердце поноя не даст: вот, еще 10-15 детей можно было бы вытащить с улицы, а я — уехала... Нет, легче уж нам остаться пока...

Свобода с горьким привкусом

А шесть лет назад они начали с изучения общей обстановки. Проехали с самодеятельными концертами и "гуманитарной" всю область: детские дома, интернаты, исправительно-трудовые колонии. И подарки, и концерты не избалованные вниманием общества ребята и их педагоги встречали на ура. Тем более, волонтеры оказались еще и прекрасными музыкантами — созданный ими ансамбль потом умудрился стать лауреатом Грушинского фестиваля.

Параллельно старались установить контакты с пермскими властями. Кто-то из чиновников, чтобы не терять время на юнцов-иностранцев с их малопонятными идеями, подсказал: да свяжитесь вы с Козловой, она со своим фон-

дом тоже какими-то детьми занимается.

Светлана Михайловна Козлова — бывший депутат из первых демократических призывов ("Я сама себя в депутаты выдвинула, а завуч ПТУ, где работала, меня поддержала; тогда еще деньги не все решали, и можно было вести свою кампанию, просто обращаясь к людям, переходя из подъезда в подъезд..."). Ее фонд в то время занимался стариками и многодетными семьями. Молодым волонтерам не пришлось ей долго объяснять, зачем надо начинать работать с беспризорниками и как это можно делать. Тогда и появилась партнерская программа благотворительного фонда "Защита" и международной молодежной организации "Мост любви".

Назвали ее незатейливо, зато понятно каждому: "Дети без дома". Задача, на первый взгляд, представлялась простой: организовать в городе центр, куда на день смогли бы приходиться пермские бродяжки. Но это именно на первый взгляд. Сложность задуманного заключалась не в отсутствии помещения: оно у "Защиты" было — 92 квадратных метра, арендуемых в цокольном этаже жилого дома. Главная трудность состояла в другом: как добиться, чтобы беспризорники пришли в центр сами, по собственной воле? Иначе все теряло смысл. В Перми в то время уже работал муниципальный приют, куда отловленных во время рейдов бездомных ребят милиция доставляла на "воронках" и сдавала, что называется, "по акту". Они сбегали из этого полузакрытого, как и все подобные детские государственные заведения, приюта уже на следующий день.

— Дети улицы сильно отличаются от просто трудных детей из неблагополучных семей или от тех, кого социальные службы через суд забрали от горе-родителей и поместили в сиротские заведения, — говорит Светлана Михайловна. — Это ребята, которые однажды сделали выбор: ушли из дома на улицу. Они научились выживать в жестоком к ним мире, научились сами о себе заботиться — когда своровав, когда в драке. Они ни на кого не надеются, ни на кого — уж тем более взрослых — не рассчитывают. Они независимы, и очень это в себе ценят. Привыкли к абсолютной свободе в словах, желаниях, поступках. Конечно, мы, живущие нормальной жизнью, назовем эту их свободу полной бесконтрольностью, распущенностью, и будем правы. Но психологию беспризорника это не изменит. Он никогда не станет делать того, чего не захочет, малейший нажим воспримет как угрозу своей независимости и, значит, — как сигнал к бегству. Ну, не заставишь их жить нормальной жизнью насильно! Можно только помочь, чтобы они захотели этого сами.

Открыли программу с "выходов на улицу", как называли это волонтеры: раз в неделю шли туда, где обычно собирались малолетние бродяжки: вокзал, рынок. Знакомились, кормили горячими обедами, подолгу разговаривали. Одновременно ремонтировали помещение будущего центра на улице Пушкина. Сбор средств на ремонт взяли на себя иностранцы. Как пояснила Козлова: "Я, "своя", приду просить, мне ничего не дадут, а они — другое дело". Правда, и

этот тактический ход все время давал сбои, работа продвигалась медленно.

— Первые месяцы, — вспоминает Кристина, — мы только с помощью простых людей и выживали. Это во всем мире так — охотнее и бескорыстнее помогают не самые богатые. Когда центр на Пушкинской ремонтировали, мы, шестеро волонтеров, обязанности поделили: ты краску досташь, ты — гипсокартон, ты — плитку... Достали краску, выпросили гипсокартон. А плитка — очень дорогая, и нам все отказывали. И вот встретили человека — у него ма-аленький такой магазинчик на рынке. Пришла, рассказываю, документы раскладываю, а он в них и не глядит. Написал что-то на бланке, протягивает: "Езжай на склад, получай". Я — ему: "Может, ты не понял? Нам ведь бесплатно надо..." — "Так в чем проблема-то, сказал, езжай, получай..." И это — от чистой души. Сегодня у нас очень много таких друзей.

В конце концов, открыли центр, не дожидаясь окончания ремонта, "чтобы привлечь внимание людей и властей". Начальство, вспоминает Светлана Михайловна, пошло косяком. Одна из ее старых знакомых по депутатским годам, сопровождавшая вице-мэра, отозвав Козлову в сторонку, прошептала: "Закроют вас!.. Сейчас клубы для нормальных-то детей из жилых домов выгоняют. А уж ваших-то бродяг... А уж из этого-то дома..." Дом на Пушкинской и вправду был "неподходящий": не просто ведомственный — змвездшный! Но чудо произошло. Их не закрыли, хотя это легко было сделать с помощью той же СЭС,

которая ограничилась предписанием не оставлять детей на ночь. Жильцы же многоэтажки, пережив первый шок от новообретенного соседства, понесли в центр одежду и домашние соленья-варенья.

Они радовались: проблему, которой до сих пор занималась преимущественно милиция, теперь увидели и власти, и общество. К ним пришли новые волонтеры — студенты пермских вузов из стройотряда "Магистраль".

Беспризорники, успевшие узануть их за долгие месяцы "выходов на улицу", откликнулись на приглашение и заявлялись по 30-40 человек каждый день. Грязные, завшивленные, голодные. В любую минуту готовые сорваться с места и убежать. Их не задерживали: хочешь уйти — твое право, иди, дверь открыта. Но если и убежали, на следующий день приходили снова. Здесь их кормили. Здесь можно было постирать в автоматической машине одежду, давно забывшую, какого она цвета, помыться в душевой, посмотреть телевизор, погонять во дворе в футбол. Перешагнув порог центра, они переставали быть "нежелательными элементами общества". Это было их место, законное. Здесь им были рады. И они знали, что эта радость — настоящая. Здесь уважали их право жить так, как хотят, и при этом не ставили под сомнение их человеческое достоинство.

Шаг в сторону надежды

Волонтеры прекрасно понимают: непризорник пришел не просто в центр. Он пришел к ним — к Кристине, Володе, Светлане Ми-

хайловне, Днереду. Пришел добровольно. Значит, поверил? Значит, сам, может быть, того не сознавая, пришел за надеждой? Собственно, тут-то и начиналась настоящая работа. И начинать приходилось с элементарного. С того, например, чтобы у ребят вошло в привычку мыть руки. Снажете, мелочь? Но когда студент-волонтер Володя Аксенов принес Светлане Михайловне три куска мыла в аккуратной намотанной на них туалетной бумаге, которые припрятал "на вынос" 13-летний Пашка, они не долго решали, как на то реагировать. Они порадовались маленькой победе: Пашка, уличный стаж которого 4 года, хочет отныне ходить с чистыми руками и вымытой шеей — это ж здорово!

Но, разумеется, "отмыть-накормить-обогреть" — это лишь первый этап помощи. Не так сложно помочь им избавиться от вшей и чесотки. Нуда сложнее — от токсикомании. С самого начала всем входящим в центр ставили два жестких условия: здесь никто никого не обижает и здесь нельзя "мохать".

— "Мохать" у беспризорников означает нюхать клей, — перевела Козлова. — В первые месяцы так и было: нанюхаются и приходят. Они же все токсикоманы. Поголовно. Нулечек с "Моментом" у сердца за пазухой — это святое. Поэтому приходилось попервости их, мягко говоря, досматривать. Или ты отдаешь нулечек и заходишь, или — иди назад на улицу. Они уходили, прятали свое сонровище и возвращались "чистыми". А что такое для заядлого токсикомана на 4-5 часов, проведенных в центре на Пушкинской, отказать от "моханья"? Это значит пер-

вый, пусть едва приметный, шаг он сделал, взял для себя некий психологический барьер. Нулечки-то те они довольно скоро перестали с собой таскать, да все равно помещение еще долго кле-ем пахло, пацаны же наснвозь этим запахом были пропитаны.

Постепенно все больше подростков стали отказываться от "Момента" еще за несколько часов перед приходом в центр. А однажды и вовсе потрясли и волонтеров и, наверное, самих себя: целую неделю ни от кого не было даже слабого запаха клея. Это когда им заранее сказали, что они пойдут в цирк.

Те, кто полностью "завязал" с токсикоманией, у беспризорников "в авторитете". Как и те ребята, у кого вошло в привычку быть опрятным, как и те, кто принялся за учебу. Эту, очень важную часть работы — занятия по школьным программам — взяли на себя российские студенты-волонтеры. Обычно все начинается так. Волонтер Даша Жильцова в разговоре с беспризорницей Машей невзначай спрашивает: "Ты сколько классов успела окончить? Три? А сможешь что-нибудь вспомнить? Где тут у нас учебники за третий класс... Та-ак, давай попробуем..." Первые месяцы занятия длятся всего минут пятнадцать. Больше эти дети осилить не в состоянии. А вот месяцев через 7-8 урок может продолжаться и все 75 минут. Без перерыва!

И цирк, и прочая "светская жизнь", и компьютерные игры, и фильмы — все это, конечно, стоит "моханья". Но еще больше дорожат беспризорники общением с волонтерами. Оно спасает от улицы надежней.

Любовь и терпение — только так и можно...

А дальше?

"Что же дальше-то? — спросите вы. — Получается, беспризорникам, детям с тяжелейшей судьбой, днем показывают нормальную жизнь, убеждают, что и они на такую имеют право, а вечером отправляют на улицу: возвращайтесь в свои "гидранты" и "мохайте" клей дальше!.."

— Первые результаты появились года через два после открытия центра, — говорит Светлана Михайловна и, верно угадав мой следующий вопрос, отрицательно мотает головой, — нет, цифирок мы никаких не имеем. Изначально не хотели их иметь. Просто и мы, и все, кто к нам приходил, в том числе и городские начальники, увидели: дети меняются. У них меняются глаза, даже манера двигаться... Они словно бы понемногу светлеют. Очеловечиваются, одним словом. Да уже и в первый-то год, когда мы на два летних месяца закрывались, чтобы ремонт завершить, это сразу почувствовала пермская милиция. Говорили нам: "Ваши снова стали воровать". Больше мы уже не делали перерывов в работе...

Некоторые "цифирки" узнать все же удалось. Около двадцати "детей улиц" вернулись в семьи, которые все же можно было назвать относительно благополучными и с которыми все это время работали и продолжают работать волонтеры из "Моста любви". Мать одного мальчика, продав квартиру в Перми и купив дом в деревне, вообще увезла сына подальше от городских улиц. Так что, судите сами: много это или мало — двад-

цать человеческих судеб, в которые вошла надежда?

Когда через два года в центре на Пушкинской целая группа ребят "дозрела" до нормальной жизни, на свет появился второй этап программы "Дети без дома" — благотворительный проект "Шаг к дому".

Беспризорники больше не хотели быть беспризорниками. Они не хотели воровать, не хотели ублажать торговцев мандаринами в грязных, вонючих рыночных закоулках и ночевать в теплоцентрали. Они хотели жить в доме, спать в кроватях с чистым бельем, ходить в школу. И чтобы рядом были взрослые, любящие их люди. Проблема заключалась в том, что их родители-алкоголики этого дать им не могли. Да и не очень хотели. Так два года назад на улице Чкалова появился приют "Шаг к дому". Сегодня в нем живут 17 ребят из "постоянных клиентов" центра на Пушкинской. Иван, которому недавно исполнилось восемнадцать, работает, остальные ходят в школу.

Помещение под приют — без малого 300 кв. метров! — арендовали при содействии городской администрации тоже в цокольном этане жилого дома. А директором здесь стал тот самый студент-волонтер Володя Аксенов, успевший за годы работы программы "Дети без дома" окончить Пермский университет и знающий сегодняшних своих воспитанников как облупленных.

Стоит ли говорить, что жизнь приюта строится на тех же основополагающих принципах, что и в первом центре: любовь, терпение, уважение прав ребенка и полная добровольность его выбо-

ра. Поэтому, когда случались срывы и кто-то из ребят отрывался на несколько дней "по памятным местам беспризорного детства", на звонок из милиции "Вашего задержали, приезжайте, забирайте" в приюте отвечали: "Если хочет, — пусть приезжает сам. Скажите только, что мы его ждем и очень-очень волнуемся". Правда, Светлана Михайловна призналась, что чаще волонтеры сами разыскивали бегунков: "Понимаете, убежит такой, 5-6 дней на улице проторчит, — и уж сам себе не рад, а возвращаться боится. Потому надо его найти и сказать, что бояться нечего, что все зависит от него самого". Ребята всегда возвращались.

Есть в приюте свой маленький спортзал. Есть большая комната для занятий. Тут готовят уроки, проходят музыкальные занятия с волонтерами и занятия арт-терапией, которые с ребятами проводит пермская писательница Нина Горланова. А еще есть столовая с уютным — таким домашним! — диваном. Есть даже местная валюта: "добрики", которые зарабатываются добрыми делами и которые, конвертировав у воспитателей в рубли, можно потратить по собственному усмотрению.

Деньги!.. Это ведь тоже очень важный момент в программе "Дети без дома". И "выходы на улицу", и содержание центра и приюта, и цирки, и прочие мероприятия — все это требует денег. И не маленьких. Откуда?

Государству все эти шесть лет действия программы ничего не стоили. Правда, дважды — в 98-м и 99-м годах — она была премирована на конкурсе социально-значимых проектов, проводившемся

городской администрацией: 10 и 18 тысяч рублей, соответственно. Вклад в борьбу с российской детской беспризорностью вносят западные благотворительные фонды: только от фонда Форда "Защита" и "Мост любви" уже дважды получали гранты — около 35 тысяч долларов.

Но на одни гранты, премии и средства, которые волонтеры-иностранцы привозят в общий котел из так называемого "отпуска", управляясь поочередно в родные страны на... заработки, — прожить невозможно. Благотворительность в любой стране мира опирается на участие самого общества: пермское в этом смысле ничуть не хуже амстердамского или нью-йоркского. Разве что деньгами победнее. Но людей, добровольно взявшихся решать проблемы городских беспризорников, пермяки поддержали. Кто чем мог. Крупные производственные объединения — стройматериалами и мебелью, владельцы кафешек и ресторанов — обедами для "детей улицы", пенсионеры и домохозяйки — банками с соленьями собственного приготовления, одеялами и одежкой для беспризорников...

А год назад в поддержку программы "Дети без дома" активно включились и простые люди "дальнего зарубежья": увидев трехминутный телесюжет о работе в далеком уральском городе волонтеров "Моста любви", который на протяжении всего дня каждый час давал в выпусках новостей канал CNN International, люди из разных стран захотели помочь пермским детям. И не только деньгами. Теперь у всех ребят из приюта "Шаг к дому" есть за границей "своя" се-

мья, с которой они переписываются. Нынешним летом "чкаловская компания" едет по приглашению одной из благотворительных организаций в оздоровительный лагерь в Ирландию.

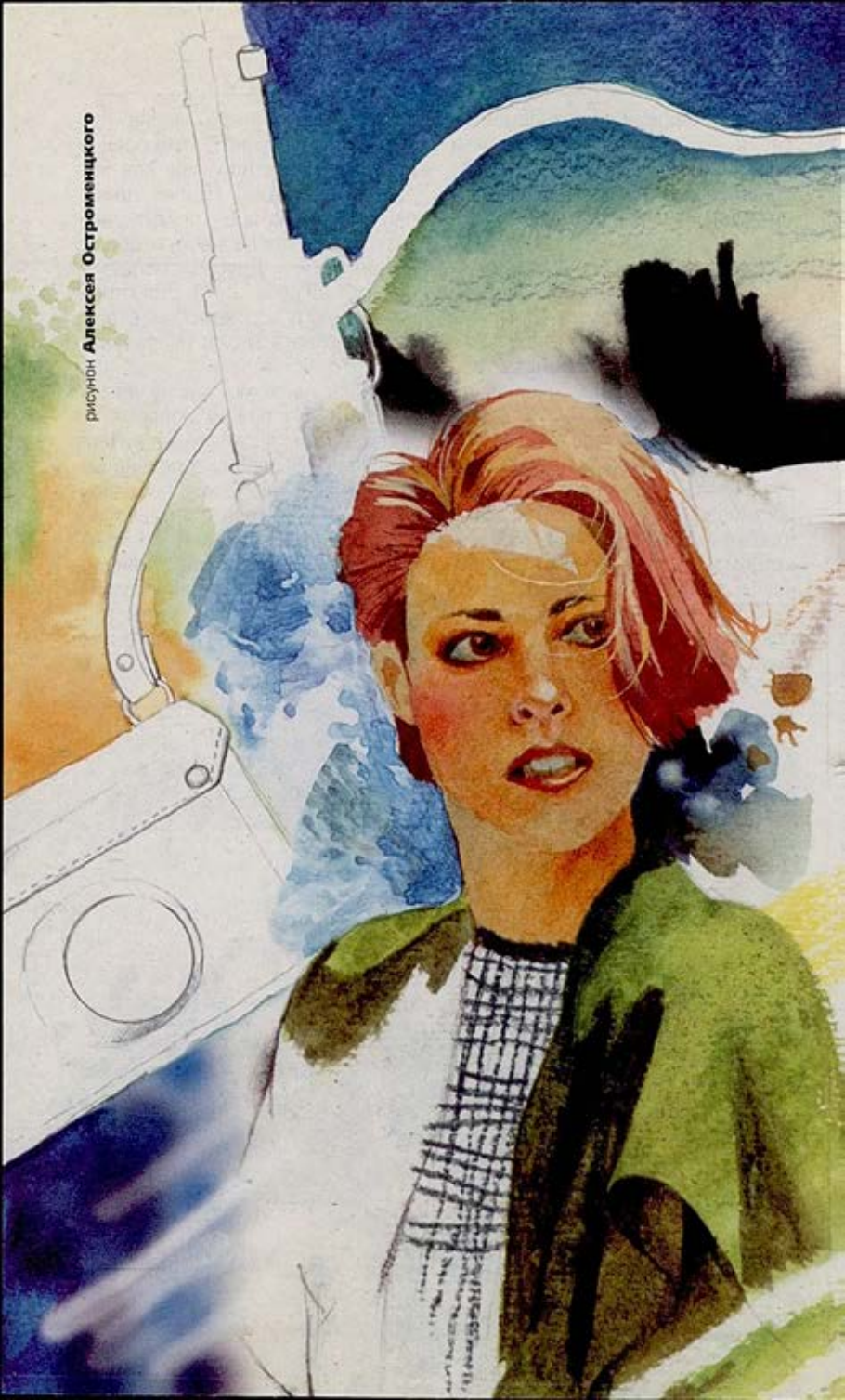
А дальше? Дальше начнется третий этап программы "Дети без дома". У него уже есть название: "Возвращение", которое означает возвращение бывших беспризорников в общество. Это будет центр адаптации, где психологи, юристы, другие специалисты станут обучать приходящих сюда подростков из приюта "Шаг к дому" (а, быть может, и из городских детдомов) практическим навыкам жизни в социуме: как найти работу, как пишется различные заявления, как решаются жилищные вопросы... Чтобы каждый умел

строить свою жизнь после приюта. Одновременно с этим предполагается снять квартиру для четверых достигших 16 лет приютских ребят, которые пойдут работать и станут оплачивать половину квартплаты. Другую половину возьмет на себя приют. Естественно, каждого из четверых станет патронировать кто-то из волонтеров.

Денег на такую "школу жизни" пока нет. Но они их непременно добудут. Во всяком случае, начало положено: Нозлова несколько месяцев назад уже "заслала заявочку" на конкурс грантов, объявленный благотворительной программой Эллы Памфиловой "Гражданское общество — детям России". Проект "Возвращение" занял второе место. Первое — не было присуждено никому. ■

рисунок **Алексея Остроменцкого**

Эдмон БАЛИ

игра вслепую

Глава первая

1

Мало приятно — очутиться рядом с трупом, если под рукой нет свидетельства о смерти данного субъекта. Конечно, любой мало-мальски опытный врач причину летального исхода тут же определил бы: остановка сердца. Но вот почему сердце остановилось, почему перестало качать кровь по организму — другой вопрос. И ответ на него тоже был очевиден: кровь просто вытекла в отверстие, пробитое небольшим, но острым куском металла. А после этого сердцу уже ничего и не оставалось, как замереть...

Не могу сказать, чтобы я так уж мечтал найти врача: нож, который оборвал жизнь этого типа, все еще был у меня в руке. Сам я стоял на дороге, у моих ног валялся труп, а к горлу волнами подступал тошнотворный страх.

Я стоял и вспоминал, как все это произошло.

Самолет сбавил высоту над полуостровом Рейкьян и приземлился в международном аэропорту Кефлавик точно по расписанию. С неба сыпал противный мелкий дождь, а таможенники выглядели невыспавшимися и особенно злыми. Я порадовался про себя, что не стал брать пистолет: не любят стражи порядка вооруженных людей. А старинный, почти что сувенирный нож их не заинтересовал: мало ли полоумных возят с собой любимые игрушки? Особенно если этот нож принадлежит шотландцу.

А ведь этот нож действительно можно было бы назвать моей любимой игрушкой. Точнее, талисманом. Я получил его от своего деда, а тот — от своего, так что сувенирчику этому было по меньшей мере полтора века. И это было идеальное орудие убийства: ничего лишнего, даже украшения абсолютно функциональны.

Рукоятка слоновой кости была с одной стороны украшена замысловатым кельтским плетеным рисунком, а с другой — абсолютно гладкой. Так что было удобно и держать, и всаживать. Лезвие имело ровно столько сантиметров, сколько нужно для поражения всех жизненно важных органов, а драгоценный камень великолепно балансировал при полете ножа. Промахов я не припомню.

Висел нож всегда у меня на поясе (естественно, в ножнах), и, наверное, поэтому никогда не привлекал к себе особого внимания. Странно, но большинство людей просто не замечают очевидного, таможенники не являются исключением. Меня даже не досматривали: паспорт, испещренный всевозможными визами, говорил сам за себя. Хотя, возможно, дело было в том, что я достаточно часто посещал Исландию и неплохо знал язык, то есть был уже как бы не чужим.

— Опять решили порыбачить, мистер Стюарт? — спросил меня таможенник.

— Да, надеюсь поймать пару лососей, — улыбнулся я в ответ. — Лицензия у меня есть.

В кафе аэропорта, куда я должен был отправиться согласно инструкциям Слейда, было мало посетителей. Я заказал кофе по-ирландски, закурил, и тут же кто-то подсел на соседний стул и положил на столик свежий номер "Нью-Йорк Таймс". Я невольно усмехнулся про себя: вся эта игра в шпионов меня порядком забавляла.

— А здесь погода хуже, чем в Штатах, — заметил мой сосед.

— Даже хуже, чем в Англии, — меланхолично отозвался я.

Черт побери, не я устанавливал правила, не мне их и нарушать. Пароль, отзвук, место встречи, опознавательные знаки... Классический набор дешевого шпионского боевика. Неизбежные атрибуты моей жизни. Способ зарабатывать на хлеб... с маслом и икрой. Дурацкие игры взрослых детей, которые не умеют решать свои проблемы по-другому.

— Оно завернуто в газету, — загадочным шепотом сообщил мне "связник", низкорослый, лысеющий мужчина с каким-то стертым лицом. По таким приметам даже фоторобот не составить.

— Оно — что? — постучал я по газете.

— Понятия не имею, — прошипел он. — Вам ведь известно, куда это нужно отвезти?

— Естественно, — пожал я плечами. — Но почему вы сами это не можете сделать?

— Не могу. Я улетаю ближайшим рейсом обратно в Штаты.

Он с видимым облегчением откинулся на спинку стула и даже положил ногу на ногу, всем своим видом демонстрируя: больше меня это не касается, я вообще тут случайно оказался.

— Расслабьтесь, — доброжелательно посоветовал я. — Постарайтесь быть естественным. Кофе хотите?

— Благодарю вас, — отмахнулся он так, будто я предложил ему хлопнуть стаканчик мышьяковой настойки. — Вот ключи от машины, она на платной стоянке за углом, номер написан на газете.

— Вы очень любезны, — чопорно поблагодарил я. — Машина! А я-то собирался взять такси.

— Не благодарите меня, — важно ответил коротышка. — Я просто выполняю приказ, а не делаю вам личное одолжение. И, в свою очередь, собираюсь приказать вам учесть некоторые изменения. Вы поедете не по автостраде, а через Крюсуик.

Я как раз сделал глоток кофе и чуть было не захлебнулся.

— Какого черта мне нужно делать такой крюк? — спросил я, откашлявшись. — Расстояние вдвое больше, да и дорога ужасная.

— Понятия не имею, просто передаю вам приказ. Ситуация изменилась в последнюю минуту, подробности мне не известны. Возможно, возникла какая-то угроза...

— Очень мило! — ледяным тоном отозвался я. — Вы не знаете, что в свертке, понятия не имеете, почему изменился план,

с какой стати я должен менять маршрут. Держу пари, вы даже не знаете, который сейчас час.

Странно, но он не обиделся, а как-то плутовато усмехнулся.

— В любом случае, я знаю больше вас.

— Это несложно, — мрачно отозвался я.

Узнаю манеру работы Слейда. Минимум информации, и та выдается по каплям в последнюю секунду. Так он страшется от возможного провала. Ну-ну.

— Когда закончите работу, оставьте машину на стоянке возле отеля “Сага”. О ней позаботятся.

Выпалив это, коротышка припустил прочь, ни разу не оглянувшись. Вот это мне совсем не понравилось: его очевидная нервозность и даже страх во время нашего короткого разговора. Как-то это не вязалось с характером поручения, которое он выполнял. Слейд обычно предпочитает работать с несколько иным типом людей.

Я расплатился с официантом, встал и взял газетный сверток. Он оказался удивительно тяжелым, будто бы внутри была металлическая болванка в форме коробки, но сквозь газету мало что можно было разобрать: кто-то предусмотрительно плотно завернул коробку-болванку в мешковину. Однако!

Машина оказалась серым “фордом”. Я положил сверток рядом с собой, но подумал, что делаю глупость, снова завернул все в газету и перевернул на заднее сиденье и завел машину. Хотелось бы мне взглянуть в глаза идиоту, который придумал изречение: “Окружной путь обычно бывает самым коротким”. Дождь прекратился, но в целом погода не улучшилась, как и мое настроение.

Некоторое время спустя я ехал по почти безлюдной дороге, вьющейся вдоль склонов, на которых тут и там поднимались струйки пара из-под земли. Недалеко от озера Клейфавет я увидел съехавшую с дороги машину и водителя, машущего рукой: он явно надеялся на помощь.

Рефлекс автомобилиста оказался сильнее профессиональных навыков, и я затормозил возле мужчины, подававшего сигнал бедствия. Правда, дурака сваял не только я, но и этот “потерпевший”: он был один, и ему никто не объяснил, что тет-а-тет со мной — довольно рискованное занятие. Для мужчин, естественно. Пока.

Мужчина обратился ко мне на ломаном датском языке, потом перешел на шведский. Я одинаково владел обоими, но меня не насторожило это обращение. Длительное отсутствие практики давало себя знать.

— Малькольм, — представился мужчина.

— Стюарт, — машинально ответил я и пошел к машине.

Если бы он хотел меня убить, то выстрелил бы сразу, но почему-то он воспользовался свинцовой дубинкой. Я давненько не работал, но профессионализм не пропьешь, поэтому в послед-

нюю секунду я резко отпрянул в сторону, и дубинка опустилась на мое плечо. В следующее мгновение я перестал чувствовать правую руку, а мой оппонент — левую ногу, по которой я изо всей силы пнул ботинком. Пока он шипел и корчился от боли, я отошел чуть-чуть и вытащил нож. Очень удачно, что он предназначен для левой руки, поскольку правой я все равно не мог бы пользоваться.

Увидев нож, мужчина на секунду замер, а потом полез за пистолетом. Но ему мешала его замечательная дубинка, кожаная петля которой туго охватывала запястье. А тут несколько мгновений решали все. Впрочем, как почти всегда и везде.

Он качнулся ко мне — и налетел на острие ножа. Так что я, честно говоря, не убивал его, просто так сложились обстоятельства. А я оказался на пустынной дороге с холодеющим трупом у ног, окровавленным ножом в руке и совершенной пустотой в голове. Удивительнее всего было то, что еще две минуты назад я безмятежно катил по своим делам. Две минуты!

Но тут уже заработали другие рефлексы — результат многолетних тренировок. Я сел в свой “форд” и проехал немного вперед так, чтобы заслонить тело. Как бы пустынна ни была дорога, пренебрегать возможным риском не следовало. Да и я не был готов давать ненужные объяснения, хотя бы потому, что их у меня не было. Пока.

Потом я взял “Нью-Йорк Таймс”, впервые в жизни не проклиная эту газету за непомерный объем, и застелил свой багажник, куда тут же определил труп. Кровавую лужу на дороге я засыпал песком и мусором, а потом сел в машину своего мимолетного врага и повернул ключ. Машина тут же завелась, так что ее хозяин был не только дураком и убийцей, но и вруном. А я врунов не переносу.

Я поставил его машину прямо на засыпанную лужу крови: теперь появился шанс, что все успеет высохнуть, пока кто-нибудь обнаружит пустую машину. Вот только с испачканной одеждой ничего не мог сделать, но кровь на кожаной куртке была не так уж и заметна.

Я продолжил путь, постепенно успокаиваясь. Прежде всего, пожелал Слейду гореть в преисподней вечным пламенем. А потом перешел к более реальным делам и начал прикидывать, как избавиться от трупа в багажнике. Это вообще довольно трудная задача, а в юго-западной части Исландии — трудная в квадрате, поскольку именно здесь проживает основное население.

Я ехал по дороге и думал, сколько времени у меня в запасе. Выходило, не так уж много, особенно если еще потратить его на переодевание. В чемодане у меня было все необходимое, но остановиться даже на несколько минут пока не представлялось возможным: на этой пустынной дороге внезапно оказалось машин не меньше, чем на Бродвее в час пик.

Но все-таки я неплохо знал эту страну. Большая часть Исландии — вулканы, причем юго-западные районы покрыты застывшей лавой. Кроме того, есть почти незаметные со стороны отверстия в земле, откуда выходят вулканические газы. Вот в одно из таких отверстий я решил сбросить труп, и вскоре свернул с дороги...

Все было именно так, как я и предполагал: кратер потухшего вулкана, открытый с одной стороны, с дымящимся отверстием. Я подогнал машину как можно ближе к газовому отверстию, вышел и бросил камень в его зияющую пустоту. Судя по всему, он полетел к центру земли. Так что я спокойно отправил вслед трupa: вряд ли его там обнаружат.

Перед этим я обыскал Малькольма: у него был шведский паспорт, но это еще ничего не значило, такой документ очень легко достать. Еще у него была дубинка и пистолет тридцать восьмого калибра. Это я оставил себе на память и спрятал в чемодан вместе с чертовой посылкой Слейда. Потом переоделся, испачканную одежду тоже уложил в чемодан и поехал в Рейкьявик.

Плохо было одно: я очень устал.

2

Два события произошли одновременно: село солнце и я приехал к гостинице "Сага". Первое было очень кстати: последний час я ехал строго на запад и практически ослеп от прямых лучей. Именно поэтому попался на очередную глупую случайность, которых на сей раз было просто невероятно много.

Когда я доставал чемодан из багажника, от дверей отеля отделилась какая-то фигура и двинулась ко мне. Я уже сжал рукоятку своего верного ножа, но интуитивно понял, что нападения не будет. Прищурился, чтобы фигура перестала расплываться и... узнал приближавшегося ко мне мужчину. Лучше бы это был очередной убийца!

— Алан Стюарт!

Берни Рагерсон, собственной персоной. Летчик и брат моей подруги.

— Привет, Берни, — отозвался я с умеренным энтузиазмом.

— Элин ничего не говорила о твоём приезде.

— Это экспромт, — объяснил я. — Все решилось в последнюю минуту, у меня даже не было времени позвонить.

— Ты собираешься остановиться в гостинице? — с изумлением спросил Берни, глядя на мой чемодан.

Нужно было срочно что-то придумать. Я совершенно не хотел впутывать Элин в это дело, она была мне слишком дорога. Но если ее брат меня видел...

— Я выполняю одно поручение, — туманно сказал я. — Должен оставить машину у этой гостиницы, вот и все. А сейчас возьму такси и поеду к Элин.

— Надолго к нам? — спросил сразу успокоившийся Берни.

— Как обычно, на все лето.

— Значит, порыбачим вместе?

— Почему бы и нет? Кстати, ты уже стал отцом?

— Ждем через месяц, — мрачно сообщил он. — Я нервничаю.

— По-моему, нервничать должна Кристина, — рассмеялся я. — Для тебя ничего не изменится, ты и дома-то бываешь между двумя рейсами.

— Это точно, — согласился Берни. — Кстати, мне пора, лечу в Гренландию. Позвоню тебе через пару дней.

— Заметано!

Он уехал, а я взял такси и отправился к Элин, причем меня не покидало чувство, что я поступаю опрометчиво. Меньше всего мне хотелось впутывать ее в мои дела, потому что... В общем, Элин значила для меня слишком много, чтобы рисковать ею.

Мы познакомились три года назад, когда Элин работала гидом в туристическом агентстве. Я уговорил ее стать моим персональным гидом на все лето: наверное, чувствовал, что это перерастет во что-то более серьезное, чем мимолетный роман. Так оно и произошло. С Берни, кстати, я познакомился тем же летом и немного боялся, что он станет задавать ненужные вопросы. Их не было, и это очень способствовало укреплению отношений. Ничто так не расхолаживает мужчину, как давление со стороны.

Я понимал, что долго так продолжаться не может, и собирался предпринять необходимые меры. Но согласитесь, нельзя делать предложение в тот день, когда только что избавился от трупа.

У меня были ключи от квартиры Элин, но я предпочел позвонить. Элин открыла почти сразу, и легкое удивление на ее лице тут же сменилось откровенной радостью. Даже я почувствовал какую-то теплоту внутри, чего со мной практически никогда не случается. Но Элин — это Элин.

— Алан! — воскликнула она. — Почему же ты не предупредил?

— Сюрприз. Все решилось в последнюю минуту.

Она бросилась ко мне в объятия, прижалась головой к груди и чуть слышно прошептала:

— От тебя так давно не было никаких вестей, и я подумала...

— Понимаю. Но я просто был очень занят, дорогая.

Она внимательно посмотрела мне в лицо:

— У тебя действительно усталый вид.

— Я бы поел чего-нибудь.

— Пойду приготовлю. Не разбирай чемодан, я потом сама это сделаю.

Я сразу вспомнил об окровавленной одежде.

— Не волнуйся. Это минутное дело.

Я взял чемодан и пошел в свою комнату. Называю эту комнату своей, потому что в ней хранятся мои вещи, но на самом деле вся квартира — моя, поскольку я за нее плачу. Оформлена она на Элин, но это дела не меняет: поскольку я ежегодно провожу в Исландии несколько месяцев, иметь постоянное жилье очень удобно.

В шкафу каждый костюм висел на плечиках, упакованный в специальный чехол. Нечего было и думать о том, чтобы спрятать испачканную одежду здесь: Элин была маниакально аккуратной. Кончилось тем, что я запер чемодан на ключ и убрал его на антресоли. Вряд ли Элин станет его оттуда доставать.

Когда Элин позвала меня ужинать, я уже переоделся, умылся, чувствовал себя много лучше и стоял у окна гостиной, бесцельно разглядывая знакомую улицу. Внезапно мое внимание привлекло чуть заметное движение в проходе между двумя домами. Было похоже, что там кто-то прятался. Я придвинулся к окну поближе, но ничего не смог разглядеть. Показалось?

За ужином я спросил:

— Машина в порядке?

— На прошлой неделе прошла техосмотр и теперь — в полной боевой готовности.

Мы говорили о джипе-внедорожнике. Исландцы вообще предпочитают такой тип машин, а наша была еще и с удлиненным кузовом, так что при случае служила фургоном во время наших путешествий. А в джипе мы неделями напролет колесили по стране, лишь изредка пополняя запасы продовольствия, и предпочитали этот вид отдыха всем остальным. Но на сей раз все могло обернуться совершенно по-другому из-за чертовой посылки Слейда.

Помимо всего прочего, мне нужно было подумать о том, как, не вызывая у Элин подозрений, съездить в Акурейри одному. Слейд обещал, что работа будет легкой, но покойный мистер Малькольм очень осложнил дело, и теперь мне совершенно не хотелось, чтобы Элин была рядом. Вот когда доставлю посылку, мы будем отдыхать вместе с Элин как обычно.

— У тебя действительно усталый вид, — сказала вдруг Элин. — Наверное, слишком много работал.

Я изобразил что-то вроде улыбки.

— Тяжелая зима, много снега, приходилось гораздо больше заботиться о стаде... Кстати, ты хотела посмотреть вид долины, я привез фотографии.

Больше всего Элин понравились деревья.

— Как красиво! — мечтательно сказала она. — Прекрасная Шотландия! — Типичная реакция для жительницы Исландии: деревья здесь — большая редкость. — А лосось в Шотландии есть?

— Только треска, — усмехнулся я. — За лососем будем ездить сюда.

— А вот эти поля, — спросила Элин, разглядывая следующую фотографию, — какое из них твое?

— Они все мои.

— Вот как... — В голосе Элин послышалась какая-то заминка. — Никогда не задумывалась над этим, Ален, но ты, наверное, богатый человек?

— Ну, я, конечно, не Крез. Три тысячи акров лугов особого дохода не приносят, но овцы в горах и лес в долине — это надежный кусок хлеба, а американские туристы, которые приезжают охотиться на оленей — масло на этот хлеб. В общем, пора тебе самой все это увидеть.

— Было бы хорошо, — просто сказала она.

И вот тут я быстро все выложил:

— Мне нужно исполнить одно поручение в Акурейри. Полечу туда самолетом, так быстрее. Не могла бы ты сесть в джип и встретить меня там? Это не сложно?

Элин весело рассмеялась:

— Да я вожу машину лучше тебя! Вполне смогу быть в Акурейри на следующее утро, это всего-то четыреста пятьдесят километров.

— Никакой безумной спешки нет, — небрежно заметил я. — Остановлюсь в отеле "Вардборг", там и встретимся.

Слава Богу! Пока все складывалось удачно: я мог успеть избавиться от посылки до того, как Элин присоединится ко мне. И не нужно ее ни во что впутывать.

Но когда мы отправились спать, я почувствовал, что напряжение последнего времени не прошло даром. Я обнимал Элин, а передо мной стояло лицо Малькольма и к горлу подкатывала тошнота. Я слегка отодвинулся и прошептал:

— Прости.

— Не важно, дорогой, — прошептала она. — Ты действительно устал. Поспи.

Но спать я тоже не мог. Я лежал и прокручивал в памяти каждый момент минувшего дня, в том числе и беседу со связным в аэропорту. Ведь он точно подчеркнул, чтобы я не ехал по автострате, это он отправил меня в объезд, а там меня уже поджидали и чуть не убили. Это случайность или умысел?

Мужчина в аэропорту был человеком Слейда, во всяком случае, он назвал правильный пароль. Пароль можно было узнать, такое случается, но зачем нужно было меня убивать? Из-за посылки? Так она уже была у связного. Отпадает, придется начинать сначала.

Пусть он действительно человек Слейда и все-таки сознательно направил меня к убийце. Тогда это еще глупее, но опять-таки посылка тут ни при чем. В общем, получалось, что связной и убийца никак не были связаны друг с другом. Но Малькольм определенно поджидал меня, он ведь уточнил мое имя, прежде чем напасть. Откуда же, черт побери, он мог знать, что я появ-

люсь на этой второстепенной дороге? Вот на этот вопрос я никак не мог найти ответа.

Когда я убедился, что Элин крепко спит, то тихо выбрался из кровати и, не зажигая свет, зашел на кухню. Открыл холодильник, налил себе стакан молока, пошел в гостиную и сел у окна. Короткая северная ночь заканчивалась, но было еще достаточно темно, и я увидел на другой стороне улицы огонек сигареты.

Вот тут я снова забеспокоился, потому что уже не был так уверен в безопасности Элин.

3

Мы оба встали рано. Элин хотела поскорее отправиться в Акурейри, а мне нужно было забраться в джип раньше нее. Там я спрятал пистолет Малькольма — прикрепил его клейкой лентой к основному шасси. Дубинку я предусмотрительно оставил при себе.

Гараж находится сзади дома, так что мне не пришлось выходить через парадную дверь, и наблюдатель не мог меня видеть. Но я-то его хорошо рассмотрел: взял бинокль и устроился у окна на лестнице. Это был высокий худой мужчина, с тонкими усиками и совершенно окоченевший. А если он провел на улице всю ночь, то не только замерз, но еще и порядком проголодался. Эта мысль привела меня в неплохое расположение духа, и я с аппетитом позавтракал.

— Ты повеселел, — заметила Элин.

— Просто ты очень вкусно готовишь.

— Смеешься? Каждый умеет варить яйца.

— Так, как ты, — никто!

На самом деле, меня перестали мучить угрызения совести. Хотели убить меня, я опередил убийцу, вот и все. Теперь нужно, чтобы Элин оказалась в безопасности, а остальное — уже совсем мелочи.

— Я полечу одиннадцатичасовым рейсом, — сообщил я, допивая кофе. — Так что у меня еще достаточно времени, чтобы тут все убрать. А ты собирайся.

Я спустился вместе с Элин в гараж и крепко поцеловал ее на прощание. Она пристально посмотрела на меня и тихо спросила:

— У тебя правда все в порядке, Алан?

— Странный вопрос. Конечно, в порядке.

— Женская интуиция, дорогой мой. Ну, увидимся в Акурейри.

Я помахал вслед джипу и быстро огляделся по сторонам. Ничего подозрительного поблизости не наблюдалось. Тогда я вернулся в квартиру к окну гостиной. Наблюдатель был на месте, похоже, он и не подозревал об отъезде Элин. У меня будто камень с души свалился.

Вымыв посуду, я приступил к главной своей задаче. В футляр от фотоаппарата спрятал проклятую посылку, которая там

отлично поместилась. Потом вызвал такси и отправился в аэропорт. Это вызвало определенные действия моих неведомых оппонентов: почти одновременно с такси подъехала машина, которая и сопровождала меня до самого аэропорта. По-видимому, мужчина, следивший за домом, продолжил свое занятие.

В аэропорт я приехал задолго до регистрации, но мне удалось уговорить девушку за стойкой оформить мой билет, тем более, что со мной не было даже ручного багажа — только фотоаппарат на плече. Наблюдатель — я это видел краем глаза — болтался где-то поблизости, но я решил этим пренебречь и пошел выпить кофе. Не тут-то было: он тоже купил билет и устроился за столиком кафе неподалеку от меня.

Но тут мне неожиданно повезло: голос из динамика сообщил по-исландски на весь зал:

— Господина Бухнера просят к телефону.

Когда то же самое объявление повторили по-немецки, мой наблюдатель встал и отправился к телефонной кабинке. Теперь я знал, как его зовут, а было это имя настоящим или вымышленным, не имело особого значения. Он продолжал следить за мной из будки, явно полагая, что я сбегу. Но я разочаровал его, заказав еще кофе и углубился в чтение газет.

Наконец объявили посадку на мой рейс. Господин Бухнер сел в салоне практически за моей спиной, а меньше чем через час мы уже заходили на посадку в Акурейри — самом крупном городе Северной Исландии с населением около десяти тысяч человек. По меркам этой страны — настоящий мегаполис. Когда колеса коснулись посадочной полосы, я отстегнул ремень безопасности и услышал, как господин Бухнер позади меня сделал то же самое...

Нападение было произведено молниеносно и очень профессионально. Я уже вышел из здания аэропорта и направлялся к стоянке такси, когда меня окружили четверо мужчин. Один подошел спереди, крепко схватил за правую руку и закричал, как он счастлив меня видеть и с каким удовольствием покажет мне все достопримечательности города. А второй взял за левую руку и шепотом сказал по-шведски:

— Не устраивайте скандала, господин Стюартсен, или умрете.

Я ему поверил, потому что почувствовал, как в спину мне уперлось дуло пистолета.

Раздался негромкий щелчок. Я чуть повернул голову в тот самый момент, когда мужчина справа маленькими ножницами перерезал ремень фотоаппарата. Мужчина сразу же исчез вместе с футляром, его компаньон положил руку мне на плечо, а другой рукой сунул под ребра пистолет.

Между прочим, я видел Бухнера в нескольких метрах от себя. Но он лишь мазнул по мне пустым взглядом, сел в такси и уехал. Почти тут же я услышал:

— Господин Стюартсен, сейчас мы вас отпустим, но советую не делать глупостей.

Я не видел оружия, но оно у них было, да и выражение их лиц не вызывало легкомысленных желаний. К тому же посылки у меня уже не было, следовательно, не было и повода рисковать. Я и не стал. Одернул пиджак и взял такси до гостиницы. Судя по всему, это не глупость: они меня не убили и даже не задержали.

4

Я успел только воткнуть вилку в первый кусок ростбифа, как в ресторане гостиницы появился Бухнер и прямиком направился ко мне.

— Мистер Стюарт?

Я слегка поклонился:

— Уж не господин ли это Бухнер? Чем могу служить?

— Меня зовут Грэхем, — холодно отозвался он. — Мне нужно с вами поговорить.

— Утром вас звали Бухнером, — миролюбиво заметил я. — Но я, пожалуй, тоже поменял бы такое имя. Прошу вас, присядьте. Здесь готовят отменный суп, рекомендую.

Он сел так прямо, как если бы внутри у него был железный прут, и сообщил ледяным тоном:

— Избавьте меня от этой клоунады. Вот мои документы.

Я взял бумажку, которую он мне протянул, и обнаружил, что это половина стокроновой купюры. Достал из своего бумажника вторую половину, сложил и вопросительно посмотрел на Грэхема-Бухнера:

— Ну, с первого взгляда все в порядке. Чем могу служить?

— Посылку, — потребовал он.

— Вы же знаете... — сокрушенно покачал я головой.

— Что именно? — нахмурился он.

— Что посылки у меня нет. Уже нет.

Его усы дернулись, а взгляд оледенел.

— Я же сказал, довольно балагана. Посылку.

— Черт побери! — взорвался я. — Да вы же все видели сами!

— О чем вы?

— О маленьком происшествии возле аэропорта. Вы как раз сели в такси.

— Допустим, сел. Дальше.

— Они отняли у меня футляр от фотоаппарата и исчезли. В футляре была посылка.

— Вы хотите сказать, что посылка... похищена? — Голос его заметно дрогнул.

— Скрупулезно подмечено, — с сарказмом согласился я. — Вот именно: по-хи-ще-на. Если вы должны были охранять меня, поздравляю. Слейду это не понравится.

— Боже правый, конечно, не понравится, — с чувством произнес Грэхем. Под его правым глазом задергалась какая-то жилка. — Значит, посылка была в футляре?!

— Пятерка за догадливость! Это же мой единственный багаж! Вы стояли в метре от меня, когда я регистрировался в аэропорту Рейкьявика. Должны были видеть...

— Считаешь себя умником, — огрызнулся он с явной неприязнью. — А ведь будет жуткий скандал. Так что оставайся поблизости, скоро понадобится.

— Куда я денусь? — пожал я плечами. — За номер в гостинице заплачено вперед, а я экономный, как и все шотландцы.

— Что-то ты слишком спокоен.

— Может, мне зарыдать? Не валяй дурака, Грэхем.

Он нахмурился, встал и молча ушел. А я посидел еще минут пятнадцать, погруженный в глубокие раздумья и переваривание ростбифа. Раздумья закончились тем, что я принял единственно верное решение: выпить. И я пошел в бар. В холле, в телефонной будке я заметил Бухнера-Грэхема, явно занятого очень тяжелой работой. Во всяком случае, по его лицу градом катился пот, а в помещении было, мягко говоря, прохладно.

5

Я проснулся потому, что кто-то сильно тряс меня за плечо.

— Стюарт! Проснись, Стюарт!

Я открыл глаза, увидел склонившегося надо мной Грэхема и снова зажмурился.

— Мне казалось, что я запер дверь.

— Запер, — хихикнул он, — обязательно запер. А сейчас просыпайся и включай мозги. Будешь давать интервью.

— Который час?

— Пять утра.

— Прямо как в гестапо. Если не возражаешь, я побреюсь.

Грэхем тут же насупился.

— Поторопись. Он будет здесь с минуты на минуту.

— Он — кто?

— Увидишь.

Я пожал плечами и стал готовить бритвенные принадлежности. Намылил щеки и спросил:

— А что ты должен был делать, Грэхем? Как охранник — ты пустое место, так что эта роль отпадает.

— Подумай лучше о своей роли, — едко посоветовал он.

— Обязательно, — отозвался я.

Процесс бритья всегда действовал на меня угнетающе. Если честно, я предпочел бы жить во времена королевы Виктории: тогда растительность на лице мужчины не уничтожали, а холили и лелеяли. Наверное, я все-таки нервничал, потому что почти сразу же порезался, и настроения мне это не улучшило. А тут еще открылась дверь, и в комнате появился Слейд собственной

персоной, который не стал тратить время на всякие церемонии, а просто рывкнул:

— Ну, в чем дело?

Лучший способ заставить человека врасплох — это задать ему дурацкий вопрос во время бритья. Я проигнорировал и Слейда, и его хамство, потому что не хотел снова порезаться.

Слейд плюхнулся на постель, отчего пружины взвизгнули, и сказал уже тоном ниже:

— Только без плохих вестей, ладно? Терпеть не могу, когда меня выдергивают из теплой постели и заставляют лететь на холодный север.

— Должно быть, эта посылка важнее, чем вы говорили, — отозвался я и открыл кран с холодной водой, чтобы смыть остатки пены.

— ...эта чертова посылка, — закончил Слейд.

— Простите?

— Где посылка? — спросил он, все еще сдерживаясь.

— Вчера днем ее у меня отобрали четверо неизвестных мужиков, но вы наверняка уже знаете об этом от Грэхема.

— И ты отдал? — повысил голос Слейд.

— У меня не было выбора, — умиротворяюще заметил я. — Пистолет под ребрами можно считать очень веским аргументом? Кстати, что там делал Грэхем?

Слейд скрестил руки на своем объемистом животе.

— Мы полагали, что они приставили хвост к Грэхему, поэтому подключили тебя. Думали, они займутся Грэхемом, а ты спокойно выполнишь задачу.

Все это было довольно странно. Если хвост приставили за Грэхемом, то что он сам делал напротив дома Элин? Но я промолчал, поскольку со Слейдом нельзя было разговаривать в открытую, всегда было полезно иметь что-то про запас.

— Они не занимались Грэхемом, они занимались исключительно мной, — заметил я. — Возможно, они не знают правил игры в регби. В Швеции эта игра не слишком популярна. В России, правда, тоже.

— Почему ты подумал про русских? — вскинул брови Слейд.

— Я всегда думаю о русских, — усмехнулся я. — Как француз всегда думает о сексе. Кроме того, они называли меня Стюартсеном.

— Ну и что?

— А то, что они знали, кем я был. Не кто я сейчас, а кем я был раньше. Согласитесь, есть определенная разница.

Слейд бросил короткий взгляд на Грэхема и сухо приказал:

— Выйди.

Тот явно обиделся, но послушаться не посмел. Когда дверь за ним закрылась, я с облегчением вздохнул:

— Слава Богу, детей отослали спать, теперь поговорим, как большие. Откуда вы только его выкопали? Вы же знаете, что я не терплю дилетантов.

— С чего ты взял, что он дилетант?

— Чувствую.

— Он хороший человек. А вот ты все изгадил. Такое простое дело — передать посылку от А к Б. Нет, я знал, что ты давно не у дел, но чтобы так растерять форму... Говоришь, они назвали тебя Стюартсеном? Ты понимаешь, что это может значить?

— Кенникен, — мрачно ответил я. — Так он здесь? В Исландии?

— Откуда я знаю? — пожал плечами Слейд. — Когда ты встретился с... ну, с тем, в аэропорту, что он тебе сказал?

— Не слишком много. Мне приготовили машину, я должен был поехать кружным путем и оставить затем машину у отеля. Все это я выполнил.

— Были проблемы?

— А должны были быть?

— Нам намекнули, что могут быть, — раздраженно отозвался Слейд. — Вот мы и решили отправить тебя в объезд. Грэхем! — Он встал и с недовольным видом двинулся к двери.

— Мне очень жаль, Слейд, — посетовал я. — Правда, жаль.

— Твои сожаления на хлеб не намажешь. Придется подумать, как выходить из положения. Черт, я привлек тебя только потому, что у нас слишком мало кадров, а из-за твоей глупости мы, кажется, теряем целую страну. Грэхем! Позвони в отдел в Лондоне и распорядись, чтобы мне приготовили самолет. Нужно поторапливаться.

— И мне тоже? — деликатно кашлянул я.

Слейд метнул на меня злобный взгляд:

— Ты уже достаточно напортил.

— Ну, и что же мне делать?

— Катись ко всем чертям. Возвращайся к своей подруге и милуйся с ней, сколько хочешь. Но главное, остерегайся Кенникена, потому что я лично пальцем не шевельну, чтобы его остановить. Хорошо бы он тебя поймал!

Дверь захлопнулась, а я медленно опустился на кровать. Если я встречу с Кенникеном, это будет встреча со смертью...

Глава вторая

1

Элин позвонила, когда я заканчивал завтрак. Она звонила по радиотелефону, в Исландии ими оборудовано большинство автомобилей.

— Ты хорошо спал?

— Просто отлично!

— Когда мы встретимся?

— В половине двенадцатого.

— Прекрасно, буду ждать тебя на стоянке в кемпинге.

Таким образом, у меня еще оставалось два часа, чтобы познакомиться с достопримечательностями Акурейри. Я так и сделал, попутно проверяя, нет ли за мной слежки. Вроде бы все было чисто, так что Слейд, кажется, для разнообразия не соврал и действительно больше во мне не нуждался.

Элин ждала меня в машине. Я открыл дверь и объявил:

— Дальше поведу я.

— Я думала, мы здесь останемся...

— Нет. Отъедем немного от города, поедим и поговорим.

Несколько километров я проверялся, потом расслабился. За нами никто не ехал, ничего подозрительного на пустой дороге не было. Элин сидела молча, только время от времени с тревогой посматривала на меня. Наконец она не выдержала и спросила:

— Что-то случилось?

— Ты чертовски права. Вот об этом и хочу с тобой поговорить.

Я остановил машину недалеко от побережья. Перед нами простирался Северный Ледовитый океан, и назвать этот пейзаж чарующим трудновато, хотя своеобразная дикая красота в нем была.

— Что ты вообще обо мне знаешь, Элин?

— Странный вопрос. Ты — Алан Стюарт, и я тебя люблю.

— И это все?

Она пожала плечами.

— Этого мало?

— Неужели тебе ни капельки не любопытно?

— Конечно, любопытно. Даже очень. Но я стараюсь сдерживаться. Если захочешь, чтобы я что-то знала, расскажешь. Знаю только, что ты пережил что-то очень тяжелое перед тем, как мы встретились, тебе было очень больно. Еще и поэтому я не задаю лишних вопросов. Не хочу снова причинить тебе боль.

— Умница. Так вот: ты удивишься, если узнаешь, что я был английским шпионом?

— Шпионом, — замороженно и медленно повторила она, точно пробуя это слово на вкус. — Действительно странно. Не слишком почтенное занятие, для которого ты не слишком подходишь.

— Именно так мне недавно сказали, — усмехнулся я. — Но дела это не меняет.

Элин помолчала, потом заметила:

— Не имеет значения, кем ты был, Алан. Я люблю тебя таким, какой ты сейчас.

— Но иногда прошлое догоняет человека. Именно это со мной и случилось. Есть человек по имени Слейд...

Я замолчал, с некоторым опозданием подумав, что делаю ошибку.

— И что? — помогла мне Элин.

— Он приехал ко мне в Шотландию. Послушай, как это было.

2

В тот день охота была плохой. Ночью что-то спугнуло оленей, и они ушли из долины. Я видел это в бинокль. К тому же был последний день сезона, я все равно уже не успевал ничего сделать, и решил оставить оленей в покое. Им повезло, мне — нет.

В три часа дня я собрал вещи и пошел домой. Спускаясь с горы, я увидел около хижины машину и мужчину, который расхаживал взад и вперед. Дорога к хижине скверная, я намеренно не привожу ее в порядок, чтобы не привлекать туристов, так что приезжают ко мне только те, кому я очень нужен.

Я осторожно приблизился к хижине, разрядил ружье и посмотрел на мужчину сквозь прорезь прицела. Он стоял ко мне спиной, но тут повернулся, и я увидел, что это Слейд. Тогда я мягко нажал на курок, ружье щелкнуло.

По-видимому, он почувствовал мое присутствие, потому что вскинул голову и помахал рукой.

— Добрый день.

— Как вы меня нашли?

Слейд пожал плечами.

— Это не составило труда. Ты же знаешь мои методы работы.

Я их давно знал, и они мне никогда не нравились. Поэтому я возмутился:

— Хватит строить из себя Шерлока Холмса! Что вам нужно?

Он кивнул в сторону хижины:

— Может быть, пригласишь войти?

— Насколько я вас знаю, вы там уже все обыскали.

Он воздел руки в преувеличенно-насмешливом изумлении:

— Слово чести, ничего такого!

Я едва не рассмеялся ему в лицо, поскольку понятие чести было для него совершенно абстрактным, распахнул дверь и вошел в дом. Слейд прицелился языком:

— Не заперто? Ну, ты рискованный парень!

— Здесь нечем поживиться, — безразлично ответил я.

— Если не считать твоей жизни, — отреагировал он.

Я промолчал, устанавливая ружье на подставку. Слейд осмотрелся вокруг с искренним любопытством.

— Примитивно, но удобно. Непонятно только, почему ты не живешь в большом доме.

— К счастью, это вас не касается.

— Возможно, — согласился он, усаживаясь поудобнее. — Итак, ты спрятался в Шотландии и рассчитывал, что тебя не найдут. Стюарт среди множества других Стюартов. Ты создал для нас некоторые проблемы.

— Кто сказал, что я прячусь? Я ведь действительно шотландец.

— В некотором роде. Более или менее. Только дед по линии отца. Совсем недавно ты был шведом, а до этого — финном. Правда, тогда тебя звали Стюартсеном.

— Вы проделали такой путь, чтобы поговорить со мной о прошлом? — устало спросил я.

— Ты в хорошей форме, — признал он.

— Не могу вернуть вам комплимент: вы-то потеряли форму и набрали вес, — жестко отпарировал я.

Он хихикнул:

— Хорошее питание, мой дорогой, хорошее питание. Все эти деловые завтраки и обеды за счет правительства Ее Величества... Но давай вернемся к делу, Алан.

— Называйте меня мистером Стюартом.

— Ах, я тебе не нравлюсь! Но это не имеет особого значения. Я... мы хотим, чтобы ты выполнил для нас одну работу. Естественно, ничего сложного.

— Вы, должно быть, рехнулись... — начал я.

— Догадываюсь, что ты чувствуешь, но...

— Ничего вы не понимаете, — резко оборвал я его, — если рассчитываете, что я буду работать на вас после всего, что произошло. Значит, вы еще более сумасшедший, чем мне казалось.

Конечно, я был не прав. Слейд отлично понимал, что я чувствую, поскольку прекрасно разбирался в людях: это было неотъемлемой частью его профессии. Он знал людей и знал, как их использовать в своих интересах. Я догадывался, что произойдет дальше, и действительно, Слейд начал давить на меня в своей обычной отвратительной манере.

— Давай поговорим спокойно, — предложил он. — Помнишь Кенникена?

Забывать об этом человеке меня могла заставить только полная амнезия. Перед моим мысленным взором сразу появилось его лицо, такое, каким оно было при нашей последней встрече: серые ледяные глаза над высокими славянскими скулами и шрам, идущий от правого виска к углу рта. В тот момент Кенникен был так зол, что убил бы меня, не задумываясь.

— А что с Кенникеном? — медленно спросил я.

— Я слышал только, что он тебя разыскивает. Ты одурачил его, теперь он жаждет реванша. Как выражаются наши американские коллеги из ЦРУ, он хочет тебя ликвидировать. Причем особо жестоким способом. Это уже влияние КГБ, на Западе к противникам относятся все-таки гуманнее.

Это точно! Просто всаживают ночью пулю в лоб.

— И что? — настаивал я.

— Он ищет тебя!

— Почему? Я ведь больше не работаю в Отделе.

— Он-то об этом не знает. Мы скрывали от него эту информацию, и думаю, довольно успешно. Так было нужно.

В принципе, мне уже почти все было ясно, но хотелось, чтобы Слейд сам сказал об этом, только попроще.

— Он ведь не знает, где я?

— Не знает. Но кто-нибудь может ему об этом сообщить.

Я наклонился вперед и пристально посмотрел на Слейда.

— Кто же, например?

— Да хотя бы я! — заявил он с неожиданной откровенностью. — Конечно, я бы сделал это тонко, через третье лицо, но обязательно сделал бы... если бы посчитал нужным. У Кеннигена очень эффективная группа ликвидации, правда? Несколько сотрудников Отдела были... э-э-э... ликвидированы именно этой группой.

— Почему вы не можете просто сказать: были убиты?

— Ты всегда был грубым, Стюарт, — нахмурился Слейд. — Грубым и прямолинейным, причем себе же во вред. Я еще не забыл, как ты пытался опорочить меня перед Таггертом. И тоже выкрикивал это слово “убийство”.

— Я и сейчас готов выкрикнуть то же самое. Вы убили Джимми Беркли...

— Я убил? — тихо спросил Слейд. — А кто подложил взрывчатку ему в машину? Кто подсоединил провод детонатора к системе зажигания? По-моему, ты. И именно это позволило тебе приблизиться к Кеннигену, только это вызвало у него доверие к тебе, а мы смогли этим воспользоваться. Отлично было сработано, Стюарт, отдаю тебе должное.

— Да, вы неплохо меня использовали.

— И снова сделаю то же самое, — жестко заявил Слейд. — Или отдам Кеннигену. Тем более, что ему совершенно безразлично, работаешь ты еще в Отделе или уже нет. Ты интересен ему как личность.

Я уставился на Слейда, не веря своим ушам.

— Что вы хотите этим сказать?

— Только то, что Кенниген теперь не мужчина, — заметил Слейд. — Разве тебе об этом ничего не известно? Да, ты хотел убить его, но освещение было скверное, и последним выстрелом ты его только ранил. Это если говорить деликатно, а если называть вещи своими именами, ты кастрировал беднягу. — Обширный живот Слейда заколыхался от смеха. — Если сказать еще грубее, ты отстрелил ему яйца. Теперь представь себе, что он сделает с тобой, попадись ты ему в руки. Ты не можешь вернуться в Швецию, а ехать в Финляндию было бы еще рискованнее, слишком уж оттуда близко до русской границы. Просто рукой подать. Зато в Исландию почти никто не ездит, правда?

— Так задание нужно выполнить в Исландии?

— Вот именно. Ты можешь позволить себе побездельничать три-четыре месяца в году, правда? Вот что значит иметь хороший личный доход. Отдел позаботился о тебе, согласишься.

— Отдел дал мне только то, что я заслужил, — обрезал я его.

Слейд пропустил мой выпад мимо ушей.

— Я заметил, что ты отлично устроился в Исландии. Все удобства, да еще и любовное гнездышко. Молодая женщина...

— Оставьте ее в покое!

— Обязательно. Просто хочу подчеркнуть: было бы крайне неосмотрительно втягивать ее в наши дела. Это опасно, не так ли, мой мальчик? На твоем месте, я бы не стал ей ничего говорить.

Голос у Слейда был добрым. Слишком добрым. Если он знал об Элин, значит, давно уже следил за мной. И я все время находился под наблюдением, а полагал, что свободен, как птица.

— Давайте все-таки вернемся к заданию.

— В международном аэропорту в Кефлавике ты получишь посылку. Вот такую, совсем маленькую. Передашь ее человеку в Акурейри. Ты ведь знаешь, где это находится?

— Знаю. — Я ждал дальнейших инструкций, но Слейд молчал. — И это все? — не выдержал я.

— Все. Уверен, ты легко справишься.

— И вы затеяли весь этот шантаж, чтобы поручить мне работу простого посыльного? — с недоумением спросил я.

— Выбирай выражения! — резко отозвался Слейд. — Это нормальное задание для человека, давно отошедшего от наших дел. Но оно достаточно важное, чтобы не поручать его случайным людям, вот и все.

— Это задание появилось неожиданно, так? — догадался я. — И поэтому вы были вынуждены обратиться ко мне.

— У нас мало людей, вот и все, — махнул рукой Слейд. — Не строй себе иллюзий: я просто скребу по сусекам, потому и вспомнил о тебе.

— А что за человек в Акурейри?

Слейд вынул из бумажника купюру и небрежно разорвал ее пополам. Одну половинку оставил себе, другую протянул мне. При ближайшем рассмотрении это оказалось частью купюры в сто крон.

— Пароль и отзыв. Старые способы всегда надежны, правда, Стюарт? Просто и эффективно.

Я скептически посмотрел на испорченную исландскую валюту и заметил:

— Вряд ли мои труды будут оплачены.

— Обязательно будут, дорогой мой, не сомневайся. Правительство Ее Величества никогда не скупится, если речь идет о ценной услуге. Двести фунтов тебя устроят?

— Переведите их на мой банковский счет, старый пройдоха.

Слейд осуждающе покачал головой.

— Ну и выражения! Но я все сделаю, как ты хочешь, можешь быть совершенно спокойным.

Лицо Слейда изобразило крайнюю степень возмущения:

— А что мне делать, если кто-нибудь попытается завладеть посылкой?

— Остановить его, — коротко сказал Слейд.

— Любой ценой?

— Ты хочешь знать, имеешь ли право убить? Твое дело. Только доставь посылку в Акурейри. И не строй из себя прожженного убийцу, это даже не смешно.

— Я просто хотел знать пределы своих полномочий, — мрачно проговорил я, понимая его правоту. — Не хотелось бы усугублять нехватку кадров в Отделе. А что мне делать после Акурейри?

— Все, что угодно, — весело объявил Слейд. — Отдыхай, веселись, наслаждайся обществом своей подружки, живи в свое удовольствие.

— Пока вы снова не объявитесь?

— Ну, это маловероятно, — равнодушно ответил Слейд. — Жизнь идет вперед, в Отделе все изменилось: методы, задачи, в общем, долго объяснять, да и незачем. С настоящим делом ты бы не справился, но с таким простым заданием... — Он замолчал и окинул комнату презрительным взглядом. — Выполнишь роль посыльного, вернешься сюда и будешь спокойно жить.

— А Кенникен?

— Ну, тут я ничего обещать не могу. Он может тебя найти, а может и не найти, помогать ему я не собираюсь, но и помешать не смогу.

— Этого не достаточно, — возразил я. — Вы можете сообщить ему, что я уже четыре года не работаю в Отделе?

— Могу, — согласился Слейд. — Вполне могу. Но, во-первых, он мне не поверит, а во-вторых, у него сугубо личный мотив для мести. Мне почему-то кажется, что он предпочтет распотрошить тебя острым ножом, а не распить при встрече бутылочку кальвадоса. — Он взял шляпу и направился к двери. — Дальнейшие инструкции по поводу посылки получишь перед отъездом. Было приятно снова повидаться с вами, мистер Стюарт.

— Хотел бы сказать то же самое, — буркнул я.

Слейд искренне и весело рассмеялся. Я дошел с ним до его машины и указал на скалы неподалеку.

— Вон оттуда я наблюдал за вами в оптический прицел. Даже нажал на курок, только ружье оказалось не заряженным.

Он посмотрел на меня взглядом, полным абсолютного доверия.

— Если бы ружье было заряжено, ты не нажал бы на курок. Ты же цивилизованный человек, Стюарт, даже слишком цивилизованный. Иногда я удивляюсь, как ты мог так долго продержаться в Отделе: уж слишком ты мягкосердечен для ответственных заданий. Будь моя воля, от тебя бы избавились задолго до того, как ты сам решил уйти в отставку. Надеюсь, ты пом-

нишь про закон о неразглашении государственной тайны? — небрежно заметил Слейд и улыбнулся. — Впрочем, что это я! Конечно, помнишь.

— Какой пост вы сейчас занимаете, Слейд?

— Честно говоря, почти на самом верху, — ответил тот. — Теперь я ближайший помощник Таггерта, а значит, принимаю основные решения. Время от времени завтракаю с премьер-министром. — Он рассмеялся, сел в машину и сказал уже через опущенное стекло: — Еще одно. Не вздумай открывать эту посылку, дорогуша. Вспомни, к чему может привести излишнее любопытство.

Он уехал, и когда его машина скрылась из виду, даже воздух вокруг стал чище. Я посмотрел на горы вдаль и почувствовал острый приступ тоски. За двадцать минут мой привычный мир разлетелся вдребезги, и я, черт побери, не знал, как собрать осколки.

3

Во рту у меня пересохло не столько от долгого рассказа, сколько от бесчисленных выкуренных во время него сигарет. Я выбросил окурок из окошка машины и откинулся на спинку сиденья.

— Вот так меня шантажом вовлекли в это дело.

Элин нервно заерзала на сиденьи.

— Я рада, что ты мне все рассказал. Я очень волновалась из-за твоего непонятого полета в Акурейри. Но теперь, когда ты передал посылку, беспокоиться не о чем?

— В том-то и дело, — возразил я, — что не передал.

Я рассказал Элин о четырех типах в аэропорту Акурейри и о том, что Слейд прилетал из Лондона и был очень недоволен. Она побледнела:

— Слейд был здесь? В Исландии?

— Вот именно. Он сказал, что я больше не участвую в этом деле, но что-то мне сомнительно... Знаешь, Элин, лучше тебе пока держаться подальше от меня. Как бы ты не пострадала.

Элин бросила на меня пылкий взгляд:

— По-моему, ты не все мне рассказал.

— Ты права, — согласился я. — Но я сделал это сознательно. Тебе лучше не вмешиваться во всю эту грязь.

— А мне кажется, что лучше все узнать, — возразила она.

Я закусил губу:

— Не могла бы ты где-нибудь переждать самое опасное время?

Она пожала плечами:

— Дома, в Рейкьявике.

— Отпадает, — быстро сказал я. — Слейд знает об этой квартире, один из его людей следил за нею.

— Я могла бы поехать к отцу.

— Неплохая идея.

Отца Элин я видел только один раз, но впечатление было очень благоприятным. Крепкий, старый фермер, одиноко живущий в исландской глуши. Да, там Элин была бы в безопасности.

— Если я тебе все расскажу, ты проведешь у отца несколько дней?

— Там видно будет, — упрямо ответила она.

— О Господи! — воскликнул я. — Если выпутаюсь из этой передраги целым и невредимым, лучшей жены, чем ты, мне не найти. Вот только выпутаюсь ли?

Элин широко раскрыла глаза:

— Что ты сказал?

— Косвенно попросил тебя выйти за меня замуж.

Тут все перепуталось, и прошло довольно много времени, пока Элин, раскрасневшаяся и похорошевшая, чуть-чуть отодвинулась от меня и потребовала:

— Теперь рассказывай все!

Я вздохнул и открыл дверцу машины.

— Не только расскажу, но и покажу.

Мы подошли к заднему бамперу джипа, я нагнулся, оторвал от шасси плоскую металлическую коробку, которую накануне прикрепил там скотчем, и положил Элин на ладонь.

— Вот из-за этого все неприятности. Ты сама привезла ее сюда из Рейкьявика.

— Ты хочешь сказать, что те четверо ее не получили?

— Я хочу сказать, что они получили металлическую коробку с песком, упакованную в мешковину.

4

— Хочешь пива? — спросила Элин.

Я непроизвольно скривился. Исландское пиво — это нечто на любителя, причем к алкоголю оно тоже имеет весьма условное отношение.

Элин засмеялась:

— Оно импортное. Берни привез несколько ящиков из Гренландии.

Ну, это уже совсем другое дело. Датчане понимают толк в пиве.

— Я хочу, чтобы ты поехала к отцу, — повторил я, принимая из рук Элин открытую банку пива.

— Я подумаю. Но почему посылка все еще у тебя?

— Потому что вся эта история очень странная, и от нее за мило несет дерьмом. Допустим, за Грэхемом следили, и Слейд подключил к операции меня. Но ведь напали именно на меня, а не на Грэхема, хотя он околачивался рядом. Разве не странно?

И еще Малькольм, труп которого я отправил к центру земли. Но для Элин это уже было бы слишком.

— Очень странно.

— К тому же Грэхем следил за нашей квартирой в Рейкьявике. Тоже странное поведение для человека, у которого враг на хвосте. Но я в этом сомневаюсь: Слейд способен наплести невероятное количество небылиц, чтобы скрыть какой-то крохотный факт.

— Когда ты говоришь о враге, то кого имеешь в виду? — тихо спросила Элин, глядя куда-то вдаль.

— Моих старых друзей из КГБ, — ответил я. — Русских. Я могу ошибаться, но сомневаюсь.

Судя по выражению лица Элин, эта новость ей совсем не понравилась. Тогда я снова переключился на Слейда и Грэхема.

— Вот еще что: Грэхем видел, как на меня напали в аэропорту Акурейри, но пальцем не шевельнул, чтобы мне помочь. Он мог попытаться догнать человека, у которого оказался футляр от фотоаппарата, но и этого не произошло. Что ты об этом думаешь?

— Не знаю.

— Вот и я не знаю, — признался я. — Потому и говорю, что эта история дурно пахнет. Идем дальше. Грэхем сообщил Слейду, что я провалил задание. Тот немедленно прилетает из Лондона. Для чего? Чтобы погрозить мне пальцем и сказать, что я плохой мальчик? Что-то не похоже на Слейда.

— Ты ему не доверяешь, — констатировала Элин.

— Разумеется, не доверяю, — пожал я плечами. — Но он заварил какую-то крутую кашу, и мне хотелось бы знать рецепт. Иначе я охнуть не успею, как стану покойником.

— Что же делать с посылкой?

— А это мой козырь. Слейд полагает, что она у его противников, но пока это не так, большой беды не случилось. Если коробку еще не открыли, противники тоже пока ничего не заподозрили.

— Это возможно?

— Вполне. Агентам не рекомендуется проявлять лишнюю инициативу и совать свой нос, куда не надо. Думаю, "мой квартал" получил приказ доставить груз своему боссу, не вскрывая упаковку.

Элин бросила взгляд на коробку.

— Интересно, что в ней?

Мне тоже было интересно.

— Можно поискать консервный нож, — предложил я. — Но можно пока и не искать его.

— И почему мужчины так любят все усложнять? — безнадежно вздохнула Элин. — Что ты собираешься делать?

— Залягу на дно, — соврал я. — И все хорошенько обдумаю. Может быть, отправлю эту клятую штуку в Акурейри по почте и дам Слейду телеграмму, где получить посылку.

Я горячо надеялся, что Элин поверит этой версии, поскольку на самом деле собирался сделать все совершенно иначе. И это, конечно, было куда более опасно. Потому что очень скоро кто-то узнает, что его надули, начнет вопить, и мне хотелось бы знать, кто будет это делать. Но вот Элин при этом должна оказаться как можно дальше.

— Заляжешь на дно, — задумчиво повторила Элин. — А может быть, мы для начала поедем в Подкову?

— Это мысль! — засмеялся я. — В Подкову мы сейчас и поедем.

5

Подкова — это скалистое образование соответствующей формы шириной примерно две мили. Внутри растут деревья, очень густые и высокие для Исландии, потому что защищены от ветра со всех сторон. Никто и никогда не остается здесь на ночь: туристы боятся, а исландцам ни к чему. И, самое главное, Подкова находится далеко от основной дороги, и случайные люди там не появляются.

У нас с Элин в Подкове было постоянное место. Мы въехали в узкую горловину долины и разбили лагерь под скалой. В путешествиях мы с Элин любим комфорт, поэтому не только оборудовали спальные места, но и расставили стол и стулья. Пока я этим занимался, Элин готовила ужин: жарила ростбиф. Говядина — это роскошь для Исландии, но мне слишком быстро надоедает баранина.

Было очень тихо и почти тепло, мы вкусно поужинали, пили виски и болтали о всяких пустяках. Думаю, нам обоим одинаково хотелось хотя бы на время забыть обо всех проблемах. К тому же в Подкове мы провели немало счастливых дней, а воспоминания тоже успокаивают и отвлекают.

Помимо всего прочего, я придумал, как мне избавиться от Элин. Если она не согласится уехать к отцу сама, то придется на рассвете потихоньку улизнуть на машине, оставив ей пару банок консервов и бутылку воды. С этим она продержится пару дней, а потом кто-нибудь из туристов отвезет ее обратно в цивилизацию. Конечно, она ужасно разозлится, но зато останется цела и невредима.

Мне нельзя было ложиться на дно еще и потому, что я собирался стать подсадной уткой, сделать из себя приманку. Элин тут была совершенно лишней.

Неожиданно Элин прервала нашу беседу и поднялась.

— Мне нужно о многом подумать, Алан. Я, пожалуй, пройду, если ты не возражаешь.

Я смотрел, как она медленно идет к деревьям, потом взял бутылку, хотел налить себе еще выпить и обнаружил, что она уже наполовину пуста. Я оставил эту затею: никогда не верил, что проблемы можно решить с помощью спиртного, и сейчас не хотел пересматривать свои принципы.

Темнело, но летом в этих широтах абсолютной темноты не бывает почти никогда. Между деревьями мелькнула светлая рубашка Элин. Она подошла к джипу и взглянула на небо:

— Уже поздно.

— Да.

Элин вытащила из багажника два спальника и привычным движением соединила их в один большой. Потом с улыбкой взглянула на меня и сказала:

— Давай спать, Алан.

Когда Элин заснула, я тихо выбрался из спального мешка, но все-таки недостаточно тихо.

— Что случилось? — прошептала Элин.

— Хочу перепрятать эту загадочную коробку Слейда. Сейчас она слишком на виду.

— Куда ты ее спрячешь?

— Куда-нибудь под шасси, думаю.

— До утра это не может подождать?

— Я все равно не могу уснуть. Лучше сделаю все сейчас.

— Помочь тебе? Подержать фонарь или что-то в этом роде...

— Спи. Я сам.

На то, чтобы прикрепить коробку скотчем к бамперу, ушло несколько минут. Я провел рукой по внутренней поверхности бампера, чтобы проверить, все ли в порядке и... нащупал что-то еще.

Я чуть не свернул себе шею, пытаюсь рассмотреть загадочный предмет, оказавшийся небольшим зеленым кубиком, практически сливавшимся с джипом. С одной стороны у кубика был магнит. Я понял, что меня перехитрили. Это был автомобильный жучок, который с точностью до десяти метров определял местонахождение джипа тому, у кого был настроенный на нужную частоту радиоприемник.

Первым моим движением было разбить этот жучок. Проклятый Слейд! Он перестраховался, он, предупреждавший меня, чтобы я не втягивал Элин во все это, следил за ней! Или он хотел знать, где нахожусь я? Но на джипе из Рейкьявика уехала Элин...

Я передумал уничтожать жучок. Это было глупо. Ведь Слейд не знал, что я обнаружил слежку, а я знал, что он ее установил. Такое положение дела можно было обернуть в мою пользу, так что я поставил жучок на прежнее место.

И в этот момент что-то произошло. Я еще не знал, что именно, просто тишина приняла какой-то другой характер. Я задержал дыхание и услышал, как где-то вдали переключают передачу автомобиля. Этого было достаточно.

Глава третья

1

Я наклонился над Элин и тихонько тронул ее за плечо:

— Просыпайся.

— Что случилось? — сонно спросила она.

— Тихо! Быстро одевайся.

— Но что...

— Все после. Одевайся.

Я посмотрел на слабо освещенные деревья. Ничего не двигалось, не было слышно никаких звуков, но спокойствие ночи было безвозвратно нарушено. Узкий вход в Подкову находился всего лишь на расстоянии мили от нас, машина должна была остановиться именно там. Естественная мера предосторожности: заткнуть горлышко бутылки пробкой. Скорее всего, теперь Подкову обследовали пешком, ориентируясь на радиомаяк, а ведь это все равно, что осветить машину прожектором.

— Я готова, — шепнула Элин.

— У нас, наверное, будут гости, — так же тихо произнес я. — Минут через пятнадцать, а может быть, и раньше. Я хочу, чтобы ты спряталась вон там, за деревьями. Ляг в какую-нибудь канаву или яму и не выходи, пока я тебя не позову.

— Но...

— Не спорь, а просто делай, как я сказал, — отрезал я.

Элин растерянно заморгала, потом повернулась и побежала к деревьям.

Я нырнул под джип, чтобы достать пистолет Малькольма, который прикрепил скотчем еще в Рейкьявике. Но пистолета под днищем не оказалось, там были только обрывки скотча. Дороги в Исландии чудовищные, оторваться может все, что угодно, и мне еще очень повезло, что не потерялась проклятая посылка.

У меня оставался только фамильный нож. Я засунул его за пояс, подошел ближе к деревьям и стал ждать.

Прошло не меньше получаса, пока наконец что-то произошло. Темная фигура отделилась от деревьев и бесшумно двинулась по направлению к джипу. Лицо разобрать было невозможно, но очертания предмета в руках я бы не спутал ни с чем. Это было ружье. Я замер. Явно профессионал: пистолет ненадежен, он может дать осечку в самый неподходящий момент. Если намереваешься кого-то убить, нужно пользоваться более серьезным оружием.

Теперь следовало проверить, не было ли у "призрака" помощника. Именно поэтому я не хотел нападать сзади: я мог оказаться между незванным гостем и его спутником. А из такого положения чрезвычайно мало шансов выйти живым и невредимым, так что рисковать я не стал. Меня к тому же интересовало, знает ли человек с ружьем о том, что произойдет в Подкове, если нажать на курок. Если не знает, то его ждет потрясающий сюрприз.

Вдруг фигура исчезла, и я мысленно выругался. Потом хрустнул сучок, и я понял, что человек идет вдоль деревьев. Этот

парень действительно оказался настоящим профессионалом: шел в сторону, противоположную той, где я его ждал. Он решил обойти поляну, но с другого края.

Я тоже пошел вокруг — навстречу. Нож был у меня в руке: слабая защита против ружья, но все-таки... Каждый шаг я делал с тройной осторожностью и был вознагражден: почти неразличимые звуки показывали маршрут передвижения моего противника. Наконец я увидел темную фигуру и...

И в тот же момент перед ним возникло белое пятно. Он наткнулся на убежище Элин, и она вскочила на ноги. Ничего хуже этого вообразить было невозможно: он вскинул ружье.

— Элин! — заорал я. — Ложись!

Грохнул выстрел. Он был единственный, но в Подкове необыкновенная акустика: могло показаться, что стреляет целая рота пехотинцев, причем сразу со всех сторон. Эхо канонады покатилося между скалами, постепенно замирая, и сам стрелок тоже замер, ошеломленный произведенным эффектом. Тут я метнул нож.

Раздался короткий булькающий звук, стрелок покачнулся, потом медленно опустился на колени, и, извиваясь, упал на землю. Я бросился вперед, но не к нему, а к тому месту, где находилась Элин. Она сидела на земле, прижав руку к плечу.

— Ты в порядке?

— Он стрелял в меня, — прошептала она и показала окровавленные пальцы.

Я быстро осмотрел ее плечо. Пуля прошла по касательной, сорвав лоскут кожи. Рана была болезненной, но не опасной.

— Давай наложим повязку, — предложил я.

— Он стрелял в меня, — повторила Элин, и в голосе ее слышалось огромное изумление.

— Думаю, больше он ни в кого не выстрелит, — заметил я, направив свет фонарика в сторону упавшего.

Мой неизвестный противник лежал неподвижно, повернув голову набок. Из его груди торчала рукоятка ножа.

— Он мертв? — прошептала Элин.

— Не знаю. Посвети мне.

Я взял руку лежавшего и нащупал еле заметный пульс.

— Он еще жив. Возможно, вообще не умрет...

Тут я осекся, потому что разглядел лицо раненого. Это был Грэхем! Напрасно я назвал его дилетантом: к нашему лагерю он подобрался более чем профессионально.

— В джипе есть аптечка, — вспомнила Элин.

— Отлично. Пошли.

Я поднял Грэхема на руки и пошел вслед за Элин к нашей машине. Пока Элин доставала аптечку, я поудобнее уложил Грэхема на сложенный спальный мешок, а потом повернулся к Элин.

— Он подождет. Сейчас мы займемся твоей раной.

Как я и предполагал вначале, рана была не слишком серьезной. Я промыл Элин плечо, присыпал антисептиком и перевязал.

— Примерно неделю будет больно двигать рукой. Потом все пройдет.

Казалось, Элин меня не слышит: она замороженно устала на блестящую рукоятку ножа в груди Грэхема.

— Ты всегда носишь с собой этот нож? — спросила она наконец.

— Всегда. И мне нужно вытащить его.

Это было не просто. Я попал точно в середину груди, лезвие ушло до рукоятки, и один Бог знает, какие органы повредило. Я резким движением вырвал нож, ожидая, что сейчас хлынет поток артериальной крови, и все будет кончено. Но вместо этого побежала лишь тоненькая струйка. Элин прижала к ране салфетку и закрепила ее пластырем, а я снова пощупал пульс. Он был еще слабее, чем в самом начале.

— Кто это? — спросила Элин. — Ты его знаешь?

— Да, — просто ответил я. — Он сказал, что его зовут Грэхем. Это сотрудник Отдела, он работает со Слейдом.

Интересно, он приехал сюда один или с кем-то еще? Мы-то в любом случае были только подсадными утками. Я встал и пошел к деревьям искать ружье. Нашел довольно быстро. Это было идеальное оружие для убийцы — карабин Ремингтон с пулями шестого калибра. Короткий приклад, возможность сделать пять выстрелов за пять секунд. Я передернул затвор и вытащил пулю — обычная охотничья пуля с мягким концом. Элин повезло: пули могли быть разрывными...

— Он приходит в себя, — сообщила мне Элин, когда я вернулся к джипу. Грэхем действительно открыл глаза, увидел меня с карабином и попытался приподняться, но тут же откинулся назад.

— Ничего не получится, — спокойно заметил я. — С дыркой в животе трудно двигаться.

Грэхем облизал пересохшие губы:

— Слейд сказал... что ты... что ты не опасен...

У него не было сил даже говорить.

— Как видишь, он ошибся, — заметил я. — Если бы ты пришел сюда безоружным, то не лежал бы сейчас раненым. Зачем все это вообще затевалось?

— Посылка... Слейду нужна посылка...

— Да? Но ведь она у тех парней, русских. То есть, я полагаю, что они русские.

— Они ее не получили, — прошелестел Грэхем. — Слейд... он послал меня за ней сюда. Сказал, что ты ведешь двойную игру... Что ты темнишь...

— Это становится интересным, — медленно произнес я. — Кто сообщил Слейду, что у русских нет посылки? Я-то точно ни-

чего ему не говорил. Неужели они наябедничали, что их надули?

По лицу Грэхема скользнула тень недоумения.

— Не знаю... Он приказал... забрать ее у тебя.

— И дал тебе вот это, — приподнял я карабин. — Полагаю, меня надо было ликвидировать? А что нужно было сделать с моей девушкой?

— Не знаю... Я не знал... не знал, что она здесь.

— Возможно. Но Слейд-то знал. Иначе зачем было следить за джипом?

Веки Грэхема дрогнули.

— Ты же знаешь... свидетелей быть не должно... — Изо рта у него потекла струйка крови.

— Ах ты, подонок! — взорвался я. — Если бы тебя не использовали втемную, я бы тебя просто убил! Значит, Слейд сказал тебе, что я предатель, ты ему поверил, взял карабин и отправился выполнять приказ. Ты приехал один?

Грэхем плотно сжал губы.

— Не геройствуй, — посоветовал я. — Я ведь очень легко могу заставить тебя говорить. Например, наступлю на живот. Хочешь?

Я услышал, как Элин сдавленно ахнула у меня за спиной.

— Ты умрешь, если мы не доставим тебя в больницу. Но мы не сможем этого сделать, если у выезда из Подковы нас ожидает засада. Я не собираюсь рисковать жизнью Элин лишь потому, что кто-то решил поиграть в молчанку.

Грэхем бросил взгляд в сторону Элин и чуть заметно кивнул:

— Слейд... Он здесь... Около мили...

— На выезде из Подковы?

— Да...

Грэхем снова закрыл глаза. Я взял его за запястье и понял, что пульс стал еще слабее, потом поднялся на ноги и проверил, заряжен ли карабин.

— Начинай все грузить в машину, — велел я Элин. — Оставь место для него, мы положим его на спальные мешки.

— Что ты собираешься делать?

— Попытаюсь подойти к Слейду поближе и поговорить с ним, — ответил я. — Сообщить, что его мальчик тяжело ранен. А может быть, просто пуцу в ход эту игрушку.

Элин побелела.

— Ты хочешь его убить?

— Господи, да не знаю я! Знаю только, что он не возражал бы против моего убийства, да и твоего заодно. Он перекрыл мне выезд из Подковы, а это — единственное средство, которое у меня есть, чтобы очистить дорогу.

Грэхем приоткрыл глаза и тихо застонал. Я наклонился к нему:

— Ты как?

— Плохо...

Струйка крови изо рта стала гуще и побежала по шее.

— Странно... Откуда Слейд узнал?..

— А что в посылке?

— Не... знаю.

— Кто сейчас возглавляет Отдел?

— Та... Таггерт.

— Хорошо. Сейчас я пойду к Слейду. Возможно, мы скоро уедем отсюда. Если повезет, конечно.

— Слейд сказал... — Грэхем замолчал, с трудом сглотнул, закашлялся, и на губах у него выступила кровавая пена. — Слейд сказал...

Кашель усилился, и вдруг изо рта Грэхема хлынул поток крови, а голова откинулась в сторону.

— Он умер! — ахнула Элин и заплакала. Беззвучно, но горько, слезы ручьем катились у нее по щекам, а глаза не отрывались от тела Грэхема. Я резко заметил:

— Не оплакивай его. Он хотел тебя убить, и ему это чуть было не удалось.

— Я оплакиваю не Грэхема, — ответила Элин бесцветным голосом, — а тебя. Кто-то ведь должен это сделать.

2

Мы быстро собрали вещи и сложили в джип все, включая тело Грэхема.

— Здесь его оставлять нельзя, — заметил я. — Не позже, чем через неделю, кто-нибудь обнаружит тело. А еще кто-нибудь постарается назвать виновника убийства.

— Что ты будешь с ним делать? — гораздо более спокойно спросила Элин.

— Водопады. Слава Богу, в Исландии самые мощные водопады в Европе. Если тело попадет в один из них, оно изменится до неузнаваемости, да и следы ножевого ранения исчезнут. Просто турист-одиночка, с которым произошел несчастный случай. А теперь слушай. Через полчаса быстро поезжай к выходу из Подковы. Как только окажешься у горловины, врубай передний свет и чуть притормози, чтобы я мог запрыгнуть.

— А потом?

— Потом мы поедем к ближайшему водопаду, но не по главной дороге, а по какому-нибудь проселку.

— Что будет со Слейдом? Ты собираешься убить его?

— Если он не сделает это первым. Не строй иллюзий относительно Слейда.

— Хватит убийств, Алан. Пожалуйста, хватит убийств.

— Если Слейд выстрелит первым, я отвечу.

— Хорошо, — устало обронила Элин.

Я оставил ее и пошел ко входу в Подкову. Маловероятно, что Слейд не будет дожидаться Грэхема, так же маловероятно, что

он не отправится на его поиски, если ожидание затянется. Но он слышал выстрел и понимал, что Грэхему понадобится около получаса, чтобы найти посылку и вернуться.

Слейд даже не удосужился отогнать машину, она стояла на самом виду, отлично видная в свете наступающего утра. Но и к машине нельзя было приблизиться незаметно. Получить пулю у меня не было ни малейшего желания, поэтому я спрятался за скалу и стал ждать Элин. Мне показалось, что прошла вечность, когда, наконец, раздался шум приближавшейся машины. Этот шум услышал и Слейд, в его машине произошло какое-то движение, тогда я приложил карабин к плечу и трижды выстрелил в переднее стекло.

Машина Слейда стремительно рванула с места, и я понял свою ошибку. Руль находился справа, как у большинства английских машин, а я стрелял по левой стороне. Это спасло Слейда, который не стал ждать, пока я исправлю свой промах. Джип поравнялся со мной, и я вскочил внутрь.

— Поехали! — заорал я. — Быстрее!

Но когда Слейд на развилке резко взял вправо, Элин по моей просьбе повернула в противоположную сторону. Джип не приспособлен для погони, тем более, по исландским дорогам, а у нас было еще одно важное дело.

— Ты говорил со Слейдом? — спросила Элин, с трудом маневрируя на отвратительном проселке.

— Я даже не смог подойти к нему.

— Я рада, что ты его не убил.

— Помимо моей воли. Если бы руль был слева, Слейд уже был бы покойником.

— А тебе стало бы много легче, — язвительно заметила Элин.

Я внимательно посмотрел на нее.

— Элин, постарайся понять. Слейд очень опасен. Или он рехнулся — хотя это маловероятно, или...

— Или — что?

— Не знаю, — безнадежно ответил я. — Все так чертовски сложно, а у меня мало информации. Знаю только, что Слейд хочет ликвидировать меня. Возможно, я представляю для него какую-то опасность. В любом случае, тебе нужно держаться подальше от всего этого. Ты можешь пострадать просто за компанию, как это только что произошло, кстати.

— Один ты не справишься, — возразила Элин. — Кто-то должен тебе помогать.

Возразить против этого было трудно. Но мне была нужна не только помощь, но и ясная голова, а все мои мысли были сейчас заняты тем, что Элин ранена и нужно побыстрее добраться до безопасного места.

— Притормози, — попросил я. — Я поведу машину, тебе же больно.

Мы ехали на юг часа полтора, потом Элин сказала:

— Вот водопад.

Я пригляделся и заметил на горизонте облако водяной пыли.

— Поедем дальше, — сказал я. — Там, насколько мне помнится, рядом должны быть два водопада, а это вдвое лучше, чем один. Кроме того, у этого всегда толкуются туристы.

Мы проехали еще километра три, потом я затормозил.

— Ближе мы все равно не подъедем. Пойду к реке, посмотрю, нет ли там кого-нибудь. Труп нужно сбрасывать без свидетелей. А ты подожди меня здесь и не разговаривай с незнакомцами.

Было раннее утро, и вокруг не наблюдалось ни души. Я вернулся к джипу, вытащил тело Грэхема и осмотрел его карманы. В бумажнике было немного исландских крон и много немецких марок, а также паспорт на имя Дитера Бухнера и карточка немецкого автомобильного клуба. Обнаружилась также фотокарточка, на которой Бухнер-Грэхем обнимал хорошенькую девушку на фоне магазина с вывеской на немецком языке. Что ж, в Отделе всегда учитывали мелочи.

Еще одной интересной находкой оказалась распечатанная коробка с патронами для карабина. Я засунул бумажник обратно в карман Грэхему, взвалил тело на плечи и понес к водопаду. Элин шла за мной.

На краю обрыва я положил тело на землю и осмотрелся. Как раз внизу был большой уступ, с которого вниз обрушивался мощный поток воды. Я толкнул тело, и оно упало точно в водоворот. Через несколько секунд Грэхем исчез под водой. Элин проводила его глазами и вопросительно взглянула на меня:

— А что теперь?

— Теперь мне нужно добраться до Кефлавика, чтобы вернуться в Лондон.

Я быстро пошел обратно к машине. Когда Элин догнала меня, я как раз заканчивал разбивать большим камнем проклятый радиомаяк.

— Да, — сказал я, выпрямляясь, — все вышесказанное касается только меня. Ты со мной не поедешь.

— Ну, это мы еще посмотрим, — заявила Элин и крепко сжала в кулачке ключи от машины.

3

Самый страшный пейзаж на земле, безусловно, в Аске, на северо-востоке Исландии. Из двухсот существующих в стране вулканов тридцать действуют, и самые опасные из них находятся именно в Аске. В этот район можно было забраться только по крайней необходимости или из любви к экзотике.

Я оставил идею избавиться от Элин, поскольку сообразил, что Слейд знает о ее присутствии в Подкове, и без меня она окажется в не меньшей опасности, чем со мной.

В три часа дня мы остановились в хижине спасателей над кратером большого, но бездействующего вулкана. Мы оба устали и проголодались, так что Элин тут же поинтересовалась:

— А мы не могли бы задержаться здесь хотя бы на день?

— Нет! — отрезал я. — Кое-кто может предположить, что мы именно так и поступим, так что поедем и отправимся дальше.

После обеда у меня в голове наступило некоторое просветление. Я заметил возле хижины радиомачту, потом перевел взгляд на антенну джиба и спросил Элин:

— Слушай, а мы можем сейчас связаться с Рейкьявиком? В смысле, позвонить туда по радиотелефону?

— Конечно.

— Как чудесно, что трансатлантический кабель проходит как раз через Исландию! Можно будет даже в Лондон позвонить.

— Никогда не слышала ни о чем подобном, — с сомнением проговорила Элин.

— А почему бы и нет? Если можно связаться с Рейкьявиком, то можно и с любым другим городом. Президент Никсон разговаривал с космонавтами на Луне. Техника! И еще — знакомства. У тебя есть кто-нибудь в телефонном ведомстве?

— Да. Свен.

Так я и знал. В Исландии все либо близкие знакомые, либо дальние родственники. Я протянул ей клочок бумаги с номером телефона:

— Попроси соединить лично с сэром Давидом Таггертом.

— А если он не захочет с тобой разговаривать?

Я усмехнулся:

— Мне кажется, что сэр Давид ответит на любой звонок из Исландии.

— Может быть, просто связаться по радио из хижины?

— Исключено. Слейд может запеленговать звонок, а джип, в принципе, не стоит на месте. Так что Слейд может даже прослушать разговор, но не узнает, откуда его вели.

Некоторое время спустя Элин уже разговаривала со своим приятелем Свенном. Тот первоначально заартачился, но Элин нажала — и Свен обещал соединить ее с Лондоном на протяжении часа. Все складывалось удачно: в четыре часа дня Таггерта было легче всего застать на рабочем месте. Мы сложили вещи и поехали дальше, оставив радиоприемник включенным.

— Чего ты ждешь от разговора с Лондоном? — спросила Элин.

— Таггерт — начальник Слейда, — ответил я. — Он может его отозвать, приказать оставить меня в покое.

— А он станет это делать? Ты ведь должен был передать посылку, но не выполнил задание. Таггерту это может не понравиться.

— Полагаю, Таггерт просто не знает, что здесь происходит. Вряд ли он в курсе того, что Слейд пытался меня убить. Тебя, кстати, тоже. По-моему, Слейд работает самостоятельно и боится ответственности за эту самостоятельность. Вот обо всем этом я и собираюсь спросить у Таггерта.

— А если ты все-таки ошибаешься? Если Таггерт прикажет тебе отдать посылку Слейду?

— Тогда не знаю.

— Наверное, Грэхем был прав. Слейд подумал, что ты переметнулся, согласись, у него были для этого кое-какие основания. И тогда он...

— Послал человека с карабином. Логично.

— Ты просто сглупил, Алан. Тебя ослепила ненависть к Слейду, и теперь ты оказался в очень сложном положении.

Я и сам начинал так думать, но все-таки возразил:

— Я поговорю с Таггертом и все выясню. Если он поддержит Слейда...

Если Таггерт в курсе событий, то я оказываюсь между двумя жерновами: Отделом и пока еще неизвестным противником. А Отдел не любит, когда ломают его планы, так что Таггерт может разозлиться, а это очень серьезно.

Я нажал на тормоз, и Элин резко качнулась вперед.

— Что случилось?

— Хочу выяснить расклад карт до разговора с Лондоном. До-стань-ка консервный нож, проверю посылку.

— А это разумно? Ты сам говорил, что ее лучше не трогать.

— Возможно, ты права. Но если играешь в покер, не зная своих карт, обязательно проиграешь. Так что лучше знать.

Пока я доставал из-под кузова металлическую коробку, Элин уже приготовила консервный нож, из чего я заключил, что любопытство мучило ее не меньше, чем меня.

Коробка была сделана из обыкновенной белой жести, на которой кое-где уже проступили ржавые пятнышки. Я вонзил нож в шов с краю и услышал шипение выходящего воздуха. В ту же минуту меня обожгла жуткая мысль: а если там взрывчатка? Есть такие, у которых детонатором является воздух...

Но ничего не случилось, и через минуту коробка была открыта. Внутри я увидел кусочек блестящего коричневого пластика, нечто вроде радиодетали, которую можно увидеть в любом соответствующем магазине. Я положил "детальку" на ладонь и уныло уставился на нее. Я плохо разбираюсь в электронике, да к тому же она теперь чуть ли не ежедневно обновлялась и развивалась, так что у меня не было шансов самостоятельно разобраться в предназначении этой штуковины.

— Что это? — спросила Элин.

Бедняжка искренне полагала, что я знаю абсолютно все и обо всем.

— Будь я проклят, если знаю! — совершенно искренне отозвался я.

Единственно, что я понимал, это знаки плюс и минус по сторонам детальки и обозначение: 100 вольт, 60 герц.

— Американский вольтаж и частота, — заметил я. — В Англии другие параметры: 240 и 50.

— Так это американское?

— Очень возможно.

Если это присоединить к чему-то и пропустить ток, то произойдет что-то. Но с таким же успехом это могло быть основной частью новейшего компьютера. Или приспособлением для мгновенной варки кофе. Но в этом случае за ним бы так не гонялись. Нет, это было явно произведением сверхсекретной лаборатории, расположенной неизвестно где.

— Скажи, а Майкл всё еще работает на базе в Кефлавике? — задумчиво спросил я.

— Да, — ответила Элин. — Я видела его пару недель назад.

— Он единственный человек в Исландии, который может объяснить, что это за штука, — показал я на загадочную деталь.

— Ты хочешь с ним встретиться?

— Не знаю. Он — представитель американского командования в Исландии, а в детали вполне способен опознать собственность Министерства обороны США. Тогда он будет обязан отреагировать, и я не знаю, как. В любом случае, мне будет сложно объяснить, где я это взял.

Я положил деталь в коробку и закрепил крышку скотчем. Теперь уже не было необходимости прятать ее под днищем машины. И в этот момент нас стали вызывать по радио. Лондон был на связи. Я взял трубку и сквозь помехи услышал тихий голос:

— Давид Таггерт слушает. Это ты, Слейд?

— Я говорю по открытой линии. Будьте осторожны, — быстро отозвался я.

Возникла недолгая пауза, потом Таггерт произнес:

— Понимаю. Кто говорит? Очень плохая связь.

— Это Стюарт, — сообщил я.

Из трубки раздался страшный шум. То ли усилились помехи, то ли Таггерта хватил удар.

— Что это значит, черт побери? — взревел он.

Я вздрогнул и украдкой взглянул на Элин. Похоже, Таггерт не на моей стороне, но нужно было еще выяснить, поддерживает ли он Слейда.

— Я говорил сегодня утром со Слейдом, — продолжал бушевать Таггерт. — Он сказал, что ты... попытался прервать его контракт. Что случилось с Филипсом?

— А кто такой Филипс? — прервал его я.

— О! Ты, наверное, знаешь его как Бухнера. Или Грэхема.

— Вот его контракт я прервал, — сообщил я безмятежно.

— Ты спятил?! — заорал Таггерт.

— Просто я не хотел, чтобы он прервал мой контракт, — пояснил я. — Тут в Исландии дикая конкуренция. Его послал Слейд и...

— Слейд изложил все по-другому.

— Не сомневаюсь, — согласился я. — То ли у него крыша поехала, то ли он вошел в конкурирующую фирму. Кстати, я здесь встретил несколько ее представителей.

— Это невозможно, — отрезал Таггерт.

— Что, представители конкурирующей фирмы?

— Нет, Слейд. Это просто немыслимо.

— Почему немыслимо, если я именно так мыслю? — поинтересовался я.

— Но ты же знаешь его давно. Он прекрасный, проверенный работник.

— Маклин, — начал перечислять я, — Ким Филби, Лонсдейл. Они все были прекрасными, проверенными работниками. Почему вы исключаете Слейда?

Голос Таггерта стал резким:

— Связь открытая, следи за выражениями, Стюарт! Слейд сказал, что товар еще у тебя. Это правда?

— Да, — признался я.

Таггерт тяжело задышал в трубку, но на сей раз сдержался.

— Поезжай в Акурейри, — сухо сказал он. — Слейд тебя там найдет, это я устрою. Отдай ему товар.

— Единственное, что я могу отдать Слейду, — заявление об окончательном увольнении со службы, — отчеканил я. — Грэхем, или как его там звали, такое уже получил.

— Ты отказываешься подчиниться приказу? — с угрозой спросил Таггерт.

— Только если это касается Слейда. Когда он прислал ко мне Грэхема, я был с моей невестой.

Тон Таггерта стал другим.

— Она... Что-нибудь случилось?

— Она ранена, — рявкнул я, наплевав на открытую связь. — Так что уберите от меня Слейда, Таггерт.

По-видимому, Таггерт слишком привык, чтобы его называли сэром Давидом, и забыл свое настоящее имя. Поэтому ему понадобилось время, чтобы проглотить мое очередное хамство. Наконец он приглушенно сказал:

— Ты не хочешь иметь дело со Слейдом?

— Чертовски верно подмечено! Я ему не доверяю.

— А с кем ты согласен работать?

Вот об этом я и не подумал. Да и не знал я уже в Отделе почти никого. Таггерт спросил, не дожидаясь моего ответа:

— Кейс тебя устроит?

Кейса я немного знал и причин не доверять ему у меня не было.

— Хорошо, я готов с ним поговорить.

— Где и когда ты с ним встретишься?

Я прикинул время и расстояние.

— Завтра, часов в пять вечера возле Гейзера.

— Не получится. Мне еще нужно поговорить с ним здесь. Послезавтра, в то же время и на том же месте, идет? Кстати, где ты сейчас?

Я улыбнулся Элин, которая напряженно слушала разговор.

— В Исландии.

Никакие помехи не могли скрыть раздражение Таггерта.

— Стюарт, надеюсь, ты понимаешь, что можешь провалить очень важную операцию. Когда встретишься с Кейсом, он передаст тебе приказ, который ты в точности исполнишь. Это понятно, надеюсь?

— Если только рядом не будет Слейда, — быстро отреагировал я. — Уберите от меня этого типа, иначе ничего не получится. Это понятно, надеюсь?

— Хорошо, — сквозь зубы отозвался Таггерт. — Я отзову Слейда в Лондон. Но ты заблуждаешься относительно него, Стюарт. Вспомни, как он провернул дело с Кенникеном в Швеции.

Словно молния сверкнула у меня в мозгу и осветила ту мелочь, которая тревожила меня все это время.

— Мне нужна некоторая информация. Это нужно для выполнения задания.

— Какая? — с раздражением спросил Таггерт.

— Что есть в деле Кенникена об его отношении к алкоголю?

— Что за idiotские шутки! — снова взревел Таггерт.

— Мне нужна эта информация, — терпеливо повторил я.

Таггерту некуда было деваться, и он это прекрасно понимал. Электронная деталь была у меня, а он не знал, где я нахожусь. Да и информация была не секретная. Поэтому я не ожидал, что Таггерт станет тянуть время. Но он именно так и поступил.

— На это потребуется время. Перезвони мне.

— Теперь вы шутите, — отозвался я. — Вокруг вас огромное количество компьютеров, вам нужно только нажать на клавишу и получить ответ. Так сделайте это, черт побери!

— Ну хорошо, хорошо, — раздраженно ответил Таггерт. — Вот, нашел. Что именно тебя интересует?

— Отношение к алкоголю, — повторил я сквозь усиливающиеся помехи.

— Кенникен — пуританин. Он не пьет, а в результате последней встречи с тобой не интересуется женщинами. Очевидно, ты лишил его последней радости в жизни. Ты бы поостерегся... — В голосе Таггерта, когда он говорил о Кенникене, явственно слышалась ирония. — Насколько мне известно... Кенни... Исландия...

Связь прервалась, и все попытки ее возобновить ни к чему не привели: надвигалась сильная гроза. Но для меня, наоборот, многое прояснилось.

— Я был прав! — воскликнул я. — Этот негодий Слейд!

— В чем дело? — обеспокоилась Элин.

— Дело в том, что нам нужно как можно скорее убираться отсюда. Гроза в горах — это не шутка. Мне бы хотелось встретить ее на равнине.

Глава четвертая

1

Вид на озеро Аскья очень красив, но только не в грозу. Подъехать к нему было невозможно, и я остановил машину сразу за стенкой кратера. Обычным людям, естественно, в голову бы не пришло заезжать в кратер действующего вулкана, но последнее извержение было лет семь тому назад, и теперь следовало ожидать длительного перерыва. Иными словами, мы были в безопасности. Кроме того, мы очень комфортно устроились под нашим походным навесом. На гриле жарились бараньи отбивные, на сковороде — яичница. Пока Элин хлопотала вокруг огня, я проверил, сколько осталось бензина. При хорошей дороге его хватило бы еще надолго, но дороги были скверные, машина просто пожирала бензин, а ближайшая заправка далековато. Словом, должно было хватить до Гейзера, но только в обрез.

— Как плечо? — спросил я у Элин, которая выглядела усталой и напряженной.

— Занемело и ноет.

— Так и должно быть. После ужина сменю повязку. Мне жаль, Элин, что я не смог уберечь тебя от этого.

Она слегка улыбнулась мне:

— Значит, это было невозможно. А почему ты спросил об алкогольных пристрастиях Кенникена? Не вижу в этом никакого смысла.

— Дела давно минувших дней. Когда-то Кенникен работал в Испании, а потом его перебросили во Францию, по-моему, он вообще родился нелегалом. Как бы то ни было, тогда он пристрастился к кальвадосу, местной яблочной водке. Уловила соль? Думаю, что одно время у него развилась сильная алкогольная зависимость, он решил завязать, потому-то Отделу ничего и не известно об этой стороне его жизни.

— Все равно не вижу смысла.

— Сейчас поймешь. Как большинство завязавших алкоголиков, он может не пить месяцами, но в экстремальных ситуациях срывается. А таких ситуаций при нашей с ним профессии... Но есть один нюанс: он никогда не пьет на людях, только тайком. Однажды в Швеции, когда мы были с ним достаточно близки, я пришел к нему без предупреждения и застал его пьяным. Он здорово накачался кальвадосом, а больше он ничего и не

пьет. В тот раз он изрядно наклюкался и сам сообщил мне все эти пикантные подробности. Я уложил его в кровать, ушел и никогда не упоминал об этом случае.

Понимаешь, когда агент, выполнив задание, возвращается в Отдел, эксперты подвергают его дотошному допросу. Так произошло и после моего возвращения из Швеции, но допросы оказались скомканными, и Кенникен так и не попал в официальные отчеты. Подтверждение этому я только что получил.

— Все равно я пока ничего не понимаю, — пожаловалась Элин.

— Сейчас, сейчас, — успокоил я ее. — Когда Слейд приехал ко мне в Шотландию, он рассказал мне, как я ранил Кенникена, и при этом обмолвился, что Кенникен скорее зарежет меня, чем предложит распить с ним бутылку кальвадоса. Откуда, черт побери, Слейд знает про кальвадос? Он никогда не приближался к Кенникену вообще, а факт пристрастия к яблочной водке нигде не значится. Меня долго мучила эта деталь, но сегодня я наконец все вспомнил!

— Очень незначительная деталь, — вздохнула Элин.

— Безусловно. Но она дополняет и скрепляет многие другие детали. Русские забрали посылку и обнаружили, что она липовая. Следовательно, им нужно заполучить настоящую, так? Но кто приходит за настоящей посылкой, пылая праведным гневом? Старый добрый Слейд.

— То есть ты хочешь сделать вывод, что Слейд — русский агент? — уточнила Элин. — Не получается. Ты же сам говорил, что развалил по его приказу сеть КГБ в Скандинавии.

— Слейд все это специально подстроил, — заявил я. — Указал нужное направление и нажал на курок.

— И что? — пожала плечами Элин. — Разве русский агент стал бы так действовать против своих же?

— Слейд теперь большая шишка, — заметил я. — Пост рядом с Таггертом чрезвычайно важен. Он сам мне говорил, что общается даже с премьер-министром. Разве для русских не важно, чтобы их человек занял такое положение?

Элин посмотрела на меня, как на сумасшедшего. Но я не унимался:

— У того, кто придумал эту комбинацию, гениальные мозги. Слейд попадает в центр, точнее, на вершину английских спецслужб, развалив агентурную сеть КГБ в Скандинавии. Что важнее для русских? Между прочим, агентурную сеть довольно легко создать заново, особенно в тихой, нейтральной Швеции... И ведь этот прием применяется неоднократно, вот что интересно! Слейд подсунул меня Кенникену, русские подсунули Слейда Отделу, пожертвовав Кенникеном и его людьми.

— Но это же глупо! — взорвалась Элин. — Зачем Слейду все эти заморочки, если он все равно сотрудничает с русскими?

— Затем, что все должно выглядеть безукоризненно! За операцией наблюдают люди с очень острым зрением, нужна настоящая кровь, а не томатный сок. Никакие подделки тут не проходят. Интересно, а Кенникен догадывается о том, что происходит? Могу поклясться, что нет! Его организация развалилась, а он даже не представлял себе, что все это делается с целью протолкнуть Слейда в наши спецслужбы.

— Ну, это все теории, — заметила Элин. — На самом деле так не бывает.

— Не бывает? О Господи, почитай отчеты в прессе о судебных процессах над шпионами, тогда поймешь, что случаются самые невероятные и странные вещи. Знаешь, почему Роджеру Блейку дали сорок два года тюремного заключения? Потому что он провалил столько наших агентов. Представляешь, что может натворить Слейд на своем посту? Даже подумать страшно.

— Поэтому ты вообще никому не доверяешь, — со вздохом заключила Элин. — Ну и жизнь!

— Все не так безнадежно. До определенной степени я верю — пока! — самому Таггерту. Я почти доверяю Джеку Кейсу, тому человеку, с которым должен встретиться у Гейзера. Но Слейд — это совершенно другое дело. К тому же он допустил целых две ошибки: упомянул про кальвадос и сам приехал за посылкой к Подкове.

— То есть ты доверяешь Таггерту и Кейсу только потому, что они пока еще не ошибались? — фыркнула Элин.

— Видишь ли, я убил Грэхема, нашего агента, и у меня огромные неприятности. Единственный для меня выход из ситуации — это доказать, что Слейд русский агент. Очень кстати, потому что я не перевариваю Слейда.

— А если ты ошибся?

— Я не ошибся, — заявил я с уверенностью, которой на самом деле не испытывал. — У нас был тяжелый день, Элин, но завтра мы отдохнем. А теперь нужно сменить тебе повязку.

Когда я заново перебинтовал Элин плечо, она спросила:

— Ты понял, что хотел сказать Таггерт перед тем, как связь оборвалась?

Мне не хотелось даже думать об этом.

— Полагаю, — осторожно заметил я, — он хотел сообщить мне, что Кенникен в Исландии...

2

Я плохо спал, несмотря на огромную усталость. Меня мучили дурные сны, а я суверен, как и все шотландцы. Но утром взошло солнце, и все изменилось к лучшему, в том числе, и мое настроение. Я сварил кофе для нас с Элин, побрился и решил, что было бы неплохо еще раз поговорить с Таггертом. А до этого — искупаться.

— Поплаваем? — предложил я Элин, указывая на озеро в кратере вулкана.

Она сделала гримаску и двинула плечом:

— Вряд ли у меня это получится. Хотя можно попробовать грести одной рукой. День просто чудесный, Алан, и... — Внезапно Элин осеклась и уставилась на джип за моей спиной.

— В чем дело? — тихо спросил я.

— Антенна. Ее нет на капоте.

Час от часу не легче! Антенна могла оторваться где угодно: по дороге сюда в грозу, когда мы мчались по ухабам и даже здесь: ночью был довольно сильный ветер, а мне сквозь сон чудился звон металла.

— Давай посмотрим вокруг, — предложил я.

Но мы не успели. Я услышал знакомый звук, звук маленького самолета.

— Ложись! — приказал я Элин. — Лежи тихо и не смотри наверх.

Ничто так не бросается в глаза с воздуха, как белое пятно лица. Мы едва успели броситься ничком на землю рядом с машиной, как над нами пронесся легкий самолет. Мне показалось, что это была четырехмоторная "Сессна". Наш джип стоял в окружении скал, и я надеялся, что его могли не заметить. Элин тихо спросила:

— Это нас ищут?

— Очень возможно. Но возможно, просто туристы осматривают окрестности, хотя для них рановато. Они обычно к девяти утра только просыпаются.

Честно говоря, такого поворота событий я не предвидел. Черт побери, Слейд был прав: я действительно утратил былую форму. Следов в этой части вулкана было мало, их вполне можно обнаружить с воздуха и дать по радио нужные указания следователям на земле. Такой огромный джип, как у меня, не слишком часто встречается в Исландии.

Самолет облетел кратер и исчез, но я не двинулся с места. Элин спросила:

— Нас заметили?

— Понятия не имею. И перестань все время задавать мне вопросы, на которые нет ответа. А главное, не двигайся, самолет еще может вернуться.

Я думал совсем о другом. Аскья — уединенное, достаточно глухое место, но у него есть один громадный недостаток — тупик. Если кому-то придет в голову перегородить единственную дорогу отсюда, нам не выбраться даже на этом сверхмощном джипе. И я не строил никаких иллюзий относительно возможности пешего перехода.

— Быстро уезжаем, — объявил я. — Нужно выбираться на основную дорогу, а там видно будет.

— А завтрак?

— Успеется.

Я отвернулся, не желая, чтобы Элин заметила мое отчаяние. Нужно было найти антенну и поговорить с Таггертом, но на это уже не оставалось времени: если нас заметили с воздуха, сюда уже мчится машина с вооруженными людьми.

— К черту антенну, Элин! Поехали!

Через две минуты мы уже ехали от Аскья, и я все время был в напряжении. Но за тот час, что мы провели в дороге, ничего не случилось. Когда мы приехали к развилке на берегу реки, я объявил:

— Вот теперь можно и позавтракать.

— Почему именно здесь?

— Отсюда ведут три дороги в разных направлениях, у нас есть свобода маневра. Если самолет вернется, пусть уж он нас засечет здесь. Не сможет же “Сессна” повиснуть над нами, как вертолет. Улетит, а мы тем временем рванем в противоположном направлении.

Пока Элин готовила завтрак, я осмотрел и почистил трофейный карабин. В пачке было двадцать пять патронов, Грэхем расходовал один, я — три. Значит, оставался двадцать один. Заодно я настроил оптический прицел на расстояние в сто метров, хотя сильно сомневался, что буду стрелять с такого расстояния. Потом положил ружье так, чтобы оно всегда было под рукой, и поймал неодобрительный взгляд Элин.

— А ты бы хотела отбиваться камнями? — саркастически осведомился я.

— Я молчу.

— Молчишь, — согласился я. — Пойду к реке, умоюсь. Крики, когда завтрак будет готов.

Но сначала я поднялся на небольшой холм и осмотрелся вокруг. Чем хороша Исландия: отовсюду хорошо видно вдаль. Не заметив ничего подозрительного, я умылся и отправился завтракать. Элин рассматривала карту.

— Каким путем мы поедем?

— По правой дороге, — отозвался я.

— Ты шутишь? Нам нужно совсем в другую сторону.

— Именно поэтому и поедем по правой дороге. — Я кратко объяснил свой план Элин и улыбнулся: — Надеюсь, там не будет полиции, чтобы оштрафовать тебя за нарушение правил.

Она только вздохнула:

— Не будет и “Скорой помощи”, если с нами что-нибудь случится.

— Я осторожный водитель. Но ты теперь увязла во всем этом не меньше меня, так что имеешь право голоса. Что, по-твоему, мне следует делать?

— По-моему, ты решил все правильно. Нужно встретиться с тем человеком у Гейзера и отдать ему это... Чем бы оно ни было на самом деле.

— А если кто-нибудь попытается нас остановить?

— Если это будет Слейд, отдай ему посылку. А если Кенникен... — Она отрицательно помотала головой.

Я прекрасно понимал ход ее мысли. Со Слейдом мы еще могли разойтись мирно, но с Кенникеном — вряд ли. Значит, обязательно прольется чья-то кровь, не исключено, что моя.

— Хорошо, — беспощадно продолжал я, — допустим, это Кенникен. И что мне тогда делать?

— Ты ведь захочешь... убить его.

Я взял ее за руку.

— Элин, пойми, я не убиваю людей ради забавы. Обещаю тебе, что если это произойдет, то только в ходе самообороны, только если твоя или моя жизнь будет в опасности.

— Извини, Алан. Просто мне еще не приходилось сталкиваться ни с чем подобным. Это из какой-то иной жизни.

— Знаешь, я подумал, что, возможно, все-таки ошибаюсь. Неправильно оцениваю ситуацию...

— Нет, — решительно прервала меня Элин, — твоя оценка Слейда абсолютно правильная. У тебя против него очень серьезные улики.

— И все-таки ты хочешь, чтобы я отдал ему посылку?

— А зачем она мне? Или тебе? Пусть забирает и даст нам возможность спокойно жить.

— Это было бы неплохо... если бы могло быть.

— Поехали, нам пора.

3

Дорога становилась хуже буквально с каждым метром. Самое скверное заключалось в том, что это была дорога с односторонним движением. Я не ехал, а полз, и молил Бога только о том, чтобы никто не поехал мне навстречу. Когда мы наконец достигли безопасного места и остановились, я был абсолютно мокрым от пота.

— Давай я поведу? — предложила Элин.

— У тебя болит плечо, — покачал я головой. — Кроме того, за каждым поворотом может оказаться встречная машина.

— Я могу пойти вперед, — сказала Элин. — Буду следить за поворотами.

— Это займет уйму времени, а нам еще очень долго ехать.

— Свалиться вниз будет еще хуже. Ты все равно еле-еле едешь. Вот что: я встану на передний бампер, а перед поворотами буду соскакивать и смотреть.

— Плечо...

— Оно тут вообще ни при чем!

Элин удалось настоять на своем. На одном из поворотов она вдруг подняла руку, но показала не вниз на дорогу, а вверх, на небо. Я затормозил и поднял голову: высоко в лучах солнца поблескивал вертолет, который быстро приближался к нам.

Мы спрятались за джипом, но я понимал, что машина на скале — великолепная мишень для вертолета. Я сжимал в руке карбин, прикидывая все возможные варианты развития событий. Вертолет снизился, покружил над нами, потом вдруг набрал высоту и стал удаляться. Я выглянул из своего убежища и увидел на борту вертолета надпись "NAVY". И... вздохнул с облегчением.

Если и было место, где Кенникен точно не мог находиться, так это вертолет военно-воздушных сил США.

— Все в порядке, можешь вылезать, — сообщил я Элин.

Вертолет вернулся, но это меня уже не пугало. Открылась дверца, высунулся человек в белом шлеме и, держась одной рукой за скобу, стал делать другой рукой какие-то странные знаки: круговые движения. Потом прижал кулак к уху, и Элин воскликнула:

— Он хочет, чтобы мы позвонили по телефону!

Я бы тоже хотел, но пока это было нереально. Поэтому я указал на то место на капоте джипа, где должна была быть антенна, и красноречиво развел руками. Вертолетчик кивнул, забрался обратно в кабину, захлопнул дверцу, и вертолет улетел уже окончательно.

— Ну, и что все это значит? — спросил я то ли Элин, то ли себя.

— Думаю, они хотят поговорить с тобой. Наверное, сядут где-нибудь дальше на дороге.

— Возможно, ты права. Тогда мы добрались бы до Кефлавика с определенным комфортом. Только никто не говорил мне, что в этом участвуют американцы.

— В чем — в этом?

— Не знаю, черт побери! Хотел бы знать, но не знаю. Так что поехали пока дальше.

Через несколько километров дорога наконец стала лучше, и Элин села в машину. Очень вовремя: она здорово устала от своих прыжков. Я решил, что теперь можно остановиться, выпить горячего кофе и отдохнуть. Это была моя серьезная ошибка, но понял это я лишь пару часов спустя.

Мы выпили кофе, отдохнули и, не торопясь, поехали дальше. Дорога привела нас... к полноводной реке, которой не было на карте. Я забыл про шуточки ледника, который может превращаться в реку, озеро — да во что угодно. Нужно было переехать это место хотя бы час тому назад, а теперь время было безнадежно упущено.

— ...шестнадцать рек, — услышал я конец фразы Элин.

— Что?

— До Гейзера нам осталось проехать шестьдесят километров и пересечь при этом шестнадцать рек.

— О Господи!

Никогда я не торопился, путешествуя по Исландии. Возникали препятствия — останавливался и ждал благоприятного

момента, чтобы их преодолеть. Но теперь я не мог себе позволить такой роскоши.

— Поехали, — решительно сказал я.

— Ты сошел с ума! До вечера это просто нереально. Тогда вода пойдет на спад и...

— До вечера еще надо дожиться, — оборвал я ее. — Я чувствую опасность, причем оттуда, откуда мы только что приехали. Предпочитаю, чтобы между нами и ею была хотя бы одна река.

В принципе, я рассчитал правильно, мы еще успевали. Правда, на середине реки мне показалось, что наш джип вот-вот унесет стремительным потоком, но обошлось. Еще десять минут — и переправу можно будет осуществить только на амфибии.

Элин сидела белая, как полотно, но молчала. Я доехал до следующей реки, в двух километрах от первой, и понял, что наше путешествие на сегодня закончено. Второй раз рисковать было еще опаснее, чем в первый, да и река была глубже. Я выключил мотор и сказал:

— Все, отдыхаем до рассвета. Завтра поедем дальше. Как твое плечо?

— Боюсь, не очень хорошо, — призналась Элин.

Рана действительно воспалилась, но нагноения пока еще не было, значит, инфекция не попала. И то хорошо!

— Такая царапина очень болезненна, — заметил я, осторожно накладывая свежую повязку.

— У тебя так было?

— Однажды мне оцарапало ребра. Наверное, ты заметила шрам. Но у тебя хуже, потому что рука почти все время в движении. Нужно бы держать ее на перевязи. Вот, подвяжи ее шарфом и сиди спокойно, а я займусь ужином.

Ужином я занялся не без удовольствия, поскольку, во-первых, проголодался, а во-вторых, решил, что сейчас как раз тот момент, когда можно побаловать себя всякими деликатесами. У меня был припасен суп из омаров, жареные куропатки и груши в коньяке, пусть консервированные, но очень вкусные.

К концу ужина Элин раздумянулась и повеселела. Приступая к кофе, она вздохнула:

— Совсем как в прежние времена, Алан.

— Верно, — лениво отозвался я. — Мне тоже так подумалось. Попробуй уснуть, завтра нам рано вставать.

Я рассчитывал, что к трем часам утра будет уже достаточно светло, а реки окажутся минимальной глубины. Я достал бинокль.

— Куда ты? — тут же спросила Элин.

— Просто хочу как следует осмотреться перед сном. А ты ложись.

— Я действительно хочу спать, — зевнула Элин.

В последнюю минуту я подчинился интуиции и прихватил карабин. Элин этого не заметила, она уже дремала.

Сначала я осмотрел реку, через которую нам предстояло переправиться. Из воды кое-где торчали мокрые камни, из чего я сделал вывод, что уровень действительно опускается. Значит, и на остальных реках происходит то же самое. Тогда я повесил карабин на плечо и отправился к той реке, которую мы успели переехать. Все было абсолютно тихо и спокойно, так что я расслабился, сел возле заросшего мхом камня и закурил.

Больше всего сейчас меня беспокоило плечо Элин. Доктор был ей безусловно нужен. Конечно, придется объяснить происхождение огнестрельной раны, но это уже мелочи.

Я просидел пару часов, размышляя над ситуацией. Меня смущал американский вертолет, потому что он не входил ни в одну версию. Головоломка решительно не складывалась, опять появился лишний кусочек. Я глянул на часы, поднялся и вдруг заметил легкий дымок на другой стороне реки. В бинокль я увидел маленький автомобиль, поднимающий облачко пыли. При ближайшем рассмотрении это оказался "виллис", машина, вполне пригодная для езды по скверным дорогам.

Автомобиль затормозил у самой воды, щелкнула дверца, вышел человек. Он дошел до воды, посмотрел на нее, потом повернулся к машине и что-то сказал водителю. Слов я не мог разобрать, но понял, что человек говорил не по-немецки и не по-английски. Он говорил по-русски.

Водитель вышел из машины, тоже посмотрел на реку и отрицательно покачал головой. К нему присоединились еще двое, похоже, начался спор, потом подъехал еще один джип, из него вышли четверо. Теперь на противоположном берегу реки было восемь человек, но тот, который вышел первым, вел себя как начальник. Я снова поднес к глазам бинокль и внимательно вгляделся в лицо этого человека.

Элин ошибалась: наш риск не был неоправданным. В бинокль отчетливо виднелся шрам, шедший от правой брови к уголку рта. Это лицо мне хорошо знакомо, только волосы, когда-то черные, теперь были абсолютно седыми. Мы с Кенниконом постарели на четыре года, но я, пожалуй, сохранился лучше, чем он.

Глава пятая

1

Я схватился за карабин, но тут же опомнился. Освещение становилось все хуже, у карабина не было привычного для меня приклада, да я вообще из него слишком мало стрелял. Расстояние до Кенникона было не меньше трехсот метров, и попадание могло быть только случайным.

Из своего обычного ружья я бы Кенникона, конечно, пристрелил. А сейчас я бы только обнаружил свое присутствие, а Кенникону пока лучше о нем не знать. Так что я перевел дыхание и продолжил наблюдение.

Спор быстро прекратился: Кенникен не любил пустой болтовни, он признавал только факты и сейчас именно так и поступил. Я невольно усмехнулся, потому что факты говорили в мою пользу. На том берегу реки сохранились следы колес нашего джипа, а на противоположном берегу их не было. Обычный человек предположил бы, что нас унесло течением, но я хорошо знал Кенникена, он обязан был все дотошно проверить.

Так и вышло: четверо людей сели в машину и поехали вдоль реки по течению. Логика Кенникена была безупречной: там находилась группа небольших озер, и именно там мы и должны были оказаться, если нас унесло течением. Экипаж другой машины стал разбивать лагерь. Я тихо отполз в сторону и пошел к нашему джипу. Вряд ли Кенникен прикажет кому-то из своих людей переплыть реку и проверить противоположный берег, но я тоже должен был предусмотреть все до мелочей. В том числе, и наличие следов шин, которые могли бы привести напрямик к нашей ночевке.

Элин крепко спала, и я не стал ее беспокоить. Нашел моток черных ниток, вернулся на дорогу и протянул нитку поперек нее. Если Кенникен ночью будет тут проезжать, я должен знать об этом. Потом пошел к реке, через которую мы собирались переправиться на рассвете. Уровень воды быстро падал, можно было бы ехать сейчас, но для этого пришлось бы включить фары, а рисковать я не хотел. Поэтому улегся, не раздеваясь, возле Элин, а наручные часы поставил на два часа утра. Думал, что не усну, но мгновенно провалился, очнулся от тонкого писка над ухом. Это был мой будильник.

2

Через пятнадцать минут мы были готовы. Я проверил нитку: цела, значит, никто тут не проезжал. Короткая северная ночь подходила к концу, теперь мне нужно было во что бы то ни стало опередить Кенникена и пересечь еще одну реку. Но Элин внезапно заартачилась.

— Почему бы не переждать здесь? Пусть он проедет вперед. Ему потребуется довольно много времени, чтобы понять, что он гонится за призраком.

— У него две машины, — возразил я. — Мы можем оказаться как раз между ними, а это, мягко говоря, опасно.

Мне удалось быстро и довольно бесшумно завести джип, через реку переправились без приключений, а на протяжении следующего часа преодолели еще две водные преграды поменьше. Дальше шел довольно длинный отрезок ровной дороги, и я прибавил скорость, не заботясь о шуме двигателя. Позавтракали мы на ходу, потому что я знал: Кенникен уже гонится за нами. Хлеб с сыром и пиво можно было проглотить, не устраивая никаких привалов, так мы и сделали.

Через некоторое время все-таки пришлось остановиться, чтобы долить в бензобак горючее, и тут появился наш знакомый вертолет. Но на сей раз он не снижался, просто пролетел над нами и скрылся за грядой холмов. Элин проводила его взглядом и нахмурилась:

— Странно...

— Более чем странно. Американские вертолеты не часто летают над Исландией, ты это знаешь лучше меня. Слишком много недовольных этим, слишком велика вероятность политических осложнений. И тем не менее...

Мы снова двинулись вперед. Оставалось пересечь последнюю реку, после чего начиналась ровная дорога. Здорово мешала грязь: в июне, когда тает снег и лед, она бывает самой вязкой, но мы исхитрились ни разу не забуксовать. И тут случилась очередная неприятность: лопнула передняя шина.

Пришлось срочно менять колесо, причем делал я все это сам, у Элин слишком болело плечо, и она ничем не могла мне помочь. Впрочем, я довольно быстро управился, а когда хотел положить испорченное колесо в багажник, то увидел такое, от чего буквально похолодел, несмотря на теплое утро: в шине зияла большая дыра с рваными краями. Такое могла проделать только пуля. И стрелок был где-то недалеко, на одном из скалистых холмов вдоль дороги, с каждого из которых все отлично просматривалось.

3

Как, черт побери, Кенникен смог меня опередить? Это было первым, что промелькнуло у меня в мозгу. Но времени на размышления не оставалось, нужно было действовать.

Я стал укладывать колесо в багажник, но краем глаза наблюдал за грядой холмов и прикидывал, где мог находиться снайпер. Получалось, что на расстоянии около четырехсот метров или более того, а тот, кто всадил оттуда пулю в колесо движущейся машины, несомненно был профессионалом. Следовательно, в любой момент он мог пристрелить и меня. Так почему же он этого не сделал? Я был как на ладони, попасть в меня было легче, чем в мишень в тире. Так почему?

Кенникен все-таки заманил меня в ловушку. Что ж, при наличии радиосвязи это не так уж и сложно. Значит, я нужен ему пока живым. Я испытал сильное искушение завести машину и попытаться ехать дальше, но скорее всего мне просто продырявили бы другую шину, а больше запасок у нас не было. Так что я потихоньку достал из-под сиденья дубинку Малькольма, сунул ее под куртку и предложил Элин:

— Давай попьем кофе на воздухе.

— Я полагала, что мы торопимся, — изумленно ответила Элин.

— Мы пока в графике, так что можем позволить себе небольшую передышку. Я возьму кофе и сахар, а ты захвати чашки.

Мне страшно хотелось прихватить заодно и карабин. Но это выглядело бы неестественно: ничего не подозревающий человек не станет вооружаться до зубов, чтобы выпить кофе.

Я помог Элин выбраться, потому что рука у нее все еще была на перевязи, и кивнул в сторону ближайших скал:

— Пойдем туда.

В одной руке у меня был кофейник, в другой — пачка с сахаром, так что мой вид мог усыпить бдительность любого наблюдателя. А нож за голенищем ботинок и дубинка под курткой не должны быть заметны. По дороге я подумал, что наш приятель наверху сейчас потеряет нас из виду и занервничает, а когда человек нервничает, он начинает делать ошибки. Например, может высунуться, чтобы разглядеть нас.

Я обернулся, как бы для того, чтобы окликнуть Элин, но на самом деле, чтобы бросить короткий взгляд наверх. Никого не было видно, но я заметил какой-то мимолетный отблеск. Я запомнил место вспышки и больше туда не смотрел, сел под скалу, поставил на землю кофейник и сахар и достал из-за голенища нож.

— Что ты делаешь? — с изумлением спросила подошедшая ко мне Элин.

— Не показывай виду, — быстро ответил я, — но наверху в скалах сидит какой-то тип, который продырявил нам шину.

Элин уставилась на меня непонимающими глазами.

— Сейчас ему нас не видно, но это для него ничего не значит. Он должен был только задержать нас до прибытия Кенникена, и он прекрасно справляется с этой задачей. Пока джип на месте, мы никуда не денемся.

— Ты уверен? — спросила Элин, опускаясь рядом со мной на колени.

— Абсолютно. Я видел прокол, да и шина была совершенно новой. Хочу выманить этого подонка. Кажется, я знаю, где он прячется. Ты иди вон туда, к расщелине, заберись в нее и жди. Не двигайся, пока не услышишь мой голос, да еще убедись, что это действительно я.

— А если ты не вернешься? — бесцветным голосом спросила она.

Я слегка усмехнулся и продолжил свой инструктаж:

— В этом случае, если не произойдет ничего чрезвычайного, сиди в расщелине до наступления темноты, потом беги к джипу и сматывайся. Если появится Кенникен, вообще ничего не делай, затаись и все. Но я постараюсь вернуться.

— А тебе обязательно нужно туда идти?

— Мы застряли здесь, Элин, — вздохнул я. — Пока этот тип держит джип под прицелом, мы никуда не сможем двинуться. И вообще, что ты предлагаешь? Подождать Кенникена и сдать его ему?

— Но ты не вооружен.

Я похлопал по рукоятке ножа.

— Ничего, как-нибудь справлюсь. А теперь делай, как я сказал.

Я проводил ее до расщелины. Места там было немного, ей пришлось свернуться в клубок. Но есть вещи похуже, чем сидеть скорчившись. А сам начал подниматься на скалы, стараясь остаться незаметным. Наконец я решил, что уже нахожусь выше своего противника, поэтому высунулся из-за скалы и осмотрелся.

Далеко внизу вилась дорога, на ней виднелся крохотный джип. А чуть ниже меня и правее было место, где прятался снайпер. Он был почти скрыт большими валунами, зато и я не попадал в поле его зрения. Я мог бы подойти к нему ближе, но должен был узнать, сколько там людей: или стрелок один, или с ним дюжина вооруженных парней. Поэтому я очень медленно пополз туда, ежеминутно останавливаясь и проверяясь.

Их было двое. Один лежал на животе, а перед ним было ружье, приклад которого опирался на камень, покрытый сложенной курткой. Второй стоял над ним с рацией в руках и незажженной сигаретой во рту. С одним я мог бы легко справиться, но вот с двумя, да еще и без ружья...

Снайпер вел себя спокойно, как настоящий охотник. Он почти не шевелился. Зато второй переминался с ноги на ногу, то и дело почесывался и перекладывал рацию из одной руки в другую без всякой необходимости.

Вдруг я увидел, как что-то задвигалось внизу. Снайпер тоже это заметил, его плечи напряглись. Я пригляделся — это была Элин! Она вышла из своего укрытия и направлялась к джипу.

Я чуть было не выругался вслух. Какого черта она там творит! Если бы снайпер нажал на курок, я разорвал бы подонка голыми руками. К счастью, он не торопился: с его отменной оптикой он гораздо лучше видел, что затеяла Элин. А она подошла к джипу, забралась в него, через несколько секунд вылезла и снова направилась к скалам. На полдороге она закричала что-то и подбросила в воздух какой-то предмет, скорее всего, пачку сигарет. Мысленно я извинился перед Элин: она все сделала правильно, она создала впечатление того, что я нахожусь на прежнем месте под скалой. Снайпер расслабился, повернулся к своему напарнику и что-то ему сказал. Тот расхохотался.

Через пару минут выяснилось, что у них барахлит рация. Мужчина тербил антенну, нажимал на кнопки, но безрезультатно. Тогда он махнул рукой куда-то в сторону и вверх, повернулся и пошел в этом направлении. Я понял, что он хочет подняться повыше и попытаться там наладить связь.

Он шел прямо на меня, так что я спрятался за подходящий большой валун и подождал, пока он его минует. После этого поднялся и со всей силы обрушил сзади на его голову дубинку. Он молча свалился мне под ноги, так и не выпустив изо рта

свою сигарету, и отключился, похоже, надолго. Я ощупал его карманы и вытащил автоматический пистолет "Смит и Вессон" 38 калибра. Точно такой я забрал у Малькольма. Проверил, все ли патроны на месте, и поставил пистолет на предохранитель.

Лежавший у моих ног человек вряд ли мог представлять опасность, даже если бы очнулся. Теперь нужно было заняться снайпером. Он по-прежнему не отрывался от прицела. Я быстро пошел к нему, держа в руке пистолет, но он даже не обернулся на звук моих шагов, только спросил:

— Что-нибудь забыл, Джо?

У меня буквально отвалилась челюсть. Я предполагал, что это будет русский, но никак не ожидал встречи с американцем. Впрочем, у подонков национальности не бывает. Я приказал:

— Повернись, но ружье не трогай, иначе пристрелю.

Он повернул голову, и я увидел узкое загорелое лицо с яркими голубыми глазами. Типичный герой дешевого боевика.

— Будь я проклят! — сказал он.

— Обязательно будешь, — утешил его я. — Особенно если не уберешь руки от ружья. Руки в стороны, быстро!

Он посмотрел на мой пистолет и нехотя подчинился. Находясь в таком положении, довольно трудно быстро встать на ноги.

— Где Джо? — спросил он.

— Прилег отдохнуть.

Я подошел к нему вплотную и приставил пистолет к затылку. Он вздрогнул, но это еще не значило, что он испугался: я реагирую также, когда Элин целует меня в затылок.

— Только не дергайся, — посоветовал я и поднял ружье.

Это было нечто! Потрясающая оптическая система с тридцатикратным увеличением и система наведения. Фантастика, а не оружие! Я выпрямился и прижал дуло к спине лежащего.

— Ты чувствуешь свое ружье, правда? Догадываешься, что случится, если я нажму на курок?

По его виску покатила тонкая струйка пота. Кажется, он все понял.

— Где Кенникен? — спросил я.

— Кто?

— Не будь идиотом! Еще раз спрашиваю: где Кенникен?

— Не знаю такого.

— А ты подумай.

— Говорю тебе, что не знаю. Я только выполнял приказ.

— Стрелять в меня?

— В твою машину. Ты ведь цел и невредим, правда?

— Так тебе было приказано остановить меня? Допустим. А потом?

— Это все.

Я плотнее прижал дуло к его спине.

— Подумай еще.

— Подождать, пока кто-нибудь покажется, а потом уходить.

— Кто — кто-нибудь?

— Мне не докладывают.

— Как тебя зовут?

— Джон Смит.

— Вот что, Джонни, — улыбнулся я, — ползи назад, но очень, очень медленно.

Он стал двигаться, извиваясь всем телом, но я уже понял, что продолжать допрос бессмысленно. Я держал в руках его документы: американский паспорт на имя Джорджа Флита, пропуск на военно-морскую базу в Кефлавике и разрешение свободно передвигаться повсюду, куда обычным людям даже подходить не рекомендуется. А мне надо было уходить.

Я положил трофейный пистолет в карман, предварительно разрядив его. Предохранители крайне ненадежны, я сам знаю массу случаев, когда люди погибали из-за этих приспособлений. Они уместны только в телевизионных сериалах. Потом проверил карманы Джо, который все еще отдыхал. Правда, он был вовсе не Джо, если верить документам, а Патриком Маккарти. Впрочем, он больше походил на итальянца, чем на шотландца. Хотя... документы нужны для честных людей.

У Маккарти я конфисковал два полных барабана для револьвера. У меня составилась уже целая коллекция оружия — совсем неплохо для небольшой вылазки. Следующим экспонатом теоретически уже мог оказаться пулемет. Но теперь мне было важнее выяснить, с кем собирался связываться по радиации Маккарти, когда я так неучтиво его остановил.

Я взобрался еще метров на двести выше — и замер от изумления. На поляне, примерно в полукилометре от меня, стоял желтый американский военный вертолет, а возле него мирно беседовали два человека: один военный, а другой — штатский. Я поднял конфискованное ружье и поставил увеличение прицела на максимум: военный меня мало интересовал, мне хотелось ближе взглянуть на лицо штатского. Оно мне не было знакомо, но на всякий случай я постарался его хорошенько запомнить. Напоследок я бросил взгляд на дорогу, чтобы убедиться, нет ли поблизости Кенникена, и увидел, что его отделяет от меня каких-нибудь пятнадцать минут пути: по дороге медленно ехал черный “виллис”.

Я стрелой помчался к Элин. Едва услышав мой голос, она выскочила из расщелины и повисла у меня на шее, плача и смеясь одновременно.

— Скорее, — прервал я столь не свойственное ей выражение эмоций. — Кенникен уже совсем близко!

— Кофейник! — всполошилась Элин. — Мы про него забыли!

— Ну и черт с ним!

Женщины все-таки забавные существа: в такой момент думают о домашней утвари. За тридцать секунд я втолкнул Элин в джип, вспрыгнул туда сам, завел мотор и рванул с места. Я ехал быстро, но одновременно осторожно: малейшая неточность могла привести к поломке джипа, а это означало конец всей игры, причем счет был бы явно не в нашу пользу.

Мы подъехали к последней реке, и тут навстречу нам попала какая-то машина. С одной стороны, это было скверно: Кенникен мог остановить ее и поинтересоваться, не встречался ли им джип-внедорожник. Пока он гнался за нами практически наугад. С другой стороны, появление машины означало, что паром находится на этой стороне реки, и нам не придется тратить время на его ожидание.

Собственно, тут был даже не паром, а платформа, которую перетягивают с берега на другой при помощи каната. Путешественники должны делать это сами, никаких паромщиков не предусмотрено, поэтому нужно иметь сноровку и крепкие нервы: переправа таким образом не самое безопасное средство передвижения.

Но мы с Элин переправились благополучно, после чего я остановил машину на безопасном расстоянии от переправы и бегом вернулся, чтобы проделать кое-какие действия с канатом и лебедкой. Чувствовал я себя на открытом месте очень неудобно, но и тут все обошлось, так что я довольно быстро вернулся к Элин и сказал:

— Теперь этому подонку придется все-таки остановиться.

— Ты трогал канат! — возмущенно воскликнула Элин. — Но это запрещено!

Прелестно! Стрелять в меня можно, а портить общественную собственность — Боже упаси! Ох, уж эти законопослушные исландцы!

— Я бы испортил его, но у меня на это не хватит сил, — усмехнулся я. — Просто закрепил платформу цепью на нашей стороне, вот и все. Кенникен застрянет там до тех пор, пока кто-нибудь отсюда не решит переправиться на тот берег. Когда это будет — неизвестно, движение тут не слишком оживленное. А теперь сиди здесь и жди меня.

Я достал из багажника цепи для колес, рассудив, что до зимы они мне вряд ли понадобятся, а сейчас от них будет хоть какая-то польза. К тому же до зимы вообще еще нужно было дожить. Цепь невозможно завязать узлом, и мне пришлось порядком потрудиться, прежде чем я закрепил их на лебедке переправы. Зато теперь эту связь можно было разрезать только с помощью автогена. И когда я закончил работу, на той стороне реки появилась машина Кенникена. Вот тут и началось самое смешное.

Я спрятался за платформой, так что заметить меня с той стороны было невозможно. Кенникен внимательно прочитал инструкцию по переправе и приказал своим людям перетянуть плат-

форму к ним. Она дернулась — и застряла, я потрудился на славу, да и цепи были очень прочными.

Один из людей Кенникена побежал вдоль реки, чтобы посмотреть сбоку, что держит платформу на месте. Он все увидел, точнее, увидел меня. И тут же начал палить из пистолета. К стрелку присоединились его приятели, одна пуля подняла облачко пыли в двух шагах от меня, и я решил ретироваться. Они вполне могли случайно попасть в меня, а это никаким боком не вписывалось в мои планы.

Элин стояла у джипа и напряженно прислушивалась к звукам выстрелов.

— Все в порядке, — утешил я ее и вытащил ружье Флита. — Это была разминка, а сейчас попробую развлечься по-настоящему.

— О Господи! — с отвращением простонала Элин. — Сколько можно убивать!

— Элин, эти ребята с той стороны реки только что хотели меня пристрелить, — жизнерадостно сообщил ей я. — И они наверняка повторят попытку. Я убивать не собираюсь, только приторможу. Кстати, парня, которому принадлежало это ружье, я тоже не убивал.

Подойдя к реке, я нашел подходящее укрытие и стал наблюдать оттуда, как Кенникен и его команда безуспешно пытаются наладить переправу. Потом мне это занятие надоело, я взял ружье и посмотрел в оптический прицел. Убивать я не собирался, но только потому, что нельзя будет избавиться от трупов, а это неправильно, потому что вызывает массу ненужных вопросов у властей.

С другой стороны, раненого русского уберут с места события мгновенно. Отвезут на какой-нибудь траулер, околачивающийся поблизости. Ей-Богу, у русских больше траулеров, которые не ловят рыбу, чем у любого другого государства в мире. Справятся, не в первый раз.

За тридцать секунд я сделал пять выстрелов. Первая пуля попала в ногу мужчине, который стоял около машины. Он с воплем рухнул на землю: теперь всю жизнь будет хромать, и то если его достаточно быстро доставят в больницу. А если опоздают, то хромать не будет: с одной ногой это невозможно. Следующие две пули я всадил поочередно в передние колеса машины. Никогда еще не держал в руках такого замечательного оружия! Еще две пули я послал точнехонько в радиатор, так что погоня в ближайшее время представлялась мне маловероятной.

— Потрясающее ружье! — сообщил я Элин, вернувшись к джипу.

— По-моему, я слышала крики.

— Возможно. Но я никого не убивал, просто внес кое-какие изменения в их машину. Поехали. И поведи немного ты, я что-то устал.

Глава шестая

1

Мы, наконец, выехали на основную магистраль, да к тому же в достаточно населенной части страны. Теперь погоня за нами осложнялась еще и наличием свидетелей, не говоря уже о полиции. Так что Элин с удовольствием прибавила скорость.

— Куда теперь? — спросила она.

— Туда, где можно спрятать эту машину, — отозвался я. — Она слишком приметная. Есть предложения?

— Есть друзья неподалеку. Ты помнишь Гунара?

— С которым ты встречалась до меня?

— Это было давно, — улыбнулась Элин. — Мы по-прежнему друзья, да к тому же он теперь женат.

— Хорошо, — согласился я. — Поехали к нему. Да, и спасибо тебе за то, что ты придумала там, на дороге. Глупо, но сработало.

— Я просто хотела их отвлечь, — объяснила Элин.

— Это тебе удалось, заодно ты и меня отвлекла. Ты что, не понимала, что находишься на мушке, а курок в любую минуту может быть спущен?

— Мне было тревожно, — призналась она и вздрогнула. — А что там произошло?

— Устроил головную боль паре мужиков, вот и все. Один из них отправится лечиться в госпиталь в Кефлавике.

— В Кефлавике? — с изумлением спросила Элин.

— Да, они американцы, — подтвердил я и рассказал ей все. — Пытаюсь разобраться в этом, но пока безрезультатно.

— Но это же абсурд, — помолчав, отозвалась Элин. — Ты уверен? Зачем американцам сотрудничать с русскими?

— Американцы, точно. Один уж во всяком случае. Со вторым я просто не успел поговорить.

— Может быть, сочувствующие? Какие-нибудь туристы?

— Тогда они выбрали не тот маршрут. Турист с документами военного? Плюс вертолет. Такой глупости мне еще не доводилось слышать.

— У тебя есть другое объяснение?

— Только то, что американскую базу в Кефлавике захватил русский десант. Не мог же Кенникен позвонить американцам и сказать: "Послушайте, парни, я тут ловлю английского шпиона, одолжите мне вертолет и парочку снайперов". Но, возможно, это сделал кто-то другой.

— Кто?

— Например, человек из Вашингтона по имени Хелмс. Ему не станут возражать, только возьмут под козырек, потому что он возглавляет ЦРУ.

— А ему это зачем?

— Откуда, черт побери, я знаю? Но это, по крайней мере, логичнее, чем русские в Кефлавике. Тот парень, у которого я за-

брал ружье, сказал, что им было приказано только задержать нас, а потом можно убираться восвояси. Я правда не спросил его, должен был он встретиться с Кенниконом, или, наоборот, не имел права это делать?

— А ты уверен, что за нами гнались русские? То есть действительно ли это был Кенникен?

— Его лицо я никогда не забуду, — мрачно сказал я. — К тому же у реки ругались по-русски.

— А если предположить такой вариант? — медленно начала Элин, и я почти увидел, как у нее в мозгу завертелись колесики. — Слейд тоже гонится за нами, и именно он попросил американцев о помощи, но не знал, что Кенникен его опередил на этой дороге. Американцы же должны были задержать нас до приезда Слейда.

— Маловероятно, — упорствовал я. — Во-первых, Слейд мог просто попросить американцев нас задержать, а не устраивать заваруху со снайперами в скалах. А во-вторых, у Отдела достаточно прохладные отношения с ЦРУ. Нет, не получается.

— Моя версия более разумна, — продолжала настаивать Элин.

— По-моему, разум тут и не ночевал, — буркнул я. — Во всей этой истории нет ни капли здравого смысла. Слейд вполне мог бы еще раз встретиться со мной, но его должен был удержать Таггерт. Кенникен из кожи вон лезет, чтобы меня схватить, а тут появляются американцы. Кого теперь ждать? Солдат бундесвера или агентов Моссасада? Я уже ничему не удивляюсь, меня только одно беспокоит...

— Что именно?

— Допустим, завтра я отдам посылку Кейсу. Но разве это защитит меня от Кенникена? Ведь Кейс не станет сообщать ему, что теперь нужно гоняться за ним, чтобы получить эту штуковину. А Кенникен, если схватит меня, разозлится еще больше, потому что не сможет получить посылку. Положение — хуже не придумаешь.

Я не сказал Элин, что вовсе не собирался отдавать посылку кому бы то ни было. Я не собирался сам привязывать камень себе на шею, чтобы меня можно было быстрее утопить.

2

Лаугарватен — это образовательный центр, куда съезжают дети из довольно обширного сельского района Исландии. Причем система образования в этой стране устроена довольно своеобразно: поскольку плотность населения крайне мала, а расстояния между населенными пунктами все-таки большие, дети обучаются в интернатах. Две недели в школе, две недели дома, и так круглый год, за исключением лета, когда интернаты превращаются в мотели для туристов.

В Лаугарватене к тому же начали разводить пони, и это привлекает туда множество туристов. Так что Гунар зимой работает учителем, а летом занимается исключительно пони. Очень удобно. Когда мы приехали, сам Гунар отсутствовал, и нас приняла его жена Сигурлин, которая поразилась, увидев Элин с рукой на перевязи.

Возможно, Сигурлин слышала обо мне, но явно не все. Правда, она подозревала, что мы с Элин скоро поженимся, но это и мне уже приходило в голову. Скажу больше, если бы не Кенникен, мы бы отпраздновали свадьбу уже этим летом, но сейчас это было явно не ко времени.

Я поставил джип в пустой гараж Гунара и вздохнул с облегчением, а надежно спрятав свою маленькую коллекцию оружия, вообще почувствовал себя превосходно. Но когда я вернулся в дом, Сигурлин тут же приступила ко мне с вопросами.

— Что у Элин с плечом?

— А разве она вам не сказала? — осторожно задал я встречный вопрос.

— Сказала, что упала на острую скалу во время прогулки.

По виду Сигурлин было ясно, что подобный ответ ее не удовлетворил. Действительно, огнестрельную рану трудно спутать с обычной травмой, даже если ты не специалист.

— Спасибо, что приютили нас, — торопливо увел я разговор от опасной темы.

— Не за что. Кофе хотите?

— С удовольствием. Кстати, вы давно знаете Элин?

— С детства. А вы?

— Три года.

— У Элин очень усталый вид, — заметила Сигурлин, проходя на кухню и включая кофеварку.

— Нам пришлось изрядно побегать, — уклончиво ответил я.

— Не хочу, чтобы с Элин что-нибудь случилось. Эта рана... Скала тут ни при чем, верно?

— Верно. Ни при чем.

— Я так и подумала. Видите ли, до замужества я работала медсестрой в военном госпитале в Кефлавике. И туда однажды привезли американского моряка: он чистил ружье, а оно выстрелило. Чье ружье чистила Элин?

Я сел за кухонный стол. Разговор обещал быть нелегким.

— У меня неприятности. Но для вашего же блага лучше вам о них не знать. Я хотел уберечь от этого и Элин, но вы же знаете, какая она упрямая.

— У них в семье все такие, — кивнула Сигурлин.

— Завтра вечером я поеду к Гейзеру, но Элин должна остаться тут. Помогите удержать ее.

— Мне не нравятся неприятности с оружием, — отозвалась Сигурлин.

— Я тоже не кричу от радости, но так уж случилось. И вообще ей лучше полежать.

— Об огнестрельной ране следует сообщить в полицию.

— Знаю, — устало ответил я. — Но это дело вашей полиции не по зубам. Это политика международного уровня, все участники этой истории хорошо вооружены, так что могут пострадать совершенно невинные люди.

— Значит, политика? Не криминал?

— Смотря что понимать под этими терминами. Я бы просто назвал ситуацию экстремальной.

Сигурлин осуждающе покачала головой:

— Единственная приятная вещь, которую я от вас услышала, это то, что вы хотите побережь Элин. Скажите мне, Алан Стюарт, вы любите ее?

— Да.

— Вы поженитесь?

— Если после всего этого она захочет выйти за меня замуж.

— Захочет, — усмехнулась Сигурлин. — Элин не из тех, кто легко расстается с добычей.

— Не уверен. Возникли кое-какие обстоятельства...

— Оружие? — быстро спросила Сигурлин. — Не отвечайте, не нужно, не люблю лезть не в свое дело. Но Элин никогда не волновали мелочи. Хорошо. Я оставляю ее здесь.

— Попробуйте, — недоверчиво сказал я. — Мне, например, никогда не удавалось заставить ее что-нибудь сделать.

— А я спрашивать не буду, просто уложу в постель. Предписание врача, вот и все. Но если вы не вернетесь с Гейзера?

— Возможно, — согласился я. — Тогда Элин нельзя будет возвращаться одной в Рейкьявик. Это опасно.

Сигурлин налила кофе мне и себе и уселась за стол напротив меня.

— Послушайте, Алан, мне не нравится вся эта история. Нельзя ее как-нибудь побыстрее закончить?

— Господи, — безнадежно вздохнул я, — если бы можно было вообще ее не начинать!

3

Следующий день тянулся бесконечно долго. Сигурлин читала газету и вдруг сообщила:

— Ну и ну! Кто-то привязал платформу на пароме так, что группа туристов застряла на целый день. Кто бы это мог сделать?

— Мы переправлялись, и все было в порядке, — быстро сказал я. — А что с туристами? Кто-нибудь ранен?

— Почему кто-нибудь должен быть ранен? — вскинула брови Сигурлин. — Нет, об этом ничего не сказано.

— Странно, что Элин все еще спит, — быстро переменял я тему.

— Ничего странного, — улыбнулась Сигурлин. — Я вчера дала ей снотворного, правда, без ее ведома. Она долго проспит.

Похоже, это единственный правильный способ поведения с Элин!

— Гараж пустой. Разве у вас нет машины?

— Есть, но Гунар держит ее в конюшне.

— Когда он вернется?

— Дня через два, если у туристов ничего не случится.

— Мне бы не хотелось ехать к Гейзеру на джипе...

— Хотите взять машину? Берите, но верните ее в целостности и сохранности.

Я пошел в конюшню, но по пути завернул в гараж и занялся своим арсеналом. Ружье было само совершенство, а патроны к нему — просто замечательные. Жаль, я раньше не заметил, что в коробке было два вида патронов: с мягким концом и с твердым. Если бы я воспользовался вторыми, машина Кеннигена вряд ли уехала бы с места событий своим ходом. Так что теперь я зарядил ружье обоими видами. Пистолет был менее эффектен, но на всякий случай я зарядил и его. А посылку оставил пока под сиденьем джипа: я не собирался брать ее на первую встречу с Кейсом. Но ехал я на нее отнюдь не с пустыми руками.

Когда я вернулся в дом, Элин как раз проснулась.

— Не понимаю, почему я так устала, — пожаловалась она. — Никак не справлюсь со сном.

— Ну, тебя же ранили, — ответил я, — а потом эта сумасшедшая гонка по скалам... Я тоже не вполне еще пришел в себя.

Элин вытаращила глаза: Сигурлин была в комнате и ставила в вазу цветы.

— Она в курсе, — заметил я, перехватив ее взгляд. — Но лишь отчасти, поэтому вам с ней лучше не вдаваться в обсуждение подробностей. Я сам все расскажу со временем, пока это слишком опасно.

Сигурлин кивнула в знак согласия. Элин пробормотала:

— Я, пожалуй, посплю еще немного. Но до поездки к Гейзеру буду в норме.

Сигурлин подошла и поправила подушки профессиональным жестом медсестры.

— Ты никуда не поедешь, — резко сказала она. — По крайней мере, в ближайшие дни.

— Я должна...

— Нет! У тебя еще свежая рана. Нужно показать ее врачу...

— Ни за что!

Элин умоляюще посмотрела на меня. Я заявил с преувеличенной беспечностью:

— Мне просто нужно встретиться с коллегой. А в твоём присутствии он не произнесет ни слова, поскольку ты не входишь в

наш кружок по интересам. Я скоро вернусь, а твой вздернутый носик хотя бы разок останется подальше от моих дел.

— Ну, я оставляю вас ворковать на свободе, — усмехнулась Сигурлин, выходя из комнаты. — У вас намечается интересная совместная жизнь.

Когда дверь закрылась, я мрачно заметил:

— Звучит, как древнекитайское проклятие: "Пусть мои враги живут в интересное время".

— Ладно, — вздохнула Элин, — поезжай к Гейзеру один, раз уж ты так настаиваешь.

— Ну, как ты не поймешь, что в твоём присутствии я не могу полностью сосредоточиться на деле. В основном я думаю о твоей безопасности, хотя привык заботиться исключительно о собственной.

— Я для тебя обуза?

— Нет, не обуза. Но эта игра становится слишком жесткой. К тому же мне надоело быть дичью, я хочу стать загонщиком.

— А я тут лишняя.

— Нет. Но ты — слишком цивилизованный и законопослушный человек, к тому же подверженный угрызениям совести. Наверняка тебя ни разу даже не страховали за неправильную парковку. А охотник не может позволить себе такой роскоши, как совесть. Впрочем, у загнанной дичи ее тоже не может быть. Ты придешь в ужас от некоторых моих поступков...

— Опять будешь убивать? — вздохнула Элин.

— Возможен и более неприятный вариант, — мрачно ответил я.

— Красивые слова!

— Это не слова. Просто стремление выжить во что бы то ни стало. Когда солдат отправляют на фронт, они не думают о своих убеждениях, просто сражаются с врагом. Я не искал встречи с Кенниконом, это он за мной гонится, так что пусть теперь пеняет на себя.

— Логика мне понятна, но все равно не нравится.

— О Господи! — взорвался я. — Думаешь, мне нравится?

— Прости, — тихо сказала Элин и прикоснулась к моей руке.

— Ничего. Все в порядке. А теперь тебе нужно позавтракать. Философией мы оба сыты по горло, так что нужно попросить Сигурлин приготовить что-то более питательное.

4

На встречу я приехал в "фольксвагене" Гунара и припарковался подальше от гостиницы. Между лужами с горячей водой как всегда бродили туристы с фотоаппаратами. Главный гейзер, давший название всему местечку, бездействовал, он устраивал большой фейерверк раз в несколько лет. Но вот гейзер поменьше извергал фонтан кипящей воды каждые семь минут.

Час я просидел в машине, наблюдая в бинокль за окрестностями, но ничего примечательного не обнаружил, так что более или менее спокойно отправился в гостиницу, где и увидел в холле Джека Кейса. Он сидел в углу и читал какую-то книгу в тумбочном переплете.

— Привет, Джек! — непринужденно сказал я. — У тебя отличный загар. Валялся где-нибудь на солнышке?

— В Испании, — невозмутимо ответил Джек, закрывая книгу. — Что тебя так задержало?

— Да так, всякие мелочи, — махнул я рукой и хотел сесть рядом с ним, но Джек тут же возразил:

— Слишком много народа. Пойдем в мой номер. Кстати, и бутылочка найдется.

— Отлично.

В номере он прежде всего запер за нами дверь, а потом окинул меня критическим взглядом:

— Я бы на твоём месте не носил пистолет в кармане пальто. Линия портится.

— Зато настроение улучшается.

— Подожди, может быть, и оно испортится, — ворчливо посулил Джек. Он открыл чемодан, достал бутылку и разлил виски в два стакана. — Какого черта ты тут вытворяешь? Таггерт вне себя...

— Да, он был явно не в духе, когда я с ним разговаривал. В основном я тут спасаюсь от бесконечной погони за мной.

— Сюда ты приехал один, надеюсь?

— Да.

— Таггерт сказал, что ты убил Филиппа. Это правда?

— Если Филипп тот человек, который называл себя то Бухнером, то Грэхемом, тогда правда. Он налетел на меня в темноте с пистолетом.

— Слейд описывал это по-другому. И добавил, что ты напал и на него самого.

— Верно, но после того, как разделался с Филиппом. Они ведь приехали вместе.

— Слейд говорил, что ты напал на них с Филиппом, когда они сидели в машине.

— Напал? — расхохотался я. — С чем, вот с этим?

Я выхватил свой нож и запустил его через всю комнату в дверцу шкафа, где он и застрял, подрагивая.

— Слейд сказал, что у тебя было ружье.

— Откуда? Я отобрал ружье у Филиппа, после того как он оплошал, и действительно выпустил три пули в машину Слейда. Жаль, что не попал в этого мерзавца.

— О Господи! — воскликнул Кейс. — Теперь я начинаю понимать Таггерта. Ты что, рехнулся?

— Джек, — устало вздохнул я, — а Таггерт говорил что-нибудь о девушке?

— Он сказал, что ты упомянул о ней. Но можно ли тебе верить?

— Ему придется поверить, — отрезал я. — Эта девушка сейчас недалеко отсюда, и плечо у нее ранено пулей, которую выпустил из своего ружья Филипс. Он чуть не убил ее! Поедем, увидишь все своими глазами. Как, черт побери, я мог выскочить на Слейда из засады? На глазах у моей невесты, что ли? Кстати, что сказал Слейд относительно тела Филипса? Куда он его дел?

— Об этом разговора не было, — нахмурился Кейс.

— И не будет, — заверил его я. — Слейд улепетнул с места происшествия со всей доступной ему скоростью, так что с телом потом я разбирался сам.

— Хорошо, хорошо, оставим это. Но почему ты не передал посылку ни Филипсу, ни самому Слейду, наконец? Ведь все дело в этом...

— Дело в том, что мне не нравится вся эта история. Она смердит.

Я посвятил Кейса в подробности, на это ушло минут двадцать. Когда я закончил, глаза у моего слушателя были практически на лбу.

— Ты действительно считаешь Слейда русским агентом? Таггерт в это не поверит! Хотя история действительно звучит чудовищно.

— Я стал выполнять инструкции Слейда в Кефлавике, и меня чуть не прихлопнул Малькольм. В Подкову он подослал ко мне Филипса. И еще кальвадос...

— Только не начинай все сначала, — поднял руку Кейс. — Малькольм мог оказаться там случайно. Слейд же говорит, что не искал тебя в Подкове. А что касается кальвадоса... Это только твои слова, ничем не подкрепленные, кстати.

— Джек, ты что, решил выступить в роли судьи? А заодно изобразить прокурора и суд присяжных? Или все проще: приговор уже вынесен, а ты — только его исполнитель?

— Не уклоняйся от темы, — устало ответил Джек. — Я лишь пытаюсь разобраться в той каше, которую ты заварил, вот и все. Что ты делал после того, как уехал из Подковы?

— Мы поехали дальше, к Гейзеру.

— И там возник Кенникен? Тот, с которым ты повздорил в Швеции и который любит кальвадос?

— Он самый. Мой старый приятель Вацлав. Не слишком ли много совпадений, Джек? Откуда Кенникен знал, по какой дороге я поеду? Об этом было известно только Слейду.

Кейс задумчиво посмотрел на меня.

— Знаешь, порой ты бываешь очень убедителен. Мне даже хочется поверить в эту глупую историю. Но ведь Кенникен тебя не поймал, так?

— Едва не поймал, — уточнил я. — Хотя и позвал на помощь янки.

— Какие еще янки? — резко выпрямился Кейс.

Я вытащил пропуск Флита и швырнул его на колени Кейсу.

— Этот парень проделал дыру в моей шине с очень большого расстояния. После этого мне удалось опередить Кенникена всего на десять минут.

Я рассказал Кейсу все детали этого случая, и он заметно помрачнел.

— Теперь ты станешь утверждать, что Слейд — агент ЦРУ? Ну, это уже слишком! И на что ты сдался американцам? С какой стати им вообще нужно помогать Кенникену?

— Именно это мне и хотелось бы знать, — ответил я с чувством. — Но я не знаю!

Кейс задумчиво посмотрел на пропуск Флита.

— Кажется, я слышал об этом парне в прошлом году, когда был в Турции. Он киллер из ЦРУ и очень опасен.

— Был, — уточнил я. — Ближайший месяц он абсолютно безвреден, я хорошенько стукнул его по башке.

— А потом?

Я пожал плечами.

— Потом я с трудом оторвался от Кенникена и его ребят. Они потеряли меня на переправе, но думаю, он все еще околачивается где-нибудь поблизости.

— Посылка все еще у тебя?

— Да, но не со мной, — мягко ответил я. — Она близко отсюда, но не здесь.

— Она мне не нужна. План изменился, ты должен отвезти посылку в Рейкьявик.

— Вот как? — удивился я. — А если я откажусь?

— Не глупи. Это приказ Таггерта, и лучше тебе его не раздражать зря. Ты не только погубил операцию, но и отправил на тот свет Филиппа, а этого достаточно, чтобы спустить с тебя шкуру. Но если ты отвезешь посылку в Рейкьявик, тебе все простят.

— Занятно, — задумчиво произнес я. — Я убил двоих, едва не отстрелил ногу третьему, попортил головы еще двоим, и все будет забыто?

— Русские и американцы сами позаботятся о своих раненых и убитых, если это понадобится, — резко ответил Кейс. — Но вину за убийство наших с тобой может снять только Таггерт.

— А где теперь Слейд?

— Не знаю. Когда я уезжал из Лондона, Таггерт собирался с ним связаться.

— Значит, он вполне может быть в Исландии, — медленно сказал я. — Мне это не нравится.

— Мало ли что тебе не нравится! Послушай, Алан, до Рейкьявика всего сотня километров. Возьми эту проклятую посылку и отправляйся туда.

— У меня есть идея получше. Поручить эту миссию тебе.

Кейс покачал головой.

— Ничего не выйдет. Таггерт хочет, чтобы я немедленно вернулся в Испанию.

— Джек, — расхохотался я, — международный аэропорт Кефлавик рядом с Рейкьявиком, тебе это тем более сподручно. Почему заикнулись на моей персоне?

— У меня четкие инструкции, — пожал плечами Кейс. — Больше я ничего не знаю и знать не хочу.

— А что в посылке?

— Не знаю.

— Джек, было время, когда я считал тебя своим другом. Но ты только что пытался рассказать мне красивую сказку о необходимости немедленно вернуться в Испанию. Не верю. А вот когда ты говоришь, что ничего не понимаешь в ситуации, — верю абсолютно. По-моему, только один человек хоть что-то в ней понимает...

— У Таггерта все нити в руках, — кивнул Кейс, — а нам с тобой лишняя информация ни к чему.

— Это не Таггерт. Мне кажется, он тоже не вполне в курсе того, что происходит. Я имел в виду Слейда. Очень похоже на его методы работы, да и мелькает он тут постоянно.

— Опять Слейд! — мрачно вздохнул Кейс. — Алан, у тебя навязчивая идея.

— Возможно, — согласился я. — Что ж, обрадуй Таггерта, скажи ему, что я выполняю поручение. Но Рейкьявик большой город...

— Знаешь главное туристическое агентство?

Я кивнул. В этом агентстве когда-то работала Элин.

— Насколько мне известно, там не только агентство, но и магазин сувениров.

— Тебе правильно сказали.

— Вот кусок оберточной бумаги. Обычной, в нее заворачивают все сувениры в этом магазине. Упакуй в нее посылку, а в магазине пройди в отдел, где продают шерстяные изделия. Там будет стоять мужчина с газетой "Нью-Йорк Таймс" в руках и точным таким же свертком. Начнешь легкий разговор со слов "Здесь холоднее, чем в Штатах", а он тебе ответит...

— "Даже холоднее, чем в Бирмингеме". Это я уже слышал.

— Хорошо. Когда опознаете друг друга, незаметно обменяйтесь свертками, вот и все.

— И когда все это состоится?

— Завтра в полдень.

— А если меня не будет там завтра в полдень? До Рейкьявика сотня километров, и на каждом из них меня может ждать вооруженный русский.

— Тебя будут ждать в этом магазине каждый день в полдень, — устало вздохнул Кейс.

— Вера Таггерта в меня просто трогательна, особенно если учесть постоянную нехватку людей в Отделе. А если я не появлюсь в течение года?

— Это обсуждалось, — без улыбки ответил Кейс. — Если ты не появишься в течение недели, тебя начнут искать и... И мне будет очень жаль, потому что, хотя ты и болтал тут о прежней дружбе, ты, идиот, мне по-прежнему дорог.

— Ты бы хоть улыбнулся, объясняясь в любви мужчине.

Кейс усмехнулся и сел поудобнее.

— А теперь давай все с самого начала. С того момента, как Слейд приехал к тебе в Шотландию.

Я добросовестно повторил свой рассказ, и мы довольно долго еще обсуждали все подробности и аргументы “за” и “против”. Наконец Кейс изрек:

— Если ты прав, и Слейда перевербовали, его ждут крупные неприятности.

— Никто его не перевербовывал, — возразил я. — По-моему, он с самого начала был русским агентом. Но меня теперь сильно беспокоят еще и американцы. Не пойму, что их может связывать с Кенниконом.

— Да погоди ты с американцами, — отмахнулся Кейс. — Слейд, вот главная проблема. Если он действительно ведет двойную игру, нужно реорганизовывать все... Господи, Алан. Ты уже меня заразил своими бреднями!

— Плесни мне еще, — протянул я ему стакан, — на этой работе всегда обостряется жажда. Вопрос задан, и на него нужно ответить, Джек. Все, что от тебя требуется, это в точности передать Таггерту услышанное от меня про Слейда. Дальше уже — его проблемы, но, по-моему, Слейд не выдержит детальной проверки.

— Все так, — кивнул Кейс, — и я это обязательно сделаю, но ты не учитываешь один момент, Алан. Все знают, почему ты ушел из Отдела, всем известна твоя неприязнь к Слейду, и, если он выкрутится, тебя ждут колоссальные неприятности. Слейд просто потребует твою голову — и получит ее. Можешь не сомневаться.

— Верно. Но этого не произойдет. Уверен на все сто процентов.

Я лукавил. В том, что говорил Кейс о моей неприязни к Слейду, было рациональное зерно. Так что стопроцентной уверенности у меня не было: мне могли не поверить.

Кейс посмотрел на часы:

— Уже половина двенадцатого...

— Да, мне пора, — поднялся я. — Действительно поздно.

— Я все передам Таггерту.

Я вытащил нож из шкафа и спрятал его на место.

— Джек, ты действительно не знаешь никаких подробностей?

— Клянусь, — ответил он. — Я и о самой операции ничего не знал, меня срочно вытащили из Испании. Таггерт страшно зол и сообщил только, что ты скрываешься и согласен встретиться

со мной и больше ни с кем. Это все, что мне известно, Алан. Я лишь посредник.

— Вот-вот, — мрачно заметил я, — и мне Слейд определил именно такую роль. Но мне надоело играть вслепую, бежать неизвестно от кого и искать непонятно что. Может быть, если я упрусь, хоть что-то прояснится.

— Не уверен. Мой тебе совет: выполни задание и живи спокойно. Я провожу тебя до машины. Где ты ее оставил?

— В квартале отсюда.

Когда он запер дверь, я негромко сказал:

— Джек, по-моему, ты не вполне откровенен. Ты увернулся от пары вопросов, а поскольку двое сотрудников Отдела уже пытались меня убить, я хочу правильно расставить акценты. Возможно, меня попытаются остановить по дороге в Рейкьявик. Если это окажется ты, мне придется забыть о нашей дружбе. Надеюсь, ты меня понимаешь.

— Оставь свои выдумки, — улыбнулся Кейс.

Но улыбка получилась натянутой, а выражение лица — необъяснимым. Много позже я понял, что это была жалость. Но было уже действительно слишком поздно. Для всего.

Глава седьмая

1

Мы вышли на улицу. Ночной воздух был насыщен запахом серы и вздохами гейзеров. Даже мне стало не по себе. Недаром Исландия считается родиной троллей, гномов и всякой подобной всячины. Кейс, вероятно, тоже что-то почувствовал.

— Ну и атмосферка, — заметил он.

— Да уж, — согласился я. — Машина вон там, пойдём.

Мы пошли вдоль белых столбиков, отделяющих дорогу от луж кипятка. Запах серы становился все более ощутимым.

— Вот еще относительно Слейда... — начал Кейс, но не успел договорить.

Возле нас внезапно появились три темные фигуры, мне в бок воткнулось что-то твердое, а незнакомый голос сказал по-шведски:

— Стюартсен, остановись!

Я подчинился, но не вполне: я не остановился, а дал своим коленям подогнуться и мешком свалился на землю. Послышался возглас удивления, но на несколько секунд я стал свободным. Большого мне и не требовалось. Ногой я изо всех сил ударил под колени ближайшего ко мне субъекта, а второй ногой захватил по руке его приятеля. Раздался выстрел: по-видимому, пистолет произвольно разрядился.

После этого я мгновенно откатился с дороги в темноту. Довольно рискованное мероприятие: повсюду лужи с горячей водой, а кое-где просто с кипятком, но выбора у меня не было. На дороге заорали по-русски: "Скорее!" Все понятно: только люди

Кенникена могли сначала обратиться ко мне по-шведски, а потом кричать на родном языке.

Вдруг справа от меня включился мощный фонарь. Я трижды выстрелил в ту сторону, и свет погас. Вряд ли я в кого-то попал, скорее всего, там сообразили, что сами себя делают неплохой мишенью. Шума я не боялся: чем больше мы будем привлекать к себе внимание, тем лучше для меня. Так и вышло: из темноты раздалось пять выстрелов, и почти тут же в гостинице начали зажигаться окна и раздались крики. Потом какая-то машина включила фары и тронулась с места. Стало светло, и тут же сзади в меня выстрелили два раза. Пуля чиркнула по рукаву моей куртки, я выстрелил в ответ через плечо и, кажется, попал, потому что раздался короткий вскрик. Я упал на землю и оглянулся.

Судя по всему, я слегка ранил одного из своих преследователей: он стоял на ногах, прижав руку к плечу. Потом двинулся в мою сторону, но поскользнулся и попал в довольно большую лужу с кипятком. Выбраться оттуда он уже не успел: произошло очередное извержение гейзера, в небо поднялся столб пара и крутого кипятка, а из всего этого донесся жуткий вопль человека, которого варят заживо.

Я помчался по дороге к гостинице, а пистолет зашвырнул в какую-то лужу. Любой, у кого обнаружился бы в эту ночь пистолет, рисковал провести остаток жизни в тюрьме. Так что к собравшейся толпе я приблизился, чувствуя себя совершенно благонадежным и законопослушным туристом.

— Что случилось? — спросил кто-то.

— Не знаю, — отозвался я. — Услышал выстрелы...

После этого я постарался вообще оказаться подальше от места происшествия. Да и от самого гейзера, если на то пошло, потому что следующего извержения нужно было ждать очень скоро. Тут до меня дошло, что с момента нашего с Кейсом выхода из гостиницы и до падения незнакомца в гейзер прошло не больше семи минут.

Вдруг я увидел Слейда. Он стоял неподалеку от толпы и любовался на гейзер. В свете фар он был отлично виден, и я пожалел, что выбросил свой пистолет: такой роскошной возможности пристрелить Слейда мне может еще долго не представиться. Слейд, смеясь, что-то сказал стоявшему рядом с ним мужчине, тот показал рукой куда-то в сторону и повернулся. И тут я узнал... Джека Кейса.

Меня пробрала дрожь. Не помню, как я добрался до машины и сел за руль. Впрочем, не знаю человека, который сохранял бы абсолютное хладнокровие после того, как в него в упор стреляли из пистолета. Состояние ухудшается, когда явная опасность исчезает: нервы не могут сразу прийти в норму. Я положил руки на руль и подождал, пока они перестанут трястись. Потом повернул ключ в замке зажигания и вдруг почувствовал прикосновение холодной стали к спине.

Хорошо знакомый голос произнес по-шведски:

— Привет, Стюартсен. Не делай глупостей.

— Привет, Вацлав, — со вздохом ответил я и выключил мотор.

2

— Меня окружает сборище дебилов, — заметил Кенникен. — Умеют только нажимать на курок, на большее мозгов не остается. В наше время все было по-другому, верно, Стюартсен?

— Теперь меня зовут Стюарт, — ответил я.

— Да? Ну, мистер Стюарт, заводи мотор, и поехали. Дорогу я покажу.

Пистолет больше не упирался мне в затылок, но я слишком хорошо знал Кенникена, чтобы расслабиться. Он был расположен поболтать, но это тоже ничего не значило.

— Ты доставил нам массу неприятностей, Алан, и задал несколько загадок. Разъясни, например, что случилось с Тадеушем?

— Кто такой, черт побери, Тадеуш?

— Он должен был остановить тебя по дороге из аэропорта.

— Так он Тадеуш? Я знал его как Малькольма. Он поляк?

— Русский. Мать, кажется, была полькой.

— Она будет тосковать о нем, — заметил я.

— Вот как! А бедному Юрию сегодня ампутировали ногу.

— Бедному Юрию не надо было баловаться с пистолетом, — возразил я.

— Но он же не знал, что у тебя ружье. Да еще такое! Просто сюрприз. Ладно, Бог с ним, с Юрием, а вот уродовать мою машину — свинство с твоей стороны.

— Повредил мотор?

— Пробил аккумулятор и вывел из строя систему охлаждения. Не ружье, а фантастика!

— Это верно, — небрежно заметил я. — Надеюсь, оно мне еще послужит.

— Вряд ли, — хмыкнул он. — Тот маленький эпизод со стрельбой возле машины был крайне неприятным, пришлось наболтать всякой ерунды, чтобы замять дело с тросом, починить машину, успокоить Юрия...

— Трудно тебе пришлось, — согласился я.

— А ты опять принял за свое, — мягко пожурил меня Кенникен. — Да еще при всем честном народе! Что там, кстати, произошло?

— Один из твоих помощников угодил в кипяток. Поскользнулся, наверное. Нельзя так близко подходить к гейзеру.

— Я же говорю — растяпы! Ничего не могут сделать правильно.

Я же думал о той роли, которую во всем этом сыграл Джек Кейс. Он ведь и пальцем не шевельнул, чтобы мне помочь, а сто-

ял и мило беседовал со Слейдом. Опять меня предал тот, кому я почти поверил. И это чувство просто жгло меня. Ну, Бухнера-Грэхема-Филипса я еще мог понять: он меня не знал и просто выполнял задание Слейда. Но Кейс знал почти все! Неужели весь Отдел уже переметнулся, только мы с Таггертом и остались на прежних позициях? Хотя, если Таггерт — тоже с ними, то все загадки разрешались сами собой, а ситуация... становилась более чем абсурдной!

— Мне приятно, что я так правильно рассчитал все твои действия, — произнес Кенникен. — Отойти подальше от моих идотов, сесть в машину... Впрочем, профессионал профессионала всегда правильно понимает.

— Куда мы едем? — равнодушно поинтересовался я.

— Зачем тебе подробности? Сосредоточься на вождении. Только не вздумай выбрасывать всякие номера: сигналить встречным, тормозить. Понятно? Пистолет пока еще при мне. Чувствуешь?

Холодная сталь снова коснулась моего затылка.

— Чувствую, — коротко ответил я.

Меня не покидала мысль о том, что Кенникен каким-то образом проведал, где и, главное, с кем я провел последние сутки. Иногда мне казалось, что он вообще абсолютно все знает. От предположения, что Элин и Сигурлин могут оказаться в его руках, у меня кровь застывала в жилах. За себя я практически не боялся.

Мы выехали на шоссе к Рейкьявику, но через десять минут Кенникен велел мне свернуть и ехать вокруг озера. Только тут до меня дошло, что мы едем в дачный поселок на берегу. Иметь там домик считалось в Исландии очень престижным и довольно дорогим удовольствием.

Мы действительно подъехали к одному такому домику, и Кенникен приказал:

— Посигналь.

Я послушался.

Кто-то вышел нам навстречу. Кенникен тут же приставил мне пистолет к голове.

— Будь очень осмотрителен, Алан. Здесь никто не понимает шуток.

Мы вошли в комнату, обставленную в скандинавском стиле: очень просто и рационально. Горел камин — вот это уже было абсолютно нехарактерно для Исландии. В этой стране нет ни дров, ни угля, дома отапливают либо природной горячей водой, либо бензиновыми движками. В этом камине горел торф — в разгар лета! Можно было подумать, что я имею дело не с русскими, а с итальянцами или даже арабами. Впрочем, русские, кажется, топят свои печи круглый год.

— Садись, Алан, погрейся, — повел пистолетом в сторону камина Кенникен. — Только сначала Ильич тебя обыщет.

Плосколиций квадратный детина с явно азиатским разрезом глаз тщательно ощупал меня, потом повернулся к Кенникену и покачал головой.

— Пистолета нет? — улыбнулся Кенникен и вздохнул. — Видишь, Алан, меня окружают идиоты. Задери левую брючину и покажи Ильичу свой хорошенький маленький ножичек.

Несколько минут Кенникен по-русски объяснял Ильичу все, что он обо мне думает. В этом плане русский гораздо богаче английского. Нож был у меня конфискован, меня усадили в кресло, а Ильич с багровым лицом встал позади меня.

— Что будешь пить, Стюарт? — осведомился Кенникен, убирая пистолет.

— Скотч, если у тебя есть.

— У нас есть. Чистый или с водой? К сожалению, содовой нет.

— Сойдет и обыкновенная вода, — ответил я. — Только побольше воды.

— Ну, конечно, тебе же нужна ясная голова, — скептически усмехнулся Кенникен. — Раздел 4, правило 35: если противник предлагает тебе выпить, проси слабый напиток. Надеюсь, тебе понравится.

Я попробовал и кивнул. Себе Кенникен налил полный стакан шотландского виски и выпил залпом. Я с изумлением наблюдал за ним: видно, Кенникен дошел до точки, если открыто хлещет алкоголь. Странно, что в Отделе до сих пор этим не пользовались.

— Что, Вацлав, кальвадос в Исландии достать трудно? — заинтересовался я.

— Это впервые за четыре года, — рассмеялся он и поднял стакан. — У меня есть все основания праздновать. Не так часто при нашей профессии друзья могут встретиться. Скажи, в Отделе к тебе хорошо относятся?

Я отхлебнул слабенький напиток и поставил стакан на низкий столик рядом.

— Я уже четыре года не работаю в Отделе.

— У меня другая информация, — поднял брови Вацлав.

— Возможно. Но я ушел сразу после Швеции.

— Я тоже ушел, — сообщил он. — Это мое первое задание за четыре года. Кстати, благодаря тебе. Вообще-то, у меня много поводов поблагодарить тебя. Я ведь не сам ушел. Меня отправили разбирать бумаги в Ашхабад. Знаешь, где это?

— В Туркмении.

— Правильно. Меня, Вацлава Кенникена, послали копать в бумажках!

— Любому могуществу приходит конец, — заметил я. — Значит, тебя раскопали для этой операции. Вот, должно быть, ты обрадовался!

— Еще как! А особенно меня порадовало то, что я увижу тебя. Видишь ли, в свое время я считал тебя своим другом. Ты был мне почти как брат.

— Не говори глупостей, — пожал я плечами. — У разведчиков друзей не бывает.

Я подумал о Джеке Кейсе и ощутил прилив горечи.

— Ты был мне больше, чем брат, — продолжал Кенникен, словно не слыша меня. — Я готов был отдать за тебя жизнь, а ты меня предал.

— Перестань, Вацлав, — поморщился я, — на моем месте ты поступил бы так же.

— Но я же доверял тебе! — обиженно сказал он. — И это больнее всего. Ты же знаешь, что у нас ошибок не прощают. Вот меня и засунули в Ашхабад.

— Могло быть хуже, — заметил я. — Тебя могли отправить за Полярный круг.

— Невелика разница, — сказал он, вновь наполняя стакан. — Но мне помогли настоящие друзья. Ладно, не будем терять время. У тебя есть некая деталь. Она попала к тебе по ошибке. Где она?

— Не понимаю, о чем ты.

— Естественно, — кивнул он. — Именно так ты и должен был ответить. Но все-таки тебе придется отдать ее. Ну, так как?

— Ладно, — ответил я. — Мы оба знаем, что деталь у меня, так что нечего наводить тень на плетень. Но ты ее не получишь.

Он вынул из портсигара длинную русскую папиросу и начал искать по карманам зажигалку.

— Получу, Алан, и ты прекрасно это знаешь. Дело ведь не только в этой детали, да и не в этой операции, если уж на то пошло. Пора нам поквитаться.

От его ледяного голоса у меня буквально пошел мороз по коже. Слейд говорил, что Кенникен жаждет моей крови, и — сдал меня ему прямо в руки.

Кенникен так и не смог найти зажигалку и нетерпеливо махнул рукой. Ильич вышел из-за моей спины и чиркнул своей зажигалкой, но пламени не было. Кенникен чертыхнулся, поджег в камине кусок бумаги и, наконец, прикурил. А Ильич отправился к бару со спиртным. Как только Кенникен это заметил, в его руке мгновенно возник пистолет.

— Что ты затеял, Ильич?

— Хочу заправить зажигалку, — отозвался тот и показал баллончик бутана.

— Брось, — резко приказал Кенникен. — Пойди и осмотри машину нашего гостя. Только внимательно, понял? Что искать, ты знаешь.

— Там этого нет, Вацлав, — вмешался я.

— Вот Ильич в этом и убедится, — отрезал он.

Ильич поставил на место баллончик с бутаном и вышел. Кенникен продолжал поигрывать пистолетом.

— С кем приходится работать! — пожаловался он. — Набрали олухов невесть откуда. Странно, что ты этим не воспользовался.

— Почему? — пожал я плечами. — Я же знал, что в этой команде есть ты.

— Верно, — согласился он. — Мы чертовски хорошо знаем друг друга. Слишком хорошо. Даже сомневаюсь, получу ли удовольствие от предстоящего. Ведь это все равно, что причинять боль самому себе. Англичане говорят: “Мне больно разделять твою боль”. Верно?

— Я шотландец, — сухо заметил я.

— Не вижу разницы. Кстати, чуть не забыл спросить о главном. Ты любишь эту девушку, Элин?

Во мне все сжалось.

— Она не имеет к этому никакого отношения.

— Не волнуйся, — засмеялся он. — Я не причиню ей ни малейшего вреда. Готов поклясться — хоть на Библии, хоть на “Капитале” Карла Маркса, смотря что тебя больше устроит. Ты мне веришь?

— Верю, — искренне ответил я.

Черт побери, я действительно ему верил! Будь на его месте Слейд, то, поклявшись он хоть собственной матерью, это бы ему не помогло. Но Кенникену я доверял абсолютно, он был человеком слова, хотя грубым и жестоким, но настоящим человеком.

— Тогда скажи: ты любишь ее?

— Мы собираемся пожениться.

— Это не совсем прямой ответ, но я его принимаю, — засмеялся Кенникен. — Ты спишь с ней, Алан, правда? Вы наслаждаетесь близостью друг друга? Называете друг друга нежными именами? Достигаете вместе пика? Так, Алан? — В его голосе явственно послышались металлические нотки. — Помнишь нашу последнюю встречу? Там, в лесу, когда ты пытался меня убить? Жаль, что ты оказался плохим стрелком, а еще более грустно, что нанесенную тобой рану так и не удалось залечить. Так вот, если ты останешься в живых — а я еще ничего не решил относительно этого, — то ни Элин, ни какая-нибудь другая женщина никогда не захочет стать твоей женой.

— Я бы выпил еще, — прервал его я.

Он взял мой стакан и снова наполнил его, но воды на сей раз налил значительно меньше.

— Ты побледнел, — заметил он, передавая мне стакан.

— Я понимаю тебя, но в любой профессии есть свой риск. Тебя не так волнует твоя рана и даже ее последствия, как предательство. Верно, Вацлав?

— Верно, — согласился он.

— Но ты не там ищешь предателя. Кто тогда был твоим начальником в Москве?

— Бакаев.

— А моим?

— Этот английский аристократ, лорд Таггерт, — улыбнулся Кенникен.

— Ошибаешься, — покачал я головой, — для него это был слишком низкий уровень. Тебя предал твой начальник, который договорился с моим, а я был лишь инструментом в их руках.

Кенникен расхохотался:

— Мой дорогой Алан, ты начитался книг о Джеймсе Бонде!

— Ты не спросил, кто был моим начальником, — заметил я.

— Хорошо, так кто же он был? — продолжал веселиться Кенникен.

— Слейд.

Смех оборвался. Я невозмутимо продолжил:

— Все было тщательно спланировано. Нас с тобой принесли в жертву, чтобы укрепить позиции Слейда. Тебе ничего не сказали именно для того, чтобы все выглядело абсолютно реально и безупречно. Так и получилось.

— Глупости, — бросил Кенникен, но лицо его побледнело, а на щеке проступил шрам.

— Только поэтому ты и провалился, — объяснил я. — И тебя, естественно, за это наказали, не могли не наказать, чтобы не возбуждать подозрений. Ты четыре года перекладывал бумажки в ссылке только за то, что честно выполнял свой долг. Тебя просто поймали, Вацлав.

— Я не знаю никакого Слейда, — отозвался он, и его взгляд окаменел.

— Должен знать. Это тот человек, от которого ты получаешь приказы здесь, в Исландии. Да, ты счел вполне естественным, что командует операцией кто-то другой. После твоего провала тебе и не могли полностью доверять. А после успешного завершения дела ты с почетом вернулся бы на прежнее место деятельности, твоя репутация была бы восстановлена. Только командует тобой тот же самый человек, которому ты обязан своим провалом в Швеции. Правда, забавно?

Кенникен медленно встал и навел пистолет мне на грудь.

— Я в курсе, кто провалил ту операцию. И даже могу сделать в нем пару симпатичных дырочек.

— Не сомневаюсь, — кивнул я. — Но я только выполнял приказ, а идея принадлежала Слейду. Между прочим, Слейд сейчас руководит операцией в Исландии с обеих сторон. Замечательно! Лучше просто не придумай! Только вот одна из марионеток отказалась повиноваться и порвала ниточки. То-то Слейд задержался!

— Не знаю никакого Слейда, — повторил Кенникен деревянным голосом.

— Неужели? — усмехнулся я. — Что же ты так напрягся? Если в следующий раз будешь говорить с ним, попроси сказать

тебе правду. Конечно, он ее не скажет, он даже не знает, как это делается. Но ведь тебе достаточно увидеть его реакцию, правда? При твоей-то проницательности...

Кенникен никак не отреагировал. Я чуть-чуть нажал:

— Подумай о потерянных в Ашхабаде годах, Вацлав. Поставь себя на место твоего начальника и подумай, что важнее: операция в Швеции, которую в любой момент можно возобновить, или возможность внедрить своего человека на самый верх английской разведки? Чтобы он, например, имел возможность общаться с премьер-министром...

Кенникен вздрогнул. Он ничего не ответил, но хотя бы перестал целиться в меня. Я продолжил:

— Интересно, сколько времени потребовалось, чтобы создать новую резидентуру в Швеции? Более того, уверен, что твое начальство уже тогда держало наготове резервную группу.

Я сказал это наобум, но, кажется, угодил прямо в десятку. Кенникен фыркнул, опустил руку с пистолетом и мрачно уставился в огонь.

— Они не доверяли тебе, Вацлав, — тихо сказал я. — Ты отличный агент, но плохой актер, и не смог бы правдоподобно сыграть провал собственной операции. Меня тоже подставили. Так что мы оба в одном и том же дерьме.

— Я выслушал тебя с большим интересом, — бесцветным голосом произнес Кенникен. — Но поскольку я не знаю никакого Слейда, то это всего лишь красивая сказка. Так что в дерьме, похоже, только ты.

В этот момент открылась дверь, и вошли двое мужчин.

— Ну? — нетерпеливо рявкнул Кенникен.

— Мы вернулись, — ответил один из них по-русски.

— Это я вижу. И что? Кстати, познакомьтесь: вот тот самый Алан Стюарт, которого вы должны были сюда привезти. Так что же вам помешало? И где Игорь?

— Его отвезли в больницу с сильными ожогами. Он...

— Прекрасно! — с издевкой воскликнул Кенникен. — Просто великолепно! Ну, Алан, что ты на это скажешь? Юрия нам удалось отправить на траулер, так теперь Игорь оказался в больнице, где ему начнут задавать всякие вопросы. Что делать с этими идиотами, а?

— Пристрелить, — усмехнулся я.

— Пули жалко, — ответил он. — Нет, объясните мне, придурки, зачем нужно было стрелять? Поднимать такой шум, а?

— Это он начал, — указал на меня один из мужчин.

— А зачем вы ему это позволили? Три человека не могут потихому справиться с одним...

— Их было двое.

— Неужели? — поинтересовался Кенникен и покосился на меня. — И что же случилось со вторым?

— Не знаю... Кажется, убежал.

— Ничего удивительного, — небрежно заметил я. — Это был какой-то постоялец из гостиницы.

На душе у меня было скверно. Значит, Кейс действительно смылся и оставил меня разбираться самостоятельно. Кенникену я его, конечно, не выдам, но обязательно поговорю... Если удастся, конечно.

— И наверняка поднял тревогу, — проворчал Кенникен. — Ничего не можете сделать по-человечески. Где Ильич?

— Разбирает машину на запчасти, — мрачно ответил один из мужчин.

— Ну так пойди и помоги ему! — приказал Кенникен. — А ты, Григорий, останься и присмотри за нашим другом.

— А выпить мне еще можно, Вацлав? — поинтересовался я.

— Почему бы и нет? Алкоголиком стать все равно не успеешь.

Он вышел из комнаты, а Григорий занял позицию перед закрытой дверью и уставился на меня пустым взглядом. Я медленно поднялся на ноги, и он тут же выхватил пистолет.

— Ты же слышал, что твой босс разрешил мне выпить напоследок, — укоризненно заметил я.

Дуло пистолета опустилось.

Я пошел к бару, продолжая непринужденно болтать:

— Уверен, что ты из Сибири, там все молчуны. Знаешь, тут нет водки, только виски. Но я не слишком люблю водку, я ведь шотландец, а не русский.

Я повернулся к Григорию со стаканом в одной руке и бутылкой в другой. Так я и полагал, пистолет был нацелен мне в живот, одно неверное движение — и мне конец. Но вот баллончика с бутаном у меня в рукаве он не заметил, а это было главным. Я поудобнее сел на стул, немного поерзал, а когда убедился, что баллончик благополучно перекочевал в щель между спинкой и сиденьем, позволил себе немного расслабиться и с удовольствием выпил.

Кенникен вернулся.

— Ты сказал правду, — заявил он.

— Я всегда говорю правду, жаль, что это не всегда понимают мои собеседники. Значит, ты согласен со мной насчет Слейда?

— Я вовсе не имел в виду ту глупую историю, — нахмурился Кенникен. — Я говорю о том, что в твоей машине ничего нет. Где оно?

— Не скажу.

— Скажешь.

Где-то в доме зазвонил телефон.

— Давай заключим пари, — предложил я.

— Мне не нужна кровь на этом ковре, — возразил он, — так что вставай.

Трубку кто-то снял: звонки прекратились.

— Может, я все-таки сначала допью? — миролюбиво заметил я. — Тебя все равно вызывают.

Действительно, дверь открылась, и Ильич из-за нее сделал Кенникену знак.

— Постарайся допить до моего возвращения, — бросил Кенникен и стремительно вышел.

Я не успел ничего предпринять, как он вернулся. Вид у него был слегка озадаченный.

— Человек, с которым ты был у гейзера, постоялец из гостиницы, его, часом, звали не Джек Кейс?

— Понятия не имею.

— И ты утверждаешь, что всегда говоришь правду, — грустно улыбнулся Кенникен и сел. — Впрочем, это уже неважно. Ситуация изменилась.

— В каком смысле?

— Мне больше от тебя ничего не нужно. И я получил приказ не применять к тебе пыток.

— Спасибо! — искренне обрадовался я.

— Можешь не благодарить, — мрачно ответил он. — Мне приказали просто убить тебя.

Снова зазвонил телефон.

— Почему? — хрипло спросил я.

— Ты мешаешь, — пожал он плечами.

— Ты бы лучше подошел к телефону, — посоветовал я. — Вдруг приказ снова поменялся?

— В последнюю минуту? — криво усмехнулся он. — Не обольщайся, Алан. Как по-твоему, почему я вообще все тебе рассказываю? Ведь это у нас не принято.

Я-то знал, но не хотел доставлять ему слишком много удовольствия, поэтому промолчал. Телефон смолк.

— В Библии есть хорошее изречение, — продолжил он, — “око за око, зуб за зуб”. Я все задумал в соответствии с Библией, но, к сожалению, не смогу это сделать. Но я видел, что тебе страшно, и это меня в какой-то степени удовлетворяет.

— Рейкьявик! — возвестил Ильич, просунув голову в дверь.

— Иду! — раздраженно отозвался Кенникен. — А ты еще немного понервничай, ладно?

— Дай сигарету, — попросил я.

— Молодчина! — расхохотался он. — Настоящий англичанин! Как же без традиционной последней сигареты? Держи! Еще что-нибудь?

— Да. Пригласительный билет на Миллениум.

— Извини, старик. Все билеты для тебя уже проданы, — расхохотался он и вышел из комнаты.

Я сунул в рот сигарету, похлопал себя по карманам, потом очень медленно поднял с пола клочок бумаги и со словами “прикурю, пожалуй”, склонился к огню. Вряд ли мой страж заметил, как я бросил баллончик в самый центр пламени. А я вернулся на место, жестикулируя и произнося какие-то пустые фразы. Мне нужно было, чтобы Григорий смотрел на меня, а не

на огонь, и я своего добился. Но мне понадобилось немало выдержки, чтобы самому не смотреть в ту сторону. К тому же вернулся Кенникен.

— Дипломаты! — произнес он, словно выругался. — Будто мне без них делать нечего. Ладно, поднимайся и пошли.

— Я еще не докурил.

— Докуришь на улице.

Взрыв в закрытом помещении был оглушительным. Горящий уголь обжег Григория, который заорал и уронил пистолет. Мне уголь опалил шею, но я стерпел, кинулся вперед, схватил пистолет и повернулся к Кенникену. Но тот успел сориентироваться и швырнул в меня настольную лампу. Я увернулся и одновременно выстрелил, а лампа угодила прямо в голову Ильича, который как раз решил выяснить, что происходит, и открыл дверь.

Я выскочил в открытую дверь и помчался прочь из дома, мимо раскуроченного "фольксвагена", в темноту, к дороге. Я бежал по базальтовым плитам и все время помнил, что малейшая неловкость может обернуться сломанной или вывихнутой ногой, после чего меня тут же схватят. А что произойдет потом, было предельно ясно: расстреляют на месте.

Обернулся я только тогда, когда выскочил на ровную дорогу. В окнах домика плясало пламя, слышались крики, но за мной никто, похоже, не гнался. И тут же кто-то сзади одной рукой схватил меня за горло, а другой — приставил к спине пистолет.

— Брось оружие! — приказали мне по-русски.

Я подчинился — и тут же оказался лежащим навзничь на земле, а в лицо мне ударил луч электрического фонарика.

— Господи, это ты! — произнес Джек Кейс.

— Убери фонарь, — попросил я, с трудом поднялся на ноги и начал растирать шею. — Куда ты подевался, когда началась заварушка у гейзера?

— Извини, что так вышло, — покаянно сказал Джек, — но он ведь был в гостинице. Так что мне пришлось...

— Что?! Ты же сказал...

— Я не имел права признаваться тебе в этом. Ты был в таком состоянии, что вполне мог его прирезать.

— Ничего не скажешь, ты настоящий друг, — с горечью отметил я. — Впрочем, сейчас не до подробностей. Где твоя машина?

— Там, на дороге.

— Хорошо. Джек, сообщи Таггерту, что я отвезу посылку в Рейкьявик.

— Обязательно, только давай сначала выберемся отсюда.

— Как скажешь, Джек, — отозвался я и нанес ему резкий удар под дых, а потом рубанул по шее ребром ладони. Он рухнул к моим ногам, а я тут же распластался рядом с ним, потому что услышал звук мотора. Машина проехала мимо и помчалась в ту

сторону, откуда я только что сбежал. Больше я никому не доверяю, даже Джеку. В рукопашной схватке на ковре мы с ним были равны, но тут я легко вырубил его, потому что он не ожидал ничего подобного. Что ж, и я не ожидал, что он бросит меня на растерзание русским головорезам. Немного полежит и очнется, а я уже буду далеко.

Я обыскал карманы Джека, забрал ключи от машины и пистолет. Машина оказалась "вольво", которая легко завелась и повезла меня обратно к Элин, но самым кружным путем, который только можно было выбрать. Я хотел ехать как можно дольше и основательно запутать следы.

Глава восьмая

1

Я добрался до места к пяти утра, и не успел выйти из машины, как Элин оказалась у меня в объятиях.

— Алан! — вскричала она вместо приветствия. — У тебя кровь на щеке!

Я приложил руку к щеке и почувствовал довольно болезненный порез. Наверное, зацепило, когда взорвался баллончик с бутаном.

— Пойдем в дом, — попросил я.

В холле нас встретила Сигурлин. Она оглядела меня с ног до головы и заметила, произвольно перейдя на "ты":

— У тебя куртка прожжена.

— Да, — согласился я. — Недосмотрел.

— Что случилось? — спросила Элин.

— Поговорил с Кенниконом, — вяло отозвался я.

У меня наступила реакция, я ощущал какую-то невероятную слабость, даже разговаривать было трудно.

— Кофе есть? — спросил я у Сигурлин.

— Да что случилось? — почти закричала Элин. — Что Кенникон?

— Позже, все позже.

— У тебя такой вид, будто ты неделю не спал, — бесстрастно отметила Сигурлин. — Наверху есть кровать...

— Нет, — покачал я головой, — мы... уезжаем.

— Но перед этим нужно выпить кофе, — сказала Сигурлин, переглянувшись с Элин. — Все готово, я с вечера держу кофейник на огне. Пошли на кухню.

Я высыпал чуть ли не половину сахарницы в обжигающий черный напиток. Кофе был потрясающим. Сигурлин выглянула в окно и увидела "вольво".

— А где наша машина?

— Развалилась, — скривился я. — Сколько я тебе должен, Сигурлин?

— Не к спеху, — отмахнулась она. — Элин мне все рассказала.

В ее голосе явственно слышались нотки осуждения.

— Зря ты это сделала, Элин, — тихо заметил я.

— Мне нужно было с кем-то поговорить! — взорвалась она.

— Ты должен пойти в полицию, — вынесла свой вердикт Сигурлин.

— Не стоит, — покачал я головой. — Пока потери несут только профессионалы, которые умеют рисковать и всегда к этому готовы. Но любой посторонний человек, даже в полицейской форме, мгновенно станет жертвой, причем невинной. А я этого не хочу.

— Но зачем оставлять все на этом уровне? Пусть этим займутся политики и дипломаты.

Я вздохнул и откинулся на спинку кресла.

— Сигурлин, когда я впервые приехал в эту страну, кто-то сказал мне, что существуют три вещи, которые исландец не может объяснить никому, даже другому исландцу: политическую систему страны, ее экономическую политику и законы о выпивке. Последнее пока ни при чем, но политика и экономика по-прежнему необъяснимы.

— Я даже не понимаю, о чем ты говоришь, — заметила Элин.

— Об этом холодильнике, — невозмутимо отозвался я. — Об электрической кофемолке и чайнике. О радиоприемнике, наконец. Все это импортируется, а импорт не может существовать без экспорта, правильно? Исландия может экспортировать рыбу, баранину и шерсть, так? Косяки сельди и без того отошли на несколько сотен километров от вашего побережья. По-моему, неприятностей достаточно.

— К чему ты клонишь? — нахмурилась Сигурлин.

— К тому, что в этот процесс вовлечены три нации: англичане, американцы и русские. Если вынести мою проблему на дипломатический уровень, тут же возникнут самые невероятные осложнения. Некоторые исландцы начнут вопить о нежелательном американском военном присутствии. Другие попытаются возобновить склоки между Исландией и Англией вокруг правил о ловле рыбы. Третьи вспомнят о том, что основным торговым партнером страны сейчас является Россия. Как ты относишься к русским, Сигурлин?

— Прекрасно, — мгновенно ответила она. — Они много для нас сделали.

— Допустим. Но если в правительстве кое-что узнают, эти прекрасные отношения могут тут же испортиться. Кому это нужно?

Элин и Сигурлин переглянулись. Я терпеливо ждал результата их размышлений.

— Он прав, — наконец изрекла Сигурлин.

— Чем меньше политики, тем лучше, — продолжил я. — Не нужно разводить международную грязь в Исландии, я слишком люблю эту страну. И, кажется, знаю прекрасный выход из положения.

— Отдай им посылку! — воскликнула Элин. — И все сразу наладится.

— Именно это я и собираюсь сделать, — согласился я. — Но только на моих условиях. А сейчас прошу прощения, мне нужно кое-что обдумать.

Обдумать мне предстояло не кое-что, а очень многое. Например, то, что Кенникен в любой момент может по номеру "фольксвагена" узнать адрес владельцев. Узнать — и сделать соответствующие выводы, то есть появиться здесь уже через несколько часов.

— Сигурлин, ты не могла бы уехать к мужу? — спросил я.

— Зачем? — изумилась она, но тут же поняла причину. — Наша машина!

— Правильно. Лучше, если тебя не будет дома, когда явятся названные гости. Когда Гунар должен вернуться?

— Через три дня.

— Замечательно! Через три дня все точно закончится.

— А вы с Элин куда поедете?

— Лучше не спрашивай, — вздохнул я. — Ты и так слишком много знаешь. А я хочу еще забрать отсюда наш джип. Его нужно спрятать.

— Можешь просто поставить его в конюшню.

— Отличная идея! Тогда я сейчас кое-что переложу из джипа в "вольво". Это займет всего несколько минут.

Я пошел в гараж и занялся упаковкой боеприпасов, раздумывая, куда бы спрятать проклятую электронную деталь. И тут вошла Элин.

— Куда мы едем? — спросила она с порога.

— Не мы, а я. Ты едешь с Сигурлин.

— Великолепно! — воскликнула она с хорошо знакомым мне упрямым выражением. — Просто замечательно! Но, представь себе, я люблю свою страну не меньше, чем ты, и хочу помочь ей избежать неприятностей.

— Элин, — с трудом удерживаясь от смеха, произнес я, — но как ты сможешь это сделать?

— Как и любой исландец, — ответила она.

— Но ты же не понимаешь, что происходит, — попытался я возражать.

— А ты сам-то понимаешь? — отпарировала она.

— Кажется, начинаю понимать. Почти наверняка Слейд — русский агент, а мне удалось настроить против него Кенникена. Во всяком случае, когда они встретятся, мне бы не хотелось оказаться на месте Слейда. Кенникен предпочитает сразу действовать.

— Кстати, что произошло вчера вечером?

— Ничего хорошего, — ответил я быстро. — Иди собирайся. Через час в доме не должно быть никого.

— Так куда ты едешь?

— В Рейкьявик. Но по дороге хочу заехать в Кефлавик.

— Это вовсе не по дороге! — удивилась Элин. — Только если сделать огромный крюк в южном направлении, ты попадешь сначала в Кефлавик. Иначе обязательно придется ехать туда через Рейкьявик.

В том-то все и дело! Сеть дорог в Исландии была не слишком разветвленной, и если у Отдела не хватает людей, чтобы заблокировать мне путь, то у Кенникена их наверняка вполне достаточно. Более того, нужно только держать под контролем две дороги, чтобы перекрыть мне путь на Рейкьявик. И радиотелефон теперь работал не за меня, а против.

— Ты чертовски права, дорогая, — со вздохом проговорил я. — Кажется, мы в капкане.

— А вот и нет! — улыбнулась Элин. — Я знаю выход, о котором никто не догадается. Даже Кенникен.

— Какой же? — недоверчиво спросил я.

— По морю. Нам нужно доехать до порта Вик — это близко отсюда, а потом один мой приятель доставит нас на катере прямо в Кефлавик.

Чем дольше я изучал карту, тем больше мне нравилась эта идея.

— Но мне придется поехать с тобой, — простодушно добавила Элин. — Я должна буду познакомить тебя с моим приятелем. Опять она обвела меня вокруг пальца!

2

Вряд ли можно было избрать наименее подходящий путь в Рейкьявик — с точки зрения любого нормального человека. Но он оказался наиболее безопасным, во всяком случае, по дороге к порту я не заметил вокруг ничего подозрительного. До полудня мы ехали без особых приключений, потом Элин решительно сказала:

— Привал. Нужно выпить кофе.

— А у тебя с собой волшебная палочка? — не без ехидства поинтересовался я.

— Просто термос. А еще пакет с сэндвичами.

— Пожалуй, я правильно сделал, что взял тебя с собой, — заметил я. — Про еду мне подумать было некогда.

— Мужчины не так практичны, как женщины, — изрекла Элин.

— Кстати, о мужчинах. Что это за приятель у тебя в Вике?

— Вальтер. Одноклассник Берни. Он биолог, занимается прибрежной экологией.

— Ах вот почему у него есть катер, — догадался я. — Но с какой стати он повезет нас в Кефлавик?

— Попрошу — доставит, — заявила Элин.

— Роковая женщина! — усмехнулся я. — Просто исландская Мата Хари.

— Тебе понравится Вальтер, — спокойно ответила Элин, хотя и покраснела. — Вот увидишь.

Он действительно мне понравился. Это был огромный, квадратный мужчина, просто ожившее воплощение исландских скал.

— Элин! — радостно воскликнул он, когда мы появились в его лаборатории. — Какими судьбами?

— Просто ехали мимо. Познакомься: это Алан Стюарт из Шотландии.

— Очень приятно, — произнес он, и я понял, что ему действительно приятно. — Вам повезло, что застали меня. Завтра я уезжаю.

— Да? — подняла брови Элин. — Куда же?

— В Рейкьявик. Там мне должны поставить новый мотор на мою старую посудину.

Воистину, если начинает везти, так везет во всем. Теперь Элин не придется его уговаривать отвезти нас в Кефлавик — он сам собрался в эти края.

— Пару пассажиров не прихватишь? — поинтересовалась Элин с ослепительной улыбкой. — Алану надо кое с кем встретиться в Кефлавике, а я обещала показать ему Исландию с моря.

— С удовольствием! — отозвался Вальтер. — Путь неблизкий, приятно время от времени смениться у штурвала. Как поживает твой брат, Элин? Уже стал отцом?

— Скоро станет, — засмеялась в ответ Элин.

— Вы в отпуске, Алан? — спросил меня Вальтер по-английски.

— Можно сказать и так, — ответил я по-исландски. — Я приезжаю сюда каждый год.

Он слегка удивился, потом улыбнулся:

— Не часто встретишь энтузиастов, вроде вас. Это стоит отметить, так что сегодняшней день объявляется выходным.

Он обнял Элин за плечи, но я не обратил на это никакого внимания. Меня больше занимала лежавшая на столе газета. Заголовок, набранный крупными буквами, гласил: "Перестрелка у гейзера". В статье описывалось нечто похожее на небольшое столкновение двух армий, но все участники были неизвестными. Кроме одного: русский турист Игорь Волков по неосторожности упал в кипяток возле гейзера. Советский посол высказал по этому поводу недовольство.

Я взял газету и просмотрел другие статьи. Естественно, выпад советского посла не остался без ответа. В передовице журналист язвительным тоном осведомлялся, как могло получиться, что русский турист был вооружен до зубов, хотя на таможенном контроле ничего такого не декларировал.

Все-таки мы с Кенниконом умудрились осложнить советско-исландские отношения!

3

На следующее утро мы отплыли довольно поздно, причем голова у меня была в паршивом состоянии. Вальтер, похоже, мог выпить сколько угодно, и моя попытка соревноваться с ним закончилась катастрофой. Он весело смеялся, укладывая меня спать, и так же весело встал через несколько часов к штурвалу, а я с трудом приходил в себя.

Не улучшила моего настроения и попытка дозвониться в Лондон. Таггерта не было на месте, мне нежелали сообщить, где он, а я уже вообще никому не доверял.

До катера мы добрались на лодке, причем Вальтер с любопытством посмотрел на два свертка из мешковины, которые я захватил с собой. Но никаких вопросов не задал, и вообще сделал вид, что именно так и нужно путешествовать вдоль побережья на катере: с непонятной поклажей.

— Сколько времени займет плавание? — поинтересовался я.

— Если с мотором все будет в порядке, чуть меньше суток. А если забарахлит, то всю оставшуюся жизнь. Как у тебя с морской болезнью?

— Понятия не имею. Не было случая проверить.

— Считай, что этот случай наступил. Но сегодня ясный день, нам повезло. Увидишь извержения береговых вулканов. Тебе это может в дальнейшем пригодиться.

— В каком смысле? — слегка опешил я.

— Каждые десять лет из-за их деятельности Исландия сползает на несколько сот метров южнее. Геологи утверждают, что примерно через миллион лет мы сольемся с Шотландией.

Он ткнул меня в бок и оглушительно захохотал. Я посмеялся вместе с ним, а потом пошел в каюту, лег на койку и заснул так, как если бы кто-то стукнул меня по голове.

4

— Приехали, — разбудил меня голос Элин.

— Куда? — сразу не понял я.

— В Кефлавик. Вальтер готов высадить нас на берег.

— Господи, а который час?

— Восемь. Ты неплохо поспал, да?

— После пирушки с Вальтером мне больше ничего не оставалось, — улыбнулся я и окончательно проснулся.

— Долго здесь пробудешь? — спросил Вальтер, прощаясь со мной.

— Все лето, — ответил я. — Но пока еще не знаю, где именно.

— Созвонимся?

— Обязательно.

Мы подождали, пока катер отчалит, потом Элин спросила меня:

— И что теперь?

— Теперь мне нужно попасть в Кефлавик. Хочу посоветоваться насчет этой электронной штуковины. А ты после завтрака пойдешь в здешний аэропорт. Во-первых, узнай, где твой брат, а во-вторых, постарайся там спрятаться понадежнее.

— Хорошо, — спокойно ответила Элин. — Но сначала нужно позавтракать.

Когда я вошел в офис к своему приятелю Ли, тот с изумлением взглянул на мои свертки.

— Довольно внушительное снаряжение, Алан. И не говори, что это рыболовные снасти. Кстати, вид у тебя неважный.

— Мотался по плохим дорогам, вот и все. Мне нужно привести себя в порядок, а потом я хочу кое-что тебе показать.

Он достал из ящика походную электробритву, протянул мне и спросил:

— Что ты хочешь мне показать?

Я вытащил из кармана металлическую коробочку и положил перед ним на стол. Я понимал, что скорее всего поставлю его в неловкое положение: его профессия предполагала определенные принципы, а я хотел, чтобы он их нарушил. Но если кто-то и мог помочь мне разобраться с этой деталью, то это был именно Ли, специалист по электронике на базе в Кефлавике, причем он считался отменным специалистом в области радаров и радиосвязи.

— Ну, и что это?

— Хотел бы узнать.

— Почти наверняка изготовлено в Америке, — начал Ли, вертя деталь в руках. — Некоторые детали американские, да и сила тока на выходе указана соответствующая.

— Замечательно! — обрадовался я. — А что еще?

— Без специального обследования сказать не могу. Точно только, что не деталь транзистора. Если честно, никогда раньше не видел ничего подобного.

— Можешь ее протестировать?

— Элементарно. Давай для начала подключим к ней ток и посмотрим, что из этого выйдет.

— Мне можно посмотреть?

— Почему нет? Пойдем в мастерскую. Где ты ее взял, кстати?

— Мне дали, — уклончиво ответил я.

Он выразительно посмотрел на меня, но промолчал. Мы пришли в мастерскую — большую комнату, забитую всяким электронным оборудованием. Ли подошел к дежурному офицеру и спросил, где есть свободный стенд для тестирования. Через несколько минут мы уже сидели перед ним.

— Сейчас посмотрим, — вслух размышлял Ли. — Это не деталь оборудования самолета: слишком сильный ток. Корабль отпадает по той же причине. Америка, безусловно... Но некоторые канадские фирмы тоже используют американские детали.

— А это не может быть деталью телевизора?

— Ну, я такого телевизора не встречал. Сейчас подведем ток, начнем с самого низкого напряжения. Так... так... Ерунда какая-то получается. И на выходе ничего нет.

— Это плохо?

— Это невозможно, — озадаченно ответил Ли.

— Что-то неисправно?

— Если бы было неисправно, ток бы не шел. А он идет нормально, только... никуда. Вот что: не возражаешь, если эта штука побудет у меня какое-то время?

— Зачем?

— Хочу попробовать другие приборы. Но они есть только в той лаборатории, куда тебя не пустят.

— А-а, секретная. Хорошо, Ли, поиграй еще, а я пока пойду побреюсь. Буду ждать тебя в офисе.

— Откуда ты это взял, Алан?

— Скажу, если ты мне объяснишь, что она умеет делать.

— Договорились, — усмехнулся Ли.

Секретная лаборатория! Пропуск Флита был годен и туда тоже.

Я побрился, выкурил сигарету и успел прочесть газету от корки до корки. Ли появился только через полтора часа, держа перед собой деталь так, как если бы это было ядовитое насекомое.

— Так откуда это у тебя? — спросил он, осторожно кладя деталь на стол.

— Что это?

Ли прочно уселся в кресло и с неприязнью глянул на деталь.

— Ничего. Абсолютно ничего.

— Перестань! Так не бывает.

— Я тоже так думал до сегодняшнего дня. Больше всего похоже на муляж, но непонятно, что он изображает.

— Оно должно не изображать, а работать.

— Работать! Если устройство потребляет ток, то оно должно действительно что-то вырабатывать. А тут — ничего.

— Может быть, вырабатывается тепло?

— Я же тебе говорю: полная пустота. Я рискнул и провел через нее ток в тысячу вольт. Она могла расплавиться, но даже не нагрелась.

— Зато ты, похоже, раскалился, — заметил я.

— Алан, я не расположен шутить. Передо мной нечто, чему нет разумного объяснения в физике. О каком спокойствии можно говорить? Похоже, эта штука разрушает энергию...

— Так. Давай начнем с начала. Ты подводишь к этой штуке ток и получаешь...

— Пустоту.

— Пустоту ведь тоже можно измерить? Возможно, где-то есть сумасшедший гений с необходимой аппаратурой.

— Но я инженер! И у меня достаточно аппаратуры. Лучше скажи, где ты это взял?

— Меня больше занимает вопрос, куда это спрятать. У тебя есть по-настоящему надежный сейф?

— Конечно. Хочешь оставить ее у меня?

— На сорок восемь часов. Если по истечении этого времени я не объявлюсь, отдай эту штуку своему руководству, и пусть сделают с ней все, что угодно.

— Почему бы не поступить так прямо сейчас? Через сорок восемь часов начальство с меня голову снимет...

— А сейчас головы лишусь я. Скажу только, что эта вещь по-зарез нужна русским, они за ней гоняются.

— Даже так... Тогда договоримся немного по-другому: я держу ее в сейфе ровно двадцать четыре часа. И тебе возвращаю только в обмен на подробное объяснение всего.

— Хорошо, — устало согласился я. — Только одолжи мне свою машину. Джип остался у Элин.

— Ну, ты и гусь! — усмехнулся Ли и достал из кармана ключи от машины. — Голубой "шевроле" на стоянке у ворот.

— Помню. Ладно, еще увидимся.

— Если только не угодишь в тюрьму.

Я уже взялся за ручку двери, но, услышав эти слова, остановился.

— Почему ты так сказал, Ли?

— Всякий, разгуливающий с такой штукой в кармане, должен сидеть в тюрьме, — изрек он с важным видом.

Я расхохотался и ушел. Нашел машину, погрузил в багажник свой арсенал и критически оглядел себя в боковом зеркальце. Я был похож на бродягу: куртка в нескольких местах прожжена, брюки перепачканы, рукав порван. Правда, я был чисто выбритым бродягой.

Пока ехал в сторону аэропорта, я размышлял о словах Ли. Получалось, что эта деталь имеет огромную научную ценность. Допустим. Но Кенникен сказал, что предпочитает убить меня, что это для него важнее. А ведь в таком случае детали он не увидит как своих ушей. Что же такого было во мне, если в этом сумасшедшем мире техники мою голову оценили выше электронного устройства?

Элин я нашел в зале ожидания аэропорта. Она сидела одна с чрезвычайно встревоженным видом.

— Что так долго, Алан?

— Возникли непредвиденные обстоятельства. У тебя неприятности?

— Не у меня, — медленно произнесла она и протянула мне свежую газету. На первой полосе я увидел фотографию своего собственного ножа, а под ним подпись: "Не приходилось ли видеть это оружие? Нож найден в сердце английского журналиста Джека Кейса, труп которого обнаружили в машине возле сель-

ского дома. Хозяева дома отсутствовали, поэтому выяснить, что случилось, а также было ли что-то похищено из дома, не представляется возможным. Каждого, кто может сообщить что-то по этому делу, просят связаться с ближайшим полицейским отделением”.

Одновременно полиция искала “вольво” с соответствующими номерными знаками. Я взглянул на Элин и тихо сказал:

— Ну и каша заварилась!

— Это тот человек, с которым ты встречался у гейзера?

— Да.

Это был тот человек, которого я заподозрил в измене и оставил без сознания возле дома Кенникена. У Кенникена был мой нож и моя машина, вполне в его стиле — прибавить к этому Кейса. А я ему невольно в этом помог. Но зачем, зачем нужно было убивать Джека?

— Это ужасно! — тихо сказала Элин. — Опять убийство...

— Я не убивал, — глухо отозвался я.

— А как в полиции узнали про “вольво”?

— Это как раз понятно. Он взял машину напрокат, а как только его опознали, стали заниматься машиной.

Очень удачно получилось, что “вольво” остался в гараже у Вальтера в Вике.

— Когда возвращается Вальтер? — спросил я у Элин.

— Завтра.

Опять эти двадцать четыре часа! Похоже, все вокруг сговорились ограничить меня именно этим сроком. Впрочем, Вальтер может обратиться в полицию и раньше, тогда неизбежно выйдут на Сигурлин, а она молчать не будет...

— Что ты собираешься делать? — спросила Элин, взяв меня за руку.

— Не знаю. Прежде всего мне нужно сесть и подумать.

Точнее, мне нужно было сложить кусочки головоломки. Сначала Кенникен охотится за деталью, потом вдруг теряет к ней интерес и жаждет только моей крови. Причем происходит эта метаморфоза после телефонного звонка. У гейзера я сообщил Кейсу о своих подозрениях относительно Слейда и получил обещание доложить об этом Таггерту. Но несколько минут спустя я видел Кейса мило беседующим с тем же Слейдом. А если Джек возбудил в нем какие-то подозрения? Тогда как стал бы действовать Слейд, человек, безусловно, умный и великолепно умеющий манипулировать другими людьми?

Он связался бы с Кенникеном и настоял на том, что его положение в английской разведке важнее какой-то там детали. Он бы дал приказ уничтожить меня. Именно это и произошло. И не менее важно было заставить замолчать Кейса. Ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы он поговорил с Таггертом. И Кейса ликвидировали, виртуозно свалив вину на меня. Очень типично для террористов и шпионов.

Все связывалось воедино и складывалось в довольно четкую картину. За исключением одного: поведения Кейса возле гейзера. Он видел, что на меня напали, он был вооружен, но пальцем не пошевелил, чтобы помочь мне. Это было не похоже на Кейса, а еще более странной выглядела его внезапная дружба со Слейдом. Все это меня очень беспокоило.

— Узнала о Берни? — спросил я у Элин.

— Он будет в Рейкьявике сегодня к вечеру. Сейчас он в рейсе.

— Пока он не прилетит сюда, носа никуда не высовывай, — сказал я. — Поесть тебе могут принести и сюда. Слишком много людей сейчас нас ищут.

— Что же, мне здесь навсегда остаться? — возмутилась она.

— Только до приезда Берни. А потом он должен будет посадить тебя в самолет и отправить отсюда как можно дальше. Желательно инкогнито, обойдя все формальности.

— Вряд ли он сможет...

— Черт побери! — взорвался я. — Если твой братец может провозить контрабандой ящики пива из Гренландии, то может и все остальное. Кстати, Гренландия — это совсем неплохая идея. Даже Слейду при всей его проницательности вряд ли придет в голову искать тебя там.

— Я не хочу уезжать.

— Поедешь, — безапелляционно отрезал я. — Сейчас ты мне только помешаешь. Если последние несколько дней показались тебе напряженными, то по сравнению с предстоящими сутками они окажутся просто идиллией. Я не хочу, чтобы ты так рисковала, и, Бога ради, прекрати спорить.

— Так ты считаешь меня обузой, — горько вздохнула она.

— Нет, не считаю, тем более, что ты это доказала делом. Но не забудь, что ты ранена.

— Не забудь, что я люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя. Поэтому хочу, чтобы ты оказалась в безопасном месте. Неужели непонятно?

— А как же ты?

— Я профессионал. Это совсем другое дело.

— Все погибшие за эти дни были профессионалами, — заметила Элин. — И поэтому я беспокоюсь за тебя.

— А я — тем более беспокоюсь за тебя. И вот еще что, Элин... — Я снял куртку, отстегнул кобуру и достал оттуда пистолет. — Знаешь, как им пользоваться?

— Нет, — выдохнула она, замороженно глядя на блестящий кусок металла.

— Вот так передвигаешь этот рычажок, и пуля попадает в ствол. Потом снимаешь с предохранителя — вот так, потом целишься и нажимаешь на курок. После каждого выстрела вылетает пуля, всего их восемь штук. Поняла?

— Кажется, да.

— Повтори.

— Досылаю патрон в ствол, снимаю с предохранителя и нажимаю на курок.

— Умница. — Я вложил пистолет в кобуру и протянул ей. — Если кто-то будет тебе докучать, выстрели. Может, и не попадешь, но нервы помотаешь, да и от тебя скорее отстанут. Пойди в туалет и надень кобуру под куртку. Когда вернешься, меня уже не будет.

— Куда ты? — спросила она уже больше для порядка, явно смирившись с ситуацией.

— Мое терпение кончилось. Я устал быть дичью, теперь начинаю свою охоту. Так что пожелай мне удачи.

Она подошла ко мне и нежно поцеловала, крепко сжимая в руках пистолет. В глазах у нее стояли слезы.

— Удачи тебе, — пожелал ей я.

Когда дверь за ней закрылась, я повернулся и вышел на улицу.

Глава девятая

“Шевроле” был слишком шикарен для тех дорог, по которым мы с Элин колесили накануне, но для того, чтобы мчаться по международной автостраде в Рейкьявик, он подходил идеально. Свидание было назначено на полдень, и я не хотел опаздывать в магазин сувениров.

Машину я припарковал на соседней улице. На самом деле мне нечего было делать в магазине сувениров, поскольку посылка лежала в сейфе у Ли. Но мне хотелось посмотреть на того, кто пришел на встречу со мной. Поэтому я зашел в книжный магазин напротив, второй этаж там занимало кафе, где можно было спокойно посидеть за чашечкой кофе и газетой.

В сувенирном магазине толклось множество туристов, и на первый взгляд трудно было определить того, кто пришел на встречу со мной. Но я не собирался рисковать: слишком много засад встретилось мне за последние дни, и практически все они были неожиданны. Точнее, везде меня ждали.

Если следовать логике развития событий, то и это место встречи должно находиться под жестким контролем. Поэтому я пристально вглядывался в толпу туристов в магазине, надеясь разглядеть знакомое лицо. Не мог же Кенникен притащить с собой целую армию!

Прошло целых полчаса, пока я наконец заметил это знакомое лицо. Трудно забыть человека, которого видел в оптическом прицеле. Он ничем не отличался от остальных туристов: фотоаппарат, карта, открытки в руке. Но я продолжал наблюдение: мне было интересно, кто у него в напарниках. Прошло немало времени, прежде чем он, очередной раз взглянув на часы, решил уходить и сделал приглашающий жест. С другой стороны улицы к нему двинулся человек.

Но это был еще не конец: к ним тут же присоединился третий. Этого я узнал сразу: Ильич! Троица посоветовалась о чем-то, а потом, не торопясь, двинулась по улице. Я пошел вслед за ними. Мне уже было ясно, что они знали и о месте встречи, и о ее временных рамках. Я не удивился бы, если бы узнал, что им известен и пароль.

На углу двое сели в машину и уехали, а Ильич пошел дальше по направлению к гостинице. Я последовал за ним и увидел, что он не остановился около портье, а сразу поднялся на второй этаж. Я определил номер комнаты, потом спустился в холл, сел в углу и заказал кофе. Опять кофе! Но такова цена любой слежки.

К счастью, мне не пришлось долго ждать. Не прошло и десяти минут, как Ильич снова спустился вниз. И тут я понял, что все мои подозрения имели под собой очень прочное основание: с Ильичом был Слейд. И они очень мило беседовали.

Парочка прошла в ресторан. Все складывалось для меня вполне удачно: я поднялся наверх и постучал в ту же дверь, что и Ильич раньше. Никто не отозвался, поэтому я сам себя пригласил войти и вошел, используя в качестве ключа телефонную карточку. Кое-чему в Отделе я все-таки выучился.

Но и Слейд многому выучился, причем с двух сторон, так что я не стал делать глупостей и осматривать его багаж. Там наверняка была какая-нибудь метка, во всяком случае, я бы именно так и поступил со своими вещами. Поэтому я просто внимательно осмотрел дверцу шкафа, убедился, что никаких тонких ниток и волосков там нет, залез внутрь и приготовился терпеливо ждать. Слейд любил поесть, и мне это было отлично известно.

Он вернулся вместе с Ильичом, беседа по-русски, как на своем родном языке. Впрочем, может быть, Слейд и был русским, меня уже ничего не удивляло в этом человеке.

— До завтра никаких приказаний не будет? — спросил Ильич.

— У меня — никаких. Возможно, что-то понадобится Вацлаву, — отозвался Слейд.

— Мне кажется, что Стюартсен не подойдет к месту встречи, — заметил Ильич. — Информация у вас точная?

— Абсолютно, — коротко отозвался Слейд. — Но он может появиться на протяжении ближайших трех дней. По-моему, мы недооценили Стюарта.

Я улыбнулся. Приятно, когда тебя хвалят.

— Мы ничего не станем делать с посылкой, — продолжил Ильич. — Пусть он ее передаст, а мы за ним проследим. И когда он останется один...

— Что тогда?

— Убьем его, — буднично ответил Ильич.

— Хорошо, — согласился Слейд. — Но тела не должно остаться, позаботьтесь об этом. Хватит шумихи вокруг Кейса. Интересно, что Стюарт делал с Филипсом?

Ответа на этот вопрос Слейд, естественно, не получил и после небольшой паузы распорядился:

— Будьте возле места встречи завтра в одиннадцать и, как только появится Стюарт, позвоните мне.

— Разумеется. А где Кенникен?

— Тебя это не касается, — резко ответил Слейд. — Можешь идти.

Дверь захлопнулась. Потом послышался шелест бумаг и еще какие-то звуки. Я осторожно приоткрыл дверцу шкафа: Слейд сидел в кресле с газетой на коленях и зажигал сигару. Он подвинулся, чтобы быть ближе к пепельнице, и оказался спиной ко мне. Идеальное положение!

Я осторожно выбрался из шкафа, достал из кармана шариковую ручку и, подкравшись к Слейду, приставил ее к его шее:

— Сиди спокойно, или останешься без головы!

Слейд замер, а я быстро освободил его от пистолета. В последнее время мне только и приходилось разоружать людей, похоже, все поголовно теперь ходят с пистолетами под мышкой.

— Не дергайся, — посоветовал я. — Просто медленно встань. Он послушался, продолжая сжимать в руках газету.

— Подойди к стене и обопрись об нее расставленными руками. Ты знаешь, как.

Слейд принял классическое положение обыскиваемого человека. Но он все равно мог выкинуть что-нибудь неожиданное, поэтому я продолжал его инструктировать:

— Отставь ноги как можно дальше от стены. А руки держи так же. Вот молодец.

У него дрожали руки, пока я его обыскивал, но вряд ли это было от страха. Скорее, от неудобного положения, в котором внезапно оказалось грузное тело. Я обыскал его: оружия не было, зато был шприц, к которому прилагалось полдюжины ампул. Одни были с зеленой этикеткой, это средство могло погрузить человека в беспамятство часов на шесть. Другие — с красной, эти убивали за тридцать секунд. Н-да, пистолет при таком арсенале был явно данью моде.

— Теперь медленно ляг на пол у стены. На живот, ноги в стороны, руки тоже.

Слейд лежал на ковре, повернув голову на бок и злобно сверкая на меня глазом.

— А если сейчас кто-нибудь придет? — хрипло спросил он.

— Да не волнуйся ты так, — усмехнулся я. — До того, как дверь откроется, ты станешь трупом. Жаль только, если это окажется горничная.

— Какого черта, Стюарт! — быстро сказал он. — Что ты творишь? Ты спятил, теперь я в этом абсолютно уверен. Я говорил Таггерту, что у тебя не все дома, он со мной согласился. А теперь убери пистолет и дай мне встать.

— Молодец! — с восхищением сказал я. — Все предусмотрел, даже мое помешательство. Но все равно не двигайся, или я тебя убью.

— Тебя повесят за это, Стюарт. Измена — самое страшное преступление.

— Да что ты говоришь? Ну, тебя-то не повесят, ты не изменял никому, только был шпионом, так? А в мирное время шпионов не вешают. Вот если бы ты был англичанином, тогда конечно... Но ты ведь русский.

— Ты совсем рехнулся! — с отвращением сказал он. — Надо же придумать: я — русский. Ну, подожди, Таггерт до тебя доберется.

— А до тебя? До твоих переговоров с противником?

— Это же моя работа, черт побери! Ты сам одно время был правой рукой Кенникена. Только я, в отличие от тебя, выполняю приказ.

— Занятно, — заметил я. — Хотя приказы какие-то странные. Расскажи-ка о них подробнее.

— Мне не о чем говорить с предателем! — заявил он.

В этот момент я впервые искренне восхитился Слейдом. Биться до конца. Находясь в таком опасном и унижительном положении! Я сам бывал в таких переделках и знаю, как сложно при этом “сохранить лицо”.

— Прекрати, Слейд, — устало сказал я. — Я же слышал, как ты приказывал Ильичу убить меня. Только не вздумай сказать, что просто передавал приказ Таггерта.

— Конечно! — не моргнув глазом, ответил он. — Таггерт считает, что ты переметнулся. И это вполне объяснимо, учитывая твое поведение.

— Ну, ты даешь! — расхохотался я. — Лежишь носом в пол и такое заявляешь! Скажи еще, что именно Таггерт приказал тебе задействовать русских.

— Иди к черту! — мрачно отозвался он.

— Боюсь, что это придется сделать тебе, — сказал я. — Мне, в общем-то, безразлично, англичанин ты или русский, разведчик или перебежчик, патриот или предатель. Это уже сугубо личное дело. В Подкове по твоему приказу чуть не убили Элин, а теперь ты приказал убрать меня. Так что если я сейчас разделаюсь с тобой, это будет всего лишь самооборона.

Слейд поднял голову и заглянул мне в глаза.

— Этого ты не сделаешь.

— Вот как?

— Именно так. Я уже говорил тебе, что ты слишком мягкосердечен. Если бы я убежал, или была бы перестрелка, тогда другое дело. Тогда ты вполне мог бы меня убить. Но лежащего и безоружного ты не убьешь. Английский джентльмен! — Он невнятно выругался сквозь зубы.

— На твоём месте я бы не обольщался, — заметил я. — У шотландцев есть свои национальные особенности.

— Ну да!

Я отдал ему должное: Слейд отлично разбирался в людях, и я не был для него книгой за семью печатями. Он прекрасно знал, что, пока он не двигается, его жизни ничего не угрожает, какие бы слова я при этом ни говорил.

— Кстати, ты недавно подтвердил мою правоту, — улыбнулся он. — Прострелил Юрию ногу, хотя мог взять чуть повыше и попасть прямо в сердце. Ты вообще мог всех их там положить, стреляешь ты метко.

— Возможно, тогда у меня просто не было настроения, вот и все. Убил же я Григория.

— Во время схватки. На кону стояла твоя жизнь. Это естественно и вполне оправдано.

Я почувствовал, что он начинает брать надо мной верх, а этого ни в коем случае нельзя было допустить.

— Все-таки ты будешь говорить. Для начала скажи мне, что это за электронное устройство?

Он презрительно посмотрел на меня и демонстративно сжал губы. Я перевел взгляд на пистолет, который был у меня в руке. Игрушка — тридцать второго калибра, одному Богу известно, почему Слейд предпочел его. Хотя... Этот пистолет практически не производит шума и стреляет очень быстро.

Глядя Слейду прямо в глаза, я прострелил ему правую руку. Он дернулся и застонал, а я приставил пистолет ему к голове и заметил:

— Убить я тебя, может быть, и не убью, но отстрелю несколько кусочков, если будешь плохо себя вести. Есть вещи похуже смерти, тебе это известно, правда? А если нет, спроси у Кенни-кена.

У Слейда из ладони на ковер текла кровь, он облизнул пересохшие губы и прошептал:

— Чертов подонок!

И тут зазвонил телефон. Пока я подошел к нему, взял в руки и перенес аппарат к Слейду, прозвучало не меньше четырех звонков.

— Ответь, — приказал я. — Но запомни, что я хочу слышать обе стороны, и что пистолет по-прежнему у меня. Ну!

Слейд неловко взял трубку левой рукой и глухо проговорил:

— Да?

— Это Кенникен, — послышалось из трубки.

— В чем дело? — хрипло сказал Слейд.

— Что у тебя с голосом?

— Простудился, — проворчал Слейд, косясь на пистолет в моей руке. — Что у тебя?

— Девка.

Мне показалось, что сердце у меня в груди остановилось. Я коротко глянул на Слейда, а мой палец непроизвольно лег на курок.

— Где ты ее нашел? — спросил Слейд.

— В аэропорту. У нее брат — летчик, вот мы и подумали... Как видишь, не ошиблись. Все прошло очень тихо.

Это было похоже на правду. Я беззвучно подсказал Слейду следующий вопрос, и он не посмел ослушаться.

— Где она теперь? — спросил он у Кенникена.

— В обычном месте.

— Я сейчас выезжаю, — отозвался Слейд, очень правильно отреагировав на движение моего пистолета.

Я тут же нажал на рычаг, прерывая разговор, и взглянул на Слейда. Лицо его было совершенно безмятежно, он лежал неподвижно.

— Ты ошибался насчет меня, — сказал я с тихим бешенством. — Вот теперь я вполне могу тебя убить. Что это за место?

Он молчал, но мое терпение кончилось. Я уже знал, как заставить его говорить, но чтобы после этого у него еще были силы передвигаться.

— Ты пожалеешь, что не умер, — сказал я и прострелил ему левое ухо. Выстрел был на удивление тихим, наверное, Слейд удалил из патронов часть пороха. Старый трюк: шума меньше, а убойная сила остается прежней. Куда надежнее, чем глушитель, который увеличивает оружие в два раза, а также создает опасность для стрелка: иногда силой отдачи ему может просто оторвать руку.

— Я хороший стрелок, — заметил я, — но еще не привык к твоему пистолету. По-моему, он чуть-чуть забирает влево, поэтому если я захочу прострелить тебе правое ухо... В общем, подумай.

Нервы у Слейда не выдержали, и он сдался. По-видимому, русская рулетка не была его любимой игрой.

— Ради Бога, прекрати! — взмолился он.

— Так где это обычное место?

— Возле озера.

— Куда привезли меня от Гейзера?

— Именно.

— Надеюсь, ты не врешь. У меня нет времени разъезжать по стране. Так что не радуйся: тебя я здесь не оставлю. Встань лицом к стене и медленно надень пальто. Только сначала перемотай чем-нибудь руку, чтобы не истечь кровью.

— Чем же?

Я открыл его чемодан, вытащил какую-то рубашку и бросил ему.

— Оторви от нее кусок. А потом надень пальто.

Я внимательно наблюдал за неловкими манипуляциями Слейда, ожидая какого-то подвоха. Один неправильный шаг — и ситуация может повернуться на сто восемьдесят градусов. Человек, который пробрался в самое сердце английской разведки, не может быть идиотом по определению. Если бы я не перестра-

ховался, этот разговор не состоялся бы просто потому, что меня уже не было бы на свете.

Я положил в карман его паспорт и бумажник, а потом бросил ему шляпу.

— Мы идем гулять. Засунь забинтованную руку в карман пальто и веди себя так, как подобает английскому джентльмену. Хотя ты им и не являешься. Одно неверное движение — и ты покойник, хоть бы мне пришлось стрелять на главной городской площади. Кенникен поступил глупо, захватив Элин, это хоть ты понимаешь?

— Я еще в Шотландии тебя предупреждал, чтобы ты не впутывал ее в это дело, — сообщил Слейд, глядя в стену.

— Это было разумно, — согласился я. — Но если с ней что-то случится, ты — покойник. Как раз тот случай, когда я убью, не задумываясь об этических нормах. Элин для меня значит больше, чем ты и вся твоя паршивая контора. Да и моя тоже, если уж на то пошло.

— Я тебе верю, — тихо сказал Слейд и вздрогнул.

Он мне действительно поверил. Если мужчине дорога женщина, он ради нее способен на абсолютно непредсказуемые и даже идиотские поступки.

— Ладно, — сказал я. — Бери шляпу и пошли.

По коридору я шел на шаг позади Слейда и чуть правее, а пистолет у меня в руке прикрывал пиджак. Так мы вышли из гостиницы и добрались до того места, где я припарковал машину.

— Садись за руль, — приказал я.

— У меня болит рука, — попробовал все же запротестовать Слейд. — Я не смогу вести машину.

— Сможешь. Мне плевать на твои ощущения. И не вздумай превышать скорость или нарушать правила. Не пытайся разбить или испортить машину. Помни о том, что сзади сижу я с пистолетом. Пуля в затылок — вот что тебя ожидает, если начнешь фокусничать. Теперь поехали — только медленно и плавно.

Слейд послушался. Думаю, дело было не только в страхе, а каждое движение действительно причиняло ему боль, так что он предпочитал не дергаться зря.

— Что ты затеял, Стюарт? — спросил он какое-то время спустя.

Я не ответил, я был занят тем, что изучал содержимое его бумажника. Ничего такого, что могло бы быть у супершпиона и двойного агента, я не обнаружил, но толстую пачку денег и несколько кредитных карточек конфисковал. Мне деньги совсем не помешают, а вот ему, если удастся каким-то образом сбегать, без денег будет гораздо сложнее.

— Ты же знаешь, что Кенникен не поверит ни единому твоему слову, — снова произнес Слейд. — Его не обмануть.

— Жаль, — равнодушно сказал я. — Но никакого обмана не будет.

— Тебе придется очень постараться, чтобы убедить его в этом, — заметил Слейд.

— Не волнуйся. Я бы мог легко убедить его, предъявив твою правую руку. С кольцом на среднем пальце.

Он замолчал и сосредоточился на дороге. Нас трясло, но я не просил его прибавить скорость. Сейчас я мог бы, в случае чего, пристрелить его и выпрыгнуть из машины. И не следовало искать судьбу.

— Ты что-то больше не твердишь о своей невинности, — заметил я.

— А что толку? Ты же все равно мне не веришь.

— Это точно. Но кое-какие моменты хотелось бы прояснить до конца. Откуда ты узнал, что я встречаюсь с Джеком Кейсом у гейзера?

— Международные телефонные разговоры обычно прослушиваются, — отозвался он. — Переговоры по радиотелефону — тем более.

— И ты сообщил об услышанном Кенникену?

— Почему ты не допускаешь, что разговор подслушал сам Кенникен? Хотя все эти препирательства бессмысленны. Ты был прав во всем и с самого начала. Ну, и что? Из Исландии тебе все равно не выбраться. Скажи только, где я прокололся?

— Кальвадос, — ответил я.

— Кальвадос? — растерянно переспросил он. — Что, черт побери, ты хочешь этим сказать?

— Ты знал, что Кенникен пьет только кальвадос. Этой информацией владел только я.

— Ах вот почему ты спросил Таггерта об алкогольных пристрастиях Кенникена! А я ломал себе голову. Мелочи! Вечно упускаешь из виду какие-то мелочи! Выстраиваешь себе новую жизнь, меняешь имя, тщательно разрабатываешь прикрытие, даже думать начинаешь по-другому. И вдруг какая-то бутылка кальвадоса, которую случайно где-то заметил несколько лет тому назад! Но ведь не только это? Было что-то еще, так, Стюарт?

— Было. Кальвадос просто натолкнул меня на размышления. Малькольм, например, который оказался в нужное время в нужном месте. Но это могло быть совпадением, я ничего не заподозрил. А вот когда ты послал Филиппа в Подкову, ты совершил ошибку. Посылать надо было Кенникена.

— Его еще не было в Исландии, — живо отозвался Слейд и с досадой прищелкнул языком. — Мне нужно было поехать самому.

— Тогда ты сейчас был бы на месте бедняги Филиппа, — усмехнулся я. — Так что благодари Бога за свою ошибку, какое-то время удалось выгадать. Скажи, ведь был какой-то человек по имени Слейд?

— Был. Мальчик. Мы нашли его во время Финской войны, ему тогда было пятнадцать лет. Его родители англичане, они

погибли во время бомбежки. Мы взяли мальчика под свою опеку. А потом я его заменил.

— А что случилось с мальчиком?

— Может быть, сослали в Сибирь. Но скорее всего...

Я тоже полагал, что допросили напоследок и потом где-то тихонько закопали труп.

— А как тебя зовут по-настоящему? — поинтересовался я.

— Ты не поверишь, я забыл, — рассмеялся Слейд. — Я уже так давно живу англичанином под английской фамилией, что прошлое кажется мне лишь далеким сном.

— Брось! Нельзя забыть свое настоящее имя.

— Я — Слейд, — упрямо повторил он. — И довольно об этом.

Я заметил, что страх у него почти прошел, а вместо него появилась некоторая уверенность. Что-то я просмотрел или упустил, а это было бы непростительной ошибкой.

Наконец мы подъехали к повороту, за которым начиналась дорога к дому на озере. Слейд сделал совершенно непроницаемое лицо, и я еще раз посоветовал ему не фокусничать. Мне приходилось следить одновременно и за ним, и за дорогой, и за окрестностями, так что еще пара глаз мне бы не помешала. Тем более, что дом я видел только один раз, да и то в темноте. Я приставил пистолет к затылку Слейда и сказал:

— Проедешь мимо дома, не меняя скорости. Я скажу, когда остановиться.

Только когда я убедился, что мы приехали по правильному адресу, я разрешил Слейду остановиться. Именно в этот момент я стукнулся локтем о дверцу машины и сильно выругался. Этот балаган мне был нужен для того, чтобы незаметно разрядить пистолет: если хочешь оглушить кого-то рукояткой оружия, нужно позаботиться о том, чтобы оно не выстрелило в тебя же. Слейд только-только затормозил, когда я точным ударом вырубил его. Машина остановилась.

Слейд был без сознания: в этом я убедился не только когда обшаривал еще раз его карманы, но и когда при этом пару раз задел раненую руку. Никакой реакции не было. Конечно, мне нужно было убить его, хотя бы потому, что он представлял огромную опасность для всего Отдела, а не только для меня. Но он был сейчас нужен мне как заложник, для обмена, а я не собирался менять мертвое тело на труп.

Кто-то из моих коллег-классиков однажды сказал, что если бы ему пришлось выбирать: предать родину или предать друга, то он хотел бы иметь мужество предать родину. Так вот, Элин была для меня больше, чем другом, она была моей жизнью, и я не задумывался над тем, что было бы полезнее для Отдела и даже для родины. Элин для меня была важнее их вместе взятых.

Я вышел из машины, открыл багажник, вытащил оттуда свой арсенал, а кусками мешковины, в которые были завернуты ружья, связал Слейда. Потом засунул его в багажник и за-

хлопнул крышку. Карабин Филипса вместе с патронами я спрятал в расщелину скалы возле машины, а конфискованное у Флита ружье взял с собой. Скорее всего, без оружия в предстоящем деле я не обойдусь.

2

К дому я подбирался очень медленно, на все путешествие у меня ушло около получаса. В конце концов нашел идеальную позицию неподалеку, залег и стал изучать обстановку. Это был тот самый дом: теперь я отчетливо видел разбитые стекла в одном из окон без занавесок. Прекрасно помню, как эти занавески полыхали, когда я убегал от Кенникена и его бандитов.

Около входной двери стоял автомобиль, и воздух над капотом слегка дрожал. Значит, кто-то приехал сюда совсем недавно и мотор был еще теплым. Ничего удивительного: Кенникену потребовалось немало времени, чтобы добраться сюда из Кефлавика, он совсем ненамного опередил меня. Значит, можно надеяться на то, что его разговор с Элин пока еще не состоялся.

Я спрятал ружье Флита между двумя валунами. В доме оно было бы бесполезно, но и оставлять его где-то вне досягаемости мне тоже не хотелось. После чего вышел на открытое место и медленно пошел по дорожке ко входной двери. Не физически, а психологически это был самый длинный путь, который я проделал в своей жизни, потому что чувствовал себя смертником, идущим на эшафот. Единственно, на что я надеялся, это на чувство любопытства у тех, кто был внутри: они должны были захотеть узнать, с чем я пожаловал, а не просто пристрелить меня.

Я нажал на кнопку звонка. В доме ничего не произошло, но с двух сторон от меня появились два человека. Я улыбнулся им и снова позвонил в дверь. На сей раз она открылась, а за ней стоял Кенникен с пистолетом в руке.

— Я из агентства, — любезно сказал я. — Как у тебя со страховкой, Вацлав?

Глава десятая

1

Кенникен посмотрел на меня пустым взглядом и прицелился в сердце.

— Почему бы мне не убить тебя прямо сейчас? — задумчиво осведомился он.

— Именно об этом я и пришел поговорить, — подхватил я. — Сейчас самый подходящий момент. Неужели тебе не интересно, зачем я здесь? Почему вот так прямо пришел и позвонил в дверь?

— Действительно, странно, — согласился Вацлав. — Не возражаешь против небольшого обыска?

— Сделай одолжение, — отозвался я.

Двое с улицы быстро и ловко обыскали меня и отобрали пистолет Слейда с патронами.

— Не слишком-то гостеприимно так долго держать меня у двери, — заметил я. — Да и соседи могут удивиться...

— У нас нет соседей, — ответил Вацлав и посмотрел на меня с некоторым даже удивлением. — Что-то ты слишком спокоен, Стюартсен. Совсем рехнулся? Но все равно, заходи.

— Спасибо, — чинно проговорил я и прошел следом за ним в уже знакомую мне комнату.

На полу лежал порядком обгоревший ковер, и я тут же заинтересовался этим:

— У вас недавно был пожар? Какой ужас!

— Умник, — с неопределенной интонацией отозвался Кенникен. — Садись в то же самое кресло. Как видишь, сегодня камин не топят. И прежде, чем ты что-нибудь скажешь, сообщая тебе: у нас твоя девушка. Кажется, ее зовут Элин.

— И что ты за нее хочешь? — осведомился я, развалившись в кресле.

— Вообще-то, она была нам нужна, чтобы выманить тебя. Но раз ты сам явился...

— Ну так отпусти ее.

— Ты забавный малый, — улыбнулся Кенникен. — Не пробовал выступить в варьете?

— У меня все еще впереди. А теперь выслушай серьезно, Вацлав. Ты отпустишь эту девушку, причем целой и невредимой.

— Я чего-то не понимаю? Так объясни.

— Объясняю. Я пришел сюда сам, значит, у меня были на то причины. И у меня есть встречное предложение. Обменять мою девушку на Слейда. Ах, Боже мой, я совсем забыл, что ты не знаешь человека с таким именем! Тогда извини.

— Даже если предположить, что я знаю такого человека, чем ты докажешь, что не блефуешь? Своим честным словом?

— И им тоже, — спокойно ответил я. — Но в первую очередь — вот этим. — И вынул из нагрудного кармана паспорт Слейда и перебрал его Кенникену.

Тот внимательно просмотрел его, закрыл и спокойно сказал:

— Это действительно паспорт человека по имени Слейд. Но это не доказательство того, что хозяин паспорта находится в твоих руках. У меня, например, есть не меньше полдюжины паспортов на разные имена. И вообще я не знаю никого с таким именем.

— Ты начал разговаривать сам с собой, Вацлав? — рассмеялся я. — Два часа назад ты звонил этому человеку в гостиницу Рейкьявика. Хочешь, перескажу ваш разговор? Извини, если ошибусь в репликах Слейда, но он ведь тебе все равно неизвестен, так?

И я пересказал практически слово в слово. Лицо у Кенникена вытянулось.

— Ты знаешь слишком много, — глухо произнес он. — Ты владеешь опасной информацией.

— И еще Слейдом, — услужливо напомнил я. — Я еще и им владею.

— Где он?

— Ну, Вацлав, — развел я руками, — по-моему ты перепутал меня с кем-то из твоих остолопов. Задавать такой вопрос...

— Просто хотел попробовать... — угрюмо отозвался он.

— Попробуй лучше выполнить мои условия, — посоветовал я. — Иначе ты найдешь Слейда уже застывшим.

— Твои условия или условия кого-то еще? — осведомился Кенникен.

— Вот что, — сказал я с холодной яростью. — Давай договоримся раз и навсегда, Вацлав. За мной никто не стоит, мне никто ничего не приказывает. Я сам по себе. Так что хватит торговаться.

Мне нужно было во что бы то ни стало усыпить малейшие подозрения Кенникена. Если он заподозрит, что сведения об истинном лице Слейда куда-то просочились, он в ту же секунду убьет и меня, и Элин, а сам быстренько смоемся в Россию. Поэтому я прибавил последний аргумент:

— Если в Отделе хоть что-то пронюхают о моих действиях, меня четвертуют. Но если ты не выполнишь мои условия, Слейд немедленно получит пулю. Теперь решай.

— А кто нажмет на курок? — криво усмехнулся Кенникен. — Ты ведь независим и, я знаю, одинок.

— Недооцениваешь исландцев, Вацлав, — отпарировал я. — И у меня, и у Элин здесь много друзей, а им не свойственно бездействовать в таких случаях. Прикинь: это довольно большое по площади государство с очень небольшим населением. Здесь все друг друга знают. Более того, они практически все родственники, если заглянуть в прошлое, а тут это любят. Не знаю другого народа, кроме шотландцев, конечно, которые с таким уважением относились бы к генеалогии, да еще среди исландцев практически нет иммигрантов. И сами они привязаны к родине. Так что подумай: угрожая Элин, ты восстанавливаешь против себя слишком многих.

Кенникен задумался. Возможно, он и сделал бы правильные выводы, но время поджимало, поэтому я решил еще подтолкнуть его.

— Девушка нужна мне сейчас, живая и невредимая. Если с ней что-то случится... Ты не любишь ошибаться, правда, Вацлав?

— Очевидно, в полицию ты не сообщил, — задумчиво проговорил он. — Иначе она уже была бы здесь.

— Верно, — согласился я. — Не сообщал, у меня были свои соображения. Во-первых, незачем создавать международные осложнения. А во-вторых, власти просто депортировали бы

Слейда. Мои друзья настроены куда более решительно: они его убьют. А потом выдадут тебя полиции, вот ты набеседуешься... В общем, я хочу видеть девушку и немедленно.

— Ты прямолинеен, — заметил Кенникен. — Впрочем, ты таким и был, пока не предал меня. — Последнюю фразу он произнес почти шепотом.

— И вот еще что, — добавил я. — Время ограничено. Если друзья Элин ничего не услышат о ней в ближайшие три часа, Слейда убьют.

Я видел, как Кенникен колеблется.

— Твои исландские друзья знают, кто такой Слейд? — спросил он.

— Им незачем знать про наши тонкости, — покачал я головой. — Для них Слейд — заложник, а вы — гангстеры, похитившие Элин. И, ей-Богу, они недалеко от истины.

Это решило дело. Кенникен понял, что утечки информации не будет. Он не понял, что исландских друзей я просто выдумал. Но выбирать между превосходно законспирированным, давным-давно внедренным в английскую разведку резидентом и какой-то исландской девчонкой было просто смешно. И Кенникен уже размышлял, как лучше всего обмануть меня.

— Ну, увидеть ее ты, конечно, можешь, — великодушно бросил он и сделал какой-то знак человеку у двери.

— По-моему, ты запутался, Вацлав, — усмехнулся я. — Из-за Слейда ты попал в Ашхабад. Что теперь придумает твое начальство? Сибирь?

В его глазах промелькнуло какое-то подобие боли.

— Скажи, это правда, то, что ты рассказывал о Слейде и Швеции?

— Правда.

— Все равно не понимаю. Как может сотрудник твоего Отдела пойти на обмен ценного кадра противника на какую-то девчонку?

— Ты, видно, не слушал меня, Вацлав. Я уже четыре года не работаю в Отделе.

— Допустим. И за что ты сражаешься?

— За возможность спокойно жить и заниматься своим делом.

— Каким делом?

— Бизнесом, если тебе это понятнее.

— Бизнесом? — прищурился Кенникен. — Ну да, конечно! Просто ты готов на все ради женщины. Меня ты излечил от такого подхода к жизни.

— Сколько можно вспоминать одно и то же! — возмутился я. — Если бы ты тихо лежал, то благопристойно бы умер, я стреляю точно. А ты решил подпрыгнуть в самый неподходящий момент.

Дверь открылась, и вошла Элин в сопровождении одного из громил Кенникена. Я хотел встать ей навстречу, но увидел нацеленный на меня пистолет Вацлава.

— Привет, Элин, прости, что сижу.

— И ты тоже здесь? — побледнела она.

— Пришел за тобой, — небрежно сообщил я. — С тобой все в порядке? Тебя не обижали?

— Чуть-чуть вывернули руку.

— Ну, и все, — подвел я итог. — Они больше не будут. Сейчас мы с тобой отсюда уйдем.

— Интересно! — вмешался Кенникен. — И как ты собираешься это сделать?

— Обычным путем, — ответил я. — Через дверь.

— Да? А Слейд?

— Ты получишь его целым и невредимым.

— Мой дорогой Алан! И ты обвиняешь меня в нереальном подходе к жизни! Нет уж, придумай какой-нибудь другой способ обмена.

— Попробуем, — усмехнулся я. — Только не знаю, понравится ли тебе мое предложение.

— Я тебя слушаю.

— Отпусти Элин. Она свяжется с нашими друзьями, а потом мы обменяем Слейда на меня. Условия можно потом обговорить по телефону.

— Звучит логично, — кивнул Кенникен. — Но я не уверен, что это разумно. Выходит, я должен менять двоих на одного?

— Жаль, что ты не можешь спросить Слейда о разумности этого шага.

— Также верно. Значит, я получу целого и невредимого Слейда?

Кенникен явно пытался выяснить все изъяны моего предложения. Но я, собственно, ничего и не собирался скрывать.

— Ну... Скажем так, не совсем. У него небольшая дырочка, из которой течет кровь, и, возможно, головная боль. Но стоит ли волноваться из-за таких пустяков?

— Не стоит, — согласился Кенникен. — Но мне нужно подумать.

— Только не затягивай процесс, — посоветовал я. — Время все-таки ограничено.

— Ты действительно захватил Слейда? — спросила Элин.

Я посмотрел ей прямо в глаза, моля Бога, чтобы она поняла без слов то, о чем я не мог сказать.

— Да. Сейчас его опекает Вальтер.

— О, Вальтер! — с облегчением вздохнула Элин. — Он такой огромный! С кем угодно справится.

— Поторопись, Вацлав, — обратился я к Кенникену, стараясь скрыть облегчение. — Мы теряем время.

— Хорошо, — отозвался он, — будь по-твоему. Но я тоже назначу время. Если через два часа не будет телефонного звон-

ка, ты умрешь, Алан, что бы там ни случилось со Слейдом. Помни об этом, Элин.

— Минуточку, — вмешался я. — Мне еще нужно поговорить с Элин и дать ей необходимые инструкции. Ты же видишь, она не знает, где сейчас Слейд.

— Только в моем присутствии.

Я посмотрел на него в горестном недоумении:

— Не глупи, Вацлав. Мы же с тобой профессионалы, так давай соблюдать правила игры. Если ты знаешь, где Слейд, то я оказываюсь лишним в этом раскладе. Я буду говорить с Элин с глазу на глаз или вообще не буду говорить. Пойми, я спасаю свою шкуру.

— Понимаю, — с презрением кивнул он. — Пошутукайтесь в углу, но я останусь в комнате.

— Разумно, — согласился я.

Мы отошли с Элин в дальний угол, и я повернулся спиной к Кенникену, так как подозревал его в умении читать по губам на шести языках.

— Ты действительно схватил Слейда? — прошептала Элин.

— Да, но Вальтер тут совершенно ни при чем. И вообще никто об этом не знает, кроме нас с тобой, а теперь еще и Кенникена.

— Они так молниеносно схватили меня, Алан, — сказала Элин извиняющимся тоном. — Я не смогла ничего предпринять.

— Теперь это не имеет значения. Ты выйдешь отсюда и...

— А ты останешься! — перебила она меня с болью в голосе.

— Ненадолго, если ты все сделаешь так, как я скажу. Поэтому слушай внимательно и запоминай. Выйдешь отсюда на дорогу, свернешь налево. Примерно через полкилометра увидишь огромную американскую машину. Садись в нее и во весь дух мчись в Кефлавик. Только ни в коем случае не открывай багажник. Поняла?

— А что делать в Кефлавике?

— Найдешь Ли. Потребуешь, чтобы он вызвал к тебе агента ЦРУ. Он и все остальные будут отрицать, что в Кефлавике есть некто подобный, но если ты как следует нажмешь, агент найдется. Чтобы Ли оказался сговорчивее, скажи ему, что это касается электронной детали, он поймет. Все расскажи агенту ЦРУ, и вот он пусть откроет багажник.

— А что там?

— Слейд.

— Он здесь! — ахнула Элин. — Рядом с этим домом!

— Больше я ничего не мог сделать без подготовки, — объяснил я. — Пришлось действовать слишком быстро.

— А как же ты?

— Пусть агент ЦРУ позвонит сюда. Убеди его. Если не получится, позвони сама, наплети что-нибудь Кенникену, пред-

ложи обменять меня на Слейда. Может быть, ничего и не получится, но время мы выиграем. И помни: у тебя всего лишь два часа с момента выхода отсюда до телефонного звонка.

— А если американцы мне не поверят?

— Расскажи им все. О тех американцах, которые были в засаде на скале, тоже расскажи. Пригрози, что сообщишь обо всем в прессу. Это должно подействовать. И еще скажи им, что твои друзья в курсе всего. Не помешает.

Элин закрыла глаза, видимо, повторяя про себя инструкции. Потом посмотрела на меня и спросила:

— А Слейд жив?

— Немного покалечен, но жив. Я сказал Кенникену правду.

— Но ведь ЦРУ скорее поверит Слейду, чем мне. Возможно, он даже кого-то знает в Кефлавике.

— Понятно. Но мы должны рискнуть. Поэтому прежде, чем предъявить им Слейда, ты и должна рассказать всю историю. А там видно будет. Если все это подтвердится хотя бы наполовину, Слейду уже не выпутаться.

Идея была не слишком удачной, мы оба это понимали, но больше ничего просто не могли сделать. Я взял Элин за подбородок и приподнял ее лицо.

— Поезжай побыстрее, — сказал я, — но будь осторожна. Вот увидишь, все будет хорошо.

— Ты должен знать, — чуть слышно сказала она, — твой пистолет все еще при мне.

— Что? — чуть было не потерял я самообладание.

— Меня не обыскивали. А свитер очень просторный, так что кобуру не заметно.

Я взглянул на нее: действительно не заметно. Похоже, Кенникен не зря ругал своих подчиненных: тут они откровенно схалтурили. Конечно, трудно было предположить, что исландская девушка может быть вооружена, но проверить следовало.

— Могу я незаметно передать его тебе? — спросила Элин.

— Ни в коем случае, — с огромным сожалением ответил я.

Кенникен следил за каждым нашим движением, я это чувствовал даже спиной. А пистолет — это не записка, так что даже пробовать не стоило.

— Пусть по-прежнему будет у тебя. Кто знает, как будут разворачиваться события.

Я притянул ее к себе и слегка коснулся губами ее губ. Они были холодными, а сама Элин слегка дрожала.

— Тебе пора, — заметил я и повернулся к Кенникену.

— Как трогательно! — буркнул он.

— Вот еще что, — обратился я к нему. — Ты даешь нам слишком мало времени. Двух часов недостаточно.

— Вполне достаточно!

— Будь благоразумен, Вацлав. Ей предстоит проехать до Рейкьявика, а там она может попасть в час пик. Ты же не хочешь потерять Слейда из-за какой-то транспортной пробки?

— Думай лучше не о Слейде, а о себе, — посоветовал он.

— Как раз о себе я и думаю. Но если я умру, Слейд тоже покойник.

— Три часа, — хмуро бросил он. — И ни секундой больше.

Кенникен умел мыслить логически и делать правильные выводы из услышанных аргументов. А Элин получила дополнительный час для беседы в Кефлавике.

— Она едет одна, — напомнил я. — Без сопровождения.

— Это понятно.

— Тогда дай ей номер твоего телефона, иначе она вряд ли сюда дозвонится.

Кенникен нацарапал несколько цифр на листочке из блокнота и протянул его Элин.

— Никаких фокусов, — предупредил он. — И не вздумай оповещать полицию. Если здесь будет слишком много посторонних людей, твой дружок умрет. Помни об этом.

— Понимаю, — без выражения ответила Элин. — Фокусов не будет.

Кенникен взял ее за локоть и повел к двери. Через минуту я увидел в окно, как она идет от дома к дороге.

— А теперь отведем тебя в безопасное место, — сообщил мне Кенникен.

Меня отвели наверх в совершенно пустую комнату.

— В средневековье строили лучше, — проворчал Кенникен.

— В каком смысле? — вяло поинтересовался я.

Элин ушла, и теперь у меня наступила реакция. Мне вообще ничего не хотелось, даже свободы.

— Пустота, — постучал по стенке Кенникен. — Чуть толще яичной скорлупы. Раньше строили из цельного камня, а это...

Что ж, это был не замок, а всего лишь коттедж для летнего отдыха, в котором ни один здравомыслящий человек не будет жить круглый год. Отсюда и особенности архитектуры.

— Можно проломить голыми руками минут за десять, — подытожил Кенникен. — Один ты здесь не останешься.

— По-моему, ты преувеличиваешь мои способности, — так же безучастно ответил я. — Или перепутал с Джеймсом Бондом.

— Не надо быть Бондом, чтобы обдурить этих кретинов, — откликнулся Кенникен. — Но сейчас я отдам такой приказ, который дойдет даже до совершенно пустой головы. — Он повернулся к сопровождавшему нас человеку с пистолетом: — Стюартсен сядет в углу. Ты станешь около двери. Понятно?

— Да.

— Если он двинется, пристрели его. Понятно?

— Да.

— Если он заговорит, пристрели его. Понятно?

— Да.

— Если он сделает что-нибудь еще, пристрели его. Понятно?

— Да, — твердо ответил мужчина с пистолетом.

Приказания Кенникена не оставляли мне ни малейшей лазейки, никакой свободы маневра. Но ему и этого показалось недостаточно.

— Я ничего не упустил? Ах, да! Ты сказал, что Слейд ранен.

— Только в руку.

Кенникен кивнул и сказал охраннику:

— Когда будешь стрелять в него, не убивай сразу. Выстрели ему в живот.

Он повернулся на каблуках, вышел из комнаты и захлопнул за собой дверь.

2

Какое-то время мы с охранником молча глядели друг на друга, а его пистолет был нацелен мне в живот. Затем он указал на угол. Я втиснулся туда спиной к стене и сел на пятки.

— Сядь нормально, — сказал охранник.

В голосе его было не больше человеческого, чем во взгляде. Я окончательно понял, что эту машину мне не удастся спровоцировать ни на какую оплошность. Так что три часа ожидания обещали быть долгими.

Я посмотрел в окно и увидел только клочок голубого неба. Прошло не меньше получаса, прежде чем я услышал с улицы звук подъехавшей машины. Я не знал, сколько людей было в доме, по моим прикидкам, не меньше трех, но теперь их полку прибыло.

Через несколько минут раздался стук в дверь и голос Кенникена:

— Это я!

Охранник открыл и впустил его.

— Похоже, ты хорошо себя вел, — заявил с порога Кенникен. — Но я решил еще раз уточнить твой рассказ.

Что-то в его голосе мне не понравилось. Уж слишком довольным он выглядел.

— Значит, Слейд находится у твоих друзей. Исландских друзей, правильно? И они убьют Слейда, если не получат тебя в обмен. Правильно?

— Правильно, — согласился я.

— Твоя девушка ждет внизу, — широко улыбнулся он и махнул рукой в сторону двери. — Можешь выходить, стрелять не будут.

Я последовал за ним, раздумывая, что, черт побери, могло произойти. Внизу у камина стояла очень бледная Элин. Как только она увидела меня, то прошептала:

— Прости, Алан.

— Судя по всему, ты считаешь меня идиотом, — заметил Кенникен. — Мне ни на секунду не пришло в голову, что ты явился сюда пешком. Здесь такой способ передвижения не принят. Так что не успел ты прикоснуться к кнопке звонка, как я послал одного из своих людей поискать твой транспорт.

— Ты всегда мыслил очень оперативно, — согласился я.

— И что же нашел мой человек? — наслаждался ситуацией Кенникен. — Большую американскую машину с ключами. Он пробыл там совсем недолго, когда появилась молодая леди, которая очень спешила. Но он привез ее сюда. Она ведь не знала о нашем соглашении, так что винить никого нельзя, верно?

— Нельзя, — вяло ответил я. — И твой человек, конечно, открыл багажник...

— Конечно. Он же по-прежнему искал ту самую детальку, а ты меняешь машины, как перчатки. Увы, детальки он опять не нашел!

Кенникен снова замолчал. Но я не собирался радовать его еще больше.

— Если не возражаешь, я сяду, — сказал я. — И дай мне закурить, у меня кончились сигареты.

— Мой дорогой Алан, о чем речь? Садись вот сюда, тебе уже знаком этот стул, и позволь за тобой поухаживать. — Кенникен достал из портсигара сигарету, дал мне и поднес зажигалку. — Мистер Слейд сердится. Он очень тобой недоволен.

— А где он?

— На кухне, ему перебинтовывают руку. Ты хороший диагност, Алан, у него действительно болит голова.

Я почувствовал, что внутри у меня все похолодело. Затаился сигаретой и сказал:

— Хорошо, с чего начнем?

— С того, на чем закончили, когда приехали с Гейзера. Ничего не изменилось, между прочим.

Он ошибался: теперь здесь была Элин.

— Значит, ты должен меня пристрелить.

— Возможно. Но сначала с тобой хочет поговорить Слейд. А вот, кстати, и он.

Слейд выглядел скверно. Лицо его посерело, он слегка пошатывался. Когда он подошел ближе, я увидел, что глаза у него мутные. По-видимому, получил сотрясение мозга. Кто-то аккуратно перебинтовал ему руку, но одежда осталась грязной и помятой, а волосы стояли торчком. А ведь он всегда так заботился о том, чтобы выглядеть безукоризненно! Слейд прошептал:

— Поднимите его и поставьте к стенке.

Его приказание исполнили молниеносно.

- Где мой пистолет? — спросил Слейд у Кеннигена.
— Откуда мне знать? — пожал тот плечами.
— Разве ты не отобрал у него оружие?
— Ах, этот!

Кенниген достал из кармана пистолет и протянул его Слейду. Тот медленно подошел ко мне и приказал:

— Приложи руку к стене. Ты ведь догадываешься, что сейчас будет.

Мне крепко прижали руку, и у меня хватило силы воли лишь на то, чтобы не сжать пальцы в кулак, а растопырить их. Пуля обожгла ладонь, но больно не было, только рука онемела от кисти до плеча. Боль должна была прийти позже. У меня закружилась голова, крик Элин я услышал откуда-то издалека, а вблизи голос Слейда произнес:

— Посадите его снова на стул.

Ему нужно было поквитаться, теперь он мог со спокойной душой заняться делом. Элин стояла у камина и беззвучно плакала.

— Ты слишком много знаешь, Стюарт, — сказал Слейд. — Поэтому ты должен умереть. Впрочем, это тебе тоже известно.

— Я знаю только, что ты попытаешься меня убить, — вяло отозвался я.

Слейд “потек” в гостиничном номере, теперь то же самое происходило со мной. Я не мог связать воедино две мысли. Голова у меня буквально раскалывалась, это были последствия болевого шока.

— Кто еще знает обо мне, кроме этой девушки? — спросил Слейд.

— Никто, — ответил я. — Что будет с ней?

— Ляжет в одну могилу с тобой, — пожал он плечами. — Возможно, Вацлав, он говорит правду. Он ведь скрывался, и вряд ли у него было время для бесед...

— Он мог написать письмо, — предположил Кенниген.

— Ну, нам придется рискнуть. Кажется, Таггерт ничего не подозревает, только злится, что я куда-то пропал. Ничего, я исправлюсь, вылечу в Лондон первым же рейсом и буду паймальчиком. Этих же свалю на тебя. Меня ранили, когда я пытался защитить этого идиота. — Он пнул меня ногой и усмехнулся.

— А электронное устройство? — спросил Кенниген, доставая из портсигара сигарету.

— А что с ним?

— Нельзя оставлять операцию незавершенной. Стюартсен знает, где эта штука, и я вполне могу вынуть из него эту информацию.

— Попробуй, — задумчиво сказал Слейд. — Кстати, Стюарт, где посылка?

— Там, где вам ее не найти.

— Машину не обыскивали, — заметил Кенникен. — Обо всем забыли, когда обнаружили тебя в багажнике. Сейчас займемся. Если посылка в машине, они ее найдут.

Он отдал короткий приказ, и двое мужчин вышли из комнаты.

— Вряд ли это в машине, — усомнился Слейд.

— Меньше всего я ожидал обнаружить там тебя, — отпарировал Кенникен. — Так почему бы там не находиться и посылке?

— В этом что-то есть, — согласился Слейд, но без особой уверенности в голосе. — Ты умрешь, Стюарт, в этом можешь не сомневаться. Но есть разные способы умереть. Скажи нам, где посылка, и умрешь быстро и безболезненно. Не скажешь, с тобой поработает Кенникен.

Я стиснул зубы изо всех сил, потому что знал: если открою рот, Слейд увидит, как у меня дрожит нижняя губа. А это — верный признак страха.

— Ах так! — мстительно проговорил Слейд и отошел в сторону. — Он твой, Кенникен. Лучше всего медленно отстреливать от него по кусочку. Именно это он собирался сделать со мной.

Кенникен встал передо мной с пистолетом в руке.

— Что ж, Алан, мы добрались до финальной сцены. Где радарное устройство?

Я уловил новую информацию — радарное устройство! — и криво ухмыльнулся:

— Не дашь мне еще сигарету, Вацлав?

На его лице не было никаких эмоций. Лицо палача.

— Мы уже занимались этими глупостями. Времени не осталось.

Я посмотрел мимо него в сторону всеми забытой Элин. На лице у нее было написано отчаяние, но руки двигались, нащупывая что-то под свитером. Я с ужасом понял, что пистолет до сих пор у нее. Когда надежда исчезает, человек становится безучастным ко всему, как это только что произошло со мной. Но стоит появиться хотя бы проблеску надежды, хоть крохотному намеку на нее, человек начинает лихорадочно действовать. Я понял, что сейчас мне нужно говорить, причем много и быстро. Я повернулся к Слейду, чтобы сосредоточить внимание на себе и отвлечь его от Элин.

— Вы можете остановить его, Слейд?

— Ты можешь его остановить. Скажи то, чего от тебя требуют.

— Но я ведь все равно умру...

— Да, но легче и проще.

Я покосился в сторону Элин и увидел, что она уже манипулирует с пистолетом. Оставалось только молиться, чтобы она вспомнила последовательность движений и все сделала правильно.

— Вацлав, — произнес я. — Но ты же не поступишь так со старым приятелем, верно?

Он нацелил пистолет мне в живот, а потом опустил дуло чуть ниже.

— Догадываешься, куда я пущу первую пулю? — очень спокойно спросил он. — И это будет не по приказу Слейда, а по моему собственному желанию.

— Ну, говори! — приказал мне Слейд.

И в этот момент Элин нажала на курок. Кенникен, уловив за секунду до этого щелчок предохранителя, стал поворачиваться, но не успел, и первая пуля вошла ему в спину. Он дернулся, его пистолет тоже выстрелил, и я бы получил заряд прямо в голову, если бы по-прежнему сидел неподвижно. Но я уже летел головой вперед — в живот Слейду. От моего удара он то ли охнул, то ли вскрикнул и мешком рухнул на пол.

Элин продолжала стрелять. Я бросился к ней и выхватил пистолет, хотя она, кажется, уже выпустила все патроны. Во всяком случае, вся стена напротив была изрешечена, а Кенникен упал навзничь, уставясь в потолок открытыми, застывшими глазами. В него попало как минимум три пули, поскольку Элин стреляла с расстояния чуть больше двух метров. Мне еще повезло, что меня не зацепило. Зато одна из пуль попала Кенникену точно в центр лба. Значит, он еще пытался отстреливаться, если повернулся лицом к Элин. Но теперь-то он был окончательно и бесповоротно мертв.

Я схватил Элин за руку и потащил к двери. По дороге переложил пистолет в левую руку: правой я не смог бы выстрелить даже из рогатки. Элин была в шоке, и неудивительно: каждый, кто впервые убил человека, испытывает обычно глубокое потрясение. А нам еще предстояло пройти через заслон охраны. Конечно, люди Кенникена не слишком удивились стрельбе в доме, они знали, что рано или поздно там должны были стрелять. Но такой канонады, которую устроила Элин, никто, конечно, не ожидал. Так что при выходе из дома нас уже ждали двое бандитов. Один из них даже успел выстрелить в нас, но он промазал, а я попал. Правда, у меня не было времени разбираться, куда именно.

Мы промчались между двумя охранниками, я по-прежнему держал Элин за руку и заставлял вместе со мной бежать зигзагами. За нами раздавался тяжелый топот сапог, возможно, были еще выстрелы, но я слышал только удары собственного сердца, работавшего на пределе. И тут пуля угодила в Элин.

Она каким-то чудом удержалась на ногах и смогла сделать еще несколько шагов, отделявших нас от того места, где я спрятал ружье. В нем были пули двух видов: обычные и разрывные. Я выстрелил в ближайшего ко мне громилу, и пуля прошла сквозь него, как сквозь лист бумаги. Он упал к моим

ногам с чувством огромного изумления на лице. Но мне некогда было им любоваться, я выстрелил во второго преследователя и снова попал. На сей раз это оказалась разрывная пуля, и этот парень буквально развалился на куски, попортив при этом окружающую среду.

На какое-то время все стихло: ружье в моих руках оказалось для оппонентов очень неожиданным аргументом, который следовало еще осмыслить. Возле дома появился Слейд, я выстрелил в него, но промахнулся, только здорово напугал, потому что он нырнул куда-то вниз и больше я его не видел. В этот момент пуля чиркнула мне по волосам, а по звуку я определил, что кто-то в доме тоже палит из ружья. Я бросился ничком на землю и подполз к Элин, которая лежала, тяжело дыша и прижимая руку к окровавленному боку. Ее лицо искажала страдальческая гримаса.

— Как ты? — спросил я. — Очень больно?

— Только когда дышу, — чуть слышно ответила она.

Это был плохой знак, но, судя по расположению раны, легкое все-таки не было задето. Больше я пока ничего не мог сделать. Да и вряд ли кто-то будет думать о возможности умереть от заражения крови через неделю, если есть реальная возможность получить пулю в сердце через несколько секунд. К тому же у меня нестерпимо болела простреленная рука, а нужно было думать о том, что предпринять дальше.

Возле дома находились две машины. Та, которая принадлежала Кенникену, была в порядке, но та, на которой приехал я, походила скорее на грудку обломков. Мне придется изрядно потратиться, чтобы возместить людям расходы. В любом случае, машины пока были для нас недосыгаемы, а пешком отсюда уйти было нереально. Даже коренные исландцы не решаются передвигаться по своей стране таким образом, слишком уж сложный рельеф и опасные породы. Да и Элин уже почти не могла двигаться. Мне оставалось одно: ввязаться в сражение против неизвестного количества людей в доме и обязательно победить.

Я повернулся к Элин. Похоже, ей стало чуть лучше, во всяком случае, дыхание выровнялось.

— Как ты себя чувствуешь?

— Господи! Как, по-твоему, я могу себя чувствовать?!

Я улыбнулся. Если она уже может сердиться, значит, все не так страшно.

— С этого момента все пойдет по-другому. Будет лучше.

— Надеюсь. Трудно представить себе, чтобы было еще хуже.

— Было бы хуже, если бы не ты. Ты вела себя удивительно мужественно, особенно если учесть твое отношение к таким вещам.

— Кошмар! — передернуло ее. — Никогда этого не забуду!

— Забудешь, — утешил ее я. — Такие вещи очень быстро забываются, иначе войны не были бы такими частыми и долгими. Лучше скажи, можешь кое-что сейчас для меня сделать?

— Попробую. А что именно?

— Толкни вот этот камень рядом с тобой, чтобы он покатился вниз. Но только делай это по моему сигналу, не раньше.

— Хорошо, попытаюсь.

Я надежно установил ружье, недоумевая, что задумал Слейд и почему он до сих пор бездействует. Теперь я видел дом в оптический прицел.

— Давай! — скомандовал я.

Раздался шум камней, и тут же заговорило ружье из дома. Стрелял явно профессионал, но ему не повезло: я его засек и тут же выстрелил туда, откуда он палил. Я стрелял не в окно, а в стену чуть левее. Раздался треск пробиваемой доски и крик. Освещение в окне изменилось, и я понял, что одного противника мне удалось нейтрализовать.

Я был прав: ружье пробивало стены этого дома насквозь. Поэтому перенес огонь на первый этаж, стреляя опять же не по окнам, а рядом с ними, туда, где могли прятаться стрелки. Рука болела все сильнее, и нужно было заканчивать этот спектакль как можно скорее. Особенно меня нервировали те паузы, которые приходилось делать, чтобы перезарядить ружье: если бы кто-то догадался в этот момент подкрасться к нам со стороны, все закончилось бы мгновенно. К счастью, пока этого не произошло: там, в домике, не могли понять, как их за стенками могут настигать чьи-то пули.

Элин подползла ко мне и дернула за штанину:

— Что происходит?

— Не мешай работать! — огрызнулся я. — Лучше помоги зарядить магазины, один я уже не справляюсь.

Элин довольно быстро справилась с заданием, и я приготовился снова вести огонь, но тут входная дверь распахнулась, из дома кто-то выскочил и спрятался за "шевроле". В телескопический прицел мне были видны только его ноги, поэтому я прикинул, где может находиться голова, и выстрелил туда. Ружье не подвело, пуля прошла через машину с такой же легкостью, как и через стену дома. Из-за машины вывалился человек, я узнал в нем Ильича, он держался рукой за шею, из которой струилась кровь, сделал несколько неуверенных шагов, упал и затих.

После этого я расстрелял по дому еще полный комплект пуль, а пока Элин перезаряжала ружье, подвел кое-какие итоги. Я точно убил троих, одного, как минимум, ранил, а может, двоих, потому что из дома доносились громкие стоны. Итого пятеро, а если считать Кенникена, то шестеро. Вряд ли там было больше, но расслабляться не следовало, поскольку я не

знал точного числа своих противников, да и в любой момент к ним могла подоспеть помощь: достаточно кому-то воспользоваться телефоном.

Я снова посмотрел в оптический прицел и заметил какое-то движение позади дома. Похоже, они все-таки сообразили то, что должны были сделать с самого начала: воспользовались черным ходом. Теперь меня действительно могли обойти с фланга, а мне этого совершенно не хотелось. Я увеличил изображение.

Это был Слейд. Он и не думал подкрадываться к нам, он удирал во весь дух, прыгая по кускам базальта наподобие горного козла. Полы его пальто развевались за ним, придавая фигуре какую-то зловещую комичность. Я глубоко вздохнул, тщательно прицелился... Три раза я был готов нажать на курок и трижды отказывался от этого намерения, хотя расстояние все увеличивалось. Я не имел права промахнуться, а второго выстрела могло уже не получиться.

Наконец я выстрелил. Далекая фигурка дернулась, как марионетка, у которой перерезали веревки, перекувыркнулась и исчезла. У меня загудело в ушах, закружилась голова, пелена в глазах стала сначала серой, а потом черной. Уже теряя сознание, я услышал голос Элин, зовущий меня по имени...

3

— Это была фальшивая операция, — объяснял Таггерт.

Я лежал на койке госпиталя в Кефлавике, в палате, которую круглосуточно охраняли не столько от возможного покушения, сколько от представителей прессы. Я стал знаменитостью, а все замешанные в это дело высокие стороны прилагали титанические усилия, чтобы замать неприятный инцидент.

Таггерт был не один: с ним пришел американец, которого мне представили как Артура Райана. Я узнал его лицо: видел через оптический прицел возле американского вертолета. Это был уже второй визит, во время первого я еще находился под действием снотворного и смог внятно задать только два вопроса:

— Как Элин?

— В полном порядке, — заверил меня Таггерт. — Пуля попала в нее рикошетом, отскочила от скалы, а потом застряла в одежде и только задела ребра. Она уже почти здорова, во всяком случае, чувствует себя много лучше, чем ты.

— А как я попал сюда?

— Скажите спасибо Элин, — вмешался Райан. — У вас замечательная девушка. Когда вы потеряли сознание, она сначала расстреляла все патроны по дому. Потом, когда патроны кончились, вошла в дом и позвонила сюда на базу мистеру Ли. Сообщила ему о том, что произошло, и только потом упала в обморок возле телефона.

— В обморок?

— Там и мужчина мог потерять сознание. Пятеро убитых и двое тяжело раненых.

— Трое, — поправил его Таггерт. — Слейда мы нашли позже.

Тогда они очень быстро ушли, потому что я был, мягко говоря, не в форме, но вот теперь, сутки спустя, вернулись для более серьезного разговора.

— Когда я могу увидеть Элин? — сразу же спросил я.

— Сегодня днем, — быстро ответил Таггерт. — Она в полном порядке.

— Надеюсь, — сурово ответил я.

— А ты не хочешь узнать, что на самом деле произошло? — с некоторой опаской спросил Таггерт.

— Хочу. Очень хочу знать, почему Отдел сделал все возможное, чтобы убить меня. Даже подключил к этому ЦРУ.

— Я уже сказал, это была фальшивая операция. Один американский ученый изобрел электронную штуку, которая НЕ МОГЛА НИЧЕГО ДЕЛАТЬ. Но выглядела очень привлекательно, особенно для тех, кто охотится за военными секретами. Ну, ты понимаешь: один дурак может задать такой вопрос, что тысяча мудрецов не ответит. Вот мы и решили подсушить это устройство русским и занять их лучшие умы исследованием проблемы, не имеющей решения.

— Нейтрализовать мозговой потенциал противника? — высказал я догадку.

— Ты ухватил суть, — одобрительно сказал Таггерт. — Проблемой было подкинуть эту штуку русским так, чтобы они ничего не заподозрили. Мы организовали несколько утечек информации о новом радаре, который обладает какими-то суперсвойствами. Любое государство за такое устройство продало бы в рабство все свое правительство. И русские клюнули.

— Мы шесть недель создавали видимость активных исследований на этой базе, — вмешался Райан. — Специалисты, дополнительные служащие, усиленная охрана, вертолеты... А на последней стадии решили подключить к операции англичан.

— А чтобы передать часть важного устройства русским, мы выбрали тебя, — заявил Таггерт. — Это предложил Слейд, и я с ним согласился. Но ты оказался много профессиональнее, чем мы думали, и в результате обвел вокруг пальца всех.

— Ах ты, сукин сын! — задохнулся я от возмущения. — Ты же подставил меня под открытый удар!

— Все должно было выглядеть естественно, — вздохнул Таггерт. — К тому же я не подозревал, что Слейд ведет двойную игру. Тут все действительно запуталось и практически вышло из-под контроля.

— Вышло из-под контроля? — саркастически осведомился я. — Ты хочешь сказать, что сам уже ни за что не отвечал. Всем руководил Слейд, причем с обеих сторон. Послушай, но ведь он-то должен был знать, что все это фальшивка!

— А он знал, — спокойно сказал Райан. — Но русские тоже решили поиграть с нами втемную. Двойная игра...

— А я посредине. Замечательно! У меня ведь не было ни единого шанса, и ты это понимал, Таггерт!

— Я не знал, что в этом участвует Кенникен! — быстро отозвался он. — Это устроил Слейд.

— Похоже на него. Он только в одном просчитался: решил, что я совсем потерял форму. Вот Кенникену и дали самых некудышних помощников. Он сам мне жаловался... Да, а что произошло с Джеком Кейсом?

— Я приказал ему подтолкнуть тебя к русским, — ответил Таггерт. — Поэтому он и не помог тебе у гейзера. Но ты уже посеял в нем некоторые подозрения относительно Слейда, он попытался кое-что выяснить, и Слейд его убрал. Ты оказался важнее, чем передача этой посылки.

— А в результате Кейс погиб, — подвел я итог. — Жаль, он был хорошим парнем. Когда же ты поверил, что Слейд — предатель?

— Когда он перестал выходить на связь после гибели Кейса. Точнее, я тогда просмотрел его личное дело, увидел, что он родился в Финляндии, а его родители погибли во время войны... Потом обнаружили тело Кейса с твоим ножом в сердце, и я окончательно запутался. Да, кстати...

Он кивнул Райану, и тот вынул из кармана мой нож. Все лучше, чем ничего.

— А зачем твои люди стреляли в меня? — спросил я у Райана.

— Господи, ну надо же было тебя как-то естественно затормозить, чтобы ты не ушел от русских. Мы ведь не знали, что вся операция уже провалена...

У этих ребят начисто отсутствовало понятие совести! И у Таггерта, и у Райана.

— Вам, между прочим, повезло, — заметил я. — Последний раз я наблюдал за вами в оптический прицел на скале.

— Господи! Хорошо, что я этого не знал! Кстати, об оптическом прицеле. Парень, у которого ты его отобрал вместе с ружьем, поправляется и хотел бы вернуть свое оружие. Он привязан к своему ружью не меньше, чем ты — к ножу.

— Перебьется, — покачал я головой. — Должен же я иметь хоть какой-то сувенир от этой поездки. Но если ему так уж неймется, пусть сам придет и попросит.

— Вряд ли он это сделает, — заметил Райан.

— Значит, вопрос закрыт, — сказал я. — А Слейд все еще жив?

— Жив, — ответил Таггерт, — только ты прострелил ему позвоночник. Теперь он будет передвигаться только в коляске, но в ближайшие сорок лет сможет это делать только в тюрьме. Все это — государственная тайна, не подлежащая разглашению. Запомни это, Алан, и внуши своей подруге. Кстати, чем скорее она станет твоей женой и английской подданной, тем спокойнее мне будет.

— Господи Иисусе! — с отвращением вздохнул я. — Меньше всего в этом вопросе меня волнует твое спокойствие.

— Если ты любишь побрякушки, я похлопочу о медали для тебя, — заявил Таггерт.

Тут мое терпение лопнуло.

— Единственное, чего я хочу, это никогда в жизни больше не видеть ни тебя, ни кого-либо из твоих сотрудников. Мы с Элин будем молчать, если нас оставят в покое. Но если кто-нибудь появится...

— Считай, что мы договорились! — поспешно перебил меня Таггерт. — А теперь поправляйся.

Они направились к выходу, но у самой двери Таггерт повернулся и сказал:

— Я пришлю тебе фруктов.

Как я удержался от того, чтобы не кинуть в него нож, до сих пор не понимаю. Наверное, был еще слишком слаб.

4

Наша с Элин свадьба состоялась ровно через неделю, мы оба еще были в бинтах. К счастью, ей очень понравилась Шотландия и мой дом.

Единственное, что ей не очень нравится, это охотничий сезон, потому что приезжают туристы и стреляют в оленей. Но теперь мы на это время уезжаем путешествовать. ■

Перевод с французского **Виктории МУРАШОВОЙ.**

С МЕЧТОЙ ОЛУЧЕ

Иван ЗЮЗЮКИН

В начале прошлого века в школу прикладных искусств небольшого швейцарского города Ля-Шо-де-Фон в числе других одаренных детей поступил сын местного часовщика-гравера Шарль Эдуард Жаннере. Он быстро становится одним из лучших учеников, его работы по гравировке и чеканке, как правило, признаются самыми удачными. Учитель-наставник Шарля господин Леплатенье, готовя его к большому будущему, поручает юноше то, что сложно и взрослому: спроектировать, построить и декорировать небольшой загородный дом. Жаннере отлично справляется с заданием.

Однако, к немалому огорчению учителя, талантливый сын часовщика вскоре прервал учебу и на свои скромные сбережения, с рюкзаком за плечами отправился путешествовать по белу свету. Он побывал во Франции, Германии, Австрии, Греции, Италии, Турции. Не везде юноша мог позволить себе остановиться в гостинице, и тогда ночевал прямо в поле или заброшенном сарае. Зато день ото дня пух его путевой альбом: повсюду, где Жаннере бывал, он с наслаждением делал зарисовки с дворцов давно ушедших времен и новейших построек. По натуре независимый, уверенный в своих силах и способностях, он запросто знакомится с признанными мастерами искусства того времени, безбоязненно показывает им свои картины и скульптуры, выполненные в модном тогда кубистском стиле, и чаще всего удостоивается больших похвал. В Вене один крупный архитектор, послушав суждения юного швейцарца о декоративном искусстве, сразу же берет его в свою мастерскую. Затем Жаннере проходит стажировку в различных мастерских и салонах Парижа, Берлина...

ЗАРНОМ ГОРОДЕ

"Вдохновение превращает инертный камень в драму".

Ле Корбюзье

Наконец, после нескольких лет скитаний, он возвращается в родной Ля-Шо-де-Фон. Вместе с Леплатенье пытается преобразовать школу прикладных искусств, придать ей более высокий статус, но местные власти не дают на это денег. В конце концов молодой Жаннере заявит своему учителю, что не видит для себя смысла совершенствоваться в прикладном искусстве — он уже выбрал для себя профессию архитектора. Леплатенье ушам своим не поверит. Как?! Потратить божественный талант художника на суетное ремесло зодчего? Проектировать и строить особняки для толстосумов, идя на поводу

их прихотей и пошлых вкусов? Нет, он, Леплатенье, не позволит любимому ученику совершить подобную ошибку!.. Жаннере учтиво выслушает учителя, а затем ответит примерно в таком духе: месье, вы правы во всем, кроме одного — моя жизнь принадлежит мне, и я распоряжусь ею так, как сочту нужным... Через несколько дней Шарль Эдуард придет в консульское бюро и попросит выдать ему паспорт для прожива-

ния во Франции. “На какой срок?”, — спросит его чиновник. “Навсегда”, — скажет как отрежет Жаннере...

Обосновавшись в Париже, он откроет свою мастерскую и быстро приобретет славу автора новаторских, порой шокирующе смелых проектов. Жаннере совершенно не смущает, что большинство коллег принимают его проекты в штыки. (“Самоучка и шарлатан!” — говорят о нем в академических кругах.) С кожностью надо бороться и делом и словом! — решает он и начинает выпускать журнал “Новый дух”, посвященный проблемам современной архитектуры. Свои полемические статьи, написанные образным, афористичным стилем, он подписывает фамилией своих предков по линии матери — Ле Корбюзье. Под этим именем он и войдет, а точнее — ворвется в историю. С его напоистым характером, абсолютной верой в свою правоту он иначе и не мог. Да и время торопило его.

Крупные города Европы и Америки в ту пору переживают тяжелый кризис. Бурное индустриальное развитие сопровождается не менее бурным ростом городского населения. Остро не хватает жилья. Города тонут в дыму фабрик и заводов. Люди тратят часы, чтобы добраться до места работы. Вот как описывает урбанистическую драму Парижа Ле Корбюзье в своей книге, написанной в начале 20-х годов: “Предрассветные сумерки на Елисейских полях, и вдруг начинается какое-то столпотворение. На смену пустоте приходит бешеное движение. Человек выходит из дома и сразу же становится данником смерти: идут автомобили... Казалось бы, человек должен преисполниться какого-то особого энтузиазма, наблюдая за этими сверкающими в свете фар экипажами. Но эта мощь напоминает грозовой поток, сметающий все на своем пути. Город крошится, будучи уже не в силах устоять перед таким напором. Жизнь ломается. Город слишком стар. У потока нет русла. Это грозит катаклизмом. Теперь каждый из нас чувствует нависшую над ним угрозу. Люди позабыли все радости бытия, извечное удовольствие от вольной ходьбы исчезло, человек стал похожим на затравленного зверя, извратились все привычные нормы жизни. Для исцеления этого недуга нам предлагают кое-какие средства, но уж очень робкие, чересчур похожие на тот ребячий пыл, с каким деревенские жители в спешке и смятении устраивают импровизированную заправду, пытаясь преградить путь вспученному грозовому потоку...”

В самом деле, что предпринимают муниципальные власти и строительные компании больших городов перед лицом надвигающейся катастрофы? Расширяют мостовые за счет тротуаров, сносят трущобы и на их месте возводят кварталы мрачных тяжеловесных домов из камня или кирпича, отчего города становятся еще теснее, жизнь в них все чаще сравнивают с адом.

“Архитектура или революция!” — с присущей ему страстью и категоричностью предупреждает правящие классы архитек-

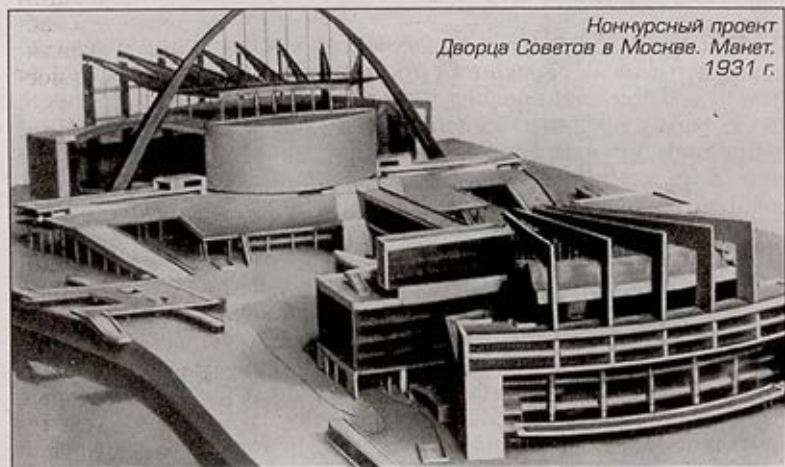
тор Ле Корбюзье. Но что именно предлагает он? Как ни странно, он, прирожденный художник и эстет, делает ставку на железобетон. Не он первым применит его на практике, но он первым увидит в нем основу серийного домостроения, первым по достоинству оценит безграничную пластичность этого уникального материала. К слову сказать, Ле Корбюзье на первых порах так увлекается железобетоном, что не только прячет, а наоборот, как бы подчеркивает его грубоватую первозданную природу. (Некоторые его последователи доведут этот стиль до абсурда: станут строить дома с торчащей из стен арматурой. Но их грех почему-то спишут на Ле Корбюзье.) Представленные им проекты построек приводят заказчиков в полное замешательство. Архитектор напрочь отказывается от фундаментов как таковых. Его монументальные, уходящие ввысь здания стоят на легких, с виду (но только с виду!) ненадежных опорах. Крыши домов он делает плоскими, а от карнизов вообще отказывается. Ничего лишнего! — отмечает он любые попытки заказчиков хоть чем-то украсить возводимые по его проектам сооружения. — Доверяйте только чистой геометрии! Она — мать порядка, прочности, удобства и красоты. Вертикальные и горизонтальные плоскости железобетонных конструкций, стыкуемые под прямым углом, обеспечивают невиданные ранее темпы строительства. Геометрический дух знаменует собой наступление новой эры в архитектуре.

И действительно, сооружения Ле Корбюзье — здания в форме куба, параллелепипеда, призмы — в сравнении с богато декорированными постройками прежних времен кажутся “пришельцами” из иных времен. Перед вами ни дать ни взять — материализованная в бетоне высшая математика, та самая алгебра, что вкупе с талантом и вдохновением художника рождает красоту и гармонию...

Как прямой угол в архитектуре, так и прямая линия в градостроительстве — первейший принцип Ле Корбюзье. Что же заставит его при планировке городов эту простейшую геометрическую форму предпочесть всем другим? Послушаем, запасшись терпением, его самого: “Человек идет прямо, потому что у него есть цель, он знает, куда идет... Осел идет зигзагами, ступает лениво, обходя крупные камни, избегая крутых склонов... он старается как можно меньше затруднить себя... Планы всех городов нашего континента, в том числе — увы! — Парижа, начертаны ослом... В современном городе должна господствовать прямая линия. Жилые дома, водопроводные и канализационные линии, шоссе, тротуары — все должно строиться по прямой... Надо набраться смелости и взглянуть с восхищением на прямоугольные города Америки. Быть может, эстету они покажутся непривлекательными, но моралист, напротив, должен приглядеться к ним особенно внимательно. Кривая дорога —

это дорога ослов. Кривая улица есть результат прихоти, лени, животного начала. Прямая улица — результат напряжения, инициативы, самоконтроля. Народы, общества, склонные к беспечности, подверженные лени и праздности быстро сходят со сцены. Именно так умирают города, и на смену одним империям приходят другие...”

Движимый стремлением помочь красавцу Парижу стать упорядоченным, тихим, удобным для жизни и работы городом, Ле Корбюзье разрабатывает так называемый “План Вуазен”. (В поисках спонсоров своего проекта архитектор обратится к трем автомобильным королям Франции. Двое из них скажут, что они тут ни при чем, и лишь один, Г. Вуазен, согласится выслушать архитектора.) Выставленный на всеобщее обозрение проект вызовет в столице скандал. По существу Ле Корбюзье предложит радикально перестроить центр Парижа, где, как говорят, каждый камень священ и дышит историей. Его больше всего заботит, что растущий город самого себя загоняет в угол. Убеденный, что не сегодня, так завтра “План Вуазен” будет востребован, Ле Корбюзье пишет так, словно реконструкция древнего города уже идет: “Этот план посягает на самые смрадные улочки... он открывает в стратегически важном пункте Парижа блестящую сеть коммуникаций. Там, где иные улицы 7-11-метровой ширины пересекаются через каждые 20-30 метров, он устанавливает квадратную сетку артерий шириной 50-80 и 120 метров, пересекающихся через каждые 350 или 400 метров. Он возводит крестообразные в плане небоскребы в центре квадратных застроенных участков, он строит город вверх. Отныне на месте сплюснутого и стиснутого города... появляется новый, устремленный вверх, доступный воздуху и свету, ясный и лучезарный. Территория, покрытая ранее на 70-80 процентов построй-

Ноннурснй проект
Дворца Советов в Москве. Манет.
1931 г.

ками, теперь застроена всего на 5 процентов. Остальные 95 процентов занимают крупные магистрали, стоянки автомобилей и парки. Высокая плотность населения кварталов, принесенных в жертву "Плану Вуазен", отнюдь не сокращена. Она возросла вчетверо".

Интересно, что в то самое время, когда Ле Корбюзье и его единомышленники в градостроительстве поклоняются прямой линии, некоторые зодчие (вероятно, из чувства протеста) создают проекты, нарочито выполненные в ностальгическом духе "ретро" — с невысокими постройками в стиле барокко или готики, с косыми улочками, живописными лавочками и т.д. Горячий энтузиаст машинной эры Ле Корбюзье увидит в этом "чудовищное и абсурдное презрение к нашему веку — веку автомобилей". Он не понимает, зачем превращать города в огромные де-

Здание ООН в Нью-Йорке.

Дом Центросоюза в Москве. 1928—33 гг.

ревни с растянутыми до беспредельности коммуникациями. Его идеал — высокий до небес город, и во славу его прагматик Ле Корбюзье только что не пишет оды: "Мне хотелось бы, чтобы читатель силой воображения представил себе, как теперешний город, выросший на земле, соскабливается, удаляется, и на его месте встают чистые, как кристалл, стекла и призмы 200-метровой высоты... Здесь нет ничего общего с убогим Манхэттеном с его хаотичными стрелами и башнями, которые плотно притиснуты одна к другой

и крадут у людей воздух и свет. Здесь создан величавый ритм вертикальных плоскостей, сливающихся в непрерывную перспективу и выявляющих чистые объемы...

В журнальном очерке можно лишь в общих чертах рассказать о том, что удастся Ле Корбюзье сделать за полвека творческой жизни. Верный своим принципам, он строит во всем рациональные рабочие поселки, сияющие белизной виллы где-нибудь на опушке леса, колоссальные административные офисы. Некоторые его работы знает весь мир. Это, к примеру, здание ООН в Нью-Йорке, созданное им в соавторстве с другими архитекторами. В Москве, на Мясницкой улице стоит здание бывшего Центросоюза, возведенное по его проекту в начале 30-х годов. (Надо заметить, Ле Корбюзье с большой симпатией относился к нашей стране, несколько раз бывал в ней, за что излишне политизированные критики называли его "троянским конем большевизма".) Он примет участие в планировке Буэнос-Айреса, г.Алжира, Боготы, индийского города Чандигарха...

Особо следует остановиться на его "Жилой единице" в Марселе — доме на 1600 человек. Работал над ее проектом он с командой молодых архитекторов. Заботясь о максимальных удобствах жильцов дома, Ле Корбюзье заранее предусмотрел в нем размещение всех необходимых в повседневной жизни служб: почты, детского сада, прачечной. И это тоже, кстати, его "ноу хау". Одно большое помещение он отводит под общую гостиную, в которой жильцы могли бы общаться друг с другом. ("План хорош лишь тогда, когда он обеспечивает плодотворное содружество людей при максимально сохраняемой индивидуальной свободе каждого", — выскажет однажды он идею, названную "Биномом Ле Корбюзье".) Но более всего "Жилая единица" знаменита тем, что он в ней впервые на практике применил созданную им систему "модулера". Суть ее в том, что архитектор, планируя жилище, во всем исходит из среднестатистических размеров и пропорций человеческого тела. Он берет в расчет не только рост человека, ширину его плеч, размах рук, длину шага, но и то, как жилец "впишется" в свою квартиру, как будет чувствовать себя в ней, когда спит или сидит в кресле с книгой в руках, когда играет с детьми или, стоя у окна, любуется красотой заката... Увлеченный своей системой, архитектор в статьях, выступлениях на всемирных конгрессах зодчих настойчиво проводит мысль: что бы там ни говорили про дом, а он, в первую очередь, "машина для жилья".

Любопытно проследить, как менялось отношение многих коллег и прессы к "Жилой единице". Вначале архитектора обвиняли в том, что он вознамерился на государственные деньги воздвигнуть в Марселе новые трущобы. Некоторые даже предлагали закрыть стройку. Когда "Жилая единица" вошла в

строй, мнимое поражение Ле Корбюзье обернулось триумфом: его дом назвали новым словом в архитектуре и жилищном строительстве. Правда, критики проекта и тогда нашли, за что упрекнуть зодчего и его молодых помощников: "Им заказывали дома для рабочих, а они построили квартиры для американских миллиардеров!"

Ле Корбюзье называют "самым великим и самым... нелюбимым зодчим века". При всей парадоксальности этого суждения, надо признать, оно в чем-то справедливо. Никто не окажет столь глубокого, революционизирующего влияния на архитектуру XX века, как Ле Корбюзье. И никто из зодчих новейшего времени не подвергнется такому поношению, как он. У него во всех странах было много друзей и единомышленников. Но противников и критиков, пожалуй, еще больше. Если первые вслед за Ле Корбюзье считают, что архитектура способна решить множество социальных проблем, искренне восхищаются мастерством своего кумира, то вторые обвиняют его в "мании величия", доктринерстве, видят во всех его сооружениях и градостроительных проектах "унылое однообразие", "смертную тоску", "уникальный в истории вандализм". Один из критиков даже объявит франкоязычного швейцарца Ле Корбюзье... немцем — за его любовь к порядку, экономии и целесообразности...

Кто же был прав в этом яростном споре, кипевшем вокруг "самого великого и самого нелюбимого зодчего века"? Скорее всего, ни те, кто считал его единственным светочем новой архитектуры — ведь в одно время с Ле Корбюзье работали и прокладывали ей путь такие блестящие мастера, как Райт, Гропиус, Мис ван дер Роэ, ни те, кто называл произведения Ле Корбюзье "математическим бредом". Одно можно сказать наверняка: он был велик и искренен во всем, даже в своих ошибках и заблуждениях — так не терпелось ему поскорее навести порядок в хаосе старых городов, сокрушить встававшую на его пути академическую заскорузлость и украшательскую эстетику вчерашнего дня архитектуры.

Как выразился один его коллега, он был "идеальным образцом для критики". Его бунтарские лозунги типа "Архитектура или революция!" повергают в дрожь сторонников чистого искусства. Ничего, кроме ледяного цинизма, многие люди не увидят в его определении дома как "машины для жилья". С упрямым, почти никогда не улыбавшимся Ле Корбюзье было сложно работать и даже просто разговаривать. Он не считался с чужим мнением. Не оставаясь в долгу перед своими критиками, с презрением отзывался о них как об "акробатах стального пера". Где бы он ни появлялся (а по своей популярности архитектор не уступал тогдашним кинозвездам), вокруг него обязательно поднималась шумиха, хотя сам он ей ни в коей мере не способствовал. О его сооружениях и взглядах на архитектуру с восхище-

нием отзывались Пабло Пикассо, Фернан Леже, Поль Валери и другие мастера культуры. Высокую оценку его "модулеру" даст Альберт Эйнштейн. И этого Ле Корбюзье не могли простить завистники и посредственности...

Да, ему удастся немало сделать. Но еще больше — не удастся! Соотношение его осуществленных и неосуществленных проектов примерно таково: 50:70. И это — лишь чисто арифметический итог жизни архитектора, отличавшегося фантастической работоспособностью и незаурядным талантом. А сколько его замыслов погибнет на корню! Его "План Вуазен", не лишенный некоторых недостатков, но разработанный с таким тщанием и настоящим фейерверком новаторских идей, власти Парижа, не вдаваясь в объяснения, положат под сукно. Двенадцать лет архитектор на безвозмездной (!) основе создает проект реконструкции г.Алжира. Его отвергнут как совершенно непригодный (хотя впоследствии он получит высшую премию всемирной ассоциации градостроителей), а мэр города, выведенный из себя настойчивостью Ле Корбюзье, прикажет... арестовать его. Вместе со своим двоюродным братом архитектор представляет на конкурс проект здания Лиги Наций в Женеве. Жюри признает его лучшим. Но сторонники академического стиля протащат свой, в результате чего мировое сообщество за свои денежки получит здание, по сей день считающееся образцом безликости. Примет участие Ле Корбюзье и в конкурсе на лучший проект Дворца Советов в Москве. Снова неудача. Его лаконичному и в то же время красивому ансамблю жюри предпочтет помпезную махину. А что сделают с его зданием бывшего Центросоюза на Мясницкой! Какой-то начальник распорядится застроить пространство между опорами, на которых стоит фундаментальное здание, отчего оно потеряет легкость и стройность. Но это еще ничего по сравнению с тем, что его знаменитую "Жилую единицу" вообще снесут!..

Да, он становился поперек дороги завистливым коллегам и тупоумным чиновникам, своим независимым поведением раздражал борзописцев, но к простым людям питал любовь и слабость. ("Будь то в Америке или в Европе, вижу ли я крестьянина или рыбака, я понимаю: иду туда, где люди работают для того, чтобы прокормиться... Поэтому я сознаю, что, будучи архитектором и градостроителем, я должен учиться прежде всего у человека...") Да, он ни от кого и не скрывал, что его сердцу ближе всего эстетика прямого угла и квадратной сетки. Правда и то, что он был решительно настроен не только по отношению к Парижу. Заглядывая в недалекое будущее мегаполисов, с его точки зрения, весьма мрачное, он предлагал также, пока не поздно, реконструировать Лондон, Берлин, Москву, Рим... Но радикально настроенный градостроитель Ле Корбюзье не собирался преобразовать старые города с помощью бульдозеров. Свой

профессиональный долг он видел в том, чтобы “лечить больные города”. “На “Плане Вуазен” среди древесной листвы можно то здесь, то там заметить какой-нибудь камень, аркаду или портик, — отвечая на упреки в варварском отношении к историческим памятникам, писал он в книге, посвященной проекту. — В центре зеленого газона возвышается опрятный и кокетливый особняк эпохи Возрождения...” Когда над Венецией нависнет угроза строительства крупных промышленных предприятий, он напишет мэру города сердитое письмо: “Вы не имеете права менять облик этого города. Вы не имеете права допускать в Венеции архитектурный и урбанистический беспорядок американского типа. Да, я строил небоскребы двухсотметровой высоты, но я возводил их там, где они уместны...”

А вот еще одно его письмо. На этот раз — префекту Парижа: “Я считаю необходимым довести до Вашего сведения следующие внушающие беспокойство факты. Я живу на улице Жакоб. Сегодня утром я узнал, что в доме № 14, где помещается лавка угольщика, этой ночью скончалась от туберкулеза жена торговца г-жа К. В 1932 году в той же самой лавке умерли от туберкулеза г-н Б. и его жена. В 1930 году умер от туберкулеза в этой лавке г-н Р. В 1927 году там же — опять-таки от туберкулеза — умерли два жильца. Все вышеупомянутые лица были крестьянами крепкого телосложения. Достаточно было двух лет, чтобы свести их в могилу. Завтра туда прибудет еще одна чета...” Это письмо, вряд ли нуждающееся в каких-то комментариях, Ле Корбюзье написал как частное лицо, что, впрочем, дорогого стоит. Но таким человеком, остро переживающим несчастья и беды горожан, он выступает во всех своих градостроительных проектах. Его ультрасовременные города утопают в зелени. Его стеклянные призмы для того и тянутся к облакам, чтобы уступить земное пространство благоустроенным паркам и рощам. Словно задавшись целью материализовать древний миф о висячих садах Семирамиды, он располагает на плоских крышах своих сооружений террасы с клумбами и фонтанами. Даже под домами, стоящими на опорах, он предусматривает зеленые лужайки и беседки. В одной из статей архитектор обращается к министрам просвещения всех стран с необычным предложением: “Пусть будет издан закон, по которому каждый ученик начальной школы обязан посадить одно дерево где-нибудь в городе или за его пределами. Такое дерево будет носить имя ребенка, который его посадил. Затраты будут ничтожными. Правда, для этого потребуются планы посадок. Через 50-60 лет все эти мужчины и женщины, состарившись, движимые прекрасным чувством, придут под кроны больших ветвистых деревьев. Природа должна войти в сердце наших бесчеловечных городов”. (Увы, на призывы Ле Корбюзье никто из власть предержащих не откликнется, и это даст ему право к концу жизни сделать грустное заключение:

“Я, можно сказать, пребываю в смятении с тех пор, как убедился, что политические деятели не то что безразличны к градостроительству — это для них совершенно чуждый вопрос”.)

Урбанист до мозга костей, он не хуже, а, может, лучше других знал, что технический прогресс не только благо, но и зло. Приветствуя “век автомобилей”, он в своих градостроительных проектах делает все возможное, чтобы человек как можно реже встречался с городским транспортом. Для этого он его то уводит под землю, то пускает по высоким эстакадам. “Отбросим всякие надежды на то, что наши уши когда-нибудь привыкнут к городскому шуму... Шум вреден, шум есть отклонение от нормы, его воздействие пагубно, — пишет он, не оставляя у читателей никаких сомнений на этот счет. И далее улыбочивый, но владевший тонкой иронией Ле Корбюзье продолжает: — По-видимому, миллионеры скоро станут приглашать своих друзей на часы тишины, если только не восторжествуют современные принципы градостроительства, несущие человеку покой... Тогда-то, наконец, найдется на земле столица, которая будет достойна похвалы, потому что это будет тихая столица...”

Особое место в творчестве Ле Корбюзье занимает свет. Он всеми возможными способами подставляет свои сооружения солнцу, в самых неожиданных местах прорезает плоскости стен, а подчас и крыш, чтобы дневное светило, как ему и положено, сияло в доме с раннего утра до позднего вечера. “Человек в моем представлении выше всего, что его окружает, — говорит он, — и я спрашиваю себя, что нужно для того, чтобы у него было хорошее настроение. Я полагаю, что с физиологической точки зрения это прежде всего окно”. Культ света у него порождает культ стекла. Вот как выглядит его лучезарный город, который ему удалось построить, увы, лишь на бумаге. “Въезжаем в город через английский сад. Автомобиль проносится по эстакаде; видна величественная аллея небоскребов. Приближаемся к центру. Перед нами современный, полный света город. Сады, площадки для игр, для спорта. Повсюду небо, оно просматривается вплоть до горизонта. Стекланные геометрические объемы отражают полыхающую зарю. Это не опрометчивый футуризм, не пиротехнический трюк. Это картина, созданная пластическими средствами архитектуры...”

Его уже давно нет на свете, но его всё еще корят. Кто-то вспомнит о его пристрастии к “левой фразе”, кто-то походя заметит, что некоторые его сооружения уже морально устарели, забыв, правда, сказать, что рано или поздно это происходит со всеми, даже с самыми гениальными архитектурными творениями. Один современный критик даже усмотрит в творчестве Ле Корбюзье излишнюю приверженность архитектурным идеалам... эпохи Возрождения!

Что стоит за критикой такого рода? Думается, снобистское нежелание посмотреть правде в глаза. Она же заключается в том, что современный мир своим обликом во многом обязан Ле Корбюзье. Сколько бы ни третировали его за неизбывную любовь к прямой линии, надо признать, почти все новые города мира и новые кварталы старых городов чем-то похожи на его урбанистические проекты. Особенно это касается “спальных районов” с их широкими, точно судоходная река автомагистралями, стройными анфиладами многоэтажных домов, одной стороной глазастыми окнами глядящими друг на друга, другой — на море зелени ближайших лесопарков и голубые зеркала водоемов. И мы уже свыклись с тем, что благодаря применению железобетона и стекла, излюбленных материалов архитектора Ле Корбюзье, этажи сегодняшних новостроек растут буквально на глазах...

Но к чему лукавить? Бывает, что новые кварталы светлы, зелены и уютны лишь на бумаге, а в жизни они получаются такими, что — глаза бы не глядели! Какой там лучезарный город?! Да, у домов плоские крыши, нет карнизов, а некоторые, совсем как у Ле Корбюзье, стоят на опорах. Но все это — сходство грубой, бездарной карикатуры с красивым, душою выстрадаанным оригиналом. В таких кварталах все дома, как на подбор, одного пошиба, одного цвета — недаром люди иногда по ошибке заходят не к себе. Стоят дома впритык, тупо уставившись друг на друга подслеповатыми окнами. И квартиры в них из-за плохой планировки, низких потолков и чудовищной слышимости — “машины для жилья” в худшем смысле слова...

Вот и думаешь: чем нам попрекать Ле Корбюзье за те или иные пристрастия, лучше почаще вспоминать о его предостережениях и советах. Кризис больших городов, как следует не осознанный человечеством в прошлом веке, год от года усугубляется. К тому, что сегодня на эту тему с глубокой тревогой говорят экологи, демографы, медики, каждый из горожан ежедневно добавляет свои невеселые наблюдения и тоскливые ощущения при виде ядовитого смога, изматывающей толчеи на тротуарах и автомобильного ада на дорогах. Нет, повсюду власти что-нибудь да делают, но это те половинчатые меры, против которых восставал сторонник радикального обновления городов Ле Корбюзье. Говорят, городская цивилизация заходит в тупик. Да нет, она уже находится в нем! В том самом Париже, “отцы” которого в свое время не захотели даже выслушать Ле Корбюзье и попытаться найти с “Планом Вуазен” разумный компромисс, сегодня в некоторые дни автомобильные пробки достигают длины в несколько десятков километров! В Лондоне средняя скорость движения уличного транспорта не выше пяти-шести километров в час, т.е. сравнялась с темпом движения пешехода. В Москве уже поговаривают о том, чтобы сделать въезд в центр города платным: настолько

перегружены улицы и переулки первопрестольной. А с чем, как не с библейским исходом, можно сравнить то, что в канун выходных миллионы горожан вместе с домашними животными кто на чем, наседавая друг на друга, устремляются за город? Еще полвека назад Ле Корбюзье вскрыл подоплеку этого явления: “Бегство в пригороды — это погоня за призрачной свободой, которая не сулит ничего, кроме кандалов. Это своего рода невроз, который приводит ко всеобщей дезорганизации жизни города, толкает общество на бессмысленную расточительность”.

Свои лучезарные города он мыслил такими, чтобы их жителям не хотелось бежать из них...

До глубокой старости он сохранит хорошую физическую форму (вот что значит в молодости обойти полмира, ночуя прямо в поле), работает с той же энергией и страстью, что в молодые годы. Удивительно, но чем Ле Корбюзье старше, тем ярче и свежее его талант. Постепенно преодолевая тягу к прямому углу, он все чаще создает сооружения с причудливо изогнутыми плоскостями несущих стен, над которыми, словно бы сильным порывом ветра поднятые, упруго взлетают покатые железобетонные перекрытия. (Капелла в Роншане.) Павильон фирмы “Филипс” на выставке в Брюсселе он делает похожим на храм электроники в готическом стиле. Его творения все чаще напоминают картины и скульптуры, которыми он занимался всю жизнь, делая отчаянные, но не всегда безуспешные попытки прорваться в четвертое измерение пространства. Когда-то провозгласивший безусловный приоритет архитектуры перед ландшафтом, он располагает свой Чандигарх у подножия Гималаев, уважительно подчиняясь прихотливости рельефа. “Дались они мне с их приписанным мне собственным стилем! — проворчит он, отвечая на очередной выпад противников. — Вот я им покажу нечто новое: торжество наклонной плоскости, которая то победно взмывает вверх, то как бы с улыбкой свергаетсЯ вниз в легком слаломе...”

Всегда предпочитавший работать с молодежью, он не изменяет своей привычке и на склоне лет. Почему-то он, несговорчивый, резкий, со своими помощниками быстро находит общий язык. Сохранится записка, которую он однажды оставит заспавшимся коллегам: “Друзья! На сей раз мы безнадежно опаздываем. В десять часов вы еще в постели! Молодость прекрасна, но чертовски беззаботна! Ле Корбюзье”.

Сильный и уверенный в себе, он останется верным своей натуре до конца. Семидесятивосьмилетний Корбю — так звали его друзья — однажды далеко заплывет в море. Но не рассчитает своих сил и не дотянет до берега. Похоже, он точно так же вел себя в жизни: опережая других, отчаянно рвался в будущее, чтобы остаться в нем навсегда... ■

Все дело в генах?

"У меня это уже вошло в гены", "это у нас в генах сидит"... — подобные выражения нередки. Оно и понятно: "списать" что-то на гены (на судьбу-злодейку, рок...) проще всего. А насколько оправданна наша апелляция к генам? Об этом — беседа с главным научным сотрудником Психологического института Российской академии образования Инной Владимировной РАВИЧ-ЩЕРБО, одним из основателей целого направления в отечественной науке — психогенетики, где биология и психология выступают на равных. В 1972 году она возглавила лабораторию возрастной психогенетики, которой руководила 21 год. Лаборатория такого профиля — единственная в России.

При чем здесь гены?

— Еще в студенчестве я увлеклась дифференциальной психофизиологией, — рассказывает Инна Владимировна. — Эта наука изучает индивидуальные особенности работы центральной нервной системы человека. От них зависит очень многое в психике, особенности темперамента, например, некоторые аспекты познавательных процессов. А вообще впервые исследовать свойства нервной системы начал когда-то Иван Петрович Павлов на собаках. После его смерти ученики Павлова, а позже — один из наших крупнейших ученых Борис Михайлович Теплов, под началом которого я работала, всерьез распространили эти исследования на человека. И еще Павлов начал изучение наследственных свойств нервной системы.

— *Инна Владимировна, нередко приходится слышать и читать, что "народ вырождается", генофонд нации катастрофически подорван...*

— Это домыслы безграмотных журналистов.

— *Да вы посмотрите, сколько вокруг алкоголиков!*

— А генетика тут при чем?

— *Ну как же, говорят, за годы Советской власти питание у нас уже "вошло в гены".*

— Интересно, а то, что "на Руси есть веселие пити", — это разве при Советской власти сформулировано было? Но в старину в русских деревнях на свадьбе молодым не давали пить, чтобы предотвратить пьяное зачатие. Пить надо меньше. Не потому, что водка гены ломает, а потому, что из-за нее дети-уроды рождаются. Если с завтрашнего дня в России перестанут хлестать водку, то уже через девять месяцев патология новорожденных резко уменьшится. Болезнь ведь не обязательно передается по наследству — генами, она может возникнуть просто в результате того, что мама во время беременности пила горькую. Рождение урода — не всегда генетический порок. Ген продуцирует определенный белок — и начинается длинная цепочка биохимических превращений. Алкоголь может нарушить эту цепочку, не затрагивая самого гена.

— *Получается, бросив пить, человек может родить здорового ребенка?*

— При условии, что не пострадала среда, в которой дитя будет развиваться. Потому что одно дело — наследственность, которую родители передают ребенку, и другое — та внутриутробная среда, которую женщина ему создает благодаря своему собственному образу

жизни. Кстати говоря, в русских деревнях беременным не разрешали даже смотреть на местного дурачка, чтобы не расстраиваться. Если мама расстроена или вынашивает нежеланного ребенка, у нее другой гормональный статус, поэтому будущий ребенок может получить скверную внутриутробную среду.

Конечно, бывают наследственные болезни типа муковисцидоза, но мы сейчас говорим не о них. Любой ген все же может поломаться. После таких катастроф, как чернобыльская, радиация ломает гены, но здесь есть один нюанс. Каждый из нас генетически абсолютно уникален, полный набор генов сидит в каждой клеточке нашего организма — в печени, в мозге, сердце, коже... При облучении тела могут пострадать гены, находящиеся в любом его органе, но если при этом не затронуты половые клетки, то своим детям человек передаст здоровые гены.

Тест — не прогноз!

— *Мне всегда больно смотреть на детей, у которых родители — алкоголики...*

— Если не произошло мутации в родительских генах, содержащихся именно в половых клетках, то у них может родиться генетически нормальный ребенок. У него будут шансы достичь чего-то в жизни, если мама-алкоголичка или папа-пьяница не испортят его воспитанием. Шансов мало не из-за генетики, а из-за воспитания.

— *Инна Владимировна, а науке понятно, насколько наши способности зависят от воспитания, а насколько — от генов?*

— Если речь идет о том, сможет ли ребенок стать Эйнштейном, то требуется то, что психологи называ-

ют "специальными" способностями, скажем, математические. И здесь действуют гены. Вырастить гениального математика из человека, у которого нет врожденной математической одаренности, невозможно. Для того, чтобы стать певцом, нужен, как минимум, слух и голос.

— *А если эти врожденные задатки в школе не заметят, то они так и останутся нереализованными, или, раз это в генах, то все равно "высочат"?*

— Если у одаренного музыканта нет в руках музыкального инструмента, мир никогда не узнает, кого он лишился.

— *А как же отличить — одаренность это или нет? Вот сидят за одной партой два отличника, у обоих по математике пятерки, но у одного это генетическая одаренность, а второго репетиторы "натаскали".*

— Одаренного по своему предмету ученика педагог всегда обнаружит интуитивно.

— *Но, предположим, у него интуиция плохая.*

— Тогда он плохой педагог.

— *А если использовать модное нынче тестирование?*

— К сожалению, сейчас очень часто результаты тестов воспринимаются как истина в последней инстанции. Да, есть тесты, которые хорошо выявляют способности ребенка — научился ли решать задачи, например, или нет. Есть так называемые тесты креативности, определяющие творческие способности ребенка. Но, как сказал один из наших ведущих специалистов по психодиагностике Константин Марнович Гуревич, любой тест — это инструмент диагноза, а не прогноза. Тест фиксирует сегодняшние способности человека, но совершенно ничего не говорит о том, каким он

будет завтра или послезавтра. Дело в том, что в наших генах закладывается не конкретное значение интеллекта, скажем, 103 балла, а некоторый диапазон возможностей, что в генетике называется "нормой реакции". А то, насколько человек в данном диапазоне возможностей реализуется, зависит уже от того, в какой среде он вырос. Даже потенциально гениальный музыкант без скрипки в руках не сможет реализоваться. Так что на ваш вопрос, что зависит от воспитания, а что от генов, можно ответить так: диапазон, норма реакции — от генов, а реализация в рамках этих возможностей — от воспитания. Конечно, каждый интуитивно стремится реализовать свои задатки: литературно одаренный человек будет, например, вести дневник, имеющий музыкальные способности — петь в кругу друзей, но для того, чтобы стать крупным мастером, этого недостаточно. Для реализации заложенного в генах по максимуму, необходимо, чтобы педагог уловил эти задатки и дал им выход.

Как придушить ген одаренности

— *Нередно бывает, что родители просто "в упор" не хотят замечать какой-то склонности ребенка. Мечтают видеть его врачом, например. А его предназначение, его способности "от Бога" совсем иные. Как вы вообще относитесь к этому выражению — "от Бога"?*

— Очень хорошо отношусь. Вопрос только в том, что пока никто не может определить это предназначение, кроме самого Бога. Плюс умные и грамотные родители и педагоги, а самое главное — такая среда, которая позволит найти нишу для каждого ребенка. При всем

том, что в прошлом у нашей школы было немало недостатков, я все-таки не понимаю, почему мы вместе с водичей упорно выплескиваем и дитя — ту самую среду, о которой я говорю. В советское время каждая школа была обязана иметь разнообразные кружки — по физике, химии, биологии, рисованию, танцевальные — где что... Сейчас их мало где встретишь, а если есть, то чаще всего — платные.

— *Инна Владимировна, а вы не переоцениваете значения школьных кружков "по интересам"?*

— Дело в том, что "сами по себе" гены одаренности не проявятся. Для того, чтобы они показали себя, необходимо их взаимодействие с определенной средой. В медицине этим иногда пользуются для того, чтобы... придушить патологический ген, не дать ему развиваться. Например, одна тяжелая наследственная болезнь — фенилкетонурия — приводит к глубокому поражению центральной нервной системы, не лечится и часто не компенсируется. Причем в некоторых случаях диагноз можно поставить ребенку еще до его рождения, посмотрев, достался ли ему от одного из родителей ген этого заболевания. Так вот, если ребенку с детства не давать соответствующих продуктов, которые содержат фенилаланин, то он вырастет вполне здоровым человеком. В этом случае патологический ген, который человек носит в себе, не получает той среды, которая ему нужна, чтобы активизироваться, проявиться. Это предотвращает развитие болезни. Давайте переведем эту схему на гены творчества, одаренности. Чтобы проявиться, им тоже нужна определенная среда. Социальная. Но мы же не знаем, ген на-

кой одаренности есть у ребенка, поэтому и надо дать ему возможность попробовать себя в танцевальном, фотографическом, физическом, литературном кружках. Глядишь, один из них и окажется тем самым "веществом", которое активизирует нужные гены. Только в примере с болезнью такая активизация была не нужна, и мы исключали определенное вещество из пищи, а в случае с творческой одаренностью соответствующее "вещество", напротив, надо включать в "пищу" — в жизнь ребенка.

— *Получается, исключая кружки из школы, мы, сами того не подозревая, держим на голодном пайке гены одаренности, как медики оставляют без пищи гены патологии?*

— Да. А чем больше кружков в школе, чем больше у юного человека возможностей попробовать себя, тем лучше, потому что каждый из нас генетически уникален и никто не знает, сколько "талантливых" генов я ношу в себе. Раньше считалось, что в генотипе сто тысяч генов, сейчас называют меньше — около шестидесяти тысяч. Вдумайтесь, какое это все-таки колоссальное количество! Неужели же среди 60 тысяч не найдется генов (или их сочетаний!) какой-нибудь способности, таланта, одаренности? Так надо же "покармливать" ее определенными "белками", чтобы она могла проявиться! Старый педагогический лозунг "Держайте — вы талантливы!" имеет под собой основание. Каждый из нас, вероятно, в чем-то талантлив. Но почему-то мы больше рассуждаем про "количество" — кто более, а кто менее способен. А, по-моему, надо больше думать о "качестве" — том, к какому роду деятельности способен человек.

— Только у нас почему-то под "способностями" понимают музыку, литературу, математику...

— А руки золотые — это что, не одаренность? Сейчас, когда усложнилось управление производством, когда все компьютеризировано, на первый план выходят такие способности, на которые раньше почти не обращали внимания. Например, когда появились так называемые большие системы (скажем, системы управления воздушным движением), возникла нужда в людях, которые умели бы быстро перерабатывать информацию. Ведь человек может много чего знать и уметь, но быть медлительным. Пона диспетчер будет соображать, у него самолеты столкнутся. И тогда такой способностью, талантом, который обеспечивает высокий уровень профессионализма, становится просто... скорость — скорость принятия решений. Она называется, умение быстро принимать решения — тоже талант, как и абсолютный музыкальный слух или математические способности.

И еще один аргумент в пользу некоторых традиций советской школы. В медицине есть такой термин — "отдаленные последствия". Так вот, несмотря на все гримасы тогдашней идеологической жизни, "отдаленные последствия" советского школьного обучения великолены. Откуда Запад черпает мозги? В том числе и из России. Это и есть те самые "отдаленные последствия".

Гены или воспитание?

— Уже в первые годы работы лаборатории у нас проводились уникальные исследования, — рассказывает Инна Владимировна — Та-

ких работ не делал никто в мире. Я имею в виду исследования генетики психофизиологических особенностей: электроэнцефаллограммы покоя, так называемых вызванных потенциалов — ответов мозга на внешние воздействия, свойств нервной системы человека и так далее. Не буду утомлять вас узкоспециальными подробностями, скажу только, что они легли в основу многих "общих" выводов и рассуждений психогенетиков.

— В чем уникальность этих исследований?

— Как это ни странно, на первый взгляд, но до нас почти никто не пытался ответить на вопрос: наследственностью или средой определяются особенности биоэлектрической активности различных зон мозга. Дело в том, что мир занялся генетиной интеллекта, потому что это наиболее практически значимая психологическая особенность. В самом деле, какая у меня энцефалограмма, моему работодателю наплевать, а вот какой у меня интеллект, ему важно знать.

— А какими методами пользуются психогенетики для того, чтобы "развести" влияние наследственности и среды?

— На первый взгляд, кажется, что достаточно сравнить вас и ваших родителей. Но ваши папа с мамой дали вам не только гены, но и воспитание. Поэтому даже если вы на них похожи, то это совсем не говорит о том, что сходство определяется именно наследственностью, а не воспитанием. А вот если бы вы были приемным ребенком, то представляли бы для нас исследовательский интерес. Очень интересно сравнивать приемных детей с их биологическими родителями, от которых они получили только гены, но

не воспитание, и с родителями-усыновителями, от которых дети получили только воспитание, но не гены. Упрощенно говоря, если ребенок по интеллекту больше похож на своих биологических родителей, чем на усыновителей, то это свидетельствует в пользу того, что интеллект больше определяется генами, чем средой. Такой метод широко используется психогенетиками на Западе, но у нас он неприменим, поскольку в России тайна усыновления охраняется законом. Поэтому мы используем "метод близнецов". Каждый из нас уникален, на Земле нет ни одного человека с таким же набором генов, как у вас или у меня. И только монозиготные близняшки — исключение из правила. Зигота — это оплодотворенная женская яйцеклетка. По каким-то неясным пока причинам иногда зигота делится пополам и вместо одного эмбриона получается два. Впоследствии из каждого такого эмбриона формируется вполне полноценный человеческий организм. Но законы деления зиготы таковы, что каждому ребенку достаются одинаковые гены. Поэтому монозиготные близнецы — это единственные люди на Земле, которые имеют одинаковые гены. (Замечу, что есть еще дизиготные близнецы — они развились из двух яйцеклеток, а потому имеют разный генетический набор и от "обычных" братьев и сестер отличаются только тем, что родились почти одновременно.) Нас интересует, насколько похожи друг на друга по интеллекту монозиготные и дизиготные близнецы. Если окажется, что монозиготные близнецы по интеллекту более похожи друг на друга, чем дизиготные, то это можно объяснить только тем, что у них совер-

шенно одинаковые гены — причина в наследственности, а не в воспитании. Ведь и тех, и других воспитывают одни родители, и то, что идет "от воспитания", действует одинаково. Такова основа близнецового метода исследований.

Что такое интеллект?

— До сих пор неясно, какие гены за что отвечают в нормальной психике, — размышляет Инна Владимировна. — Можно сделать генетический анализ больных и здоровых людей и найти гены, по которым они отличаются. Тогда понятно: если поломался такой-то ген на определенном участке хромосомы, то будет такое-то заболевание. А вот сказать, что уже найдены гены или их системы, которые определяют, предположим, 95 или 140 баллов интеллекта, сегодня нельзя. Хотя их ищут.

— Мы уже говорили о тестах, определяющих так называемые специальные способности ребенка, а как вы относитесь к знаменитому американскому тесту IQ — тесту, измеряющему общие способности — интеллект?

— К сожалению, по стране гуляют сотни неграмотных тестов. Но если тест грамотный, то ничего плохого в нем нет, надо только не придавать ему большего значения, чем он того заслуживает. Дело в том, что за тестом интеллекта не стоит теоретического понятия самого интеллекта. Что понимается под интеллектом — неизвестно, что за интеллект измеряется — неизвестно. Как выразился один ученый: "Интеллект — это то, что измеряют мои тесты". Однако американскому психологу Венслеру, создателю наиболее распространен-

ных тестов IQ, удалось подобрать такие задания, что они в самых разных странах дают одни и те же результаты. Проще говоря, оценки учеников тестами и учителями совпадают: успешные в учебе школьники получают и по тесту высокие баллы.

— *А психогенетика может объяснить, почему у "Иванова" интеллект высокий, а у "Петрова" — низкий?*

— Вот на этот вопрос генетика сегодня ответить не может. Предположим, померили мы интеллект у двух детишек. У обоих — по 95 баллов. Но, как мы уже говорили, в наших генах кодируется диапазон возможностей ("норма реакции"), а не интеллект. Может статься, что у "Иванова" наследственный диапазон возможностей довольно низкий, но он оказался в очень благоприятной среде, его окружают великолепные педагоги и родители — и он свои генетические потенции в какой-то области реализовал почти полностью. Отсюда — те самые 95 баллов. А у "Петрова", может быть, генетические задатки значительно выше, возможности огромнейшие, но ему не повезло с учителями или родителями. И тест определит у него тот же самый балл интеллекта, что и у "Иванова" — 95. И хотя психогенетика говорит мне, что различия по интеллекту на 60-70 процентов определяются различиями в генах, это совсем не означает, что по 95 баллов у одного и другого — это их наследственный крест.

Кроме того, у человека могут быть очень высокие способности, например, в области пространственных представлений, но очень низкие вербальные, а общий балл получится приличный. В итоге мы тоже получим двух человек с одина-

новыми баллами интеллекта, но его "структура" будет различной. Никто не знает, сколько генов определяющих интеллект.

— *И наука никак не может измерить "чистый" интеллект, раз нет гена, "отвечающего" за него?*

— Именно потому, что — наука, а не халтура. Не дай Бог, кому-нибудь удастся найти молекулярные основы интеллекта. Что будет, если мама-дурочка захочет родить Эйнштейна, а генетика скажет, что гены математической одаренности ее ребеночку не достались? И что, делать аборт? Или он будет нелюбимым ребенком?

— *А как на ваше мнение о клонировании?*

— Разумеется, я против клонирования человека. Но даже если это и произойдет, и генетически такие люди будут идентичны, психологически они все равно будут отличаться, поскольку будут разной среды, социальные условия, в которых "клон" вырастет и воспитается. Если клонировать, скажем, любимого человека, потому что он был добрым или чутким, любящим и "хорошим", то его "клон" может оказаться как раз злым и черствым. Энтузиасты клонирования забывают, что нет генов... нравственности и морали. По наследству генетически, морально-нравственные качества, увы (или к счастью?), не передаются. Наш генофонд создавался в результате эволюции, которая отбирала, сохраняла и умножала что-то полезное для выживания. Эволюция не шла по пути отбора лгунов или высоконравственных правдолюбцев — это лежит за пределами биологической приспособленности, выживаемости и плодовитости. Нравственность к эволюции отношения не имеет. ■

ЧИСТЫЙ ЗВУК ЗАБЫТЫХ СТРУН

“В чьем сердце больше теплоты
нашлось? Чья лютня чище извлекает
звуки?” — так писал европейский
поэт эпохи Возрождения об инструменте,
в то время повсеместно распространенном.
Ныне он вытеснен своим потомком — гитарой,
и тех, кто владеет игрой на лютне,
во всем мире не так уж много. Но
среди этих немногих — российский

музыкант Александр Суетин, почетный член лютневых обществ Франции, Англии и Америки, чье имя музыкальные энциклопедии включают в ряд ведущих лютнистов планеты. Его блестящая техника и тончайшая индивидуальность, виртуозное владение всеми инструментами семейства лютневых пленили сердца слушателей многих стран, принесли

успех на международных фестивалях старинной музыки. Нанов же был путь к этому успеху?

В детстве Александр музыке не учился, поскольку педагог, к которому родители привели мальчика, не обнаружил у него даже малейшего намека на такие способности. Кто же тогда знал, что педагог ошибся! Александр занимался хон-

неем и горными лыжами, между делом научился играть на гитаре, но готовился стать художником: нравилось рисовать, лепить. Учился этому серьезно — он вообще ко всему подходит серьезно и основательно, — в профессиональных студиях. После школы собрался в Строгановское училище на отделение керамики и стекла.

— Иду подавать документы и думаю: вот, буду всю жизнь лепить из глины, пальцы огрубеют — а как ими на гитаре играть? Вместо Строгановки отнес документы в музыкальное училище имени Октябрьской революции. На приемных экзаменах выяснилось, что программу, которую я, самоучка, подготовил, исполняют лишь выпускники училища. Училище я окончил, но в классической гитаре разочаровался. Должно быть, потому, что к тому времени всерьез увлекся старинной музыкой. Я всегда любил старинные вещи, вернее, саму старину, дух времени. Собрал большую коллекцию уникальных старинных инструментов, сам их реставрировал. Этот интерес был в какой-то мере музейно-историческим: любовь к инструменту как математическому образу — ведь мастер почему-то создал именно эту форму, именно в эти пропорции заключил свой замысел...

— *При вашей любви к точности (дома все должно быть по линейке, в идеальном порядке и чистоте) — это понятное увлечение...*

— Так же захватила и старинная музыка. Представьте: не имея ладовой системы и дане, если взять совсем раннюю, мажора и минора, она писалась просто в определенном тоне, но при этом была идеально точно выстроена. Настоящая архаика, потрясающе инте-

ресная. И невообразимая высота мысли. А какие личности! Какие эпохи — средние века, Ренессанс, барокко... А главный инструмент — лютня. Таинственная, загадочная музыка, вместо нот — зашифрованные табулатуры: лютневая музыка для удобства игры пишется особыми знаками. Предков лютни знал весь древний мир — Египет и Ассирия, Китай и Индия, Древняя Греция и Рим, а один из прародителей, арабский уд, попал в Европу в VIII веке, во время мавританского завоевания Испании. С этого времени лютня, которую называли королевой инструментов, стала составной частью европейской музыкальной культуры. Семейство лютен быстро разрослось: варьировались и размеры, и количество струн — от шести до шестнадцати, и высота строя — ниже голосом или выше. Дену делали обычно из ели, а корпус, напоминавший по форме панцирь черепахи — чаще из клена. Кстати, именно словом "тестудо" (черепаха), вслед за лирой, называли лютню в многочисленных средневековых трактатах и предисловиях к сборникам лютневой музыки. Считалось также, что в ее пропорциях, соотношении струн и строе закодирован ключ к музыкальной числовой структуре космоса. Неудивительно, что в искусстве Возрождения лютня приобрела роль символа мировой гармонии, единения космоса и человека. А в повседневной жизни знати — функцию почти психотерапевтическую: вторила ненным чувствам, утешала в душевном волнении. Ну и, конечно, украшала балы и приемы: приезжает в дом высоний гость, лютнист выходит к нему со свеженанписанной пьесой — это было важной частью протокола.

— Александр, вы известны как мультиинструменталист, играете на всех видах лютен, теорбе, орфарйоне, мандоре, барочной гитаре, перепробовали множество инструментов. Какой из них самый сложный и самый любимый?

— Любимая лютня — работы российского мастера Александра Батова. В каких бы странах ни выступал, но мне подходили лютнисты и предлагали поменять или продать эту лютню за безумные деньги, на что я, конечно, не соглашался и не соглашусь. Это прекрасный, совершенный инструмент. А самый сложный — пожалуй, орфарйон. Он труден и в настройке, и в исполнении. А звучит удивительно, как маленький клавесин. К сожалению, мало востребован. Надеюсь, что сейчас он, вслед за лютней, зазвучит на театральной сцене. В спектаклях Театра на Таганке я уже третий сезон озвучиваю шекспировские "Хроники" в постановке Юрия Любимова: играю аутентичную музыку шекспировского времени и современные сочинения замечательного российского композитора Владимира Мартынова.

— Вы долго были солистом известного ансамбля "Мадригал", сотрудничали с Татьяной Гринденко ("Академия старинной музыки"), Алесеем Любимовым, "Хортус музинус". Почему предпочли "раскрученным" коллентивам более рискованную сольную карьеру?

— В большом ансамбле, где звучат скрипки, альты, виолончели, лютне уготована роль акомпанемента. В какой-то момент мне это стало не интересно. Сейчас работаю один и в дуэте с гитаристом Александром Мартыновым. Программа — от Баха до Оффенбаха: начинаем со старинной музыки, а

заканчиваем рэгтаймами Джоплина. Интересное созвучие очень заводит публику. Дуэт называется "Альтернатум" ("чередующиеся") — мы как бы ведем своеобразный диалог: буквально в одном такте умудряемся каждую ноту перекинуть друг другу, как пас.

— Проблемы репертуара у вас нет?

— Для лютни написано столько музыки, что ее не переиграть за две жизни, но я все-таки человек XX и даже XXI века, и не могу играть только Вайса и Дауленда, Нойзидлера и Галло. Мечтаю, чтобы такой композитор, как Мартынов, написал бы прекрасную музыку для лютни. Почему-то уверен, что именно русский композитор напишет для лютни нечто гениальное. Сам я — исполнитель, и сочинять не пробовал. Но вот переложения — моя страсть, продиктованная любовью к лютне, которой мне безумно хочется продлить жизнь. Недавно вышел мой диск, на котором рядом с классиками старинной музыки — современные композиторы: Гершвин, Джоуплин.

— Сейчас в моде аутентичность, дотошное следование традициям исполнения...

— Соблюдать в деталях костюм эпохи и скрупулезно следовать традициям — значит запереться в рамках музейности. А мне хочется играть старинную музыку так, как я сам ее чувствую.

— Специалисты в один голос говорят, что мы утрачиваем свою, лучшую в мире, инструментальную школу. А вас не тянет передать опыт подрастающему поколению?

— Я попытался преподавать и понял, какая это радость — раскрывать в ребенке способности, талант. Но оплата этого труда унизи-

тельно мала. И условия обучения в музыкальных школах, как правило, далены от идеальных. Когда с одной стороны грохочет рояль, с другой — баян, как можно привить ребенку любовь к музыке, развить слух и вкус? Можно только загубить. Хотя весь музыкальный мир живет преподаванием, все музыканты Европы преподают. Потому что концертов, как правило, мало, очень немногие зарабатывают исключительно концертами.

— Есть ли у вас образцы для подражания, откуда черпаете вдохновение?

— Пона учился, у меня в душе был конкретный образ, лютнист, как бы ставший моим учителем, — Конрад Юнгхенель. Но любой ученик должен превзойти учителя. И я стал расширять круг образов. Когда играю, могу думать, к примеру, о Бродском — вспоминаю его стихи, вспоминаю Пастернака, Лермонтова, Пушкина, Заболоцкого, да Винчи, Ломоносова, Державина. Или Камю. Или Шопенгауэра... Расскажу вам один забавный и даже мистический случай. Знаете, в этом доме был... Бах. Однажды я перекладывал его прелюдии и фуги из "Хорошо темперированного клавира" и был очень увлечен. Казалось бы, никак нельзя сыграть произведение на лютне — а я думаю: нет, можно! И при этом сохранив фактуру, чтобы fuga осталась фугой. Сидел часов до трех ночи, но не смог переложить последние 8 тактов — не получается, и все! А в постели спал мой Трифон, сын — ему было года 4 — крепким сном. Заснул и я. И просыпаюсь оттого, что слышу голос. Встаю и вижу: вот он, Иоганн Себастьян Бах, говорит по-русски. Пойдем, говорит, на кухню, а то тут ребенок спит,

как бы не разбудить. И подробно объясняет, что нужно в нотах изменить. Потом говорит: можно я на твоего ребенка взгляну? А волосы у Трифона всегда были светлые и лежали прямо, как у меня. Бах подошел и погладил его по голове. Славный, говорит, мальчуган, ну, а я пошел, мне пора. И исчез. Утром встаю, тут же подбегаю к столу и то, что он мне посоветовал, записываю. И все складывается идеально. Но самое главное, что у ребенка до сих пор — а ему уже 16 — волосы лежат только в ту сторону, куда их загладил Бах.

— Похоже, вы верите в приметы? Например, струна порвалась...

— Струны рвутся к счастью. Верю в приметы, конечно. А танке подвержен негативному влиянию всевозможных явлений природы, но смиряюсь: надо день пережить. Бываю раздражен на пустом месте. Не люблю грубостей, но иногда разминаюсь таким образом — не кулаками, а внутренним поднятием настроения, азартом, адреналином. Как в охоте: если зверь бежит на тебя — ни в коем случае нельзя убегать, только идти на него. И так же — когда выходишь на публику: огромный зал, там сидит Бог знает сколько народу, ты выходишь — и на него. Я давно, к счастью, понял: не мы выбираем профессию, а профессия — нас. Много лет назад, переживая творческий кризис, думал — все, бросаю лютню, иду расклеивать плакаты. И Мартынов сказал мне тогда: бросай на здоровье, твое место, может быть, займут, а может быть, и нет, только не ты его выбирал. И не тебе бросать. Тогда я и понял, что без музыки мне жить невозможно. ■

Беседовала
Маргарита БЕЛАЯ.

КОЛЫБЕЛЬ МАСТЕРСТВА

*"Как живопись и музыка, кухня — искусство.
Живопись очаровывает глаза, музыка — слух, а кулинария — вкус".*
А. Морюв

Дополнительное образование в Московском технологическом колледже питания

Дополнительное образование в МТНП пользуется большой популярностью у москвичей и жителей Подмосковья. Среди тех, кто получает его, старшеклассники и выпускники средних школ, домохозяйки, преподаватели, бизнесмены, а также бывшие медики, учителя, инженеры, а ныне безработные. В настоящее время в колледже формируется центр профориентации и оперативной подготовки и переподготовки специалистов.

У дополнительного образования в Колледже два основных направления:

1. Краткосрочные курсы.

За 1-2 месяца обучения на наших курсах (с очень удобным гибким графиком занятий) можно получить престижные профессии:

повар 3 разряда, официант 3 разряда, кассир, продавец, бармен 4 разряда, бухгалтер, бухгалтер-оператор по программе «Бухгалтерия: 1С» в коммерческих фирмах, оператор ПК, а также повысить профессиональный уровень на курсах повышения квалификации: поваров на 4 и 5 разряды, официантов на 4 и 5 разряды, барменов на 5 разряд.

Теоретические занятия, получаемые на курсах, закрепляются практически и лабораторными занятиями, тем более что Колледж располагает собственной хорошей базой практики: это и лаборатория, и столовые, и бар, и кулинария.

На курсах преподают высококвалифицированные преподаватели.

В планах директора организовать обширную многопрофильную систему подготовительных курсов, предназначенных для тех, у кого нет достаточно времени на обучение, и очень удобных и выгодных тем, кто хочет быстро получить новую профессию.

2. Подготовительные курсы для будущих абитуриентов Колледжа

Функционируют семимесячные (с октября по апрель), трехмесячные (с февраля по апрель) и двухмесячные (с марта по апрель) курсы.

Занятия проходят в будни, два раза в неделю, с 17:30 до 20:30

Группы формируются из учащихся 9-11-х классов, но принимается и работающая молодежь, те, кто несколько лет назад окончил школу, ПТУ или даже высшее учебное заведение и решил повысить профессиональный уровень или сменить профессию.

Поступающие (на любой факультет) сдают экзамены:

математика (письменно), русский язык (диктант).

Занятия на подготовительных курсах ведут лучшие преподаватели, имеющие большой педагогический опыт. В процессе обучения устраняются пробелы в знании русского языка и математики, систематизируются ошибки, часто встречающиеся на вступительных экзаменах.

Учащимся 9-х и 11-х классов занятия на подготовительных курсах значительно облегчают усвоение школьных программ по русскому языку и математике.

Таким образом курсы не только помогают подготовиться к поступлению в колледж, но и повышают успеваемость школьников, помогают благополучно закончить школу.

Адрес МОСКОВСКОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО КОЛЛЕДЖА ПИТАНИЯ
127427, Москва, Ботаническая ул., 13.

Проезд: ст. метро "ВДНХ", далее авт. 803, трол. 36,73, ст. метро "Владыкино", далее авт. 24,85,803, трол. 36,73 до остановки "Нашенкин луг".

Приемная комиссия: 218-14-84, 218-13-95, тел/факс 219-21-61

ПРОИЗВОДСТВО БЫТОВОЙ ТЕХНИКИ

ЛУЧШАЯ БЫТОВАЯ ТЕХНИКА
ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ
КРУПНЫМ И МЕЛКИМ ОПТОМ

426057, г.Ижевск
ул.М.Горького,90
тел.: (3412) 51-02-31
факс: (3412) 78-58-97

АКСИОН **ТНП**

e-mail: tnp@axiontnp.ru
www.axiontnp.ru

ЗДОРОВЬЕ или ОБРАЗОВАНИЕ

ЗДОРОВЬЕ или ОБРАЗОВАНИЕ

✓ Сегодня в адрес школы можно услышать упреки, что программа обучения настолько усложнилась, что она перегружает головы учащихся ненужными знаниями, не давая детям развития, не стимулируя их способностей. Как правило, учителя **ДАЮТ** знания и **ТРЕБУЮТ** знаний, но не учат ребенка, как **ПОЛУЧАТЬ** их. Кроме того, школа совершенно не оставляет ребенку свободного времени.

✓ Это зачастую приводит к таким явлениям, как неуверенность ребенка в себе, депрессия, нарушение сна, раздражительность. Снижается работоспособность, повышается утомляемость, что, в конечном счете, может стать причиной серьезного заболевания. Таким образом, родители оказываются перед выбором: хорошее **образование** ребенка **или** его **здоровье** (как физическое, так и психическое). Как помочь родителям в решении этой проблемы? Как сделать учебу эффективной и доступной для каждого ребенка?

✓ 10 лет назад специалистами **Школы Рационального Чтения** была разработана образовательная технология **Интеллект**, которая представляет собой систему, направленную на развитие у учащихся качеств, необходимых для успешного освоения школьных предметов. Одни упражнения развивают внимание, воображение и память, образное и логическое мышление, другие формируют у школьников навыки безошибочного письма, беглого чтения, умения грамотно выражать свои мысли. На занятиях ребята узнают, как правильно работать с текстом: выявлять структуру, выделять главные мысли, надежно запоминать информацию. Задания и упражнения разработаны с учетом школьной программы. Доброжелательная атмосфера занятий помогает избавиться от проблем в общении с окружающими, обрести уверенность в себе. Успеваемость повышается на 1-1,5 балла. На курсах **Интеллект** занимаются учащиеся младших, средних и старших классов. В **ШРЧ** работает и дошкольное отделение.

✓ Интересно, что в тех школах, где курс **Интеллект** включен в программу обучения, у детей появился интерес к учебе, у них снизилась заболеваемость ОРЗ, улучшилось общее состояние здоровья. Ведь ребята стали меньше уставать, быстрее выполнять уроки, появилось время для активного отдыха, спорта, ночного сна. Образовательная технология направлена на развитие у человека способностей, обладая которыми он будет легко ориентироваться как в школьных предметах, так и в окружающем мире вообще.

✓ И это касается не только детей. Есть чему поучиться в **Школе Рационального Чтения** и взрослым! Для тех, кто не хочет останавливаться на достигнутом, а желает развивать свои способности дальше, знать — больше, **ШРЧ предлагает курсы и тренинги личностного роста: Скорочтение** (на русском и английском языках), **Суперпамять**, **Техника запоминания иностранных слов**, **Тренировка памяти**.

Теперь я за него спокойна

Школа Рационального Чтения

Москва, Кутузовский проспект, 24а, 249-99-84, 234-17-77 www.inttech.ru

Созидание будущего

Когда в 1998 году возникла идея проведения форума "Одаренные дети", многие не верили в возможность ее реализации. Но коллектив Института гуманитарного образования и его студенты поддержали предложение своего ректора, Неонида Федоровны Алатенно, и взялись за непростую организационную работу. В составе жюри нового Форума были преподаватели и студенты института, все расходы по организации тоже лежали на плечах вуза, а **главным стимулом в соревновании служила возможность для лауреатов Форума учиться в ИГУМО бесплатно.**

Эта награда на первом месте и сегодня. Номинаций уже не 7, как четыре года назад, а 20, причем одна из них называется "Успех моей будущей профессии" и позволяет ребенку защитить любой профессиональный выбор. Желающие поучаствовать находятся по всей стране, не исключая самых дальних уголков. В жюри — известные представители различных сфер науки и искусства. Церемония награждения победителей проходит в Колонном зале Дома Союзов.

Каждый год работы Форума проходит под новым девизом: "Я люблю тебя, Россия", "За высокую нравственность в XXI веке", "Да благословенна родословная земли Российской". Все эти формулировки отражают основные цели мероприятия: воспитать высоконравственное поколение россиян, способствовать профессиональному ориентированию детей и формированию у них чувства гражданской ответственности.

Познание самого себя и будущей профессии в рамках подготовки к Форуму проходит на весьма серьезном уровне. Вопросы домашних заданий и темы дискуссий, которые предлагаются школьникам — будущим экономам и юристам, губернаторам и богословам, хореографам и музыкантам, энологам и изобретателям, — зачастую способны озадачить и взрослого. И все же, проявляя высокую эрудицию и завидную целеустремленность, участники Форума успешно справляются с заданиями, восхищают членов жюри и зрителей, и главное — получают огромное удовольствие от всего происходящего, заряжаясь позитивной энергией и вдохновением.

Форум — шанс раскрыть себя всем инициативным ребятам и неравнодушным педагогам. Разъяснить ребенку задания Форума, помочь разобраться с подобранными по теме книгами, поддержать возникающие у него идеи — да мало ли что придется делать в ходе подготовки к Форуму! При выполнении заданий конкурсов 2002 года, например, тысячи семей сообща восстанавливали родословную и составляли генеалогическое древо. Результаты представляли перед жюри в виде редких страниц частной истории, проиллюстрированных фотографиями. Можно с уверенностью сказать, что такой опыт совместного семейного приношения к прошлому для нашей страны уникален.

За годы существования Форума в нем приняли участие 30 тысяч школьников. Дание в масштабах России — цифра серьезная, и с каждым годом география этой акции расширяется, а значит, со временем в каждом городе и поселке школьники будут знать, что у них есть возможность заявить о себе. **В замыслах учредителей — превратить Форум в общероссийское движение "Одаренные дети", чтобы ни один росток детского таланта не погиб при столкновении с суровой реальностью.**

То, что сделано Форумом за годы существования, не поддается скорой оценке. Пройдет совсем немного времени, и его лауреаты, завершив курс вузовского образования, начнут работать по выбранной специальности и активно созидать завтрашний день страны. Насколько удачно — покажет время. Но уже сегодня можно говорить о том, что эти молодые люди не затеряются в сером круговороте будней и не станут занимать планку своих внутренних ценностей, однажды поднятую на уровень участия в Форуме "Одаренные дети".

МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОРУМ «ОДАРЕННЫЕ ДЕТИ»

6 лет проводится в поддержку Президентской программы «Дети России»
по благословению Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II
в 2003 году девиз Форума:

«Воспитание души — истинное служение Отечеству»

Программа

включает 20 номинаций по
призванию к будущей профессии

для учащихся 1-11 классов школ,
гимназий, лицеев:

1. Юные богословы
2. Союз юных журналистов
3. Клуб юристов «Шерлок Холмс»
4. «Клуб юные историки»
5. Конкурс
«Изобразительное искусство»
6. Конкурс «Компьютерный мир»
7. Конкурс «Моделирование костюма»
8. Конкурс «Хореографический»
9. Клуб лингвистов
10. Конкурс
«Художественная фотография»
11. Круглый стол «Юние Губернаторы»
12. Литературный салон
«Глаголом жечь сердца людей»
13. Деловая игра
«Успех моей будущей профессии»
14. Клуб экономистов «Адам Смит»
15. Конкурс «Театральный»
16. Конкурс «Музыкальный»
17. Конкурс «Народное творчество»
18. Конкурс «Юние Кулибины»
19. «Клуб юных экологов»
20. Клуб «Юные остролисты»

Для участия в Форуме
надо сделать заявку
в Оргкомитет (по выбору):

1. По факсу (095) 165-08-74
 2. www.forum.igumo.ru или
e-mail.forum@igumo.ru
 3. В управление образования
или в управление культуры
своего региона (города)
 4. Отправить письмо
в Оргкомитет по адресу:
**105264, Москва,
ул. 9-я Парковая, д. 48
Институт Гуманитарного
Образования**
(с конвертом для отправки вам
домашнего задания)
 5. Приехать лично в Оргкомитет.
- В заявке указать:**
ФИО, название региона, почтовый адрес,
выбранные номинации, требуется ли
гостиница для участия во II и III турах.
- В сентябре 2002 года Оргкомитет отправляет
домашнее задание по указанным адресам**

Справки по
телефону (095) 166-32-16 163-73-24
166-32-47 163-73-15

ФОРУМ ПРОВОДИТСЯ В 3 ТУРА:

I тур — домашнее задание

выполняется дома и высылается
в Оргкомитет до:

1-10 номинации — 25 декабря 2002 г.

11-20 номинации — 25 января 2003 года

Участники из Москвы и Московской области,
выполнившие домашнее задание, записываются
по телефону Оргкомитета на II тур

II тур — отборочный

проводится в Институте Гуманитарного
Образования (по предварительной записи)

Москва и Московская обл., Россия и страны зарубежья

1-10 номинаций — 4.01 — 9.02.2003 г.

11.02 — 14.02.2003 г.

11-20 номинаций — 17.02 — 16.03.2003 г.

18.03 — 21.03.2003 г.

Каждый участник II тура получает
Диплом участника Форума

III тур — заключительный

проводится в одном из лучших
залов Москвы

1-10 номинаций — 15 февраля 2003 г.

11-20 номинаций — 22 марта 2003 г.

Победители Форума получают
дипломы Лауреатов и призы.

Церемония награждения и бал лауреатов Форума
проводится

29 марта 2003 г.

В Колонном зале Дома Союзов

Информационная
поддержка Форума TV,
а также сотрудничество
с местными радиостанциями
и газетами, журналами.

Лауреаты Форума принимаются в
Институт Гуманитарного Образования (9 кл. — колледж 11 кл. — ВУЗ)
БЕЗ ЭКЗАМЕНОВ и БЕСПЛАТНО на любой из 8 факультетов:

- юридический • экономический • психологический • лингвистики
- театральный • журналистики • менеджмента • информационных технологий

Уважаемые читатели!

Мы признательны вам за то, что среди множества печатных изданий, выпускающихся сегодня в России, вы остановили свой выбор на "Смене". Надеемся на взаимную симпатию и в 2003 году. Как и прежде, в розницу будет распространяться лишь малая часть тиража журнала. Чтобы не терять время в поисках очередного номера, советуем оформить подписку. Сделать это можно в любом ближайшем почтовом отделении.

В каталоге агентства "Роспечать" вы найдете индексы "Смены" на странице 307. Обращаем ваше внимание на то, что по каталогу "Роспечати" подписаться на наш журнал можно как на полугодие, так и на весь 2003 год. На полгода — индекс 70820. Стоимость подписки на один месяц — 46 рублей, на три — 138 рублей, на полугодие — 276 рублей (цены указаны с учетом НДС, но без конечной стоимости доставки). На год — индекс 81936, стоимость — 552 рубля (с учетом НДС, но без конечной стоимости доставки).

Агентство "Роспечать" в последние годы предлагает и такую услугу, как подписка через киоски. Преимущество ее в том, что подписчик забирает журнал в киоске в удобное для него время, а в подписную цену не включается местная стоимость доставки. Подписку на "Смену" вплоть до полугодия киоскеры оформляют по каталогу "Подписка через киоски". Индекс — 70820.

Помимо каталога "Роспечати" наш журнал можно найти и в Объединенном (зеленом) каталоге российских и зарубежных газет и журналов на 306 странице. Адресную рассылку "Смены" читателям, оформившим подписку по этому каталогу, осуществляет Агентство подписки и розницы. Индекс — 88998.

Подписная цена на один месяц — 68 руб. 05 коп., на полугодие — 408 руб. 30 коп. В эту цену включена и адресная рассылка журнала подписчикам.

Жители Москвы и Подмосковья могут подписаться на наш журнал непосредственно в редакции. Цена одного номера 46 рублей, но такая подписка дешевле, чем в почтовом отделении, поскольку вы будете приезжать за журналом в редакцию.

Ветеранам войны и труда при подписке в редакции (по предъявлении удостоверения) мы делаем скидку. Для них цена одного номера — 40 рублей.

Если вы не можете забирать журнал ежемесячно — ничего страшного, — ваша "Смена" будет ждать, сколько понадобится, и вам не придется волноваться, что журнал пропадет из почтового ящика. Кстати, наши постоянные читатели из других областей, стран СНГ и даже дальнего зарубежья, оказываясь в Москве, заходят к нам, чтобы купить журналы. Позвоните, и мы соберем для вас комплект "Смены". А если вы не бываете в столице, мы можем выслать любой номер или комп-

лект журналов после того, как вы оплатите стоимость и доставку. Напишите в редакцию, мы сообщим вам банковские реквизиты.

Телефоны для справок: 212-15-07, 212-15-17.

**Наш адрес: Бумажный проезд, 14,
Москва, А-15, ГСП-4, 127994.**

Звоните, пишите, приезжайте — мы всегда рады вам.

Ф. СП-1

Министерство связи РФ

АБОНЕМЕНТ на журнал

(индекс издания)

“СМЕНА”

Количество комплектов

на 2003 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ

место

ли-тер

на журнал

(индекс издания)

“СМЕНА”

Стоимость

подписки
пере-
адресовки

руб.

руб.

Количество комплектов

на 2003 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ
АБОНЕМЕНТА!

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах «Роспечати».

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ – МЕСТО» производится работниками предприятий связи и «Роспечати».

МЕДИКО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ ЦЕНТР «КВАДРО»

Основан в 1997 году. Особое внимание уделяется методам безмедикаментозного лечения — гирудотерапии и диетологии.

В центре проводится биорезонансная диагностика — NLS, выдается справочно-консультативная информация о функциональном состоянии организма.

Процесс измерения охватывает шесть биологически активных зон, а по времени занимает всего несколько минут. Использование графики позволяет отображать степень отклонения состояния органов и тканей от нормы. Следует отметить, что обследование абсолютно безопасно для здоровья. Оно помогает врачу не только определить заболевание, но и, основываясь на индивидуальных особенностях пациента, подобрать в каждом отдельном случае необходимое сочетание терапевтических средств. Компьютерное обследование могут пройти и дети старше 12 лет, что позволяет выявить отклонения от нормы здоровья на ранних стадиях и тем самым облегчить лечение.

Современная гирудотерапия может многое. Главное ее преимущество — она не дает негативных последствий.

Практически нет болезней, при которых гирудотерапия не может помочь. Основные из них — заболевания, связанные с нарушениями венозного и артериального кровообращения. Далее можно дать весь список хронических заболеваний печени, почек, желудка и других органов, нарушение обмена веществ, пищеварения, широкий спектр воспалительных процессов и многое-многое другое, в том числе, гинекологические и урологические заболевания.

Универсальность гирудотерапии заключается в локальном лечебном эффекте. Искусство врача состоит и в том, чтобы поставить пиявку на ту точку, откуда выделяемые ею ферменты пойдут непосредственно к больному органу. А ферментов она выделяет более 80, являясь как бы фармацевтической фабрикой, которая не использует химии.

Гирудотерапия дает хороший эффект и как дополнительный метод лечения. При этом опытный специалист сокращает и курс медикаментозного лечения, и дозы препаратов.

Гирудотерапия с успехом использует не только живую пиявку, но и препараты из пиявочного сырья: пиявит, кремы, мази, порошки и т.д.

Кроме того, пиявка энергетична. Она выделяет биоэнергию и распространяет ее, восстанавливает энергопроизводящий аппарат человека (клетки, органы), который пострадал в результате болезни, то есть лечит энергообмен человека.

Хотелось бы обратить внимание на анализ крови, результат которого позволяет составить диету на несколько месяцев для каждого пациента индивидуально. Этот анализ показывает переносимость вашим организмом продуктов 120 наименований и выявляет те, которые необходимы или противопоказаны вашему организму. Опираясь на результаты анализа, врач-диетолог медицинского центра «Квадро» составит персональную диету, подберет режим питания, посоветует витамины. Питаясь по индивидуальной схеме, вы имеете возможность не только снизить вес, но и оздоровиться, восстановить обменные процессы, вывести шлаки из организма, повысить низменный тонус.

В медицинском центре «Квадро» работает коллектив врачей высшей категории (в их числе — кандидаты медицинских наук), заинтересованных в выздоровлении каждого пациента.

1. Лечение пиявками:	2. Анализ крови на совместимость
— Миомы	120 продуктов. Составление
— Фибромы	персональной диеты
— Мастопатии	3. Биорезонансная диагностика
— Варикозное расширение вен	4. Психотерапия
— Тромбозы	5. Планирование пола ребенка
— Щитовидная железа	6. Сексология
— Сердечная недостаточность	
— Гипертония	
— Ишемия	
— Почечная недостаточность	
— Желчнокаменная болезнь	

Предварительная запись по телефонам в Москве: (095) 247-36-61, 245-26-95

Под редакцией международного гроссмейстера **Виктора ЧЕПИЖНОГО**
XI международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр

106. В. ШМАТОВ
 Воронежская обл.

2

107. М. ЧЕРНУШКО
 Уссурийск

б) Kd1 # 2

108. Л. ЛЕБЕДЕВ
 Беларусь

2

109. В. КОЗЫРЕВ
 Эстония

3

110. А. ОГАНЕСЯН
 Новочебоксарск

3

111. Ю. СЕРЕЖКИН
 Саранск

3

112. А. СТЕПОЧКИН
 Тула

2 решения # 4

113. Е. БОГДАНОВ
 Украина

4

114. В. СИЗОНЕНКО
 Украина

5

ДВУХХОДОВКА-2001

I приз
Р. СУРКОВ

II-III призы
М. МАРАНДЮК

II-III призы
М. МАРКОВЦИЙ

Специальный приз
В. МЕЛЬНИЧЕНКО

В конкурсе двухходовок-миниатюр 2001-го года участвовало 117 задач 49-ти авторов; опубликована 51 композиция. Из конкурса исключены: №№ 11, 21 — как ранее опубликованные, №№ 82, 130 — из-за предшественников, № 151 — наличие дуалей.

I приз — Р.СУРКОВ (Москва)

1. Сg5? Крc7! 1.Са5? Крe7! (1...Крc7 2.Кd7x)

1.Кd7! Крe7 2.Сg5x, 1...Крc7 2.Са5x

Вступительные ходы двух попыток становятся вариантными матами в решении, а вариантный мат одной из попыток — вступительным ходом решения. Хорошо дополняют содержание два ложных следа с переменной матов на те же ходы короля: 1.Фg6? Крc7 2.Фd6x, 1...Крe7!; 1.Сd7?Крe7 2.Фe8x, 1...Крc7! Конечно, попытку 1.Сg5? нельзя признать полноценной, но для сюжета она необходима.

II-III призы — М.МАРАНДЮК (Украина)

1. Лf6? Крe3 2.Фc3x, 1.Фh3? Крe5 2.Фe3x, 1...Крc5 2.Фc3x, 1...Крc4!

1. Фf8! Крe3 2.Фf2x, 1...Крe5 2. Фf6x, 1...Крc3 2.Фc5x, 1...Крc4 2.Ф4x

Трехфазная перемена матов на ходы черного короля. Игра идет по нарастающей. Парадоксально, но чем больше свободы у черного короля, тем ему хуже: он "выкручивается", когда у него два, а затем три свободных поля, а на всех четырех — матуется!

II-III призы — В.МАРКОВЦИЙ (Украина)

1. Kg3? Крf4 2.Фe3x, 1...Крh4!; 1.g7?Крf4 2.Фf6x, 1...Крh4 2.Фh6x, 1...g3!

1.Кh2! Крf4 2.Лg4x, 1...Крh4 2.Фg4x, 1...g3 2.Кf3x

Похоже на предыдущую: вариантов все прибывает. Но здесь в первом ложном следе совсем не помешала бы перемена мата на 1...Крh4. Увы, ресурсы минимальны. Кажется, автор и так выжал из этого механизма все возможное!

Специальный приз — В.МЕЛЬНИЧЕНКО (Украина)

1. Лg8? К- 2.Лg1x, 1...Kg3 2.hgx, 1...Kg7!; 1.Лe1? К- 2.Кpf2x, 1...Kg3 2.hgx, 1...Крh2!

1.Крf2! К- 2.Лe1x, 1...Kg3 2.hgx, 1...Крh2 2.Лh5x

Автор удачно "модернизировал" известный механизм. Получилась цельная трехфазная миниатюра с переменной мата на безразличный ход черного коня.

**1-й почетный отзыв
В. ДЯЧУК**

**2-й почетный отзыв
Б. ЖЕЖЕРУН**

**3-й почетный отзыв
Л. ЛЕБЕДЕВ**

б) Ca2-e8

**1-й почетный отзыв —
В. ДЯЧУК (Украина)**

а) 1. Кс2+? Крс3 2. Фb3x, 1...Крд3 2. Фе4x, 1... Крс5!

1. Кd5! Крд3 2.0-0-0x, 1...Крс5 2.Фb6x (1...К- 2. Фе3x)

б) 1. 0-0-0+! Крс5 2. Ка6x, 1...Крс3 2. Ка2x

Оригинальный замысел! Осуществлена перемена матов на циклически чередующиеся защиты, перемена функции рокировки (мат – вступительный ход), но... с помощью близнецов и шахов!

**2-й почетный отзыв —
Б. ЖЕЖЕРУН (Украина)**

1. Лh6? – 2. Фе6x, 1...Кd4 2.Кe7x, 1...e5 2.Лd6x, 1...Кс5!

1. Лh4! – 2. Фе4x, 1...Кd4 2.Лd4x, 1...e5 2.Фс4x

Симпатичная перемена трех матов. Хороши и вступительные ходы с разрушением коневой батареи.

**3-й почетный отзыв —
Л. ЛЕБЕДЕВ (Беларусь)**

1. Фа6? Крb8 2.Сd6x, 1...Крд8 2.Са5x, 1...e1Ф!; 1.Са6? Крb6 2.Фb7x, 1...Крд7 2.Фс8x, 1...e1Ф!

1.Се1! Крb6 2.Фb8x, 1...Крд6 2.Сg3x

Трехфазная перемена игры в двух вариантах. К сожалению, опровержение не только одно и то же, но и довольно грубое!

**1-й похвальный отзыв —
В. ЧЕБЕДЕВ (Воронеж)**

1. Крс5? Крf4 2.Фf5x, 1...Крf6!; 1.Фс6? Крд4 2.Фс5x, 1...Крf4!

1.Фg7! Крд4 2.f7x, 1...Крf4 2.Фg3x, 1...Крд6(e6) 2.Фе7x

Те же четыре свободных поля у черного короля, что и в задаче Марандюка, но лишь три мата, а сюжетная канва не столь интригующая.

**2-й похвальный отзыв —
В. МАРКОВИЦИЙ (Украина)**

1. Са5? Л- 2.Фd8x, 1...Лb7 2.Фb7x, 1...Лd7 2.cdx, 1...Лс6!

1.Се5! – 2.Фс7x, 1...Л- 2.Фb8x, 1...Лb7 2.cbx

Решение беднее ложного следа. Неприятна дуаль на 1...Лd7.

**3-й похвальный отзыв —
М. ДЕРЯБИН (Калуга)**

1.Кd7? Крe6 2.Фе5x, 1...e6 2.Кf6x, 1...e5!

1.Кe6! Крe6 2.Сf7x, 1...de 2.Сс6x, 1...d6 2.Кс7x

В ложном следе конь бьет пешку, в решении – наоборот.

**В. ЧЕПИЖНЫЙ,
международный арбитр**

**1-й похвальный отзыв
В. ЧЕРНЫХ**

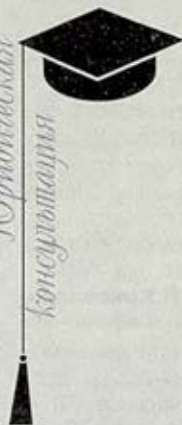

**2-й похвальный отзыв
В. МАРКОВИЦИЙ**

**3-й похвальный отзыв
М. ДЕРЯБИН**

Добро пожаловать в гражданство

"С 1997 года у нас с мужем в Московской области проживают мои престарелые родители, оба — инвалиды II группы. Они приехали с Украины со старыми паспортами, в которых стоит штамп гражданства Украины. Они этого гражданства не принимали, и Украина гражданами их не признает. Могут ли они сейчас получить российское гражданство и как это сделать?"

С.В.Долматова,
Московская обл.

С 1 июля 2002 г. в России действует новый Федеральный закон "О гражданстве Российской Федерации" от 31.05.2002 г. В соответствии со ст. 13 Федерального закона приобретение гражданства Российской Федерации может производиться, в частности, путем приема в гражданство. В общем порядке в гражданство принимаются лица, достигшие 18 лет и обладающие дееспособностью, при условии, если они проживали на территории России в течение пяти лет непрерывно (включая выезды за рубеж не более чем на три месяца в году).

Для некоторых категорий лиц предусмотрен льготный порядок приема в гражданство. Срок про-

живания в Российской Федерации сокращается до одного года, в том числе, для лиц, родившихся на территории РСФСР и имевших гражданство СССР, а также для нетрудоспособных лиц (к ним относятся инвалиды II группы), имеющих дееспособного ребенка старше 18 лет, являющегося гражданином России.

Вообще без срока проживания на территории Российской Федерации принимаются в гражданство РФ лица, имевшие гражданство СССР, проживавшие и проживающие в государствах, входивших в состав СССР, не получившие гражданства этих государств и остающиеся лицами без гражданства.

Таким образом, если ваши родители были гражданами СССР, проживали на Украине, а сейчас проживают на территории бывшей РСФСР, они могут быть приняты в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке. Для этого необходимо обратиться с соответствующим заявлением в территориальный орган внутренних дел. В течение шести месяцев со дня подачи заявления вопрос о приеме в гражданство РФ должен быть решен.

Как наказать начальника

"У нас на предприятии часто задерживают заработную плату. Можно ли каким-либо законным образом, кроме забастовки, повлиять на руководство предприятия?"

А.Н.Терехов,
Калининградская обл.

Трудовой кодекс РФ теперь предусматривает ответственность работодателя за невыплату заработной платы и других причитающихся работникам сумм, в том числе ответственность материальную.

В соответствии со ст.142 ТК РФ работодатель, допустивший задержку выплаты работникам заработной платы и другие нарушения оплаты труда, несет ответственность в соответствии с настоящим Кодексом и иными федеральными законами. Меры ответственности предусмотрены статьей 236 ТК РФ. Согласно указанной статье, при нарушении работодателем установленного срока выплаты заработной платы, оплаты отпуска, выплат при увольнении и других выплат, причитающихся работнику, работодатель обязан выплатить их с уплатой процентов (денежной компенсации) в размере не ниже одной трехсотой действующей в это время ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации от невыплаченных в срок сумм за каждый день задержки, начиная со следующего дня после установленного срока выплаты по день фактического расчета включительно. Данным положением определяется минимальный размер суммы компенсации. Коллективным или трудовым договором может быть установлен и больший размер компенсационной выплаты.

В свою очередь работник вправе в случае задержки выплаты заработной платы на срок более 15 дней, известив работодателя в письменной форме, приостановить работу на весь период до выплаты задержанной суммы. Необходимо отметить, что в ряде случаев приостановка работы не допускается. К ним, в частности, относится работа в органах и организациях Вооруженных Сил Российской Федерации, в правоохранительных органах, работа на государственной службе и некоторые другие.

Налоги обратной силы не имеют

"Я несколько лет платил налог за свой участок земли. В этом году мне прислали квитанцию о доплате за прошедшие годы по новой налоговой ставке. Правомерно ли такое требование налоговой службы?"

П. Коновалов,
Тверская обл.

Общие правила установления и уплаты налогов содержатся в части первой Налогового кодекса РФ. В соответствии с п.2 ст.5 НК РФ акты законодательства, устанавливающие новые налоги и (или) сборы, повышающие налоговые ставки, размеры сборов, устанавливающие или отягчающие ответственность за нарушение законодательства о налогах и сборах, устанавливающие новые обязанности или иным образом ухудшающие положение налогоплательщиков или плательщиков сборов, а также иных участников отношений, регулируемых законодательством о налогах и сборах, обратной силы не имеют.

Таким образом, если был принят законодательный акт о повышении ставки налога, он не распространяется на ранее уплаченные налоги. Следовательно, если налог был вами уплачен в размере, соответствующем ранее действовавшим ставкам, требование налоговой службы о доплате неправомерно.

Наследство по почте

"Мой сын получил наследство от дальнего родственника, который проживал в другой области, далеко от нас. Слышала, что для получения наследства нужно обращаться туда, где жил завещатель. Может ли сын направить свое заявление

по почте или ему необходимо приехать лично?"

С.Зайцева,
Курганская обл.

Согласно ст.1153 Гражданского кодекса РФ принятие наследства осуществляется подачей по месту открытия наследства нотариусу или уполномоченному в соответствии с законом выдавать свидетельства о праве на наследство должностному лицу заявления наследника о принятии наследства либо заявления наследника о выдаче свидетельства о праве на наследство. Закон не лишает наследника возможности подать заявление через другое лицо либо по почте. Если заявление наследника передается нотариусу другим лицом или пересылается по почте, подпись наследника на заявлении должна быть засвидетельствована нотариусом, должностным лицом, уполномоченным совершать нотариальные действия, например, должностным лицом органов местного самоуправления и должностным лицом консульских учреждений Российской Федерации, а также лицом, уполномоченным удостоверить доверенности. Возможно и принятие наследства через представителя, если в доверенности специально предусмотрено полномочие на принятие наследства.

Если письменное заявление наследника соответствует вышеуказанному требованию, то признается, что он надлежащим образом заявил о принятии наследства.

Договор как доказательство

"Недавно зарегистрировалась в качестве индивидуального предпринимателя и сейчас нанимаю работников. Желające работать требу-

ют вносить записи в трудовые книжки. Имею ли я право оформлять трудовые книжки на своих работников?"

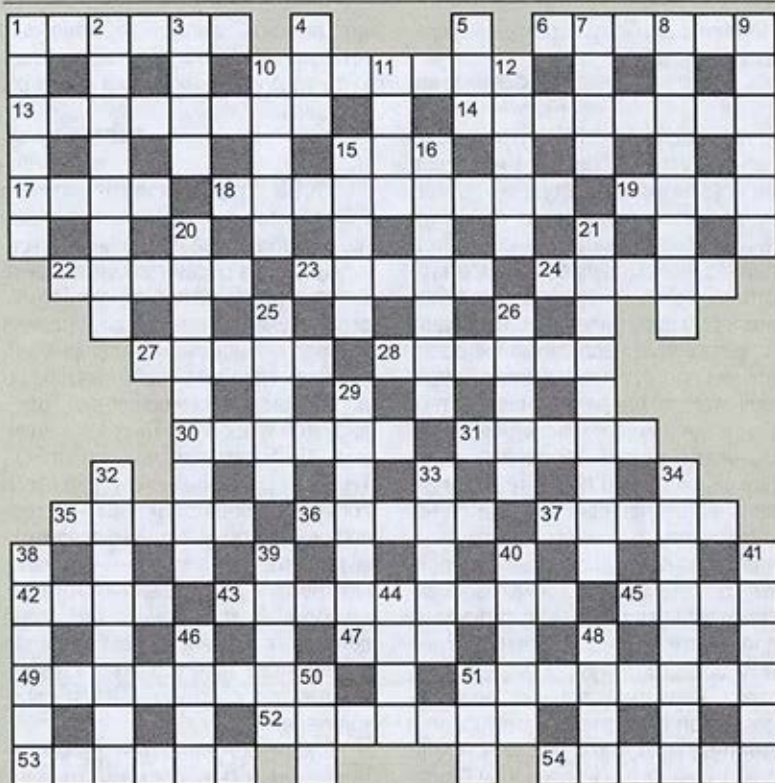
К.Г.Чистова,
Белгородская обл.

Ст.23 Гражданского кодекса РФ содержит положения о предпринимательской деятельности гражданина без образования юридического лица. Трудовое законодательство устанавливает особые правила для работников таких предприятий.

Труд граждан, работающих по договорам у физических лиц, регулируется главой 48 Трудового кодекса РФ. В соответствии со ст.303 ТК РФ при заключении трудового договора с работодателем — физическим лицом работник обязуется выполнять не запрещенную законом работу, определенную этим договором. В письменный трудовой договор в обязательном порядке включаются все условия, существенные для работника и для работодателя.

Среди обязанностей работодателя закон не предусматривает ведение индивидуальным предпринимателем трудовых книжек на работающих у него граждан. Кроме того, ст.309 ТК РФ прямо предусматривает, что работодатель — физическое лицо не имеет права производить записи в трудовых книжках работников, а также оформлять трудовые книжки работникам, принимаемым на работу впервые. Документом, который будет подтверждать время работы гражданина у вас, является письменный трудовой договор, и вести трудовые книжки работников вы не должны. ■

Ольга КОРЫТКО, адвокат,
консультант "Смены"
по юридическим вопросам

КРОССВОРД

По горизонтали. 1. Человек, запугавший дело. 6. Ноль внимания, фунт презрения. 10. Русский поэт, десять лет пробывший в ссылке. 13. И отчаянная храбрость, и наглая грубость. 14. Учредитель ордена Почетного легиона. 15. Часть спектакля. 17. Единственное, что собака может дать хозяину или его гостю. 18. Человек, говорящий первое слово в фильме. 19. "Повелитель" элктроцепи. 22. Азиатско-африканский зверь, способный разгрызть любую кость. 23. Пешна на вершине карьеры. 24. Герой волжской песни, в прямом смысле бросивший нянжу. 27. Знаменитый художник-постимпрессионист, сделавший для торговца картинами А.Воллара резную кровать, бывшую, правда, верхом неудобства. 28. Красна для джинсов. 30. Древнегреческий философ, которого итальянский писатель А. Савинио назвал "повивальной бабной самопознания". 31. Инструмент, наким Сычиха вытаскивала зубы у семилетней Певуны в наказание за съеденные леденцы (Э.Сю. "Парижские тайны"). 35. Владелец конюшен, мифически заваленных навозом. 36. Пе-

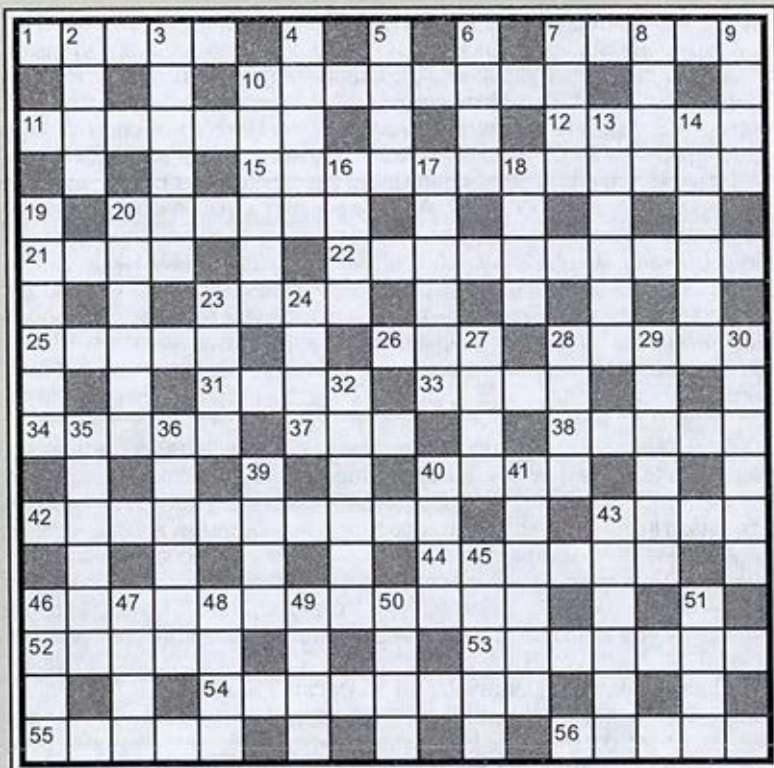
риод в телевикторине "Что? Где? Когда?" 37. Фига плодовая. 42. Злан, чей украшенный сноп возложила к памятнику Гоголю при его открытии в Москве депутация Украины. 43. Старин-патриот в опере Д. Россини "Вильгельм Телль". 45. Мозг армии. 47. Представитель дагестанского народа. 49. Прозвище гофмановского крошки Цахеса, которого А.Ахматова сравнивала со Сталиным. 51. Великая поэтесса, обвиненная М. Горьким, что она якобы "истерически переделывает в стихи сумасшедшую прозу Андрея Белого". 52. Адресный жанр в живописи. 53. Квадратик рыбацкой сети. 54. Садовая жительница, не выходящая из дома.

По вертикали. 1. Олимпийский предмет с изображением Ники. 2. Зрелице. 3. Пушной зверь, не переносящий табачный дым. 4. Пиво для Шерлона Холмса. 5. Создатель ветра над женской головой. 7. Трио атомов нислорода. 8. Первый черновыной обряд в жизни человека. 9. Русский композитор, первый исполнитель всех крупных фортепьянных сочинений П.Чайковского. 10. Крылатое создание. 11. Речная акула. 12. Заглавное имя героини в пьесе М. Горького. 15. Красавец небесный. 16. "Первый архитектор Петербурга", создатель стиля "петровское барокко". 20. Знаменитый актер, которого в 60-х годах называли "мужем антрисы Зориной". 21. Воинская повесть о Куликовской битве. 25. Сказочная грызунья золотых орехов с изумрудными ядрами. 26. Если их добавить к миглям, то получится уловна или любовные похождения. 29. Основная горная порода на океанском дне. 32. "Признание субъективных усилий человека" (Ф.Искандер). 33. Луковый овощ. 34. Детская дразнилка для не в меру упитанных сверстников. 38. ...на бревне — часто говорят о гимнастке. 39. Самая умная посудина. 40. Древнеримский драматург, чья эпитафия говорила, что "комедия в горе". 41. Милицейское или охотничье наведение шороха. 44. Нынешнее название остяна. 46. Наведенный блеск. 48. Четырехногий сборщик гостей. 50. Кавказский фужер. 51. Крестьянское орудие, не раз ходившее по спинам французов в 1812 году. ■

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 8

По горизонтали. 3. Грудник. 7. Фридмен. 11. Эрос. 12. Апаш. 13. Италики. 16. Охотник. 19. Дуван. 20. Торит. 21. Альт. 23. Мирт. 24. Бортмеханик. 25. Абак. 26. Нара. 27. Аффианж. 28. Пешт. 31. Вкус. 34. Парламентер. 35. Мюон. 36. Дали. 37. Резня... 40. "Мцыри". 42. Ленцман. 44. Гаронна. 46. Леди. 47. Киль. 48. Токайна. 49. Алишань.

По вертикали. 1. Крот. 2. Цепи. 3. Гримаса. 4. Усадьба. 5. Наив. 6. Клин... 7. Флот. 8. Ихор. 9. Мантина. 10. Нанатна. 14. Луток. 15. Картофелина. 17. Ходатайница. 18. Тимин. 22. Мелизма. 28. Памфлет. 29. Шпорник. 30. Танец. 31. Ведро. 32. Краинка. 33. Спираль. 38. Змей. 39. Янка. 40. Мгла. 41. Ырчи. 43. ...едон. 45. Нина...

ЭРУДИТ

По горизонтали. 1. Оккультное увлечение В.Брюсова. 7. "Нестор польской поэзии". 10. Художник, журналист, астроном и фотограф по прозвищу Надар, прототип Ардана в "лунных" романах Ж. Верна. 11. Приплод верблюдицы, кобылы, ослицы. 12. Известный итальянский ученый Ф. Гримальди как физик. 15. Художник-сатирик, каким был в значительной части творчества О.Домье. 20. У православных — просфора, у католиков и лютеран — ... 21. Неудержимое стремление древних греков к состязаниям во всех сферах общественной жизни. 22. Немецкий философ, которого часть историков считает родоначальником эстетики. 23. Одна из двух птиц, чаще всего изображенных на онежских петроглифах. 25. Песня-благопожелание поэта-импровизатора на семейном празднике у монголов. 26. Польский остроумец-афорист, заметивший: "Следы многих преступлений ведут в будущее". 28. "Подарок" французам в "Бородине" М.Лермонтова. 31. Легендарный ногайский батыр, чьим потомком был поэт М.Михайлов. 33. Итальянский физик, доказавший, что радиоволны отличаются от световых лишь длиной волны, а не природой. 34. Самый богатый спутник Д.Кука в плавании на барке "Индевор". 37. Сафьян, из которого дела-

ют ножи для холодного оружия. 38. Пернатый, летающий у дороги. 40. Служители ада в мифологии калмыков и монголов. 42. Философ, которому Р.Вагнер посвятил "Кольцо нибелунгов". 43. Марьян корень в культуре. 44. Голос первого петуха в "Казаках" Л. Толстого. 46. Великий итальянец, говоривший: "Всякая статуя должна быть задумана так, чтобы ее можно было скатить с горы и ни один кусочек не отломился". 52. Учитель Гварнери и Страдивари. 53. Спортсменка еще без "аттестата зрелости". 54. ...Оливье — подруга Пикассо "розового периода". 55. Речь без участия голосовых связок. 56. Самый северный холм в Риме.

По вертикали. 2. И оглобля арбы, и каждая из двух основных ветвей каракалпаков. 3. И обращение (господин), и высокое воинское звание Понтия Пилата в романе М.Булгакова "Мастер и Маргарита". 4. Каждое четверостишие О.Хайяма, чья поэтическая красота непередаваема в переводе. 5. Сто сентаво в Перу. 6. Самоцвет, гемма из которого с изображением льва в Древнем Риме была незаменимым лекарством от лихорадки. 7. Английский писатель, "Порой надежд" через "Свет и тьму" вышедший "С ученой степенью" в "Новые люди". 8. Итальянское вино, воспетое О.Мандельштамом. 9. Элементарная частица действительности. 10. Природная оплавленная капля стекла неземного, возможно, происхождения. 13. Видимо-невидимо. 14. Урон, усушка, утешка (по В.Далю). 16. Предшественница самых известных изделий Фаберже в русском фольклоре. 17. Доменный воздухонагреватель, названный по имени его английского изобретателя. 18. Царь зверей у китайцев. 19. Поэт, сделавший французский стих ясным и изящным. 20. Американский писатель, как и Джеймс, Твен, Эмерсон, утверждавший, что Шекспир не писал ни пьес, ни стихов. 23. Родо-племенное объединение, подвластное хану. 24. Самая неприятная панاما. 27. Картины Д.Арчимбольдо "Стихии" как целое. 28. Знаменитый венгерский пианист, игравший одной левой рукой. 29. Пирог без мяса, но не вегетарианский. 30. Военный отряд, свалившийся на голову. 32. Абразивный материал, из благодарности становящийся рубином или сапфиром. 35. Неудобный "доброжелатель". 36. Любимая ловчая птица русских князей и государей. 39. Острая причина смерти композитора А.Скрябина, как и отца Маяковского. 40. Создатель жанра оперетты-буфф. 41. Танец, который в Испании был схож с сарабандой, а в Англии — с граундом. 43. Немецкий живописец исторического жанра, подражавший Веронезе и Рубенсу. 45. Мусковит по своей сути. 46. Маневр, перед которым римский солдат носил свинцовые сандалии, чтобы, сняв их, чувствовать себя как бы налегке. 47. "Зеркало", плавающее в пруду. 48. Средство вертикального перемещения тел. 49. "Гений — чувствительный ... эпохи" (Ф. Геббель). 50. Самый любвеобильный дон. 51. Никита Рубцов из "Моих университетов" М.Горького по профессии. ■

ОТВЕТЫ НА ЗРУДИТ, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 8

По горизонтали. 1. Биссус. 8. Шлях. 10. Крестница. 11. Иволга. 12. Роос. 13. Рубильник. 14. Оливье. 15. Овощ. 18. Дюркгейм. 23. Гдыня. 24. Астат. 25. Толубеев. 26. ...заряд... 29. Рампа. 32. Хрисовул. 33. ...число. 34. Остол. 35. Литургия. 40. Нанэ. 43. Герцог. 44. Фордевинд. 45. Бобр. 46. Талант. 47. Оганезова. 48. Жамс. 49. Шляпка.

По вертикали. 2. Инвалидка. 3. Сальвиния. 4. Скаред. 5. Цербер. 6. Этолог. 7. Дисней. 8. Шарко. 9. Якопо. 16. Вотум. 17. Щетка. 19. Юморист. 20. Крутойр. 21. Егеруки. 22. Мавр. 26. Зачин. 27. Расин. 28. Дхол. 30. Австралия. 31. Проводник. 36. Иордан. 37. Умелец. 38. Грифон. 39. Ягдташ. 41. Азога. 42. Эфрос.

Камчатка.

Анна ШЕРКУНОВА

Его всегда привлекала экзотика. Но, в отличие от многих художников, не заморские страны, где небо синее синего, а природа буйством и сочностью красок кажется просто фантастической в своем великолепии. Даже странно, почему для него, родившегося и выросшего в Москве, так притягательны стали Чукотка, Камчатка, Дальний Восток... Суровые места, еще не до конца исследованные огромные пространства, сдержанная, неброская палитра красок... И тем не менее основной цикл произведений Юрия Еки-

менко посвящен именно этим землям. Отучившись в Художественной школе на Красной Пресне (где придерживались классических традиций), затем в институте культуры (там изучал новые направления, позволившие решать сложные темы станковой живописи, не оглядываясь ни на какие ограничения), Юрий оставляет родную Москву и отправляется в длительное путешествие. И словно документалист, но только на холсте и в красках, пишет чистую, нетронутую природу Севера.

Юрий на долгие годы резко меняет свою жизнь, попадает в условия далекие от цивилизации, требующие физической выносливости и твердости духа. «На мыс Кибера мы совершили вынужденную посадку, в 45-градусный мороз, в полярную ночь, и только семья чукчей-звероловов спасла нас от неминуемой смерти», — вспоминает художник. А позднее на полотне появляется этот самый «Мыс Кибера». Бескрайние огромные торосы, озаренные всполохами северного сияния. Да и само северное сияние много раз появляется в его работах: бездонную черноту неба перечеркивают яркие длинные полосы, или же — на сплошном темном фоне мерцают, то вспыхивая, то пригасая, невидимые лучи солнца.

Он забирался в самые, казалось бы, недоступные места, часто на собачьих упряжках, чтобы увидеть и запечатлеть «Колымскую трассу». «Еще были свежи рассказы о строительстве этой магистрали, были живы и немногие строители. Я же поехал и рисовал дорогу, чему теперь очень рад».

Часто Юрий бывал и на Амуре. С приятелем почтальоном возил почту из Хабаровска вниз до Николаевска-на-Амуре. «Быстро летит глиссер над водой, за спиной шумит авиационный винт... Амур величест-

Охотское море.

Мастерская

ЮРИЙ

вен, особенно ночью”. Картина так и называется “Река Амур, вечер”. Тихая, мирная, уснувшая река, а в ночном небе висит огромная оранжевая луна.

А потом Екименко создал целый цикл, посвященный Камчатке. “Камчатка над кратером вулкана”, “Извержение вулкана”, “Камчатка, вулкан”. Иногда делает зарисовки с борта самолета. “Гроза еще далеко. Надо ловить момент величественной красоты, а цвета — просто непередаваемые, и я их записывал словами, и все делал наброски, и долго любовался”. Так появилась “Гроза на высоте 5400 м”.

Но художник ищет не только далекие края и просто красивые и необычные в своей первозданности пейзажи. Есть и работы с символической и философской концепцией. Вот “Колымское воскресение”. Гора, словно огромная вздыбившаяся волна, высится, затемняя солнце, а у ее подножия покосившиеся деревянные кресты. Одинокий луч неяркого света пикой вонзается в землю, видевшую столько страданий и смертей...

В 1999 году Юрий Екименко руководил группой художников, которые расписывали интерьер Храма Христа Спасителя, да и сам принимал участие в росписи. Еще он член нетрадиционного творческого объединения “Колесо”, и на его счету более сорока выставок. А удивительные, экзотические картины Юрия Екименко рассеяны по всему свету — по частным коллекциям и галереям мира.

ЕКИМЕНКО

Нольмская трасса.

KAZANSKAYA

YARMARKA

Министерство экономики и промышленности РТ
Министерство экологии и природных ресурсов РТ
Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства РТ
Министерство торговли и внешнеэкономического сотрудничества РТ
Администрация г. Казани
ОАО "Казанская ярмарка"

ПРИГЛАШАЕМ ВАС НА
СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЕ ВЫСТАВКИ

МЕТАЛЛО
О Б Р А Б О Т К А
СТАНКИ И
ОБОРУДОВАНИЕ

ДЕРЕВО
О Б Р А Б О Т К А

26-29 ноября

ВЦ "Казанская ярмарка", 420059, Республика Татарстан,
г. Казань, Оренбургский тракт, 8
тел./факс: (8432) 77-58-84, 77-62-63, 64-33-22
E-mail: vico@tbit.ru, www.expo.kzn.ru